РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
“СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ”»

RESEARCH-AND-PRODUCTION ASSOCIATION
“NORTHERN ARCHAEOLOGY”, LTD

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

INDEPENDENT NONCOMMERCIAL ASSOCIATION
“INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH”

G. Vizgalov, S. Parkhimovich, A. Kurbatov

MANGAZEYA

LEATHERN ARTICLES

(research of 2001–2007)

Yekaterinburg
AMB Publishing
2011

Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович, А. В. Курбатов

МАНГАЗЕЯ

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

(материалы 2001–2007 гг.)

Екатеринбург
Издательство АМБ
2011

УДК 902.2(571.121)
ББК 63.52(2Р53)
В42

Визгалов, Г. П.

В42 Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.) / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович, А. В. Курбатов. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательство АМБ, 2011. – 216 с. [ил.]

ISBN 978-5-8057-0777-4

В книге публикуется обширное собрание кожаных изделий из раскопок Мангазейского городища (2001–2007 гг.). Промерзший культурный слой памятника обеспечил прекрасное состояние предметов из органических материалов, в том числе кожи, поэтому в собрании серийно представлены самые разнообразные категории изделий — от обуви, рукавиц и ножен до детских игрушек. Благодаря этому авторы получили возможность детально охарактеризовать некоторые стороны материальной культуры первых русских поселенцев Сибирского Заполярья. Удалось частично реконструировать костюм мангазейцев, проследить динамику социального состава посадского населения «златокипящей государевой вотчины», выявить использование кожаных изделий в строительных обрядах.

В целом мангазейская коллекция кожаных изделий наглядно демонстрирует преемственность культуры формировавшегося субэтноса русских сибиряков и культуры северорусского населения, известной прежде всего из материалов раскопок Великого Новгорода. В связи с этим она может рассматриваться в качестве эталонной при характеристике археологических памятников не только Сибири, но и Русского Севера.

Книга представляет интерес для археологов, историков, этнографов, краеведов, музейных работников и всех неравнодушных к малоизученной русской культуре XVII века.

На шмуцтитулах — рисунки А. С. Кухтерина.

УДК 902.2(571.121)
ББК 63.52(2Р53)

Монография обсуждалась на заседании сектора Славяно-финской археологии ИИМК РАН;
рекомендована к изданию Ученым советом Института истории материальной культуры РАН
11.05.2011 г., протокол № 2

Редакторы
чл.-корр. РАН Е. Н. Носов
д-р ист. наук А. И. Сакса (отв.)

Рецензенты
д-р ист. наук А. Н. Кирпичников
д-р ист. наук С. В. Белецкий

Руководитель издательского проекта
канд. ист. наук А. Я. Труфанов

Техническое редактирование иллюстративного ряда
М. Л. Попадкин, А. В. Попадкина, А. Я. Труфанов

ISBN 978-5-8057-0777-4

© Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович,
А. В. Курбатов, 2011
© ООО «НПО «Северная археология – 1», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 9

ГЛАВА 1.
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ, БЫТОВАВШИХ У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОМ ВРЕМЕНИ 11

ГЛАВА 2.
ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ 23
2.1. Общая характеристика раскопа 24
2.2. Методика исследований 25
2.2.1. Методика раскопок 25
2.2.2. Аспекты реализации информационного потенциала коллекции кожаных изделий. Методические подходы 25

ГЛАВА 3.
КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ДЕТАЛИ И ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ 33
3.1. Сырье и виды кож 34
3.2. Кожаные элементы костюма 37
3.2.1. Обувь 37
Обувь мягких форм 37
Цельнокроеные поршни 38
Детальнокроеные поршни 39
Обувь жестких форм 41
Детальнокроеная обувь без каблука 42
Обувь с каблуком 46
Обувь с низким каблуком 46
Обувь с высоким каблуком 51
Обувные подковки 55
Берестяные и деревянные детали обуви 58
3.2.2. Элементы одежды 58
Рукавицы 59
Ремни 59
Детали верхней одежды 60
3.2.3. Элементы костюма 60
Ножны 60
3.3. Изделия из других материалов 63
3.3.1. Детали обуви из шерстяных волокон 63
3.3.2. Инструменты и приспособления кожевенно-обувного ремесла 65
3.4. Кожаная галантерея и аксессуары 70
3.4.1. Сумки 70
3.4.2. Покрытия футляров для компасов 71

3.4.3. Декоративные нашивки 73
3.4.4. Детали лыжных креплений 73
3.4.5. Мячики 74
3.4.6. Подкладки под крышечки 75
3.4.7. Флики наборных рукояток ножей 76
3.4.8. Навершия заколок для волос 76
3.4.9. Товарная бирка 76
3.4.10. Обрезок с клеймом 77
3.4.11. Декоративные ленты 77

ГЛАВА 4.
КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ БЫТОВОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ МАНГАЗЕИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАНГАЗЕЙСКОГО ПОСАДА 79
4.1. Характеристика строительных ярусов раскопа (2001–2007 гг.) 80
4.2. Результаты статистического анализа распределения кожаных изделий и связанных с ними изделий из других материалов по строительным ярусам и постройкам 83

Заключение 91
Источники и литература 95
Список сокращений 102
Список иллюстраций 103

ИЛЛЮСТРАЦИИ 107

LIST OF CONTENTS

Introduction 9

CHAPTER 1.
RESEARCH PROBLEMS OF LEATHERN ARTIFACTS USED BY RUSSIAN POPULATION
IN LATE MIDDLE AGE AND MODERN HISTORY 11

CHAPTER 2.
PERFORMANCE OF THE LEATHER COLLECTION.
RESEARCH METHOD 23
2.1. General description of the excavation pit. 24
2.2. Research method 25
2.2.1. Techniques of excavation 25
2.2.2. Research capacity of the leather collection.
Methodological approaches 25

CHAPTER 3.
LEATHERN GOODS AND ASSOCIATED DETAILS
AND OBJECTS OF OTHER MATERIALS 33
3.1. Raw materials and kinds and types of leather 34
3.2. Leathern garments 37
3.2.1. Footwear 37
Flexible shoes 37
Porshens of single-piece construction 38
Porshens made of separate details 39
Shape-keeping shoes 41
Heelless footwear made of separate details 42
Heeled footwear 46
Low-heeled footwear 46
High-heeled footwear 51
Calkins 55
Birch bark and wooden shoe details 58
3.2.2. Articles of clothing 58
Mittens 59
Belts 59
Pieces of overclothes 60
3.2.3. Habiliments 60
Shealth 60
3.3. Artefacts of other materials 63
3.3.1. Pieces of footwear of wool fibre 63
3.3.2. Leather and footwear working tools and gears 65
3.4. Leather haberdashery and accessory articles 70
3.4.1. Bags 70
3.4.2. Case covering for compasses 71

3.4.3. Decorative patches 73
3.4.4. Details of ski binding 73
3.4.5. Balls 74
3.4.6. Lid gaskets 75
3.4.7. Stacked leather washers of knife handles 76
3.4.8. Knobs of hair-pins 76
3.4.9. Mercantile label 76
3.4.10. Remnant with a stamp 77
3.4.11. Decorative ribbons 77

CHAPTER 4.
THE COLLECTION OF LEATHER ARTEFACTS AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTION
OF EVERYDAY AND SPIRITUAL CULTURE AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS
OF THE MANGAZEYA POSAD (TRADING QUARTER) 79
4.1. Performance of building horizons of the excavation pit (2001–2007) 80
4.2. Results of statistical analysis on distribution of leather objects and associated ones
over buildig horizons and constructions 83

Conclusion 91
Sources and literature 95
List of abbreviations 102
List of illustrations 103

ILLUSTRATIONS 107

Памяти Вячеслава Михайловича Морозова —
друга, коллеги, посвятившего жизнь исследованию
археологических памятников Урала и Западной Сибири

ВВЕДЕНИЕ

Кожаные и меховые изделия занимают особое место в культурах и системе жизнеобеспечения населения Северной Евразии, что обусловлено климатическими условиями бореальной и умеренно-широтной зон. Многотысячелетний опыт изготовления одежды, головных уборов и обуви из кожи и меха вылился в создание оптимальных для разных природно-климатических зон форм изделий, имевших, однако, специфические особенности у различных народов.

Начиная с 1950-х годов ведущую роль в изучении эволюции кожевенно-обувного ремесла и изделий из кожи, бытовавших в Древней Руси и Московии в X–XVII веках, стали играть археологические источники. Археологические и этнографические материалы из европейской части России наглядно демонстрируют, с одной стороны, длительное бытование у русского населения традиционных форм изделий, известных у восточных славян с эпохи Средневековья, а с другой — влияние традиций соседних финно- и тюркоязычных народов. В позднем Средневековье и в Новое время заметно усилилось влияние западноевропейской моды.

Характерные черты разных традиций особенно проявляются в такой массовой категории кожаных изделий, как обувь. В археологических коллекциях XV–XVII веков городов европейской России отмечены региональные различия в раскрое обуви, способах пошива, декоре, видах кожи. Это обстоятельство, по мнению А. В. Курбатова, свидетельствует о настоятельной необходимости в создании типолого-хронологической шкалы технологических и стилистических изменений в кожаных изделиях для каждого города. Возможно, данное мнение несколько категорично, но для отдельных регионов такая работа, безусловно, актуальна.

Эта проблема назревает и в археологии Урала и Сибири, где, в отличие от европейской части России, изучение русских памятников и, соответственно, формирование коллекций кожаных изделий, началось сравнительно недавно. Вплоть до конца 1980-х годов с этой территории имелась единственная относительно репрезентативная коллекция изделий из кожи с Мангазейского городища (раскопки экспедиции ААНИИ под руководством М. И. Белова в 1968–1970 гг. и 1973 г.).

В 1980-х годах в процесс изучения истории русской колонизации Сибири и культуры первопереселенцев – что было до тех пор прерогативой историков – активно включились археологи. Значительный информационный потенциал археологических памятников, позволяющий существенно углубить знания по данной теме, дополнить и скорректировать зачастую скудные и отрывочные сведения из письменных источников, стал очевидным уже после раскопок Мангазейского городища. К настоящему времени масштабы и темпы археологических исследований русских поселений конца XVI – XVII века на Урале и в Сибири обретают еще больший размах. Если ранее они, как правило, носили разведочный характер и ограничивались шурфами и небольшими раскопами, то теперь отличаются планомерным характером и достаточно большими площадями.

Исследуются главным образом остатки первых русских городов и острогов Сибири: Тобольска, Тюмени, Берёзова, Томска, Верхотурья, Лозьвинского городка, Саянского, Кузнецкого, Стадухинского, Алазейского, Илимского, Бергамацкого и других острогов. В меньшей степени внимание археологов коснулось сельских поселений: раскопки велись на Карачинском поселении под Тобольском, а также на поселении Изюк под Омском. С 2001 года НПО «Северная археология – 1» возобновило раскопки Мангазейского городища, а с 2010 года — Стадухинского острога.

Коллекции артефактов из раскопок этих памятников различаются количественно и качественно, что обусловлено как объемами работ, так и степенью сохранности в культурных слоях изделий из органических материалов. Изделия из кожи хорошо сохраняются в промерзших (Мангазейское и Берёзовское городища, Стадухинский острог) или насыщенных навозом (Тюмень, Тобольск, пос. Изюк, Бергамак) культурных слоях. Соответственно, на прочих памятниках их количество значительно меньше.

Наиболее репрезентативная коллекция кожаных изделий к настоящему времени получена на Мангазейском городище, исследовавшемся в течение четырех сезонов экспедицией под руководством М. И. Белова, а затем, спустя 28 лет, ежегодно — экспедицией НПО «Северная археология – 1» под руководством Г. П. Визгалова. Сегодня эта коллекция может считаться эталонной для русских поселений Евразийского Севера конца XVI – XVII века, благодаря в том числе и ее «чистоте»: город существовал с 1601 по 1672 год, а более поздние наслоения на памятнике отсутствуют. Анализ коллекции из раскопок 2001–2007 годов, проведенный авторами настоящей работы, позволил не только охарактеризовать кожевенно-обувное ремесло и торговые связи мангазейского населения, но и получить достаточно объективные данные о динамике развития мангазейского посада, его половозрастном составе и использовании кожаных изделий в строительной обрядности.

Настоящая книга явилась результатом совместной работы специалистов НПО «Северная археология – 1» (г. Нефтеюганск) и Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург). Авторы глубоко признательны коллегам, разделившим с ними трудности экспедиционной жизни в Сибирском Заполярье и внесшими посильный вклад в формирование мангазейского собрания кожаных изделий.

Выражаем особую благодарность С. Ю. Пархимович и А. С. Кухтерину, трудами которых была подготовлена и выполнена значительная часть иллюстративного ряда, а также А. В. Лыткину, осуществившему реставрацию мангазейской обуви.

ГЛАВА 1.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ, БЫТОВАВШИХ У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОМ ВРЕМЕНИ

ГЛАВА 1.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ, БЫТОВАВШИХ У РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОМ ВРЕМЕНИ

Изучение средневековых кожаных изделий в отечественной науке прошло несколько этапов, каждому из которых присущи соответствующие методические подходы. Б. А. Рыбаков выделил три этапа развития взглядов исследователей на древнерусское ремесло, в том числе и на кожевенно-обувное [*Рыбаков, 1948*]. Первый из них (первая половина XIX в.) был временем *накопления в музеях* более или менее случайных *археологических находок*. Немногочисленные кожаные изделия (главным образом вещи царского и великокняжеского обихода XVI–XVII вв.) вкупе со сведениями письменных источников и изобразительными материалами явились основой для изучения древнерусской одежды и предметов быта. Для этого времени следует отметить описания русского быта А. В. Терещенко [*1848*] и русских одежд А. В. Висковатова [*1841*]. Первая обобщающая работа по древнерусскому ремеслу принадлежит перу Н. Д. Аристова, который, рассмотрев ремесла периода с X по XV век, дал в целом низкую оценку общего уровня его развития, в том числе и кожевенно-обувного [*Аристов, 1866.* – С. 149–153]. Взгляды Н. Д. Аристова надолго определили отношение историков к ремесленному производству. Его работу можно считать завершающей первый этап изучения русского ремесла.

Второй этап, по мнению Б. А. Рыбакова, охватил вторую половину XIX – начало XX века и характеризуется *постепенным накоплением* археологических материалов *из кладов, раскопок курганов и древнерусских городов*. Он завершился выходом исследования Л. Нидерле «Славянские древности», где были рассмотрены письменные и археологические материалы, относящиеся только к домонгольскому периоду [*Niderle, 1921*]. Кожаные изделия в нем отдельно не рассматривались, вероятно, по причине скудости археологических собраний.

Третий этап в изучении русского средневекового ремесла, выделенный Б. А. Рыбаковым, относится к советскому периоду и может считаться завершенным к концу 1950-х годов. Для этого этапа характерно *повышенное внимание к археологическому изучению древнерусского города, опытам реконструкции различных сторон его жизни, в том числе и ремесел*. Основополагающей для этого этапа стала монография Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», в которой рассмотрены и вопросы организации и технического оснащения кожевенно-обувного ремесла X–XV веков [*Рыбаков, 1948.* – С. 775–776]. Основные выводы автора следующие:

1) до XIV века в сельской местности кожевенно-обувное ремесло имело в основном домашний характер, тогда как в городах оно складывалось в профессиональное, сопровождаясь образованием раннегородских ремесленных посадов;

2) городские ремесленники занимались выделкой кожи разных сортов и одновременно пошивом различных изделий;

3) среди ремесленников появились узкие специалисты — кожемяки, пергаменщики, скорняжники, сапожники, седельники и др.;

4) в XIV–XV веках началась специализация и среди сельских ремесленников, а городское ремесло достигло значительного развития, что привело к полному разделению кожевенного ремесла на обработку сырья и пошив разнообразных изделий и, соответственно, к расширению круга узких специальностей, о чем свидетельствуют перечисления в письменных источниках таких ремесленников, как рукавичники, сумочники, каблучники, кошельники и т. п.

Оценивая взгляд Б. А. Рыбакова на развитие кожевенно-обувного ремесла с позиции сегодняшнего времени, нельзя не отметить присущие точке зрения исследователя большую степень обобщенности и схематизм, что связано с нехваткой конкретной археологической информации. Основная аргументация в работе

Б. А. Рыбакова построена на данных письменных источников и подкреплена лишь отдельными археологическими находками. Сам по себе археологический материал не рассмотрен как комплекс специфических данных. Недостаточно внимания уделено технической стороне ремесла, развитию техники и технологии, а также другим аспектам, возникающим при анализе археологических комплексов. Не были привлечены специальные работы по кустарному кожевенно-обувному ремеслу в России, например монография Г. Поварнина, где профессионально рассмотрена история развития техники этого производства [*Поварнин, 1912*]. Не учтены и материалы соответствующих справочников и пособий, своего рода энциклопедий по кустарному ремеслу в России, в их этнографическом своеобразии [*Кривцов, 1912*; *Гданский, 1917*].

Накопление материалов в ходе раскопок 1940–1950-х годов способствовало появлению работ, посвященных анализу кожевенно-обувного производства, первых описаний ремесленных комплексов, а также определению археологических критериев для выделения кожевенных мастерских [*Арциховский, 1949*].

До 1950-х годов изделиям кожевенно-обувного ремесла была посвящена лишь статья Л. И. Якуниной [*1947*]. В ней дано собирательное описание и толкование находок из кожи в средневековых слоях Новгорода. В работе отсутствует технический подход к описанию находок и передаче конструктивных деталей обувных моделей, а также статистика комплексов кожаных изделий. Не всегда правомерно в качестве аналогий привлечен разновременный материал раскопок и этнографических коллекций разных регионов России. К моделям XII–XIV веков — при отсутствии стратиграфического анализа новгородских находок и их приуроченности к определенным строительным ярусам — отнесены более поздние изделия, такие как многослойные наборные кожаные каблуки высотой 5–7 см. Аналогии формам и видам обуви древнего Новгорода Л. И. Якунина без должного обоснования увидела в изображениях на миниатюрах лицевых сводов и фресках новгородских церквей.

В 1950-е годы появились публикации комплексов археологических кожаных изделий из Заполярья [*Якунина, 1951*], из раскопок в Гродно [*Воронин, 1954*], Москве [*Григорьев, 1953.* – С. 350–352] и Ленинграде [*Грач, 1957*].

В целом третий этап можно назвать временем накопления первых значительных коллекций археологических кожаных предметов и их систематизации. Для него характерен эмпирический подход к археологическому материалу и его толкованию. В это время комплексы массовых археологических находок были впервые включены в состав источников по древнерусскому ремеслу.

Четвертый этап изучения кожевенно-обувного производства, начавшийся в конце 1950-х годов, продолжается и сегодня. Его отличает *понимание исследователями специфики археологического материала*, широкое привлечение данных естественнонаучных дисциплин, научных экспериментов и анализов. Данные археологии, этнографии и письменных источников стали сопоставляться между собой исходя из особенностей разбираемых комплексов.

Показателен выход серии статей кожевника-технолога Ю. П. Зыбина, профессора Московского института текстильной и легкой промышленности. В них профессионально описаны технология обработки сырья, методы раскроя, пошива и декора изделий в русских городах до позднего Средневековья и Нового времени [*Зыбин, 1958а*; *1958б*; *1960*; *1961*; *Зыбин, Малина, 1969*]. С позиции специалиста объяснены моделирование обуви, определяемое по следам разных операций на коже, приемы работы и последовательность действий мастеров. На основании результатов собственных опытов (физического и химического тестирования образцов средневековой кожи) Ю. П. Зыбин проследил вероятный технологический цикл обработки сырья. Он же описал признаки разных видов обуви, их изменение во времени, дал историческую интерпретацию причин появления отдельных форм обуви и новых схем моделирования. Несомненным достоинством работ Ю. П. Зыбина является специальный терминологический словарь.

Среди первых работ этого этапа следует назвать и статью В. П. Левашовой, где были проанализированы археологические кожаные предметы из древнерусских городов и курганных могильников, дана историческая интерпретация процессов производства с широким использованием данных письменных источников и разобраны технология выделки кожи и техника пошива изделий [*Левашова, 1959*].

В 1960–1980-е годы появилось много публикаций археологических коллекций кожаных изделий, что связано с расширением русских средневековых городов. В научный оборот входят коллекции Старой Ладоги, Пскова, Переяславля Рязанского, Белоозера [*Оятева, 1962*; *1965*; *1973а*; *1974*], Минска [*Соболь, Тарасов, 1985*; *Соболь, 1988.* – С. 16, 18; *Тарасов, 1989*; *Шут, 1965*], Полоцка [*Штыхов, 1963*], Торопца [*Фоняков, 1989*]. География коллекций охватывает соседние с Русью регионы Восточной Европы — Прибалтику [*Bebre, 1983*; *Бебре,*

1987; *Navickas, 1964*] и Среднее Поволжье [*Калинин, 1955.* – С. 135–137]. Комплексы кожаных находок включаются в обобщающие работы по истории городов Полоцка [*Штыхов, 1975.* – С. 72–80], Минска [*Загорульский, 1982.* – С. 266–269], Берестья [*Лысенко, 1985.* – С. 297–303], Витебска [*Левко, 1984.* – С. 49–52, 97–101], Мангазеи [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 50–52], Чебоксар [*Краснов, Каховский, 1978.* – С. 142–147], Москвы [*Рабинович, 1964.* – С. 100–116, 286–288].

С конца 1980-х годов интенсивность обработки новых коллекций археологических кожаных предметов существенно возросла. Расширяется география и хронологические рамки вводимого в научный оборот материала. Отметим публикации материалов Ивангорода [*Курбатов, Николаева, 1989*; *Курбатов, 1991а*; *1995*], Смоленска [*Полонская, 1991*], Болгара [*Хлебникова, 1988*], Твери [*Кузовкина, 1991*; *Курбатов, 1994б*], Торжка [*Кузовкина, 1993*; *Курбатов, 2003в*], Старой Ладоги [*Курбатов, 2008а*], Звенигорода Галицкого [*Свешников, Брайчевська, 1990*], Новгорода [*Гайдуков, 1992.* – С. 110; *Курбатов, 2007*], Москвы [*Векслер, Осипов, 1997*; *1999*], Орешка [*Кильдюшевский, Курбатов, 1997*], Полоцка [*Курбатов, 1999б*], Старой Руссы [*Антропова, 2004*; *Антропова, Торопова, 2001*], Вологды [*Ганина, 2000*]. Появились первые монографические исследования коллекций кожи из Тверского кремля [*Курбатов, 2004*], Москвы и городов Подмосковья [*Осипов, 2006*].

В монографии М. Г. Рабиновича, посвященной развитию материальной культуры русского города в период с IX по середину XIX века, кожевенное производство и изделия из кожи рассмотрены в очерке «Городской костюм» [*Рабинович, 1988.* – С. 125–212]. Как видно из названия, вне поля зрения исследователя осталась такая естественная составляющая материальной культуры русского народа, как культура сельского населения, которая, в отличие от городской, хорошо сохраняет архаичные традиции, что представляется весьма ценным качеством для изучения, в частности, кожевенно-обувного производства и костюма русского населения в исторической ретроспективе.

В целом, несмотря на обобщенный характер изложения материалов, в монографии охарактеризована эволюция кожевенного производства и видов и фасонов кожаной одежды, головных уборов и обуви жителей русского города. Авторская позиция аргументируется обильными сведениями из письменных и изобразительных источников, а также ссылками на археологические находки. Заслуживают внимания и попытки идентификации исторических названий обуви с археологическими фасонами. Однако среди иллюстраций последние отсутствуют.

К сожалению, М. Г. Рабинович обошел вниманием огромную часть территории России к востоку от Урала, хотя материалы, в том числе и археологические, по кожевенно-обувному производству и костюму сибирских горожан к этому времени были известны.

Накопление коллекций средневековой обуви и других кожаных изделий как на территории СССР, так и в странах Западной Европы потребовало создания специальной методики описания находок и разработки универсальной схемы обувного конструирования. Поскольку находимая в средневековых слоях обувь сильно различалась по качеству сырья, технике изготовления, декору, назначению, то ее обработка и систематизация были продолжительными. В научной литературе развернулась дискуссия о методах описания изделий. В частности, Е. И. Оятева выступила с критикой работ Г. Викляка и А. Ларсена. Крупная работа Г. Викляка была посвящена обработке археологической обуви из средневековых польских городов [*Wiklak, 1969*]. Основой систематизации вещей у этого исследователя стал технологический принцип. Но его практическая реализация выявила непоследовательность в отдельных положениях и субъективность некоторых критериев [*Оятева, 1976.* – С. 127]. Арне Ларсен опубликовал коллекцию кожаной обуви из раскопок в Боргунде (западное побережье Норвегии) в 1954–1962 годах [*Larsen, 1970*]. Анализируемые материалы разделены на три типа по способам крепления на ноге, что оказалось удачным для этого памятника. Но по справедливому замечанию Е. И. Оятевой, такой второстепенный признак, как вид крепления обуви на ноге, непригоден при систематизации других коллекций [*Оятева, 1976.* – С. 127].

Следующий шаг в разработке методики исследования древнерусских археологических кожаных изделий как самостоятельного вида исторических источников сделала С. А. Изюмова [*1959*]. Статистика кожаных находок по слоям и ярусам позволила проследить динамику развития кожевенного производства на отдельных группах массовых находок – обуви, частей одежды, ножен и других изделий. Их соотнесение с данными других исторических дисциплин подтверждает, в частности, ранние предположения о разделении ремесленных специальностей в кожевенном деле XV–XVI веков, о территориальном делении ремесленных районов Новгорода по отдельным специальностям. Эта работа показывает новые возможности для социологического изучения русского средневекового ремесла на массовом археологическом материале.

Разработку схем развития обувного конструирования, методов вербального и графического описания кожаных предметов отражают работы Е. И. Оятевой, ставшие руководством для описания археологических предметов, раскрытия их назначения и определения традиций в производстве. Е. И. Оятева предложила схему классификации обуви по трем основным характеристикам: материалу, конструкции и функциональному назначению [*Оятева, 1973б*] — и использовала ее при обработке коллекций Старой Ладоги, Пскова, Переяславля Рязанского, а также для сравнения древнерусских материалов с кожаными изделиями из городов Польши и Норвегии [*Оятева, 1970*; *1976*]. Эти работы, учитывающие результаты исследований западных специалистов, показывают качественный сдвиг в изучении массового археологического материала и дают практическое решение вопроса о внутренней критике источников. Е. И. Оятева наметила некоторые вопросы, решение которых становится возможным в последнее время: например, о региональных и этнических признаках в моделировании и декоре обуви [*Оятева, 1973а*. – С. 204]. Однако классификация Е. И. Оятевой разработана только для раннесредневековых мягких обувных конструкций, не имеющих поднаряда, жесткого задника и каблука. Для описаний «жестких конструкций», имевших много основных и дополнительных деталей, по ее мнению, исходную схему необходимо расширять [*Оятева, 1973б.* – С. 105].

Интересный опыт обработки археологических кожаных предметов с Нутного раскопа в Новгороде сделан в дипломной работе И. В. Ситниковой [*1981*]. Автор работы подробно изучил связь кожаных изделий с производственным комплексом, обобщив данные о кожевенном и сапожном ремеслах Новгорода XIII–XVI веков. Подробный анализ находок из кожи и инструментов позволил исследователю определить на Нутном раскопе комплекс сапожной мастерской, существовавшей в первой половине XIII века. Выделяя основные типы кожаных изделий и прослеживая хронологические изменения процесса пошива по линии детализации кроя, Ситникова описала развитие этой мастерской с тенденцией к товарности. Наивысший расцвет производственного комплекса отмечен во второй половине XIV – начале XV века, когда на усадьбе действовала сапожная мастерская, специализировавшаяся на изготовлении подошв и задников. Многочисленные находки кожаных изделий на месте мастерской, по мнению Ситниковой, свидетельствуют об использовании отходов основного производства для аппликаций, ножен и кошельков. В 60–70-е годы XIV века в пределах той же усадьбы обособилась мастерская по изготовлению кожаных вещей из отходов главной — сапожной — мастерской, продолжавшей изготовление задников. Предполагается, что в одном из срубов жил мастер по пошиву ножен. В 80-е годы XIV – начале XV века на территории усадьбы жил и работал мастер-мошенник. Со ссылкой на Лавочные книги Новгорода Великого, упоминающие 13 сапожников, трех кожевников и сумочника, живших на Нутной улице в XVI веке, сделан вывод о преемственности производства кожаных изделий. Таким образом, И. В. Ситникова приходит к выводу, что изученный ею материал производственного комплекса XIII – начала XV века отражает второй и третий этапы периодизации новгородского ремесла, по В. Л. Янину и Б. А. Колчину.

Позднее опыт И. В. Ситниковой повторила М. Ю. Полонская, выделив в Смоленске кожевенно-обувные мастерские XII–XIII веков. На это указывала локализованная концентрация кожаных предметов. При этом была определена величина нормальной концентрации кожаных находок на единицу поверхности (раскопочный квадрат), в среднем составляющая 20 единиц. Границей между зонами нормальной и повышенной концентрации принята величина в 100 предметов на квадрат, которая определенно говорит о наличии здесь ремесленной деятельности [*Полонская, 1991.* – С. 118]. В дальнейшем такие же статистические подсчеты были выполнены и в других городах, в частности в Ивангороде и Твери [*Курбатов, 1997а*].

Потребность в сохранении и систематизации максимально бóльшего объема информации способствовала развитию формализованного описания находок и созданию методик компьютерной обработки массового материала. Первые попытки в этом направлении сделаны на Западе, где компьютерная техника внедрялась быстрее. Методикой системного описания и графической фиксации находок, ориентированной на специфику кожевенного материала, занималась Мартина Милевска [*Milewska, 1980*]. В Англии специальные матрицы с отражением известных и вероятных признаков для каждой детали разработал Олаф Губитс [*Goubitz, 1984*]. Его система регистрации позволяет вводить в банк данных все визуальные признаки обувных деталей и способы их раскроя, а также сборки и декорирования моделей. Однако следует заметить, что среди археологов отношение к формализованному описанию неоднозначно.

В нашей стране формализованное описание обувных конструкций создавалось на базе семинара «Морфология древностей», работающего на кафедре археологии МГУ под руководством Ю. Л. Щаповой. Его участники ставили перед собой задачу создать язык описания и алгоритм классификации вещей, независимый от

принятой каждым исследователем системы описаний. Для обувных изделий формализованное описание разработали Д. О. Осипов и Ю. А. Лихтер [*Осипов, 2006.* – С. 23–38; *Осипов, Лихтер, 2004*]. По ряду объективных причин такое описание надо признать положительным опытом, наиболее востребованным для обработки музейных коллекций [*Курбатов, 2008б.* – С. 247]. Однако для историко-культурных оценок такое описание непригодно, поскольку нивелирует признаки обуви разных исторических периодов. По нашему мнению, для каждого исторического периода характерны свои методы конструирования и формы обуви, резко отличные от предыдущего и последующего периодов. Это обуславливает необходимость создания классификации набора деталей обуви и способов сборки моделей в рамках каждого исторического периода.

А. В. Курбатов, используя опыт отечественных и зарубежных исследователей (Е. Оятевой, О. Губитса, М. Милевской, В. Гроенмана ван Ваатеринге), разработал систему графического описания швов, охватывающую находки всего Средневековья [*Курбатов, 1991б.* – Рис. 1].

Приемы и методы комплексного археологического источниковедения, полевой фиксации и камеральной обработки кожаных предметов, отработанные при масштабных раскопках в Ивангороде (1980–1993) и Твери (1993–1997), изложены в работах А. В. Курбатова и В. А. Лапшина [*Курбатов, 1991а*; *1994а*; *1997(а–в)*; *2004*; *Лапшин, 2001*]. А. В. Курбатовым были сформулированы признаки эталонной коллекции, материалы которой становятся опорными для характеристики ремесла каждого города [*Курбатов, 1997а*] и сформулированы перспективные направления в работе с кожаными изделиями [*Курбатов, 2004.* – С. 16–20].

Обобщение результатов изучения русской средневековой обуви и других кожаных изделий, а также кожевенного производства содержится в двух томах многотомного издания «Археология СССР». Характеристика кожевенного производства сделана Б. А. Колчиным [*1985.* – С. 269, 270; табл. 110]. Она основана преимущественно на материалах раскопок Новгорода и охватывает период с X по XIV век. Описания технологии выделки кож, сапожного инструментария и технология пошива сапога соответственно проиллюстрированы. По мнению исследователя, разделение сапожного и кожевенного производств у русских произошло еще в XI веке.

Кожаная обувь описана М. А. Сабуровой в соответствии с классификацией, созданной Е. И. Оятевой [*Сабурова, 1997.* – Табл. 69, 70]. Рассмотрен период, охватывающий VIII–XVI века. Обувь разделена на группы мягких и жестких форм. В первой выделены три типа: башмаки, бытовавшие в X–XIX веках, сапоги с мягкой подошвой без каблуков двух подтипов и поршни цельнокроеные и детальнокроеные. В обуви жестких форм выделены туфли двух подтипов — цельнокроеные и детальнокроеные. В иллюстрациях наряду с внешним видом обуви даны и раскройки, однако для поршней второго типа (детальнокроеных) раскройка отсутствует. Нет и рисунков туфель второго подтипа, с широким низким наборным каблуком. В конце XVI века в Московском государстве получили широкое распространение и сапоги с каблуками, подбивавшиеся гвоздями или подковками. Этот тип М. А. Сабуровой не рассмотрен.

Прочие изделия из кожи рассмотрены Е. А. Рыбиной, в основном по новгородским материалам XI–XIV веков: кошельки двух типов, сумки, ножны для ножей и мечей, разнообразные футляры (все снабжены иллюстрациями). Упоминаются также ремни, аппликации и прокладки [*Рыбина, 1997.* – Табл. 36].

Отдельного рассмотрения в рамках настоящего исследования требуют публикации коллекций кожаных изделий из раскопок русских памятников Сибири. Их пока немного, так как археологические исследования русских памятников XVI–XVIII веков на этой территории набирают темпы лишь в последние годы.

Исследование остатков погибшей полярной экспедиции XVII века на северной оконечности полуострова Таймыр, у залива Симса и на острове Фаддея, впервые приоткрыло завесу над ранней и необычайно выразительной страницей русской культуры на огромных сибирских просторах [*Окладников, 1945*; *1951*]. Кожаные изделия и сам материал были описаны в двух статьях сборника 1951 года.

М. В. Фармаковский выделил среди материала: хорошо выделанную юфть; грубый, плохо очищенный материал; баранью и козлиную кожи. Он определил назначение ряда находок, отметив перекроенные крупные изделия, возможно, ноговицы, а также поясные ремни, кожаную сумку — футляр шорника или сапожника, содержащий шилья обычной формы и клубок суровых, грубых ниток, а также фрагмент кожаного мешка. Из обувных деталей были определены головки двух бродней и два куска грубой, плохо продубленной подошвы [*Фармаковский, 1951.* – С. 176–177]. Также выделены кожаные пуговицы в виде плетеного узелка на узкой кожаной полоске [*Якунина, 1951.* – С. 185].

В 1980-х годах вышла монография, подводящая итоги четырехлетних раскопок Мангазейского городища, в которой комплекс кожаных предметов быта описан И. И. Барановой и Г. Н. Комлевой [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 50–52, 74, 79, 80]. Описание носило вещеведческий характер, комплекс изделий рассмо-

трен вне контекста культурного слоя. Обращает на себя внимание небольшая насыщенность слоя кожаными изделиями: на площади 15 000 кв. м было найдено всего лишь «около 200 предметов», то есть на 75 кв. м приходился один предмет. В коллекции преобладала обувь и ее фрагменты (169 предметов). Кроме того, имелись сапожные инструменты и колодки (12 предметов), рукавицы и их части (8 предметов), отдельные куски кожи и заготовки.

Были выделены два типа кожаной обуви — поршни и «обувь с пришивной подошвой типа башмаков или сапог». Последние делились еще на две группы — без каблуков и с каблуками. Упоминаются и 75 подковок на каблуки. Обувь с каблуками соотнесена с историческими названиями, зафиксированными в письменных источниках, — «коты» и «уледки».

Сведения о других, редко встречаемых, видах кожаных изделий рассеяны в тексте монографии: упоминаются «книжные переплеты с красивым тисненым рисунком» (опубликован рисунок одного из них), три футляра от компасов с тиснением, круглая нашивка с вырезным орнаментом, кожаное налучье, ножны для ножей [*Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – С. 43, 60, 66, 126; рис. 5, 11, 18, 28; *1981.* – С. 74, 79, 80; рис. 14, 17]. Подводя итоги анализа кожаных изделий, И. И. Баранова и Г. Н. Комлева сделали следующие выводы:

– сходство мангазейской обуви, инструментов и других изделий из кожи с аналогичными материалами раскопок в Пскове, Новгороде, Старой Ладоге, Полоцке, Москве и Рязани подтверждает мысль о значительном единстве русской материальной культуры в XIV–XVII веках;

– основные типы обуви и приемы ее изготовления сохранились почти без изменений у русских как в Европейской России, так и в Сибири вплоть до начала XX века, что позволяет проводить прямые аналогии между археологическими и этнографическими материалами [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 52].

Позднее мангазейская коллекция раскопок 1968–1970 и 1973 годов подверглась пересмотру, более детальному изучению и описанию А. В. Курбатовым и О. В. Овсянниковым [*Курбатов, Овсянников, 1999*]. На этот раз речь шла уже о 318 кожаных предметах (289 деталей обуви, 18 других предметов и 8 обрезков от раскроя), а также о 16 обувных колодках, 83 подковах, пяти шильях и раскроечном ноже. В этой работе отмечено, что в Мангазее производили преимущественно ремонт и перешив старых, использованных изделий, в основном обуви. Пошив новых изделий из привозных кож и мехов там практиковался реже. Авторы статьи пришли к выводу о наличии в моделировке и декоре мангазейской обуви двух традиций — местной, отражающей специфику жизнедеятельности в полярной зоне Евразии, и единой общерусской. В то же время обращено внимание и на присутствие моделей, отражающих влияние западного ремесла и моды — женских башмаков с высокими каблуками. Отмечено также отчетливое членение обувных моделей по половозрастному принципу, что могло определяться спецификой занятий населения.

В целом глубокий анализ находок в данной работе не мог заслонить тот факт, что относительно небольшая по объему коллекция из раскопок экспедиции под руководством М. И. Белова дает только условные выводы — как в силу неполноты источника, так и в силу произвольности вещевой выборки. Это обстоятельство не позволяет говорить о конкретно-историческом значении количественного соотношения разных видов обуви. Трудно объяснить и встреченные вариации раскроя и декора, так как это могут быть единичные случаи, но в них можно видеть и намеренный характер, отражение особенностей изготовления обувщиком серийных пар обуви в разное время. Сложно наметить и хронологические различия в технике раскроя и пошива. Эти и многие другие частные вопросы изучения кожевенного ремесла и условий жизнеобеспечения в заполярном городе могли разрешить только материалы новых раскопок.

Возобновленные в 2001 году экспедицией НПО «Северная археология – 1» под руководством Г. П. Визгалова раскопки Мангазейского городища проводятся ежегодно в недокопанном раскопе № 22 экспедиции ААНИИ, расположенном в посадской части города. Материалы раскопок 2001–2004 годов были опубликованы в монографии Г. П. Визгалова и С. Г. Пархимовича, где рассмотрены и кожаные изделия [*Визгалов, Пархимович, 2008.* – С. 76–86, 120; рис. 109–111; 116–127; 133].

Результаты новых раскопок в частично раскопанном ранее раскопе № 22 разительно изменили представления об информационном потенциале памятника. В частности, авторы отметили, что плотность залегания кожаных предметов оказалась многократно выше — почти 9 единиц на 1 кв. м. Всего было найдено 2285 целых и фрагментированных изделий из кожи. Кроме того, было собрано более 13 000 мелких обрезков кожи. Преобладала обувь — 867 экземпляров и 1345 фрагментов, гораздо меньше было рукавиц (24 экз.) и ножен (35 экз.) среди предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, — 130 обувных подковок, 24 шила и четыре обувных колодки.

Были выделены две группы обуви — мягких и жестких форм. В первой, состоявшей из 79 экземпляров (ранее было 7 экз.), обнаружился новый подтип — детальнокроеные. Вторая группа состоит из туфель без каблуков (62 относительно целых экземпляров и 220 подошв), сапог и туфель с высокими и низкими кожаными наборными и, реже, деревянными каблуками. Некоторые экземпляры украшались тиснеными или вышитыми узорами.

Помимо того что в монографии содержится описание коллекций, авторами отмечено, что жители двух построек нижнего и второго строительных ярусов занимались пошивом и ремонтом обуви (наличие обувных колодок и скопления мелких обрезков кожи — отходов раскроя). Кроме того, выявлено использование обуви в строительных обрядах: целые экземпляры помещались под бревна окладных венцов и под основания печей. Бытование строительной магии в ритуальной практике православного населения объясняется сохранением языческих представлений о наделенности некоторых изделий способностью защищать дом и домочадцев от нечистой силы [*Визгалов, Пархимович, 2008.* – С. 125–129].

В целом представленные авторами материалы по кожевенно-обувным изделиям — заметный шаг вперед по сравнению с результатами предыдущих исследований, так как в данном случае продемонстрированы значительно бóльшие возможности в реализации огромного информационного потенциала памятника. В то же время следует отметить, что в упомянутой монографии не было уделено должного внимания таким важным характеристикам, как варианты раскроек изделий, описания швов (графические). Ввиду относительно небольшой площади раскопа и неполного вскрытия построек авторы посчитали преждевременным проведение статистического анализа залегания кожаных артефактов в постройках разных строительных ярусов.

Трудно объяснить крайне небольшое количество изделий из кожи, полученных в ходе раскопок первых русских поселений на северо-востоке Сибири — Алазейского и Стадухинского острогов — середины XVII – XVIII века, где было найдено всего 40 фрагментов, среди которых остатки ремней, чехлов, обуви [*Алексеев, 1996.* – С. 45; табл. 72–74]. Кроме того, найдены три деревянные обувные колодки и пять обувных подковок. В суровом даже для севера Сибири краю, рядом с полюсом холода Оймяконом, подобная картина неправдоподобна. Возможно, население этих острогов предпочитало одеваться в меха, плохо сохраняющиеся даже в мерзлоте. Следует учесть также и тот факт, что на Стадухинском поселении была вскрыта лишь верхняя часть культурных напластований, в которой органика сохраняется плохо, так как она ежегодно подвергается резким перепадам температуры: зимой промерзает, летом оттаивает.

Иная ситуация зафиксирована на юге Западной Сибири, в Среднем Прииртышье. Там при раскопках поселения Бергамак 1 (слободы конца XVII в., затем — острога) в сильно унавоженном культурном слое было найдено большое количество кожаных предметов. Результаты предварительного анализа этой коллекции показали, что жители поселения использовали как сыромятную, так и разного качества дубленую кожу [*Богомолов, 1997*]. В коллекции преобладали туфли без каблуков, соотнесенные с известными из письменных источников и этнографических материалов «чирками» и «котами». Остатки сапог представлены заметно меньше. К сожалению, в этой работе отсутствуют и описание собственно коллекции, и какие-либо статистические сведения. Автор дал обобщенную характеристику кожаных изделий русских Западной Сибири, широко используя данные этнографии. Достаточно подробно описаны виды швов, употреблявшихся в XVII – начале XX века сибирскими сапожниками. Большое количество кожаной обуви и фрагментов изделий было получено в 1999–2004 годах на поселении середины XVII – XIX века Изюк I и в синхронном могильнике рядом с ним, где сохранность кожи также хорошая, благодаря унавоженности культурного слоя [*Татаурова, 2005.* – С. 169–170]. Специальная публикация этих коллекций еще не осуществлена.

В статье томских археологов, посвященной описанию сапог из раскопок в Томском кремле и могильнике Мигалка, отмечены четыре типа кожаной обуви: поршни, туфли, сапоги, башмаки [*Чиндина, Черная, Володина, Капитонова, 2003*]. Среди материалов раскопок Албазинского острога XVII века в Приамурье А. Р. Артемьев выделил поршни, чарки (башмаки) и сапоги [*Артемьев, 1999*]. В небольшой статье И. В. Балюнова опубликованы данные о кожаной обуви XVII века из раскопок в Тобольске [*Балюнов, 2007*]. Автор статьи отметил типологическое сходство тобольской коллекции с материалами русских памятников Европы и Сибири и объяснил это общностью сапожного ремесла XVII века в Московском государстве. При этом он отметил некоторые особенности в раскрое и декоре сибирских изделий, что позволяет, по его мнению, говорить о возникновении сибирского сапожного ремесла уже в начале XVII века.

В Тобольской коллекции выделены поршни трех групп (по типологии, предложенной А. В. Курбатовым и О. В. Овсянниковым), туфли, сапоги и башмаки. Отмечено, что сапоги и башмаки с каблуками — наиболее

репрезентативная часть коллекции, но «отсутствие археологически целых моделей и голенищ не позволяет четко выделить отличительные особенности этих двух типов по причине их схожего строения» [*Балюнов, 2007.* – С. 223]. К сожалению, в этой публикации отсутствуют иллюстративный материал и статистические данные.

На удивление мало было найдено кожаных изделий при раскопках Верхотурья, где активные исследования ведутся уральскими археологами начиная с конца 1980-х годов. В опубликованных материалах упоминаются лишь несколько сапожных подковок, остатки поршней, несколько подошв от сапог и наборный каблук [*Корчагин, 1998*; *Курлаев, 1998.* – С. 96–100; *Святов, Старков, Чаиркин, 1998.* – С. 146–157].

Небольшая коллекция кожаных изделий XVI–XVIII веков была получена в ходе небольших раскопок другого уездного центра Среднего Зауралья — Пелыма, проводившихся в 1974 году экспедицией Пермского университета под руководством В. А. Оборина [*Оборин, Русанова, Шмыров, 1975*]. Мощный (2,0–2,2 м) культурный слой благодаря унавоженности обеспечил хорошую сохранность изделий из органических материалов. К сожалению, эта коллекция осталась неопубликованной, а предпринятое в 1988 году повторное обследование этого перспективного памятника выявило его «крайне плачевное» состояние — памятник подвергся значительным разрушениям в процессе строительства свинокомплекса [*Морозов, Погодин, 2001.* – С. 78, 91–94].

Ждет публикации и коллекция кожаных изделий конца XVI – XVIII века из раскопок в исторической части Тюмени, проводившихся в 1988 году [*Семёнова, 1993*].

Большое значение для изучения русских кожаных изделий конца XVI – XVIII века имеют этнографические коллекции с Русского Севера и из Сибири, сформированные в основном в XX веке: эти материалы позволяют соотнести архаичные формы изделий, бытовавших главным образом у сельских жителей, и их названия с аналогичными археологическими предметами и названиями из письменных источников.

Одним из первых исследователей, обобщивших сведения о кожаных изделиях и кожевенном ремесле восточнославянских народов, является Д. К. Зеленин. Информация о традиционных способах выделки кожи и различных типах обуви подана в сжатом виде, но снабжена рисунками [*Зеленин, 1991.* – С. 215–223, 267, 268; рис. 103–108, 150]. Приведены и названия типов кожаной обуви: поршни (моршни, струсни), коты, тюни, уледи, унты, сапоги, бахилы, башмаки, или черевики.

Заслуживает внимания и работа В. Н. Белицер, посвященная этнографии коми, где подробно охарактеризована и проиллюстрирована традиционная обувь этого народа [*Белицер, 1958.* – С. 252–256, 279–283; рис. 104, 105, 130]. Эти материалы ценны для нас и тем, что культура коми очень рано, с XII века, испытала сильнейшее влияние русской культуры, в том числе и в рассматриваемой нами сфере. Кроме того, коми известны как активные участники процесса колонизации Сибири. В частности, архивные данные о торговых и промышленных людях, прибывших в Мангазею в 1633 и 1635 годах, опубликованные М. И. Беловым [*Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – Табл. XVII], показывают, что выходцев из Коми края среди них было около 18%. В комплексе обуви, бытовавшей у коми в конце XIX – XX веке, отмечен такой архаичный тип, как поршни. Он назывался на языке коми «чуткӧм», а по-русски — «чарки». При этом В. Н. Белицер подчеркнула, ссылаясь на В. И. Даля, что в Сибири чарками русские называют «обувь в виде котов», затягиваемую по краю ремешком или шнурком. У коми коты, представлявшие собой низкие кожаные туфли с широким низким каблуком и пришитой сзади петлей, в которую продевались завязки, носили как мужчины, так и женщины.

У коми коты шили и с суконными голенищами, а сзади пришивали кожаную петлю, в которую продевались шнурки для обвязывания ног поверх голенища. Подобную обувь в разных местах называли котами, голяшками и бродними. Для ходьбы на лыжах коми использовали оригинальную обувь в виде «грубых башмаков, сшитых из одного куска сыромятной кожи… и [с] загнутыми кверху носками с петлей на конце», с холщовыми или суконными голенищами [*Белицер, 1958.* – С 254; рис. 104 – *б*]. К сожалению, из описания и рисунка не совсем понятна конструкция кожаной части этого типа обуви. Из других типов обуви заслуживают внимания обувь охотников и рыбаков — «бахилы — высокие сапоги без каблуков, к головкам которых сзади и сбоку пришивались кожаные петли для ремешков, обвязываемых вокруг голенищ» [*Белицер, 1958.* – С. 254; рис. 104 – *в*]. В качестве зимней обуви служили меховые туфли «кыс» и сапоги с меховыми головками.

Сходную картину этнографы зафиксировали у северорусского населения. Так, крестьяне Пермского края еще в начале XX века носили бродни с длинными голенищами из кожи домашней выделки, уледи и порубни были с низкими голенищами с разрезом сзади, которые запахивались и обвязывались ремешками, продетыми

в петлю, пришитую на верхний край головки [*Чагин, 1989.* – С. 173; рис. на с. 172]. Самой распространенной женской обувью были коты с опушнями. Охотники использовали и меховую обувь — няры, — заимствованную у манси.

И. В. Власова, опираясь на данные письменных источников и этнографические материалы, характеризовала костюм русского населения Поморья, элементами которого в XVII веке были «сапоги с короткими голенищами, башмаки-моршни, коты, поршни, доходившие до голени и повязывавшиеся оборами поверх онучей… и уледи (меховые сапоги)», кожаные рукавицы-варенги [*Власова, 2001.* – С. 302–303]. В XIX – начале XX века в вологодских деревнях носили «сапоги-кожаники (бахилы – *сольвычегодск.*, *каргопольск.*, *белозерск.*, *яренск.*)», меховые сапоги — «пимы» и «тобаки». В других уездах известны «кожаные башмаки-чарки — в виде галош, коты (летние с портяными голенищами)», «уледи (то же, что и чарки, но из белой кожи с суконной опушкой или с холщевыми голенищами)», женские сапоги «на подборах» (на высоких каблуках), моршни, или поршни [*Власова, 2001.* – С. 331; *2009.* – С. 188]. Исследовательница подчеркнула множественность вариантов обуви, обусловленную их предназначением для разных целей. Нельзя не отметить довольно поверхностный характер этих описаний и отсутствие иллюстраций обуви.

Гораздо обстоятельнее рассмотрены кожаные и меховые элементы костюма русских крестьян Западной Сибири для XVIII – первой половины XIX века в монографии О. Н. Шелегиной. Подробная характеристика кожаных и меховых изделий — верхней одежды, головных уборов, рукавиц и обуви в ней дополнена в приложениях таблицами, в которых систематизированы данные о различных видах по уездам, полученные из письменных источников [*Шелегина, 1992.* – С. 100–243]. Отмечено внедрение в культуру русских сибиряков элементов костюма из культур обско-угорских и самодийских народов для северных территорий («малицы», «парки», «гуси», «чижи») и тюркоязычных для юга Западной Сибири («яга», «доха», шаровары – «чембары», «малахаи»). Среди наиболее распространенной обуви указаны чарки (чирки, черки), получившие распространение в Западной Сибири с XVIII века. Это «башмаки (калоши) с суконной опушкой для крепления завязки». Исследовательница обратила внимание на сведения из документальных источников и литературы XIX века о «вытеснении этого вида обуви из мужского костюма», где получили распространение во второй половине XVIII века комбинированные варианты с кожаной основой (коты, чарки) и тканевым голенищем, которые именовались «бродняими, бутылами, бахилами (слова-синонимы)». Этот тип обуви оказался единственным проиллюстрированным [*Шелегина, 1992.* – С. 135–137; рис. 1]. В целом сделан вывод об обогащении традиционного костюма русских Западной Сибири за счет заимствования элементов одежды и модификации обуви аборигенных народов, вследствие чего «он стал наиболее адекватным для вновь освоенного края». По мнению О. Н. Шелегиной, это обстоятельство свидетельствует о «своеобразной гибкости, силе людей, сумевших адаптироваться в новой экологической и этнической обстановке, не утратив стержня традиционной для всей территории России культуры» [*Шелегина, 1992.* – С. 147].

В 1970-х годах омские этнографы под руководством Н. А. Томилова начали активный сбор материалов по материальной культуре русского населения Западной Сибири. Работа велась по двум направлениям: научная обработка коллекций из фондов Омского, Новосибирского и Тюменского краеведческих музеев и сбор материалов в экспедициях. К настоящему времени опубликованы пять каталогов коллекций предметов русской культуры из фондов этих музеев [*Культура русских ОГИКМ, 1994*; *Культура русских ТОКМ, 1997*; *Хозяйство русских ОГИЛМ, 1993*; *Хозяйство русских ТОКМ, 1994*; *Хозяйство русских НОКМ, 1996*]. В них присутствуют разделы, посвященные описанию экспонатов, характеризующих обработку кожи и пошив одежды и обуви [*Хозяйство русских ТОКМ, 1994*]. В каталогах описаны инструменты для обработки кожи, сапожные колодки и лекала, конопляные нитки с иглой из свиной щетины, куски воска и вара для изготовления дратвы. Описания снабжены рисунками предметов.

Это начинание, несомненно, актуально и перспективно, так как оно способствовало бы введению в научный оборот обширных региональных материалов по русской культуре, хранящихся в музейных фондах страны.

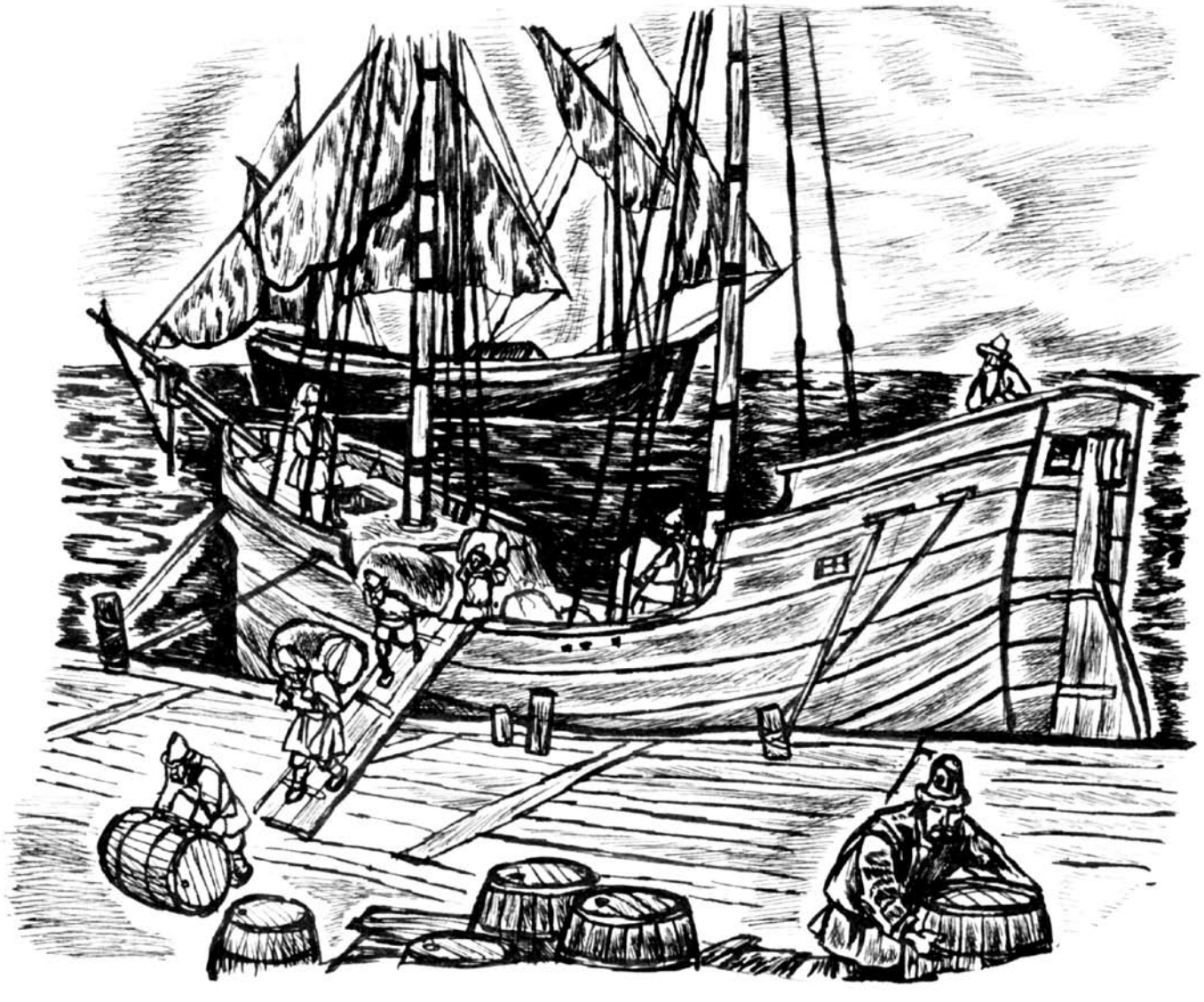
Среди недавно вышедших работ омских этнографов можно отметить, в частности, монографию Н. А. Томилова, в которой опубликованы полевые материалы, собранные у разных групп русского населения Нижнего Притомья, главным образом в 1972 году [*Томилов, 2001*]. Ее автор отметил, что основная часть публикуемых материалов датируется 1890–1920 годами. Это обстоятельство позволяет осуществить «научную интерпретацию этнокультурной ситуации» у населения данного региона как в «статичности традиционности, так и в динамике» [*Томилов, 2001.* – С. 6]. По сути автор охарактеризовал традиционную культуру русских на

этой территории буквально накануне ее вытеснения изделиями фабричного производства. В частности, речь идет о традиционном костюме, элементы которого в течение нескольких десятков лет перешли из повседневной жизни в разряд архаичной экзотики и стали культурными раритетами. Стремительный характер этого явления наглядно подтверждает и небольшой объем информации: приведены описания несохранившихся в музейной коллекции Томского университета чирка и бродней и короткий рассказ уроженки Нижнего Притомья о том, как сельские жители шили чирки и что последние из себя представляли.

Подводя итоги, отметим заметный разнобой в соотнесенности названий кожаных изделий из письменных и этнографических источников для разных эпох и регионов России: одни и те же названия исследователи фиксируют для разных типов обуви и наоборот — один тип мог именоваться по-разному. Публикации этнографических материалов, за редкими исключениями, не сопровождаются достаточно информативными иллюстрациями, либо вообще ограничены краткими словесными описаниями. Кроме того, нельзя не заметить, что этнографические материалы характеризуют традиционный костюм русских на финальном этапе его истории. Археологические материалы способны отразить это явление культуры в разные периоды его развития. Такая возможность, в частности, реализуется в настоящей работе на материалах XVII века из Мангазейского городища.

ГЛАВА 2.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ



ГЛАВА 2.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАСКОПА

До возобновления раскопок на Мангазейском городище, как отмечалось выше, коллекция кожаных изделий, найденных при раскопках экспедиции ААНИИ 1968–1970 и 1973 годов, подвергалась научной обработке дважды. В первой публикации речь шла об «около 200 предметах» [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 50–52]. Затем комплекс кожаных изделий и сопутствующих им деревянных и металлических предметов был более детально изучен и описан А. В. Курбатовым, при этом рассматривались уже 315 предметов (289 деталей обуви, 18 других кожаных предметов и 8 обрезков от раскроя). Тогда же были описаны и 16 обувных колодок, 83 железные подковки, пять шильев и раскроечный нож [*Курбатов, Овсянников, 1999*]. Авторы последней публикации подчеркнули, что небольшая по объему коллекция недостаточна для полноценного анализа и выводов конкретно-исторического характера.

Такую возможность исследователи получили после раскопок, начатых в 2001 году НПО «Северная археология – 1» под руководством Г. П. Визгалова. Работы велись в пределах раскопа № 22 экспедиции ААНИИ, где ранее культурный слой был вскрыт частично: постройки расчищались не полностью, а по периметру окладных венцов, канавками, на глубину протаявшего культурного слоя, то есть на 30–40 см. Поэтому большая часть культурного слоя осталась нетронутой, а выявить удалось лишь часть построек, залегавших в нем.

Существенным недостатком исследований экспедиции ААНИИ является рассмотрение коллекции изделий, в данном случае — из кожи, в отрыве от контекста культурного слоя и построек, то есть сугубо в вещеведческом аспекте. Лишь для некоторых изделий указана привязка к постройкам. Так, в монографии при описании результатов раскопок в раскопе № 22 упоминаются «аккуратно сшитые рукавицы» и «скребки для очистки мездры от кожи» (?) из «дома Футина», «стелька от сапог» из «Кобылкиной избы» и каблук из избы в прибрежной части раскопа [*Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – С. 71–72]. В отчете о раскопках имеются некоторые дополнительные сведения: в «доме Футина» отмечена находка «крышки с тисненым кожаным верхом», в амбаре северной части раскопа — «кожаный футляр для походной иконы» и «кожаная обувь», а на «уличной вымостке» (уч. Д–Е/5) — «фрагменты тисненой кожи, в том числе и с изображением библейского сюжета» [*Белов, Старков, И–1974.* – С. 12, 16, 19].

Отсутствие каких-либо сведений о форме, размерах и прочих характеристиках этих предметов не дает возможности использовать их при статистических подсчетах кожаных изделий из раскопа. С другой стороны, незначительное число таких находок в материалах экспедиции ААНИИ из раскопа № 22 на фоне поистине огромной коллекции, полученной в этом же раскопе при новых раскопках, позволяет считать, что их неучтенность не окажет существенного влияния на результаты статистического анализа.

Общая площадь раскопок в 2001–2007 годах, — 688 кв. м. На ней были вскрыты полностью остатки 19 построек и 12, попавших в раскоп частично.

Коллекция кожаных изделий в материалах раскопок 2001–2007 годов представлена 3748 единицами, из которых 3609 — детали относительно целой и фрагментированной обуви. Остальные изделия — ножны, рукавицы, футляры для компасов и т. д. Мелкие обрезки — отходы раскроя и ремонта — представлены почти 13 000 единиц. Кроме того, найдены разнообразные изделия из других материалов, связанные с кожаными: шилья, сапожные гвозди, подковки, берестяные шаблоны, стельки, вкладыши, деревянные обувные колодки, каблуки и т. д.

Все эти изделия залегали в слоях, связанных с постройками пяти строительных ярусов (в монографии М. И. Белова и его коллег речь шла о двух строительных горизонтах). Ярусы хорошо фиксировались как

в плане, так и в стратиграфии, что позволило, как будет показано ниже, выделить соответствующие ярусам и постройкам комплексы кожаных и сопутствующих им изделий.

2.2. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

2.2.1. МЕТОДИКА РАСКОПОК

Методика раскопок, обеспечивающая получение максимально полного объема информации, заключалась в послойно-рельефной расчистке и выборке слоев и прослоек, связанных с остатками построек каждого строительного яруса. Строительным ярусам, как правило, соответствовали так называемые «триады» слоев: нижний — слой серо-желтой строительной щепы, почти не содержавшей находок; средний — темно-серый суглинок с примесью щепы; верхний — слой обугленной щепы, отложившийся после гибели постройки от пожара. Между слоями пожарищ и строительной щепы следующих ярусов как внутри построек, так и рядом с ними фиксировались «стерильные» прослойки речного песка или материкового суглинка. Толщина каждого слоя варьировалась в пределах 1–40 см (забутовка внутри построек). Все эти слои лежали на неровной поверхности, имевшей уклон к юго-востоку и юго-западу.

Наиболее оптимальным методом изучения такого культурного слоя с залегающими в нем остатками построек является применяемый нами метод послойно-рельефной расчистки каждого из слоев тонкими зачистками. Снятие слоев старых отвалов экспедиции ААНИИ велось лопатами, а после выхода на нетронутую поверхность верхних слоев применялись совки, кисточки и ножи. Плохой сохранности были остатки деревянных конструкций верхнего яруса, которые после раскопок 1973 года остались без защитного почвенного покрова. Их расчистка также требовала особой осторожности, так как они, особенно доски, имели трухлявую структуру. Фиксация индивидуальных находок производилась с помощью тахеометра, обеспечивающего максимальную точность, с обязательной привязкой к постройкам, элементам построек, слоям. Массовый материал (отдельные фрагменты керамической посуды, отходы сапожного производства, отдельные кости животных) фиксировался поквадратно и поглубинно и также с привязкой к слоям и прослойкам, постройкам яруса.

Такая методика позволила достаточно уверенно выделить комплексы находок, связанные с постройками каждого строительного яруса, как внутри построек, так и на прилегающих к ним участках.

Особое внимание уделялось фиксации строительных прикладов, в состав которых входила и кожаная обувь. Такие приклады обязательно встречались под песчаной засыпкой завалинок или в засыпках под бревнами окладных венцов и под глинобитными основаниями печей.

Очистка, мытье и сушка кожаных предметов производились в полевом камеральном помещении, оборудованном печью, что было необходимо из-за холодной и сырой погоды.

2.2.2. АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КОЛЛЕКЦИИ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Археологический предмет, изделие в каждом случае является источником разнообразной информации как о самом этом предмете, так и о его изготовителе, владельце, времени и условиях бытования и т. д. Поэтому изучение археологических предметов можно осуществлять в различных аспектах: технико-технологическом (способы изготовления), бытовом (сфера использования), социальном (социальное положение владельца вещи), этнокультурном (этнокультурная принадлежность владельца вещи и межкультурные взаимосвязи), экономическом (уровень производства и торговые связи), духовном (наделенность некоторых вещей в традиционном мировоззрении духовными свойствами, способностью быть посредником в общении человека с потусторонними силами).

Получение этой информации требует применения различных методических подходов и приемов в изучении археологических материалов, в данном случае — изделий, связанных с кожевенно-обувным производством.

Подходы в отношении описания археологических предметов развиваются и изменяются вместе с развитием общей методики и практики археологического изучения памятников и комплексов находок. Исследователи,

как правило, применяют варианты описания, исходя из вида природного материала, техники его обработки и видов получаемых изделий.

К настоящему времени накоплен опыт нескольких поколений исследователей, направленный на максимально точное и полное описание археологических кожаных изделий. Для развития научных методов описания и изучения кожаных предметов из археологических раскопок этапными являются работы ряда специалистов, предлагающих разные подходы.

Конкретно-исторический подход определяет возможности рассмотрения форм и конструкций разных видов обуви в отдельные исторические периоды. При этом различаются формы обуви, условно представляемые как стадиальные, то есть определяющие этапы развития конструкций обуви в целом. Такими стадиальными формами называются модели: цельнокроеные и детальнокроеные — «мягкие» и «жесткие». Это положение сформулировано и развивается в работах Е. И. Оятевой [*1973*; *1980*].

Формально-аналитический подход основан на принципах системного описания вещей, разработанного на семинаре «Морфология древностей», работающего на кафедре археологии МГУ под руководством профессора Ю. Л. Щаповой. При системном описании специалисты руководствуются следующими основными положениями:

– вещи не разделяются по времени и месту — термины, описывающие тот или иной признак, приложимы к изделиям любого происхождения;

– предметы различаются не только по признакам (или их значениям), но и по комбинациям признаков;

– комбинации признаков могут быть рассчитаны;

– признаки разделяются на группы: морфология, техника изготовления, материал, функция;

– внутри группы «морфология» выделяют свои подсистемы: конструкция и форма, цвет, размеры, декор [*Осипов, 2006.* – С. 23–24].

Историко-этнографический подход основан на комплексном анализе явлений «материальной культуры» не только как вещественных явлений в сфере производства и потребления, но и связанных с ними форм человеческой деятельности, ориентации и опыта [*Материальная культура, 1989.* – С. 6]. Здесь в равной степени используется научная источниковая база изучения всех народов, древних и современных. В упрощенном виде этот подход использован и в музейных справочно-методических разработках [*Атрибуция музейного памятника, 1999*].

Следует отметить, что схема классификации обуви, разработанная Е. И. Оятевой, основана на материалах X–XIV веков, поэтому ее применение при обработке мангазейских находок потребовало дальнейшего развития типологического ряда.

Непригодна для мангазейских материалов универсальная по сути схема описания, разработанная в рамках формально-типологического подхода. На наш взгляд, она актуальна при систематизации музейных коллекций, так как дает возможность рассмотреть комплексы обуви в общем контексте эволюции этого явления культуры. Эта схема не подходит для обработки материалов конкретных археологических памятников, где большое значение имеют данные о местоположении обуви различных типов, подтипов и вариантов в культурном слое, что требует их дискретного изучения.

В настоящей работе накопленный методический опыт используется с учетом специфики мангазейского материала и задач исследования. Применяется комплексный подход, направленный на максимально полное извлечение информации.

Фиксация информации о находках начинается с выявления их положения в контексте культурного слоя. В процессе изучения собственно предметов проводится их описание, которое призвано выявить и зафиксировать морфологические, технико-технологические и прочие характеристики. В дальнейшем вся информация о комплексах изделий из кожи и связанных с ними деталях и изделиях подвергается разностороннему анализу, призванному обеспечить относительную объективность и фундированность выводов.

Так, анализ распределения находок в культурном слое позволил выделить комплексы изделий, связанных с постройками разных строительных ярусов, что нашло отражение в соответствующих планах ярусов. В результате была получена информация о составе жителей построек, их занятиях для разных хронологических отрезков истории посада.

Через выявление инокультурных аналогов изделиям удается установить наличие этнокультурных контактов и торговых связей.

Анализ обстоятельств обнаружения отдельных находок, их расположения относительно разных элементов построек вкупе с привлеченными сведениями из этнографии и мифологических представлений русского и финноязычного населения позволил выявить материальные свидетельства свершения строительных обрядов, в которых использовалась и кожаная обувь.

На основе анализа выявленных характеристик раскройки изделий, способов их сшивания, конструкции обуви, выделки кож стало возможным оценить уровень технического исполнения, ассортимент изделий, авторский «почерк» мастеров, разные традиции ремесла.

При описании кожаных предметов авторы в целом придерживаются схемы, предложенной в 1991 году и апробированной на эталонной коллекции из Тверского кремля [*Курбатов, 1991б*. – С. 134, 136, 138; рис. 1–3; *2004.* – С. 18–20].

Описание. Определенные сложности описания различных кожаных предметов заключаются в том, что часто предметы не имеют строгих геометрических форм. Для большого числа однотипных деталей (подошв, задников и др.) описание сводится к линейным оценкам в стабильных точках или к неопределенным характеристикам типа «более – менее». Так, при описании подошвы объективными являются полная длина детали и ее ширина в пальцах («в пучках»), в области свода стопы и в пятке, тогда как субъективными остаются абрис скругления в пятке и в носке, а также сужение в области свода стопы. В таких случаях необходимо обращать внимание в первую очередь на графическое изображение деталей, то есть на их раскройку.

Особо следует остановиться на способах и точках замеров деталей. В первую очередь надо рассмотреть способы замеров массовой категории предметов — деталей обуви. Например, замеры длины подошв производятся вдоль воображаемой продольной оси раскройки. Ширина измеряется в трех местах:

– *по линии максимальной ширины в передней части детали*, лежащей перпендикулярно продольной оси. Это измерение названо «шириной в пальцах», хотя правильнее — «шириной в пучках», поскольку оно соответствует ширине стопы на уровне дистального конца первых фаланг пальцев, в месте их соединения с костями предплюсны, где стопа имеет наибольшую ширину;

– *в области свода стопы* — замер, отмеченный как «ширина в области свода», проводится в точке максимального сужения подошвы, соответствующего месту свода стопы. Во многих случаях подошвы не имеют выраженного сужения в области свода, так называемой «переймы» подошвы. В этом случае замеры делаются примерно на расстоянии $^1/_3$ от пятки. Эта линия (или поперечная плоскость) может быть проверена по признакам стертости подошвы, где выражена область, находящаяся под сводом стопы;

– *в пятке по линии ее максимального расширения* или, при его отсутствии, по линии, проходящей через точку, равноудаленную от боковых и заднего краев пятки. Проверкой правильности здесь также являются следы эксплуатационной стертости.

Из других кожаных предметов сложности в определении точек замера могут вызывать только детали верха обуви. При замерах деталей верха обуви, имеющих сложную форму, мы руководствовались следующими правилами:

– *длина полная* измеряется вдоль продольной оси носка (головки), на линию которой проецируется задний край крыльев;

– измерение *длины по оси носка* дает длину детали по линии продольной оси носка (головки) от переднего конца носка до края детали, прилегающего к подъему стопы;

– измерение *ширины детали на подъеме* проводится по линии перпендикуляра к продольной оси детали, проходящего через край детали на подъеме;

– *максимальная ширина детали верха* измеряется по линии перпендикуляра к продольной оси, проходящего через точку заднего края детали. При этом край более короткого крыла проецируется на линию измерения;

– при замерах *задников* туфель и сапог наибольший размер соответствует основанию детали при ее положении в конструкции и называется *шириной*. Наименьший размер, показывающий протяженность детали, после сборки модели, в вертикальной плоскости называется *высотой*;

– вертикальный размер *наборного каблука* называется *высотой*.

Графическая фиксация. На рисунках детали обуви изображаются по отдельности или компонуются в блоки, характеризующиеся принадлежностью к моделям одной конструкции или близкие им в конструктивном плане. Наборы деталей конкретных моделей изображаются вместе, с показом технических особенностей крупным планом. Раскройки деталей верха изображаются с внешней (наружной, лицевой) стороны относительно ее использования в готовом изделии, после сшивания всех деталей. В некоторых случаях, например для поршней, изображение детали дается как в развороте, так и в состоянии сборки.

В подавляющем большинстве случаев детали изображены со стороны *мереи*, по преимуществу служившей наружной поверхностью в изделиях. Достаточно редко лицевой стороной детали является *бахтарма*. Это выясняется после определения назначения детали и ее места в конструкции, то есть принадлежности детали к набору элементов какого-либо изделия и ее связи с другими элементами в конструкции. Тогда становятся понятными эксплуатационные сгибы, деформация и стертость детали при пошиве и эксплуатации. Такие особенности описываются вербально и изображаются графически. Кроме того, с внешней стороны выгоднее изображать серию деталей, составляющих один из блоков обуви, например набор задника. В тех случаях, когда на внутренней стороне есть «потайные швы» (на головках, задниках и голенищах), то эти швы изображаются на рисунке лицевой поверхности и отмечаются при вербальном описании. Равным образом графически выражаются и другие частные признаки в материале — оттиски от соприкосновения с какими-либо предметами, порезы кожи и проч.

Иным образом изображаются подошвы — дается «вид сверху» с учетом реального положения детали в конструкции. Поскольку мерейная сторона в большинстве случаев является нижней стороной детали и соприкасается с почвой, то верхняя сторона изображения — *бахтарма*, то есть внутренняя поверхность кожевенного материала. Показанная таким образом подошва демонстрирует естественное положение в конструкции и позволяет определять ее принадлежность к обуви, пошитой для правой или левой ноги. При этом на рисунке показываются особенности эксплуатационного износа (стирания) нижней поверхности, разрезы, железные гвозди с широкой шляпкой или их следы, деревянные шпеньки. Кроме подошв с бахтармы изображаются и развороты поршней.

Особое значение для описания имеют различные следы эксплуатационного износа обуви — стертости, смятость краев деталей и швов, сгибы деталей и другое. Кроме особенностей эксплуатации такие следы отражают особенности техники раскроя и сборки моделей. Например, для подошв характерен асимметричный износ — стертость нижней поверхности, соответствующая антропологическим особенностям строения костной и мышечной тканей левой или правой стопы. Это помогает определить, на какой ноге носили обувь, даже в случаях полностью симметричного раскроя деталей и пошива обуви. Точно так же неодинаково при ношении обуви истираются и детали верха. Кроме того, для наглядности дополнительно показываются сечения швов, поскольку формы смятости края детали со швом часто бывают характерными, указывающими на ее назначение и положение в конструкции.

Надо отметить, что симметричный раскрой деталей, например подошв, не означает полной симметрии пошитой обуви. Линии основного потайного шва, изображаемые на раскройках, показывают незначительное отклонение от абсолютной симметрии относительно продольной оси детали. Наблюдаемая систематичность такого рода отклонений позволяет считать, что сапожники в своей работе учитывали, в большей или меньшей степени, необходимость отражения различий в моделях, предназначенных для правой или левой ноги.

Технические средства изображения других бытовых кожаных предметов остаются такими же, как и для деталей обуви, однако количество элементов, требующих графического отражения, может быть значительно больше. Здесь часто встречаются декоративные швы, тиснения, скобление поверхностного слоя, надрезы. Сохраняются следы металлических деталей, например замки сумок, следы деревянных и берестяных вставок.

Значительная часть бытовых кожаных изделий найдена в обрезках, что свидетельствует о широком вторичном использовании изношенных предметов. Это затрудняет их реконструкцию и атрибуцию. Часто обрезки деталей сохраняют характерные признаки формы, способы соединения деталей, следы эксплуатационного износа — стертости, смятости, сгибы, помогающие определять назначение предметов. Среди обрезков от раскроя преобладают стандартные формы, в том числе тонкие и нитевидные, в форме длинных узких лент, треугольные и прямоугольные, встречаются и крупные обрезки неправильных форм. По характерной форме краев на негативах от раскроя мы можем говорить о раскрое конкретных деталей, например подошвы, головки и других предметов.

Вся совокупность обрезков, найденных на памятнике в одном слое и скоплении, определенно свидетельствует о характере работы обувщика и уровне его специализации.

Соединения деталей в кожаных изделиях могут быть сшивными, клееными (например, чехлы для ножей), плетеными (например, для головок поршней), на заклепках (для кожгалантереи и фурнитуры) и на гвоздях (в обуви — это наборные каблуки и задники). Все эти виды соединений отражаются в графике и описаниях. Использование трех последних достаточно ограниченно и специфично, поэтому здесь отдельно не рассматривается.

Все многообразие сшивных соединений в кожаных изделиях сводится к нескольким видам швов. Разработка схемы графической фиксации швов на археологических кожаных предметах выполнена на материалах коллекций из ряда средневековых городов Восточной Европы: Ивангорода, Новгорода, Пскова, Старой Ладоги, Торопца, Чернигова, Твери, Торжка, Мангазеи, Пустозерска, Выборга, Полоцка, Кингисеппа [*Курбатов, 1991б*; *2004.* – Рис. 1; *Курбатов, Овсянников, 1999.* – С. 248–249]. Приведем общую характеристику швов.

Сквозной прямой (вертикальный) шов, известный и как «сандальный», использовался для соединения верха и низа обуви, когда наложенные друг на друга детали прокалываются по краю иглой сквозь всю толщу нескольких слоев кожи. Идеальное совпадение формы и положения отверстий швов на совмещаемых краях деталей позволяет предполагать предварительное тачание швов на деталях до их окончательной сборки в полном изделии. Стежки выполняются в две нити, противоположно направленные и затягиваемые одновременно. Такие швы можно видеть на задниках туфель и сапог (рис. 1 – I)*.

Самостоятельным видом, но сохраняющим основной принцип сквозного шва — движение иглы и нити сверху вниз (и возвратно — снизу вверх), насквозь проходя сложенные друг с другом края двух деталей, надо считать шов «змейка». В отличие от сквозного вертикального шов «змейка» выполнялся одной нитью, последовательно проходящей через два слоя кожи сверху вниз и снизу вверх. Таким образом, на каждой стороне шов имел вид прерывистой, пунктирной линии. В мангазейской коллекции шов «змейка» используется очень широко на разных видах изделий. Он визуально определяется по характерной смятости края деталей — волнообразному виду края.

Тачной шов соединяет края двух деталей, приложенных друг к другу торцами (краями обрезов). Для лучшей влагонепроницаемости сшиваемые торцы часто обрезаются «на скос». Нить проходит с одной стороны кожи — в большинстве случаев внутренней (бахтармяной) в обрез (торец) детали, проходит через стыкуемый торец другой детали и выходит на ту же сторону, что и на месте входа в кожу соседней детали. Шов выполняется в большинстве изделий двумя противонаправленными нитями, одновременно затягиваемыми. В результате стягивания нитей в местах соединения имеется заметное утолщение сшиваемого края с одной стороны (рис. 1 – II).

В мангазейской коллекции встречается в отдельных деталях разновидность такого шва, выполненного одной нитью. В этом сшивном соединении можно видеть сочетание принципа торцового соединения (тачной шов) и сшивания одной нитью (шов «змейка»). Поэтому его можно называть швом тачной-«змейка».

Разновидностью тачного шва надо считать декоративный шов, вынесенный на лицевую сторону кожи. Такие швы встречаются как дополнительные на деталях сапог и некоторых других изделий (рис. 1 – VIII). Лицевой шов делается сравнительно тонкими нитями, при помощи более тонкой иглы (малые размеры отверстий), очень короткими стежками (около 1,5 мм). При этом нити соединения выносятся на поверхность, покрывая всю линию стыка двух деталей. Шов выполняется в две нити, видимо, окрашенные. Характерные образцы такого шва представлены на изделиях из Мангазеи, где сохранилась и визуально определима окраска нитей в красный или красно-коричневый цвет [*Курбатов, Овсянников, 1999.* – Рис. 12 – *2*]. Такой шов встречается и в других древнерусских городах, например, в Пскове [*Курбатов, 2008а.* – Рис. 2 – *11*; 3 – *5*; 4 – *2, 6, 9*].

Выворотный шов соединяет края двух деталей, подвернутые в большинстве случаев внутрь. При сшивании детали прикладываются друг к другу внешней стороной, тогда как верхней стороной для прохождения нити служит внутренняя (чаще всего бахтарма). Нить проходит сквозь всю толщу кожи обеих деталей. После сшивания детали выворачиваются на лицевую сторону и расправляются. Торцы (обрезы) оказываются на внутренней стороне изделия. Сам шов и нити скрыты местом стыковки деталей. Преимущественно шов выполнялся в две разнонаправленные нити. Выворотный шов встречается в сочетании с тачным и другими видами швов, когда подворачивается край только одной из соединяемых деталей (рис. 1 – III).

Шов обметочный соединяет две детали краями (обрезами) или по их полю. Часто отверстия оказываются сквозными, проходящими через всю толщу кожи или же могут выходить в торец одной детали. Шов

* См. раздел «Иллюстрации».

выполняется одной нитью, поочередно проходящей на лицевую и тыльную сторону детали. Края деталей, соединенных обметочным швом, имеют характерную волнистость линии обреза и следы от затянутой нити на поверхности кожи, расположенные под углом менее 90° к краю детали. Шов используется в местах соединений дополнительных деталей обуви и других изделий, там, где не предполагается сильного натяжения деталей и деформации места соединения при эксплуатации (рис. 1 – IV).

Встречаются варианты обметочного шва, что зависит от места соединения двух деталей. В одном соединении вероятно сочетание разных вариантов этого шва. Шов может насквозь проходить всю толщу кожи, когда входное отверстие на одной ее поверхности, а выходное — на противоположной. Нить перед входом в кожу и по выходу из нее пересекает край (обрез) детали. Такой вариант шва можно назвать обметочный через край. В другом варианте, когда соединяются торцы двух деталей, нить входит и выходит на одну сторону, проходя через соединенные торцы двух деталей. Такой шов называется тачной обметочный. Для фиксирования края одной детали на поверхности другой детали использовался вариант, при котором нить проходила через всю толщу кожи первой детали, перекрывая ее край (вариант «через край»), затем входила в кожу второй детали под очень острым углом и выходила на той же стороне (форма потайного, или слепого, шва). Такой вариант используется и для фиксации (сшивания) подогнутого края детали на ее внутренней стороне. Характерное применение подобного шва в обуви — пришивание отворота на верхнем крае. Этот вариант можно назвать обметочный слепой шов.

Потайной шов использовался для соединения двух деталей, когда край одной детали подшивался на тыльной стороне другой (условно — основной). Нить на основной детали дугообразно пронизывала толщу кожи с входом и выходом только на одной (тыльной) стороне. Шов мог выполняться или в две нити (характерный пример — подошвы сапог, туфель и уледей) или в одну нить (вариант применения — обметочный слепой шов). При этом на основной детали сохраняется характерное утолщение поверхности кожи (рис. 1 – V–VII).

Все встречаемые на коже сшивные соединения и декоративные швы можно считать разновидностями сочетания перечисленных видов. Декоративные швы дают большое разнообразие в способах переплетения нитей и расположения их на декорируемой поверхности.

Сегодня в отечественных работах, посвященных средневековому кожевенному ремеслу, еще не существует единой схемы и манеры графического и вербального описания кожаных предметов. Поэтому при разработке методов графической фиксации изделий авторы использовали опыт «регистрации» находок в России и зарубежной Европе, изложенный в ряде публикаций и методических работ [*Оятева, 1973*; *1976*; *Eberle, 1971*; *Milewska, 1980*; *Goubitz, 1984*]. Работа с коллекциями археологических кожаных предметов из разных средневековых городов Восточной Европы, относящимися к широкому хронологическому диапазону от VIII–IX до XVII–XVIII веков, позволяет обобщить наблюдения и наметить общие признаки и особенности кожаных предметов, вытекающие из специфических свойств кожевенного материала, широты его использования и способов утилизации.

Реконструкция изделий. В своей массе кожаные находки в культурном слое представлены обрезками и обрывками деталей с сохранившимися на них следами одной или нескольких стадий использования. Полные наборы деталей одного изделия в археологических материалах встречаются относительно редко и являются скорее исключением (как в Мангазее), нежели правилом. Постоянным же является вторичное использование деталей изношенной обуви, порванных сумок, кошельков, рукавиц и др. Особенно часто повторно употребляются детали обуви, сшитые из кожи высокой прочности. При этом вторичное употребление деталей может не соответствовать их изначальному использованию, тогда обрезаются края первичной раскройки, появляются новые швы, что затрудняет определение первичного назначения деталей.

Исходя из этого авторы предполагают, что правильная и однозначная атрибуция кожаных деталей возможна только при наличии достаточно полного набора всех отдельных деталей в многочастной конструкции, включая внутренние (подшивные) элементы, обшивку краев, усилительные накладки, заплаты, завязки. Основой для реконструкции является метод подборки деталей для воссоздания полной конструкции изделия. По сохраняющимся на коже следам соединения (смятости, сгибам, стертости) можно подбирать детали одной конструкции (изделия), отмечая особенности и последовательность раскроя и сшивания, а также иные особые технические условия изготовления и манеру декорирования.

Существенным фактором для понимания древнего кожевенного ремесла и реконструкции изделий является профессиональная подготовка мастера-кожевника, шьющего или ремонтирующего (перешивающего) изделия. Профессиональный кожевник должен обладать специфическими знаниями о кожевенном сырье, навыками рационального раскроя и качественного сшивания деталей, а также вторичного использования деталей, бывших в употреблении. Все это прослеживается при детальной научной обработке представительной коллекции из археологических раскопок средневековых городов. Надо добавить, что при раскопках широкими площадями существенную помощь оказывает статистическая обработка находок. Здесь, на фоне десятков и сотен серийных предметов, выделяются изделия и детали, использованные при пошиве и ремонте непрофессиональными кожевниками или обувщиками. Отметим, что в большинстве случаев, непрофессиональный ремонт изделий отличается использованием более толстой и одинарной нити, дающей пунктирную линию шва на поверхности детали — шов «змейка». Декоративная отделка при домашнем пошиве, как правило, отсутствует.

В целом стандартность кроя деталей обуви связана с унифицированностью работы сапожников, что связано с постоянным массовым изготовлением однотипных вещей. Тем не менее, возможность проследить различные традиции или «почерки» мастеров в раскрое и сшивании изделий сохраняется. При установлении таких традиций следует основываться на массовых данных о толщине и сортах кожевенного материала, о точной форме раскроек отдельных деталей, о вариантах швов и их особенностях, о способах ремонта и перешивания изделий.

Описания изделий, деталей и фрагментов, произведенные по вышеупомянутым позициям и снабженные графическими изображениями, были сведены в каталог. Публикация каталога ввиду его значительного объема отложена. Предполагается подготовка его электронной версии.

Результаты статистической обработки полученных данных явились основой для характеристики коллекции изделий и их систематизации. Иллюстративный материал включает в себя рисунки и чертежи, фиксирующие типичную и оригинальную раскройку изделий и деталей с прорисовкой швов, форму изделий в собранном виде, и фотографии.

ГЛАВА 3.

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ДЕТАЛИ И ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ

ГЛАВА 3.

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ДЕТАЛИ И ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ

При описании и систематизации изделий их признаки рассматривались по следующим позициям: 1) характеристика сырья и вид выделки кожи; 2) варианты раскроя; 3) разновидности швов; 4) форма и размеры изделия в собранном виде; 5) степень изношенности и следы ремонта; 6) наличие деталей из других материалов; 7) наличие и виды декора.

3.1. СЫРЬЕ И ВИДЫ КОЖ

Специфика кожевенного сырья полярной зоны России по археологическим данным была отражена в работах середины XX века. Изучая материальные остатки стоянок русских мореходов XVII века, найденные на острове Фаддея и на берегу залива Симса, М. В. Фармаковский обратил внимание на существенное различие в качестве выделки кож. Обнаруженные предметы он разделил на группы изделий из «отлично обработанной юфти» и «предметы из грубого, плохо очищенного материала», а также выделил среди сырья предметы из бараньей или козлиной кожи [*Фармаковский, 1951.* – С. 177–178]. Эти наблюдения правомерны и для коллекции из Мангазеи. Здесь также можно говорить, что большая часть кож имела хорошую выделку. Основным сырьем для пошива изделий служили шкуры крупного рогатого скота — около 95% от числа всех деталей и целых изделий различного возраста. Значительно реже использовались шкуры мелкого рогатого скота — около 2% и оленя — 3,3%. В одном случае (головка туфля или сапога с каблуком) использовалась предположительно дубленая собачья кожа.

Кожи хорошей выделки были выработаны по технологическим нормам, распространенным в практике русских городских кожевников Европейской России в XVI–XVII веках. В основе обработки кож лежат методы таннидного дубления, позволяющие получать качественный «краснодубный товар» или юфть. Внутренняя сторона кожи была тщательно очищена от мездры (жировой клетчатки). Отсутствие расслоения показывает, что продуб кож был полным. При окончательной отделке, как правило, кожи с лицевой стороны натирали дегтем или вымачивали в настое железного лома, что придавало им черный цвет. На выделку таких кож, надо полагать, уходило не менее четырех месяцев. В этом плане можно ориентироваться на данные по кустарному кожевенному ремеслу России XVIII–XIX веков.

Большая часть обуви коллекции 2001–2007 годов сделана из краснодубной кожи. При изготовлении ряда цельнокроеных поршней использовалась достаточно толстая кожа, что характерно для традиций ремесленных центров Русского Севера.

С другой стороны, в мангазейской коллекции выделяются очень тонкие кожи для верха туфель, сделанные из шкур мелкого рогатого скота и имевшие красновато-коричневый оттенок поверхности. Сам материал, а также его использование для наиболее изысканной по манере пошива и декора обуви на высоких каблуках позволяют предполагать западноевропейскую выделку сырья и пошив обуви.

Особую группу составляют изделия из тисненой, относительно тонкой, 1,3–2,5 мм, кожи — до 14% от общего числа находок из кожи. В основном это головки обуви, в одном случае — основа поршня, а также несколько деталей вторичного использования. Тиснение придавало мерее кожи фактурность. Среди образцов с тиснением встречены такие варианты, как «сеточка» (в мелкую квадратную сетку) и «под овсянку».

Совершенно иную манеру выделки сырья мы наблюдаем в тех формах обуви, которые можно выделить в группу изделий местного производства. Например, для поршней второго подтипа из Мангазеи использована очень толстая (до 5 мм) кожа (крупного рогатого скота или оленья), остававшаяся очень светлой на срезе,

что предполагает не таннидное, а жировое дубление. Даже после размачивания эта кожа оставалась необычно жесткой. Внутренняя сторона таких изделий сохраняет следы некачественного выскабливания мездры.

Надо отметить, что некачественное мездрение и сгонка волоса встречаются и на деталях других форм обуви, например на подошвах туфель без каблука и деталях верха сапог, кроеных из краснодубной кожи. Такие признаки определяются на единичных деталях, поэтому их нельзя считать устойчивой манерой обработки шкур. Использование кожи некачественной выделки нельзя относить к местным, сибирским, изделиям, привезенным из ближайших центров кожевенно-обувного ремесла. Здесь надо предполагать только некачественную работу отдельных кожевников, в том числе работавших и в европейской части России. Тем более что в городах центральной России также можно встретить небрежно выделанные кожи в слоях и комплексах разного времени.

Сырьевая база средневекового русского кожевенного ремесла в целом является особой темой. Здесь мы отметим отдельные ее аспекты. Одним из источников сведений о видовой принадлежности шкур, используемых для выделки кожи, являются письменные материалы. Хотя бы потому, что «в письменных источниках встречаются свидетельства о табунах лошадей и стадах крупного рогатого скота, принадлежавших новгородским феодалам, монастырям, боярам» [*Изюмова, 1959.* – С. 192]. Особенно много таких сведений встречается в документах XVI–XVII веков. Примечательны деловые записи, содержащиеся в приходно-расходных книгах крупных монастырских хозяйств. В них можно выделить весь спектр закупаемых, продаваемых или используемых в самом хозяйстве шкур различных животных, выделываемые из них кожи, а также выяснить полный набор пошитых кожаных изделий. Примером можно назвать рассмотренные книги Тихвинского Успенского монастыря, в которых упомянуты конские, оленьи, бараньи и козлиные шкуры [*Сербина, 1951.* – С. 163].

В крупных ремесленных центрах работали многочисленные мастера — кожевники, специализировавшиеся на выделке различных видов кож. По названиям этих кожевников можно судить о разнообразии выделываемых кож, а также видов кожевенных изделий.

В целом отечественные археологи считают, что сырьем для выделки кож в средневековой Руси служили шкуры основных домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота и лошади [*Изюмова, 1959.* – С. 192–193; *Древняя Русь, 1985.* – С. 269]. Некоторые исследователи, кроме того, пишут об использовании и свиных шкур, что основано на косвенных данных. Основанием для такого суждения им представляется видовой состав костей животных из средневековых слоев русских городов [*Лысенко, 1985.* – С. 302].

А. В. Курбатов провел статистическую обработку некоторых археологических коллекций кожи из Новгорода, Пскова, Чернигова, Ивангорода. По ряду признаков, сохраняющихся на археологических кожаных предметах, определена видовая принадлежность сырья. Обнаружены лишь единичные находки выделанных свиных шкур, что позволяет предполагать их эпизодическое использование для выделки кож [*Курбатов, 1991б.* – С. 131, 134]. Эти наблюдения и выводы были в дальнейшем подкреплены при изучении материалов раскопок в Твери, Выборге, Торжке, Старой Ладоге и на Рюриковом Городище.

Такое положение показывает ограниченное использование свиных шкур в средневековой Руси — только в виде сыромяти, которая могла плохо сохраняться в городских слоях. Дубление свиной шкуры было с технической точки зрения непродуктивно, малоэффективно из-за высокого содержания жиров в шкурах, которые предварительно следовало выводить. К тому же свиная шкура имеет и более рыхлую структуру, то есть связь коллагенов разных слоев кожи неравномерна, что вызывает расслоение кожи. Эти естественные недостатки не могут компенсироваться и преимуществами сыромятной свиной кожи — большей прочностью на разрыв. Только значительно позднее, в Новое время, свиные шкуры стали дубить квасцами, а затем и разрезать по толщине — на *спилки*.

Указания на выделку сыромяти в русских средневековых городах основываются на сведениях письменных источников и данных этнографии. По мнению М. Г. Рабиновича, в IX–XIII веках поршни «делались обычно из одного прямоугольного куска сыромятной кожи. Возможно, первоначально на эту обувь шла даже не кожа, а необработанная шкура зверей или мелких домашних животных» [*Рабинович, 1986.* – С. 49–50]. Подобные высказывания можно найти и в работах других историков. Трудность подтверждения такой точки зрения понимается при анализе многочисленного материала — кожаных предметов, найденных в археологических слоях. Как правило, все эти предметы имеют коричневый цвет, свойственный дубленой коже; напротив, светлый оттенок отличает сыромятную кожу. По-видимому, *a priori* считается, что длительное нахождение кожаных предметов в культурном слое стирает визуальное различие между продубленной и сыромятной

кожей, поскольку танниды, растворенные в грунтовой воде и содержащиеся в органических составляющих культурного слоя, соединяются с сыромятной кожей и окрашивают ее подобно дубленой.

В мангазейской коллекции из сыромятной (или плохо выдубленной) кожи, главным образом — оленьей, изготовлены менее 1% деталей обуви. Эта кожа — рыхлая, расслаивающаяся.

Визуальное определение пород животных, из которого выделаны археологические кожи, — одно из недостаточно развитых направлений историко-археологических исследований русского средневекового кожевенного ремесла. Хотя такое определение может быть выполнено для любой коллекции без применения сложной аппаратуры или методических приемов. Единственным обязательным условием для определения, каким породам животных принадлежат археологические кожи, является сохранение на последней наружной поверхности — *мереи*. Для деталей со стертой мереей определение возможно только на уровне изучения специалистами по гистологии кожи и только под микроскопом.

Выявление принадлежности археологических кож к определенным породам животных основано на известных индивидуальных признаках гистологии кожи разных пород млекопитающих, выраженных на мерее. По этому вопросу можно обратиться к специальной литературе [*Зыбин, 1968*; *Шестакова, 1968*]. Для каждого вида (породы) млекопитающего характерно свое индивидуальное (видовое) расположение волоса на площади шкуры, а также сочетание жестких остей покрова и подшерстка. После удаления (сгонки) волоса на мерее сохраняются отверстия каналов волосяного ствола, хорошо видимые невооруженным глазом и поддающиеся детальному сравнению при двух-пятикратном увеличении. Устья каналов имеют разную форму, размеры и расположение относительно друг друга у различных пород животных. Эти особенности составляют так называемый *рисунок мереи*, по которому определяется порода животного. Рисунок мереи основных пород животных, используемых в кожевенном производстве, описан в специальной литературе [*Справочная книга обувщика, 1935.* – С. 37]. Относительно просто визуально определяются шкуры крупного и мелкого рогатого скота и свиньи, несколько сложнее, но вполне вероятно — шкура лошади. Приведем характеристику наиболее употребительных пород животных, встречаемых в археологическом материале.

Для *шкуры крупного рогатого скота* характерно рядное расположение практически одинаковых по форме и размерам устьев каналов волосяного ствола. Ряды неровные, волнообразные. Поверхность шкуры бугристая. Рисунок мереи может сильно различаться в зависимости от возраста животного и топографии шкуры. Для основной части шкуры, со спины и боков, отверстия каналов округлые или слегка вытянутые, что зависит от угла наклона волосяного ствола. На брюшине отверстия возле устья более вытянутые. Для опойка и выростка каналы расположены ближе друг к другу, а для яловки и бычины их расположение более разрежено. Это особенность всех пород млекопитающих, количество волос у которых на единицу поверхности заложено генетически и с возрастом не меняется. У взрослых особей устья несколько крупнее, чем у телят.

Для *шкур овец и коз* (мелкий рогатый скот) характерно в некоторой степени рядное, с ломаной прерывистой линией расположение волосяных каналов. Устья каналов сильно вытянуты в одном направлении и почти перпендикулярны линиям каналов. Количество каналов у взрослых особей больше, чем у коров, но меньше, чем у телят. Размеры устьев ровные и одинаковые по всей шкуре. Поверхность шкуры сильно бугристая.

Конская шкура в целом имеет более гладкую фактуру, чем шкуры крупного и мелкого рогатого скота, но для кож это различие во многом зависит от качества выделки. Устья каналов слегка вытянутые, что придает некоторую видимую рядность расположению волоса и равномерности распределения каналов волосяного ствола по поверхности шкуры. Величина устьев одинакова по всей шкуре. Рисунок мереи конской шкуры напоминает рисунок шкуры крупного рогатого скота. Однако выделанная кожа может сильно отличаться по фактуре. Строение коллагенов дермы конской шкуры определяет большую плотность и прочность выделанной кожи. Частично исчезает бугристость, что зависит и от топографии участка, с которого взят фрагмент. Наиболее плотными и гладкими получаются кожи с хазовой части конской шкуры — задней половины спины вдоль хребта.

Как было сказано выше, визуальному определению легко поддается и *шкура свиньи*. Расположение каналов волосяного ствола у этой породы животных относительно редкое и кустовое (пучковое). В каждом пучке видно три-пять крупных каналов с округлым устьем. Между пучками есть поле, свободное от волоса. Поверхность невыделанной шкуры шершавая, с редкими глубокими жировыми складками. После выделки поверхность становится гладкой. Шкура свиньи отличается особой прочностью и эластичностью.

На археологических кожаных предметах из Мангазеи и других приполярных городов нередко встречаются трещины на поверхности мереи, что объясняется их использованием в условиях очень низких темпера-

тур. При этом дубленая и содержащая мало жира кожа может ломаться. В конце XIX – начале XX века такие трещины называли *ломиной* [*Поварнин, 1912.* – С. 224; *СРНГ, вып. 17.* – С. 119]. Суровость зимы в Мангазее и продолжительность холодного периода объясняют то предпочтение, которое аборигены отдают обработке кожи жированием, а не растительным дублением.

В Мангазее найдено значительное (около 13 тысяч) число мелких обрезков от раскроя, подтверждающих местный пошив и ремонт части обуви. Можно указать на отходы выкраивания подошвы из толстой кожи, а также вероятную раскройку ремней. Имеются и характерные обрезки с края кожевого листа.

Основная масса кожи в изделиях, деталях и полуфабрикатах — привозная, главным образом из европейской части русского государства. Из Западной Европы поступали, видимо, целые изделия — новомодные туфли и сапожки на высоких каблуках, изготовленные из качественно выделанной кожи. Анализ данных из двух сборных товарных книг мангазейской таможни, проведенный М. И. Беловым, показал, что на местный рынок, помимо готовых изделий и деталей, поступали юфть, дубленая кожа, сыромять, кисы и камусы оленьи, лосиные и конинные, а также овчина [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 90–92; табл. XVIII]. При этом по количеству сыромятная кожа несколько превосходила юфтевые и дубленые. Ее незначительное представительство в коллекции 2001–2007 годов можно объяснить плохой сохранностью сыромяти в культурном слое. Еще хуже сохраняются изделия из мехов — найдены лишь остатки одной шубки и медвежьей шкуры, от которых осталась лишь шерсть.

3.2. КОЖАНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА

Элементы костюма — обувь, ремни, рукавицы, ножны — составляют основную часть коллекции кожаных изделий из раскопок Мангазейского городища 2001–2007 годов. При их изготовлении использовались детали и приспособления из других материалов (дерева, бересты, шерсти, железа, меди), поэтому данные о них включены в описания соответствующих элементов костюма и учтены при анализе всей коллекции.

3.2.1. ОБУВЬ

По данным сборных товарных книг мангазейской таможни 1633 и 1635 годов, в город поступало (в основном с Русского Севера) большое количество обуви и обувных полуфабрикатов [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – Табл. XVIII]. Эти документы свидетельствуют о преобладании в ассортименте обуви котов (в 1633 г. — 1098 пар). Другие фасоны были менее востребованы: сапоги мужские — 19 пар, женские — 15 пар, башмаки — семь пар. О практике местного пошива из привозных полуфабрикатов свидетельствуют следующие цифры: переды котовые — 185 пар, подошвы дубленые — 519 пар, сколоты подошвенные — 122. Примечательно отсутствие в перечнях поршней, что косвенно может указывать на местный пошив обуви этого фасона.

Археологические материалы позволяют установить реальную картину бытования в Мангазее обуви различных фасонов и состояние местного обувного ремесла за весь период существования посада. Полученные на основе анализа материалов выводы можно соотнести с данными письменных источников.

Целые и фрагментированные экземпляры обуви и отдельные детали представлены 3609 предметами из 3748 единиц кожаных изделий, найденных в раскопах 2001–2007 годов. Анализ столь большой и разнообразной по составу коллекции невозможен без систематизации материалов.

В соответствии с принципами классификационной схемы Е. И. Оятевой обувные изделия разделены на две группы — мягких и жестких форм, внутри которых выделены типы, подтипы и варианты.

Обувь мягких форм

К этой группе относится один тип обуви — ***поршни***, в котором выделены два подтипа — ***цельнокроеные*** и ***детальнокроеные***.

В материалах раскопок экспедиции ААНИИ имелись семь целых поршней, один фрагмент и две заготовки, отнесенные в первой публикации к одному фасону — цельнокроеным. Однако, судя по иллюстрациям,

как минимум два экземпляра были детальнокроеными [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 50–51; табл. 54 – *1, 2*]. После повторной научной обработки коллекции по конструктивным и декоративным особенностям в ней были выделены три группы поршней [*Курбатов, Овсянников, 1999.* – С. 245–271].

Цельнокроеные поршни

Цельнокроеные поршни — фасон обуви, истоки которого, вероятно, уходят в глубокую древность. На это указывает в первую очередь простота конструкции. В письменных источниках такую обувь называли *поршнями*, *моршнями*, *порабошнями* и *постолами* [*Рабинович, 1988.* – С. 173]. В слоях древнерусских поселений они встречаются как минимум с IX века.

Поршнями в литературе традиционно называется простейшая по крою обувь, вырезанная из одного куска кожи и «гнутая» по ноге. По всему верхнему краю такой раскройки делались прорези, в которые протягивался узкий кожаный ремешок или шнур, сплетенный из растительных нитей, — *обора*. Дополнительными деталями к поршням служат подметки, пришиваемые при ремонте или сразу при изготовлении. Отметим, что название «обора» в значении «завязка у лаптей или другой обуви, прикрепляющая обувь к ноге и обвивающая онучи» встречается в русских письменных источниках с XVII века [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12.* – С. 125–126].

Поршневидная обувь часто встречается в средневековых русских городах. Судя по манере раскроя и сшивания, а также по употребляемым формам декора, ее изготовлением занимались как профессиональные обувщики, так и другие горожане. Отдельные формы профессионально пошитых поршней существовали относительно короткий период времени. Например, сегодня становится все более очевидным, что так называемые «ажурные поршни» бытовали в средневековой Руси преимущественно в XIII веке, и их надо считать характерным образцом обувной моды этого столетия [*Курбатов, 2008б.* – С. 249]. В XVI веке в русских городах широко бытовал другой вариант профессионально пошитых поршней, отличительной чертой которых было своеобразное декоративное оформление края на подъеме. Здесь по краю делались прорези через 4–5 мм длиной 16–20 мм, со сквозной прорезью для оборы в каждой из полуотрезных узких лент. Эти ленты, при продергивании в них оборы, разворачивались на 90 градусов, создавая контрастный рельефный пояс на подъеме.

Данная модель известна в позднесредневековых комплексах многих русских городов — Москвы, Новгорода, Пскова, Ивангорода, Чебоксар и др. [*Изюмова, 1959.* – С. 200, 202; рис. 3 – *9а*; *Курбатов, 1991а.* – С. 71; рис. 1 – *2, 3*; *Краснов, Каховский, 1978.* – С. 145–146; рис. 79]. Учитывая профессиональный характер изготовления поршней, влияние ремесленных традиций городов средней полосы России, надо полагать, что описанные ниже поршни 1-й группы производились в одном из крупных ремесленных центров Русского Севера того времени — Устюге Великом, Сольвычегодске, Холмогорах или же непосредственно в сибирских городах приезжим мастером-сапожником. Для ряда таких изделий можно указать своего рода «северную» манеру работы мастера, которая видится в использовании достаточно толстой кожи, что нехарактерно для аналогичных изделий из средней полосы России.

Поршни первого подтипа в мангазейской коллекции 2001–2007 годов представлены 58 экземплярами, из которых, ввиду фрагментированности, лишь для 26 установлены размеры: пять подростковых (длина — 18–21 см), пять мужских взрослых (длина — 25–28 см) и 16 женских (длина — 21–25 см). Два экземпляра изготовлены из оленьей кожи, остальные — из кожи крупного рогатого скота.

В раскройках представлены две формы — в виде трапеции, расширенной в передней части, где формировался носок поршня, и в виде сложной фигуры, близкой к овалу, усеченному сзади, а также расширенной спереди. Передний срез в обоих случаях имеет два варианта оформления. В первом — посередине расположен подтреугольный язычок, выделенный с помощью двух боковых подтреугольных вырезов (рис. 2 – *1*). Во втором язычок отсутствует (рис. 2 – *2–4*).

Пяточная часть оформлена тоже в двух вариантах. В первом на заднем срезе делались два продольных разреза длиной 3–4 см, расположенные на одинаковом расстоянии от боков раскройки. Образованные таким способом три полуотрезных клапана сшивались между собой сквозным швом «змейка», при этом крайние клапаны соединялись встык, а центральный накладывался на них снаружи (рис. 2 – *1, 3*; рис. 3). При втором варианте формирование бортов пяточной части происходило путем собирания края в складки и сшивания их так же, как и в первом варианте, только без разделения на клапаны разрезами (рис. 2 – *2–4*).

Носок поршня формировался путем сгибания углов или краев передней части внутрь и сшивания сомкнутых краев. Встречаются два способа соединения краев, которым соответствуют варианты оформления переднего среза. У поршней первого варианта раскройки переда (с язычком) загнутые края и язычок соединялись встык и сшивались тачным швом с выходом на внутреннюю сторону, бахтарму (рис. 2 – *1*; 3 – *1, 4*; 4 – *1, 2*; 6). У поршней второго варианта раскройки соединяющиеся срезы краев выворачивались наружу на ширину до 0,5 см, смыкались бахтармой и сшивались сквозным швом «змейка», так же прошивалась и образовавшаяся на переднем крае носка складка (или две складки) (рис. 2 – *2–4*; 3 – *2, 3*; 4 – *3*).

На стопе эти поршни крепились с помощью узких кожаных обор, или поворозов, продернутых «змейкой» в частые (через 0,6–1,5 см) поперечные прорези (длиной 0,9–1,1 см), сделанные вдоль края бортов, а выходящие у пятки концы завязывались на голени.

Верхний край головки поршней, как правило, имел декоративное оформление — своеобразную бахрому из узких полуотрезных лент длиной 1,6–2,0 см и шириной 0,4–0,5 см (рис. 2 – *1, 3*; 3 – *2, 4*; 4, 5; 6 – *1, 3*). Эта бахрома нарезалась по бокам передней части раскройки. В каждой из лент делался продольный разрез для оборы. Лишь семь экземпляров не имели бахромы. На них вместо нее делались поперечные прорези для оборы, аналогичные боковым (рис. 2 – *2, 4*; 3 – *1, 3*; 6 – *2*).

Все описанные варианты конструкции носка, пятки и верхнего края головки встречены в различных сочетаниях.

Особенно нарядными были поршни, головки которых украшались не только бахромой, но и узорами из линий, выполненными линованием с помощью горячего металлического инструмента (шила?). Таких поршней в коллекции насчитывается 12 единиц, то есть не менее 28% от общего числа, включая фрагментированные экземпляры. В орнаменте, чаще всего довольно простом и лаконичном, использованы один-два элемента — на четырех экземплярах вдоль верхнего края головки, вплотную к основанию бахромы, нанесены по две поперечные прочерченные дугообразные линии (рис. 5 – *3*; 6 – *1*), на двух — аналогичные дуги из точек (рис. 5 – *7*), на трех — линия точек заключена между поперечными дугами (рис. 5 – *5*; 6 – *3*), на одном — две поперечные дуги перемежаются с дугами из точек (рис. 5 – *2*). На двух экземплярах присутствуют усложненные узоры. В первом случае помимо одинарной дуги из точек поперек основания головки нанесена симметричная «елочка» из пяти прямых линий на каждой половине, выходящих из точек, расположенных на оси (рис. 5 – *4*). Вершина «елочки» находится в центре головки. Во втором случае двойная прочерченная дуга с линией точек внутри, нанесенная по верхнему краю головки дополнена тремя двойными пунктирными лучами, выходящими из одной точки в середине дуги (рис. 5 – *1*).

Поршни этого подтипа были повседневной, вероятно летней, обувью (отсутствуют следы утепления). На всех под пальцами и пяткой имеются потертости — следы разной степени изношенности. Не менее 60% от числа всех экземпляров, включая фрагментированные, имели подметки на носок и пятку.

На основании анализа вариантов раскроя, пошива и декора описанных поршней, можно выделить не менее трех традиций (почерков изготовителей).

По мнению А. В. Курбатова, цельнокроеные поршни надо считать изделиями профессиональных мастеров-обувщиков, проходивших обучение или работавших в городах Европейской России. Учитывая приведенные выше данные из сборных таможенных книг, вполне вероятно, что мастера-кожевники проживали и в самой Мангазее. Самые простые варианты поршней, думается, были вполне по плечу и другим жителям Мангазеи.

Детальнокроеные поршни

В коллекции экспедиции ААНИИ было найдено только два экземпляра поршней этого подтипа. В новой коллекции их значительно больше — 140 целых и фрагментированных экземпляров и отдельных деталей. Из них экземпляров с определимыми размерами — 68, в том числе два подростковых (длина 20–21 см), 23 женских взрослых (длина 21–25 см) и 43 мужских (длина 25–30 см).

Эти поршни состоят из основы и подтреугольной вставки, закрывающей носок стопы сверху.

Раскройки основ различаются по форме переднего края: 1) закругленная (рис. 7 – *3, 4*; 8 – *2, 4*); 2) подтреугольная (рис. 7 – *1, 2*; 8 – *1, 3*); 3) шлемовидная, с небольшими уступами по краям (рис. 8 – *5*).

Задник, как и у цельнокроеных поршней, оформлялся двояко: 1) три клапана, образованные двумя короткими продольными разрезами, сворачивались внутрь (рис. 7 – *2, 4*; 8 – *1, 3–5*; 9; 10 – *2*), 2) основа без

разрезов по заднему краю, который сворачивался, образуя складки Т-образной формы (рис. 7 – *3*; 8 – *2*; 9 – *1*). В обоих случаях задники сшивались сквозным швом «змейка», а сверху к ним пришивались кожаные петли, в которые продевались оборы — узкая тесьмы или шнуры, сплетенные из разноцветных шерстяных нитей (рис. 9).

По верхнему краю боковых бортиков сквозным швом «змейка» пришивались опушни — свернутые вдвое полоски шерстяной ткани; на подъеме они пришивались к верхнему краю вставки (рис. 9). Внутри опушек пропускались оборы.

Можно предполагать и наличие у таких поршней тканевых голенищ, пришивавшихся к основе швом «змейка».

Среди детальнокроеных поршней по форме вставок и способу их пришивания к основе выделяются два варианта.

Первый вариант — с подтреугольными вставками с язычком на конце, пришивавшимися к основе сквозным швом «змейка» (всего целых и фрагментированных основ — 43, вставок — 36).

Второй вариант — со шлемовидными вставками, пришивавшимися к основе тачным швом (всего основ — 28, вставок — 14).

В *поршнях первого варианта* использовались основы с подтреугольным (рис. 7 – *1, 2*) и закругленным (рис. 7 – *3, 4*) передним краем. У поршней этого варианта боковые края загибались вверх, а между ними и передними краями основы прокладывались одна-две узкие кожаные прокладки. После сшивания передние края основы приобретали гофрированный вид, а приостренный передний конец с язычком загибался вверх, образуя крючковатую форму (рис. 9 – *1*; 10).

Вставки в этом варианте поршней были двухслойными и сшивались между собой сквозными швами. При этом оба слоя (толщина каждого — 0,10–0,25 см) были обращены мереей наружу. Швы на вставках образовывали разнообразные узоры, то есть помимо технологической функции несли еще и декоративную. Не исключено, что при этом использовались толстые цветные нити. Выявлены следующие разновидности таких узоров:

– одна линия по оси (рис. 11 – *2, 3, 11*);
– три линии, сходящиеся на конце;
– линия по оси с дугой по краям (рис. 11 – *1*);
– осевая линия с примкнутыми с боков дугами (рис. 11 – *5, 6, 7, 9*);
– две вписанные дуги;
– три луча, расходящиеся из одной точки в основании;
– крестообразный узор (рис. 11 – *4, 8*);
– две продольные линии по бокам оси.

Поршни второго варианта представлены 28 целыми и фрагментированными основами и 14 вставками. Форма переднего края основ — закругленная (рис. 8 – *2, 4*), подтреугольная (рис. 8 – *1, 3*) и шлемовидная, с небольшими уступами по краям (рис. 8 – *5*). Края передней части основы, к которым пришивались вставки, были загнуты внутрь. Края вставок были ровные, не загибались вверх. Швы на вставках и основах — тачные, с выходом на мерею. Прокладки между основой и вставкой не применялись. Передний конец основы собирался в складку, но крючкообразного выступа он не образовывал (рис. 9 – *2*; 12).

Вставки были однослойными, изготовлены из толстой (0,3–0,4 см) кожи, мереей наружу. По краю основания вставок проходил шов «змейка» из сдвоенных отверстий с шагом 1,0–1,4 см. Вставки пришивались к основам тачным швом, выходящим на мерею, при этом отверстия от иглы располагались плотно, с шагом 0,4–0,5 см, что предполагает пришивание не опушня, а голенища (из ткани, меха или кожи). На всех экземплярах сзади нашивалась петля для оборы. Кроме того, обнаружены экземпляры с двумя боковыми петлями или со следами их пришивания, причем в ряде случаев очевидно, что петли ставились сразу при шитье.

Вставки на поршнях второго варианта часто (9 экз.) украшались линованными узорами, которые в одном случае представлены двумя поперечными линиями вдоль основания (рис. 13 – *5*), а в остальных случаях — более сложными композициями в виде древовидных фигур, образованных двумя-тремя продольными линиями по оси («стволом») и отходящими от «ствола» «ветвями» из прямых параллельных линий, направленных вверх (рис. 13 – *1–3, 6–8*). В одном случае на двух поперечных линиях построена фигура, состоящая из одинарной осевой линии и двух одинарных линий, выходящих от середины оси под углом к основанию (рис. 13 – *4*).

В некоторых поршнях были меховые и тканые стельки и тканые поднаряды, которые, возможно, подшивались к кожаным вставкам.

Детальнокроеные поршни изредка встречались в археологических материалах городов северо-запада России — Пскова, Старой Ладоги и Орешка [*Курбатов, 2007*], а также в городах Русского Севера, например в Вологде [*Ганина, 2000*]. Аналогичные экземпляры найдены в Тобольске [*Балюнов, 2007.* – С. 222–223]. В опубликованных коллекциях из Финляндии, Швеции, Эстонии и Исландии аналогов нет.

Принципиально близкие модели известны в Норвегии, у саамов — раскрой основы похож на мангазейский, отличаясь в деталях, однако вставка имеет бóльшие размеры, иную форму и другой принцип крепления обор [*Swann, 2001.* – Fig. 113]. У них же имелся зимний вариант такой обуви из меха, с коротким голенищем — *комагеры*, но и в нем вставка отличается как размерами, так и формой [*Там же.* – Fig. 242].

Напоминает мангазейские детальнокроеные поршни и традиционная охотничья обувь коми-зырян — «ком», однако из описания и рисунка в монографии В. Н. Белицер ее конструкция не вполне ясна [*Белицер, 1958.* – С. 254; рис. 104 – *б*]. Определенный интерес для реконструкции и интерпретации поршней второго варианта представляет такой элемент обуви, распространенный на Русском Севере, у коми и русских, как кожаные петли на заднике и боках головки бахил, в которые продевались оборы, обвязывавшиеся вокруг голенищ. Правда, низ бахил конструктивно аналогичен мангазейским туфлям без каблука [*Белицер, 1958.* – С. 254; рис. 104 – *в*; *Чагин, 1989.* – С. 173; рис. на с. 172]. Наличие таких петель на ряде мангазейских поршней этого варианта и тачного шва на их бортах позволяет предположить, что они могли иметь кожаные голенища.

В целом, как видим, полные аналогии мангазейским поршням в археологических материалах имеются только в русских северных городах, а в этнографических коллекциях финноязычных народов присутствуют лишь конструктивно сходные модели, отличающиеся в деталях. Так или иначе, при отсутствии полных аналогий вопрос об этническом происхождении такой обуви остается открытым. Однако бесспорно, что ареал распространения обуви подобной и близких конструкций — Северная Европа.

Наши выводы вполне коррелируются с данными толкового словаря В. Даля, где автор сообщает, что уледями поморы называли «род грубых котов, а также поршни, лыжную обувь, род сапог, бахил, в том числе с суконными голенищами» [*Даль, 1882, т. IV.* – С. 487].

В приемах пошива мангазейских поршней второго подтипа фиксируются общие с изделиями городов центральной России технические нормы, стандарты и традиции производства, но учитывающие специфику ношения обуви в зоне тайги и тундры. Это является основанием считать их продукцией поршевников Русского Севера или Сибири и соотносить с «уледями лыжными», упоминавшимися среди товаров, проходивших через мангазейскую таможню [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – Табл. XVIII].

В связи с этим можно идентифицировать поршни второго подтипа с использовавшейся в XVIII веке русским населением Камчатки промысловой обувью, называвшейся уледями. «Уледи есть обувь, у которой носки с крючками, а переды и подошвы из одной кожи. В том месте, где пальцам быть, нашиваются сверьх кожи много кожиц толщиною на полвершка, чтоб ног не гнело путлом, а крючки у них делаются для того, чтоб нога из путла не выходила» [*Крашенинников, 1994, т. I.* – С. 244–245].

Обувь жестких форм

В современной научной литературе к группе обуви жестких форм относят модели с поднарядом, задником и каблуком и усилительными прокладками [*Осипов, 2006.* – С. 22]. В то же время М. А. Сабурова отнесла к «наиболее раннему типу обуви жестких форм» туфли с жесткой подошвой без каблука [*Сабурова, 1997.* – С. 106; табл. 70 – *16–19*]. Думается, такие модели можно считать переходными и включить в эту группу условно, так как подошвы у них действительно толстые и жесткие, а в большинстве случаев непосредственно при изготовлении изделия к подошвам пришивались цельные или детальные (передняя и задняя) усилительные накладки-подметки.

К группе обуви жестких форм нами отнесены обувь без каблука (подгруппа 1), туфли и сапоги с низкими и высокими наборными и деревянными каблуками (подгруппа 2).

Ранее обувь с низким бортиком из раскопок Мангазейского городища, как с каблуками, так и без них, именовалась башмаками [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 50–52], однако в современном обувном производстве и археологических публикациях башмаками принято считать обувь, закрывающую ногу несколько выше лодыжки, а туфлями, соответственно, — обувь с низкими бортиками [*Осипов, 2006.* – С. 41, 44; *Сабурова, 1997.* – С. 103].

Детальнокроеная обувь без каблука

В первой публикации мангазейской коллекции кожаных изделий из раскопок экспедиции ААНИИ обувь без каблука, названная башмаками, была выделена в первую группу второго типа. Их количество не было указано, но было отмечено, что общая численность башмаков без каблука и с ними — 96. Там же говорилось, что башмаки первой группы изготавливались из сыромятной кожи [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 51].

В настоящей работе обувь без каблука отнесена к подгруппе 1, в которую входят модели двух фасонов (типов) — туфель и сапог. Как будет показано ниже, новые мангазейские материалы не позволяют четко разделить обувь без каблука на туфли и сапоги, но имеющиеся аналоги в этнографии северорусского и финно-угорских народов свидетельствуют об использовании одинаковых конструкций в туфлях и сапогах, где добавлялись тканые, валенные или кожаные голенища. Голенища в собрании обуви данной подгруппы отсутствуют, но швом «змейка» к верхнему краю головок могли подшиваться как тканые опушни, так и голенища. Поэтому мы вынуждены характеризовать обувь этой подгруппы без разделения на типы (туфли и сапоги).

Детальнокроеная обувь без каблука — самая многочисленная в новой коллекции кожаных изделий — 663 предмета, из которых 244 относительно целых (верх с подошвой), 205 отдельно найденных подошв, 170 верхов и 44 фрагмента крыльев головок.

По форме и способам сшивания деталей выделяются три варианта.

Первый вариант — модель с цельнокроеной (иногда с подкроенной вставкой в крыло) головкой, пришивавшейся к подошве потайным выворотным швом (рис. 14).

Второй вариант — модель с аналогичной головкой, пришивавшейся к подошве сквозным вертикальным швом «змейка» через край (рис. 23; 24).

Третий вариант — модель с оригинальным верхом, состоявшим из цельной или детальнокроеной боковины («союзки») со вставным язычком в носке, пришивавшимся к подошве тем же сквозным вертикальным швом «змейка» через край (рис. 27).

Экземпляры *первого варианта* преобладают — найдено 633 предмета, из которых 237 целых, 192 головки, 160 подошв и 44 фрагмента крыльев. Большинство образцов этой обуви сшито из дубленой кожи крупного рогатого скота, две головки изготовлены из оленьей кожи и одна — из кожи мелкого рогатого скота.

Подошвы этой модели были в основном слабопрофилированными. Они имели овальную форму с расширением в передней части и практически симметричную (рис. 15 – *1.1*) или слабо выраженную асимметричную (рис. 15 – *2.1*; 16 – *3.1*; 18 – *1.1*) форму. Носок был закругленным или приостренным. У редких экземпляров имелась хорошо выраженная зауженность в перейме, под сводом стопы (рис. 16 – *4.1*; 18 – *2.1*). Потайной шов проходил по периметру подошв с отступом в 0,5–0,6 см от краев.

Верх в большинстве случаев однодетальный. Его покрой можно разделить на симметричный и асимметричный варианты. В первом концы крыльев сшивались на пятке тачным швом (рис. 14 – *2, 5*; 15 – *2.2*; 16 – *3.2*; 17 – *1.2*; 18 – *1.2, 2.2*; 19 – *2, 3*; 20 – *2*; 21 – *1.1*; 22 – *2*), во втором — сбоку, на внутренней стороне стопы (рис. 14 – *4*; 15 – *1.2*; 16 – *1.1*; 17 – *5.1*; 19 – *1*; 20 – *1.1*). В некоторых моделях использовались двух- и трехдетальные верха, в которых имелись одна-две вставки в крыльях — сзади и сбоку, с внутренней стороны стопы (рис. 14 – *1*; 16 – *2.1, 2.2*). В этом надо видеть заботу мастера об экономии кожевенного материала. Во всех случаях верх обуви был невысоким, с открытым широким устьем. По всему верхнему краю наносился ряд регулярных сдвоенных прорезей длиной 2,5–3,5 мм, делавшихся для подшивания суконной обшивки — *опушня*, или опушки, которые достаточно часто находились *in situ* (рис. 14 – *1–3*; 19 – *1, 2*; 20 – *2*).

Опушни упоминаются в сибирских документах XVII века: «[1653] Двадцатеры чарки с опушнями плохи»; «[1633] Стопят(ь) десятеры коты красные с опушнями» [*СРНДРС XVII–XVIII вв.* – С. 95].

В русских говорах Сибири слово «опушень» имеет три значения: 1) меховая обшивка обуви; 2) меховые голенища сапог; 3) оторочка из сложенной вдвое полоски ткани, в которую продергивается шнурок для подвязывания обуви.

Подобные обшивки из любого материала в XVII веке служили способом утепления обуви и одновременно ее украшением, что не изменилось и сегодня.

Добавим, что русское население Сибири называло опушками, или опушнями, не только обшивку верха обуви, но также и кожаные петельки, пришиваемые к нему и служащие для продергивания шнурков, обор [*СРГС, т. 3.* – С. 95–96].

Кожаные петли или следы их пришивания обнаружены во всех экземплярах — сзади, иногда еще и сбоку, реже — с двух боков (рис. 14; 15 – *1.3, 2.3*; 16 – *1.2, 4.3*; 19 – *1, 3*; 20 – *1.1*). В ряде случаев в них сохранились продетые оборы из тесьмы или шнуров, сплетенных из разноцветных шерстяных нитей (рис. 14 – *1–3*; 20 – *2*; 21 – *2*). В десяти случаях вдоль края верха были сделаны частые длинные прорези, очевидно для продевания ремешков, которые служили для стягивания верхнего края обуви (рис. 16 – *1.1, 3.2*; 22 – *2*). Надо полагать, что такое оформление мог сделать мастер-поршенник.

Сшивание деталей верха и низа (основное соединение) делалось выворотным способом с использованием шпандыря. При этом могли пришивать и подметки, делая подошву более жесткой и прочной. После сшивания обувь выворачивали на лицевую сторону и расправляли на деревянной колодке. Найденные в Мангазее серии колодок, судя по их форме и размерам, наиболее вероятно, служили именно для этого вида обуви. Хотя в новой коллекции имеются только шесть деревянных колодок, их нельзя назвать редкими предметами материальной культуры. Из раскопок 1968–1973 годов известны пять предметов, хотя в полевых зарисовках О. В. Овсянникова отмечены еще восемь колодок [*Курбатов, Овсянников, 1999.* – С. 270; рис. 22 – *1–5*; 23 – *1–8*].

При всей стандартности и стереотипности раскроя этой модели иногда встречаются индивидуальные признаки кроя. Здесь следует говорить о намеренности такого выполнения, а не о случайности или вторичной переделке обуви. В подобных экземплярах можно видеть своего рода индивидуальный заказ или же «почерк» мастера. Такого рода признаком надо считать, например, разрез на подъеме головки, сделанный по оси носка. По краям разреза идут мелкие сдвоенные отверстия шва «змейка». Сохранилась и вшитая в разрез деталь, закрывающая подъем стопы (рис. 18 – *1.2, 1.3*; 21 – *1.1, 1.2*). Таких случаев зафиксировано два. Подобное изменение в конструкцию мог внести человек, носивший эту обувь.

Другим частным случаем можно считать подошвы с сильной профилировкой — заостренным носком, выраженным сужением переймы и узким задником (рис. 18 – *2.1*). Такая профилировка свойственна обуви на каблуках — туфлям и сапогам. Малое число подобных подошв для бескаблучной обуви предполагает раскрой деталей мастером, который не был вполне знаком со спецификой ношения этой обуви, а переносил на раскрой бескаблучных подошв свой опыт пошива обуви с каблуками.

Еще одну редкую черту обуви этой модели можно считать выражением индивидуальности мастера-обувщика. Это тачной основной шов, обнаруженный на трех подошвах. Но и здесь, как и на остальных экземплярах, верх пришивался выворотным способом (рис. 22 – *1.2–1.4*).

Выявлена и еще одна группа, иллюстрирующая индивидуальную манеру обувщика — 17 экземпляров на конце носка верха имеют небольшой полукруглый вырез. При этом их хорошая сохранность исключает вероятность истирания или вырывания кожи в этом месте. Назначение такого приема видится в стремлении мастера уменьшить складку в носке, которая могла натирать большой палец, а также облегчить процесс пришивания головки к подошве.

Единственным видом специальной декоративной отделки обуви этой модели является тиснение узоров по оси верха. Встречены следующие варианты такого декора — из двух (20 экз.) и трех (1 экз.) продольных параллельных линий (рис. 16 – *2.1*; 17 – *1*, 2; 22 – *2*), двух расходящихся к носку линий (1 экз.) и двух параллельных линий, отходящих от середины подъема (1 экз.).

Значительно чаще декоративный эффект туфлям этой модели придавала тисненая фактура кожи верха — найдено 134 таких экземпляра, что составляет 31% от общего числа верхов. Среди экземпляров с определяемыми размерами лишь три детских и подростковых, 91 женский и 228 мужских.

Описанная модель близка обуви XVIII века, найденной в Нерчинске [*Артемьев, 1999.* – Рис. 105 – *1*]. Она также по конструктивным особенностям и технике пошива напоминает женские чирки у русского населения бассейна реки Тара. В данном случае речь идет о низкой обуви без каблука, с подошвой симметричного кроя и преимущественно однодетальным верхом. По верхнему краю пришивалась полоса шерстяной ткани, а на задник — кожаная петля для шнура [*Богомолов, 1999.* – С. 97–105; рис. 7 – *13, 14*].

Намеренно выбрав нейтральный термин для обозначения данного варианта обуви, мы стремились избегнуть прямой и безусловной привязки к известным конкретно-историческим названиям, так как их анализ показывает, что в разных регионах на протяжении XVI–XX веков одни и те же фасоны назывались различными терминами и, напротив, один термин мог относиться к нескольким типам обуви, отличающимся конструктивно.

Тем не менее попытки отождествить тот или иной фасон с названиями, известными из письменных и этнографических источников, регулярно — с разной степенью обоснованности и убедительности —

предпринимаются исследователями. Мангазейские материалы — данные таможенных сборных книг и археологические артефакты — представляют благодатный шанс для еще одной такой попытки. Пользуясь этой возможностью, попытаемся выяснить, под каким названием у жителей Мангазеи бытовали те или иные фасоны обуви, выделенные нами по результатам анализа форм археологических артефактов, в данном случае — туфель без каблука.

Сначала рассмотрим данные о количественном соотношении обуви фасонов, упоминаемых в таможенных книгах. Для этого больше подходят сведения из сборной книги 1633 года, зафиксировавшей особенно большое поступление обуви на мангазейский рынок [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – Табл. XVIII]. Как отмечалось выше, в ассортименте преобладали «коты» — 1098 пар, на втором месте были «уледи лыжные» — 64 пары, число остальных было незначительно: сапоги мужские — 19 пар, женские — 15 пар, башмаки — семь пар.

По этому показателю туфли без каблука можно соотнести только с котами, так как эти туфли численно превосходят остальные археологические мангазейские фасоны в несколько раз. С точки зрения типологической принадлежности следует исключить сапоги. Остается единственный конкурент котам — «уледи лыжные», — но и им следует пренебречь: во-первых, из-за количественного показателя, во-вторых, ввиду того, что выше мы соотнесли «уледи лыжные» с детальнокроеными поршнями. Тем не менее нельзя игнорировать конструктивную идентичность нижней части (без голенищ) северорусских и коми-зырянских бахил и близких им уледей с теми немногочисленными экземплярами мангазейских туфель без каблука, у которых были отмечены такие же, как у этнографических бахил, боковые петли на крыльях верха [*Чагин, 1989.* – Рис. на с. 172; *Белицер, 1958.* – Рис. 104 – *в*]. Это сходство можно объяснить сохранением архаичного названия «уледи для лыжной обуви», в которой нижняя поршневидная часть к середине XX века была окончательно заменена на более простую — в виде туфель без каблука с обязательными кожаными петлями. Процесс такой замены мог начаться и в XVIII веке, когда главной отличительной чертой «уледей лыжных» было наличие боковых петель с продетыми в них оборами, которыми обвязывались голенища, что обеспечивало, наряду с шерстяными чулками или онучами, защиту ног от холода, а также препятствовало попаданию внутрь обуви снега.

Возможность такого переноса названия на функционально и, в определенной мере, конструктивно сходную обувь показывает и определение, данное В. Далем в середине XIX века: «Уледями на Русском Севере, откуда и привозили в Мангазею обувь, как уже отмечалось выше, называли поршни, род грубых котов без опушки, и лыжную обувь, род сапог, бахил с кожаными или суконными голенищами» [*Даль, 1882, т. IV.* – С. 487]. Как видно, поршни, коты и бахилы, используемые как лыжная обувь, в этом определении однозначны и, следовательно, взаимозаменяемы. Относительно бахил и котов сообщается следующее: «Бахилы — это упаки (кожаные чулки или голенища) под чарки или коты, а также это обувь в целом, в собранном виде» [*Даль, 2004.* – С. 39]. Коты же, по описанию Даля, — это не только составная часть бахил и уледей, но и женская обувь в виде полусапожек или башмаков «с алою суконною оторочкой» [*Даль, 2004.* – С. 345]. Последний вариант (без голенищ) соответствует как этнографическим северорусским котам [*Чагин, 1989.* – Рис. на с. 172], так и основной массе мангазейских туфель без каблука (с одной пяточной петлей для обор). Упомянутый Далем термин «чарки» (чирки) у русского населения юга Западной Сибири в XVIII–XX веках означал первоначально те же туфли без каблука с суконной оторочкой и оборами, а затем был перенесен на женские туфли на каблуках [*Богомолов, 1997.* – С. 29].

Таким образом, анализ данных письменных и этнографических источников позволяет однозначно связывать с мангазейскими туфлями без каблука первого варианта название «коты». Небольшая часть таких изделий, дополненная кожаными или суконными голенищами, использовалась как лыжная обувь типа сапог.

Второй вариант обуви без каблука отличается от первого способом соединения верха и низа — они сшиты сквозным вертикальным швом «змейка» в одну нить. Низ включает подошву и подметки. Все подошвы имели овальную форму, отличаясь друг от друга контурами и индивидуальными пропорциями (рис. 23 – *1, 2, 4.1*; 24 – *1.2, 2.1, 3.1*; 25 – *2.1*; 26). Всего к этому варианту можно отнести восемь целых экземпляров и пять головок. Среди целых — два женских, пять подростковых и один детский. Все изготовлены из кожи крупного рогатого скота. Из 13 головок одна изготовлена из оленьей кожи, остальные — из кожи крупного рогатого скота, 11 — из тисненой кожи. На одной из отдельно найденных головок имелись две линованных параллельных прямых линии по оси.

Обувь *третьего варианта* (рис. 27; 28) характеризуется прежде всего оригинальным раскроем и формой верха — он представлен цельной длинной узкой полосой со скошенными плавным закруглением концами,

либо составленной из двух-трех деталей. Эта полоса опоясывала ступню с боков, смыкаясь на носке, где в нее вшивалась дополнительная деталь-язычок трапециевидной формы, закрывающая пальцы и подъем стопы. По верхнему краю деталей верха делались парные мелкие прорези для пришивания опушки или голенища. Верх пришивался к подошве овальной, как и у модели второго варианта, формы таким же сквозным вертикальным швом «змейка» в одну нить.

К этому варианту относятся четыре целых экземпляра, из которых два – женские (рис. 29 – *1, 4*), два – подростковые (рис. 29 – *2*, *3*, *5*). Кроме того, найдены отдельно (без подошв) четыре боковины верха и пять вставок в носок верха. Все детали изготовлены из дубленой кожи крупного рогатого скота.

Отдельно найденные подошвы овальной формы со швом «змейка» могут относиться как ко второму, так и к третьему вариантам обуви без каблука. Таких подошв — шесть. По длине они могут быть отнесены к подростковым (2 экз.), женским (3 экз.) и мужскому (1 экз.).

Оба варианта составляют одну «северную», или «аборигенную», группу принципиально отличную по раскрою, конструкциям и способам сшивания от остальной обуви без каблука. Для этой группы характерно также использование преимущественно тонкой (0,1–0,2 см) кожи жирового или таннидного дубления, как для верха, так и для подошв. В первом случае надо видеть аборигенную традицию изготовления ровдуги, во втором — русскую традицию, включающую дополнительную декоративную обработку тиснением.

Аналогичные и близкие по покрою деталей формы обуви — унтовидной, с «союзками» — зафиксированы этнографами у аборигенов Северо-Западной Сибири (хантов, манси, ненцев) [*Богордаева, 2006.* – С. 170–171; *Василевич, 1963*; *Повод, 1997.* – С. 234–245; *Прыткова, 1953*; *Фёдорова, 1994*]. Однако у этих народов такая обувь шьется из шкур оленя с мехом и включает голенища. В нашей коллекции обувь близкого покроя изготовлена из дубленых кож, а наличие голенища (кожаного или тканевого) считается только вероятным.

Исходя из этого можно предположить, что обувь второго и третьего вариантов изготавливалась представителями аборигенного населения, жившими в Мангазее (русские жители брали в жены аборигенок), или русскими сапожниками по их заказу и в соответствии с местными традициями.

Аналогичные мангазейским изделиям второго и третьего вариантов экземпляры обнаружены и среди археологических материалов XVII века из раскопок других русских городов, где могли проживать представительницы аборигенного населения Севера, — Пустозерска [*Курбатов, 2003а.* – С. 228; рис. 2 – *5–7*] и Тобольска [*Балюнов, 2007.* – С. 223].

Особый признак, общий для всей обуви без каблука, — это своего рода «эталон износа», то есть закономерность износа именно такого вида обуви. На большинстве подошв можно видеть достаточно равномерную стертость всей нижней поверхности или большей ее части. Антропометрические особенности стопы человека, как правило, слабо отражают усиленный износ на локальных участках. Чаще всего встречаются недостаточно выраженные зоны повышенной стертости под большим пальцем, первыми фалангами пальцев и пяткой. Данный факт может быть связан с использованием достаточно толстых стелек, проложенных под стопу, что закономерно при ношении в холодное время года. Такие шерстяные вязаные стельки были найдены в отдельных экземплярах *in situ*. Для отдельных деталей верха отмечена локальная стертость в носке, на обеих сторонах детали, что можно объяснять как следы воздействия лыжной петли.

Кроме конструктивных признаков, для обуви без каблука характерна практически полная симметричность большинства подошв. Подошв с выраженной асимметрией в коллекции немного. И сама асимметрия, как правило, столь невелика, что могла быть, в отдельных случаях, и результатом эксплуатационной деформации, то есть растяжения при ношении. Хотя отделить асимметричный крой от эксплуатационной деформации можно далеко не в каждом случае.

Такая манера пошива симметричной обуви может предполагать ее ношение на любой ноге — правой и левой, и даже смену ноги при обувании в разные дни. Это предположение подтверждается равномерностью стирания нижней стороны подошвы. Кроме того, некоторые подошвы имеют характерную парную протертость, симметричную по продольной оси. Такая стертость отмечена под большим пальцем и под первыми фалангами пальцев. К данного рода признакам можно относить и симметричную двойную протертость на носке детали верха. На отдельных подошвах имеется широкая стертость под пальцами и пяткой, что также может быть истолковано как попеременное ношение одной обуви на разных ногах.

Однако на большем числе экземпляров этой обуви выделяются признаки асимметричного износа, характерного при ношении обуви на одной ноге. Такие признаки есть и на подошвах, и на деталях верха. На подошвах эти признаки появляются из-за асимметрии самой стопы и неравномерности давления стопы на подошву

в разных точках. На деталях верха асимметричный износ связан с большей повреждаемостью обуви с внешней стороны стопы.

Особый вид эксплуатационной стертости обуви с подошвами без каблука — это стирание мереи вдоль всего края с основным швом, во многих случаях сопровождаемая полным протиранием носка. Такая стертость может являться следствием постоянного хождения на лыжах и трения кожи о плотный снежный наст. С этим же связана и потрескавшаяся поверхность кожи на деталях верха и подошвы, а возможно, и порезы кожи на носке и боковой стороне стопы.

Обувь с каблуком

В этой подгруппе выделяются два варианта:
Первый вариант — обувь с низким каблуком;
Второй вариант — обувь с высоким каблуком.

В первой публикации материалов из раскопок 2002–2004 годов мы отнесли обувь с низкими каблуками к сапогам, а с высокими — к туфлям. С появлением новых данных (раскопки 2005–2007 гг.) мы вынуждены скорректировать прежние позиции. Варианты обуви с каблуком различаются прежде всего размерами и формой каблуков, формой подошв и задников и способом их соединения. Головки обоих вариантов идентичны, поэтому отдельно найденные их экземпляры могут относиться к обуви обоих вариантов (рис. 48), что не позволяет включить их в статистические выкладки по вариантам.

Кроме того, затруднены выделение в обуви обоих вариантов групп разных фасонов (типов) — сапог и туфель, а, следовательно, и оценка их количественного соотношения. В коллекции представлены лишь два подростковых сапога и четыре туфли с низкими каблуками, по которым мы можем судить об их конструкции — они различаются только наличием / отсутствием голенища и формой задника. Поэтому для большого количества обуви, представленной лишь нижним блоком — подошвой с каблуком или отдельной подошвой, идентификация с тем или иным типом невозможна.

О наличии сапог в обуви с высокими каблуками можно судить по косвенным данным, в частности — по рисунку русской обувной лавки, сделанному А. Олеарием в середине XVII века, и по наличию характерных следов на нижнем конце задней половины одного из голенищ. На рисунке Олеария представлены сапоги и туфли с высокими каблуками, причем первые преобладают.

В коллекции из раскопок экспедиции ААНИИ обувь с высокими и низкими каблуками отнесена ко второй группе башмаков. Их количество не было указано, а характеристика дана для обоих вариантов общая. При этом способы соединения деталей не всегда соответствовали реалиям. Так, нельзя согласиться с утверждением о том, что «обтяжка деревянных каблуков… вырезалась вместе с подошвой из одного куска кожи», а подошвы загибались кверху на каблук и пришивались «наружным швом» [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 51–52].

Обувь с низким каблуком

В новой коллекции она представлена 31 экземпляром, относительно целым (подошва с каблуком, головка, задник), в том числе четырьмя туфлями и двумя подростковыми сапогами, 108 подошвами, из которых три — подростковые, 128 наборными кожаными каблуками. Отдельно найденные головки, головки с поднарядами и поднаряды ввиду их идентичности у обуви обоих вариантов, что отмечалось выше, будут рассмотрены совместно. Из 22 деталей голенищ лишь одна задняя половина принадлежит сапогу с низким каблуком, а другая — сапогу с высоким каблуком. Остальные могут относиться к сапогам обоих вариантов.

Конструктивная особенность обуви этого варианта — наличие низкого (1–2 см) каблука, набранного из кожаных фликов и крепившегося к подошве с внутренней ее стороны (рис. 30). А. В. Курбатов предпочитает называть этот элемент подпяточными подкладками, подчеркивая его принципиальное отличие от высокого наборного каблука.

Флики (подкладки) имели разную длину, придавая всему блоку наклон в сторону носка. В плане каблуки имели вид овала, усеченного в передней части. Перед сборкой деталей подошвы и задника пачка фликов подрезалась под острым углом к горизонтальной плоскости, создавая тем самым после сшивания равномерно наклоненную поверхность под пяткой (рис. 30 – *1И*; 31 – *1.1, 2.1*; 32 – *1.2*; 33 – *2.3*; 35 – *1–3*). С подошвой каблуки соединялись подковками или крупными гвоздями с полусферической головкой (рис. 34 – *1, 2*; 35 – *4, 5,*

6.2). Судя по длине гвоздей и шипов подковок, забитых в пяточную часть подошв, толщина каблуков могла достигать в отдельных случаях 2,2–2,3 см.

В коллекции имеются 13 деревянных каблуков (рис. 36 – *4, 6, 7*), которые по высоте и ширине аналогичны наборным каблукам этого варианта обуви, но в сборе с подошвами они не встречены. Крепление их к подошве, судя по форме, должно было оставить на ней характерный крутой изгиб — *крокуль*, однако на подошвах данного варианта обуви крокуль не встречен.

Подошвы кроились из плотной, или жесткой, кожи крупного рогатого скота толщиной 2,5–3,0 мм. В плане раскройка подошвы имеет широкую переднюю часть, с округлым или в разной степени приостренным носком, прямые (рис. 37 – *1*) или вогнутые в середине (рис. 31 – *1.1, 2.1*; 32 – *1.1, 2.1, 3.1*; 33 – *1.1, 2.1*; 34 – *1, 2*; 35 – *5, 6.2*; 37 – *2–5*) края, плавное закругление пятки. Границей передней и задней половин раскройки подошвы чаще всего служит выразительный изгиб края (обреза) раскройки, находящийся в готовой обуви под сводом стопы. Это место подошвы — так называемая *перейма* выражена слабо. Ширина переймы немногим меньше максимальной ширины в пятке, но в некоторых моделях равняется ей. Передняя часть раскройки несколько длиннее задней, соотношение между ними составляет в среднем 3:2. Все это можно видеть у разных вариантов раскроя подошв.

Соединение низа и верха выполнено потайным швом, который находился на внутренней стороне подошвы и не выходил на ее внешнюю сторону (плантарную поверхность, соприкасающуюся с почвой). Для выполнения сшивания подошвы с головкой производилась предварительная разметка линии шва — так называемое *тачание шва*. Разметка включала нанесение на внутреннюю сторону подошвы соответствующую внутренней поверхности кожи — бахтарме — легких надрезов, обозначающих внешнюю и внутреннюю границы стежков. Ширина между этими надрезами определяет ширину шва или ширину захвата кожи. Затем поверхность бахтармы за пределами линии шва выскабливалась. Такие операции разметки, как нанесение линий и выскабливание, вероятнее всего, выполнялись раскроечным ножом.

По длине подошв в «целых» экземплярах и отдельно найденных выделяется обувь мужская (69 экз.), женская (27 экз.), детская и подростковая (3 экз.).

Верх сапога включал набор головки с поднарядом, блок деталей задника и голенище. *Головки*, как правило, кроили из кожи крупного рогатого скота толщиной 1,2–2,0 мм. Головка имела полуовальную форму, с дугообразным вырезом посередине, там, где деталь закрывала подъем стопы. Одним из отличий сапожной головки может служить своеобразный «язычок», выделенный на месте, где должен находиться подъем стопы. Такой язычок был почти обязательным элементом в конструкции «русских сапог» в первой половине XVI века [*Курбатов, 1991а.* – С. 71–74]. В дальнейшем, во второй половине XVI – начале XVII века, бытовали и сапоги без язычков.

В туфлях головки имели только дугообразный вырез вверху, при этом их край заворачивался внутрь и сшивался тачным швом с краем поднаряда.

Как отмечалось выше, головки каблучной обуви обоих вариантов не различались ни морфологически, ни конструктивно. Поэтому рассмотрим здесь и их, учитывая вероятность отнесения отдельно встреченных головок к обуви обоих вариантов.

Головки в составе обуви с низким каблуком изготовлены из дубленой кожи, в основном крупного рогатого скота. Оленья кожа использована в двух случаях. Около 40% головок обуви с низким каблуком имеют тисненую фактуру. На трех экземплярах головка декорирована линованием — двумя прямыми линиями по оси.

По форме головок выделяются две разновидности:

1) с подтреугольным язычком по оси, выделенным двумя дугообразными вырезами (рис. 38 – *1*; 39 – *2*);

2) с дугообразным вырезом (рис. 31 – *1.2, 2.2*; 32 – *1.3, 3.2*; 33 – *2.2*; 35 – *6.1*; 38 – *2–6*; 39 – *1, 3*).

В составе «целых» экземпляров обнаружено четыре головки с язычком. Среди отдельно найденных головок — 18 таких экземпляров. Головки с дугообразным вырезом были более распространены: в составе целых экземпляров — 14, среди отдельно найденных — 91. Кроме того, у четырех «целых» экземпляров верхний край головок срезан, очевидно, в результате обрезания голенища пришедших в негодность сапог. Исходя из этих данных к сапогам, помимо двух целых подростковых, можно с достаточным основанием отнести «целые» экземпляры с головками первой разновидности и с обрезанными верхними краями, всего — восемь экземпляров. Вероятно, многие из головок с дугообразным вырезом, как в составе обуви, так и отдельные, также принадлежат сапогам. Об этом свидетельствует наличие именно таких головок у подростковых сапог (рис. 32 – *3.2*; 46 – *1.4, 2.4, 2.7*). Важным аргументом в пользу идентификации почти всей обуви с низким

каблуком с сапогами могло бы стать наличие на верхнем обрезе головок тачного (95%) и выворотного швов. Однако трактовать эти швы однозначно — как свидетельство пришивания только голенищ — и на этом основании относить практически всю обувь с низким каблуком к сапогам нельзя, так как тачным швом головки могли сшиваться и с поднарядами — в коллекции имеются четыре «целых» экземпляра туфель, у которых верхний край головки загнут внутрь и соединен с поднарядом тачным швом.

Вместе с головкой кроили и *поднаряд*. Поднаряд мог быть цельным (рис. 31 – *1.2, 2.2*; 32 – *3.2*; 33 – *2.2*; 38 – *3, 6*; 39 – *1, 3*) или двухчастным, сшитым из двух симметричных половин (рис. 32 – *1.3*; 39 – *2*). Последнее было наиболее характерно для первой половины XVI века, тогда как в дальнейшем преобладали цельнокроеные поднаряды [*Курбатов, 1995*]. Как правило, длина крыльев (боковых выступов) поднаряда в сапогах больше, чем у головок, и первые сшивались с внутренними деталями задника при взаимоналожении — «внаклад», а не встык. Несовпадение швов у внешних и внутренних деталей верха обуви значительно улучшало влагонепроницаемость конструкции. Встречаются и поднаряды, длина крыльев которых одинакова с головками.

Поднаряды найдены как в составе обуви с низким каблуком (18 экз.), так и отдельно (19 экз.). Среди них представлены экземпляры первого варианта (с язычком), причем цельных из них десять экземпляров (2 — в составе обуви), а двухчастных, сшивавшихся по оси — 11 экземпляров (4 — в составе обуви).

Задники состояли из нескольких деталей, скреплявшихся между собой в «пакет» (рис. 30 – *1Д, Е, Ж*; 31 – *2.3*; 33 – *1.2–1.5, 2.4*) до общей сборки обуви сквозным швом «змейка» по краям и крепившихся к каблуку по отогнутому наружу нижнему краю «сандальным» швом, на который накладывался кант из витой медной проволоки (рис. 41 – *1, 4*). У четырех «целых» туфель задники были невысокие (до 5,6 см) подпрямоугольные, с берестяными вставками внутри, закрытыми согнутой вдвое полосой кожи (рис. 35 – *6.2*; 40 – *14–16*; 41 – *1*). Остальные задники, найденные в составе обуви с низким каблуком, имели различные формы: дуговидную (5 экз.), пятиугольную (6 экз.) и с подтреугольным язычком (5 экз.) (рис. 40 – *1–12, 13.1, 13.2*). Аналогичные задники были найдены отдельно от обуви (6 – с дуговидным верхом, 17 – с оттянутым язычком и 13 пятиугольных), но они могли принадлежать и обуви с высоким каблуком. Кроме того, были встречены задники, обрезанные в верхней части вместе с голенищами при утилизации обуви, непригодной к ношению (рис. 31 – *1.3, 2.3*; 41 – *4*). По остаткам таких задников можно предполагать, что они имели относительно высокий фигурный верх. Все фигурные и обрезанные задники, несомненно, принадлежали сапогам.

Голенища in situ сохранились на двух сапогах — детском и подростковом (рис. 46). На них хорошо видны особенности их раскроя и способы сшивания с прочими деталями конструкций. Всего найдено 38 деталей голенищ, из которых, лишь десять сохранились почти полностью, а остальные — в виде небольших обрезков. Голенища состояли из двух половин — передней (рис. 30 – *1В*) и задней (рис. 30 – *1Г*), имевших подпрямоугольную форму и сшивавшихся между собой тачными швами.

На нижнем краю передней половины имелся подтреугольный или дуговидный вырез, представлявший своеобразный «негатив» формы верхнего края головки, к которому она пришивалась выворотным или тачным швом (рис. 42 – *1, 3–6*; 43). По боковым краям проходили тачные швы, по верхнему — обметочный или тачной (рис. 42 – *1–5*), а чуть ниже часто встречался декоративный поперечный слепой шов (рис. 42 – *1, 4*; 43 – *1, 2*).

Задние половины иногда имели меньшую ширину и высоту, чем передние. Их нижний край имел прямой поперечный срез или подтреугольный вырез. В первом случае на этом срезе проходил сквозной вертикальный шов от подшивания к каблуку (рис. 44 – *3*; 46 – *2.1, 2.7*), во втором — тачной, от подшивания к краю задника (рис. 44 – *2–5*; 45 – *2*), а чуть выше проходили один-два «слепых» шва, повторявших форму верхнего края задника (рис. 32 – *3.3*; 44 – *1, 5*). В одном случае, на детском сапоге, имелся подкроенный верх передней половины голенища, пришивавшийся к нижней части тачным швом.

Одно голенище было выкроено из кожи мелкого рогатого скота, остальные — из кожи крупного рогатого скота. Кожа — дубленая; как правило, тонкая (толщиной 0,10–0,13 см, реже – до 2,20 см); на одном экземпляре встречено горизонтальное линование, на остальных — тиснение по мерее.

Высота голенищ — от 14–16 см (детские) до 19–26 см. Большими размерами отличаются две детали: передняя — высотой 40,4 см, задняя — высотой 33,7 см (частично обрезана снизу). Ширина задних половин варьировалась в пределах 6,5–10,0 см, при этом вверху они чуть расширялись. Передние половины имели ширину от 9,0–18,5 см внизу до 1–24 см вверху.

Сборка деталей обуви с низкими наборными каблуками сочетала различные приемы и швы — соединение головки и подошвы потайным швом, а подошвы с задником — сквозным, или «сандальным». Среди

особенностей сшивания надо отметить бóльшую ширину захвата кожи с внутренней стороны подошвы на потайном шве, в среднем — 9–11 мм. Сшивание сапог можно представить в виде двух одинаково возможных технологических схем, различающихся последовательностью пришивания головки к голенищу и подошве.

Перед общей сборкой детали проходили подготовку. Например, на головку наносилось тиснение или линование — так называемый *накат* [*Поварнин, 1912.* – С. 89]. Операцию проводили, скорее всего, на мягкой подложке — войлочной или кожаной. Затем головку вместе с поднарядом пришивали к подошве. Для этого действия, вероятно, использовали особый кустарный прием — так называемое *шитье на шпандырь*. Для высвобождения обеих рук (они нужны для работы с иглами и нитью) подошва крепилась к ноге мастера специальным ремнем — *шпандырем* [*Штыхов, 1975.* – С. 76]. Соединение было выворотным и велось, скорее всего, от носка к заднику. Боковые обрезы головки на 2,5–4,0 см оставлялись несшитыми. После пришивания головки к подошве она выворачивалась на лицевую сторону. Голенище сапог готовилось отдельно — для этого обе половины сшивались тачным швом с бахтармы и выворачивались. Для удобства мастер при сшивании мог пользовать круглую жесткую основу, например, обрезок бревна или плахи. Задник сначала сшивали с голенищем, а затем последовательно с головкой и подошвой. Как и другие узлы, сборка задника из отдельных элементов велась предварительно. С бахтармы к нему пришивался карман, куда вставлялся берестяной вкладыш или кожаные прокладки, соединенные нитью. На завершающей стадии сборки сшивались боковые обрезы задника и головки. Именно для этой операции боковые обрезы головки не пришивались к подошве на первой стадии. После этого нижний край задника и несшитая часть нижнего обреза головки соединялись с каблуком вертикальным сквозным, или «сандальным» швом.

После полного сшивания обуви с низким каблуком у подошвы подрезались края, а на ее пяточную часть набивалась подковка или железные гвозди с массивными шляпками. Для этого применялись железные кованые гвозди четырехгранного сечения, длиной 15–20 мм с круглыми полусферическими шляпками диаметром от 5–8 до 12–16 мм. Гвозди забивались с таким расчетом, чтобы вошли в берестяной вкладыш задника, обеспечивая дополнительную прочность пяточному узлу. Набойку гвоздей вели, скорее всего, на специальной деревянной подставке, на рабочую сторону которой крепилась железная пластина, или на сапожной лапе.

Сапожники могли использовать для тачания швов прямые и изогнутые шилья квадратного или ромбического сечения, а для сшивания — прямые и изогнутые иглы, круглые в сечении. Изогнутые шилья и иглы были удобны при сшивании подошвы и верха обуви потайным швом на внутренней стороне подошвы. Однако сегодня можно говорить о находках в Мангазее только прямых шильев и игл [*Курбатов, Овсянников, 1999.* – С. 270; *Визгалов, Пархимович, 2008.* – С. 75; рис. 109].

Судя по размерам отверстий на деталях, можно предполагать применение нитей разного диаметра для отдельных соединений. На голенищах, на подъеме и боковых обрезах головки и задника отверстия имели диаметр до 1,0–1,5 мм, тогда как в местах соединения головок и задников с подошвой применялись более толстые нити (отверстия здесь имеют диаметр 2–3 мм). Надо отметить, что тачание шовных отверстий было частью подготовительных операций, выполняемых до сшивания. Только при таком подходе могли получаться ряды ровных стежков, то есть лежащих на равном расстоянии друг от друга и не наезжающих на края кожи.

Многочисленные следы ремонта сапог и туфель с низким каблуком и изношенные детали позволяют определить некоторые закономерности износа. Наиболее быстро изнашивались подошвы. Многие из фрагментированных или целых подошв имеют протертые под пяткой дыры. Такой износ свидетельствует о мягкости подошвы, которую не могут предохранить от протирания даже высокие шляпки гвоздей. Протиралась не только сама подошва, но и флики (подпяточные подкладки). При износе передней части подошвы подметка ставилась на всю переднюю часть стопы, при этом швы захватывали и нижнюю часть головки.

Особенностями износа обладают и детали верха. Сильно изнашивались нижние участки головок, особенно в месте наибольшего расширения стопы — «в пучках». По степени стертости головок и подошв можно определить принадлежность детали к обуви правой или левой стопы. Для пятки, подошвы и головок характерно наибольшее истирание снаружи стопы. Задник при эксплуатации очень часто деформируется от многократного одевания и нагрузки при ходьбе. Образуемая при этом смятость кожи задника — своего рода «гармошка» — способствует его быстрому протиранию, после чего весь задник заменялся новым. Заплаты на задник не ставились. Голенище изнашивалось менее всего, поэтому, как правило, использовалось вторично.

О сроках износа говорить достаточно сложно в отсутствии комплекса сравнительных наблюдений этнографов для разных природно-географических условий. Имеются только отдельные наблюдения современных обувщиков. Например, статистика износа кожаных подошв обуви по климатическим зонам ставит северо-

западную зону России на второе место после Кавказа. Сроки износа здесь составляют, в зависимости от вида таннидного дубления, 200–270 дней [*Зыбин, 1963.* – С. 119]. Надо полагать, что для обуви XVI–XVII веков износ подошв был более быстрым, учитывая их незначительную толщину и слабую разработку технологии выделки кож. В определенной степени протирание подошв замедляли набиваемые подметки, железные гвозди и подковки.

Декоративная отделка сапог и туфель с низким каблуком включала несколько приемов, некоторые из них также применялись для отделки бескаблучной обуви и обуви с высокими каблуками:

– обшивание верхнего края голенищ цветной тканью, мехом или кожей, о чем свидетельствует линия наружного слепого или тачного шва вдоль него;

– нашивание перевитой бронзовой проволоки на пяточном ранте поверх основного — сквозного вертикального — шва. Встречаются два варианта исполнения этого приема: а) несколько навитых медных (бронзовых) или железных нитей; б) металлические нити, навитые вместе с толстой растительной нитью, вероятно, со сшивной нитью — *дратвой*;

– набивание мелких декоративных гвоздей на задник и носок подошвы (в одном случае на заднике сохранились отпечатки металлической вальцованной нити);

– выведение наружу тачных швов, выполненных цветными (?) нитями, по заднику и голенищу;

– тиснение (или линование) по головке, заднику и голенищу. Под декоративным тиснением сапог (а также туфель) здесь надо понимать контрастные и рельефные узкие полосы (линии), получаемые при проведении по коже нагретого металлического инструмента;

– использование кожи с тисненой поверхностью, получаемой уже на завершающей стадии выделки сырья в мастерской кожевника.

Из анализа собрания обуви с низкими каблуками следует, что в целом преобладали сапоги, но соотношение сапог и туфель все же неясно, так как экземпляры с несохранившимися задниками не имеют характерных «опознавательных» признаков и могут принадлежать обоим типам обуви.

Примечательны сведения о сапогах и башмаках сборных таможенных мангазейских книг на 1633 и 1635 годы. Из них следует, что «сапог мужских» в 1633 году поступило на рынок лишь 19 пар, а женских — 15, башмаков же семь пар. Однако там же сообщается о поступлении достаточно большого количества «подошв дубленых»: в 1633 году — 519 штук, а в 1635 году — 87. В немалом количестве завозились и собранные каблуки — «сколоты подошвенные» (122 шт. в 1633 г. и 67 шт. в 1635 г.), а также подковки — «скобы сапожные» — 50 штук в 1633 году. Привозились и «переды сапожные» (головки) — в 1635 году — 40 штук [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – Табл. XVIII].

Эти данные могут относиться и к обуви с высокими каблуками, по крайней мере касательно женских сапог и части полуфабрикатов. Тем не менее они недвусмысленно свидетельствуют о пошиве сапог и туфель местными обувщиками.

Обувь на низких наборных кожаных каблуках в XVI–XVIII веках была широко распространена у русского населения Западной Сибири. Об этом свидетельствуют не только данные письменных источников и мангазейская коллекция, но и материалы из других археологических памятников этой территории.

Там, где органика плохо сохраняется в культурном слое, о наличии и распространенности такой обуви говорят находки железных подковок в виде широких дуговидных полос с шипами и (или) отверстиями для гвоздей. Так, в Лозьвинском городке и Берёзовском кремле их найдено, соответственно, 68 и 76 экземпляров [*Пархимович, 1986.* – С. 140; *2010*]. Сапоги и башмаки (туфли с каблуками – *авт.*) имеются в коллекции из раскопок Тобольска, где они также не разделяются по типам из-за «отсутствия археологически целых моделей и голенищ» и «их схожего морфологического строения». Общее число такой обуви в публикации не указано [*Балюнов, 2007.* – С. 223].

Кожаная обувь в большом количестве найдена и при раскопках в Тюмени и Томском кремле, но эти материалы ждут своей публикации. Пожалуй, единственной работой, в которой речь идет о русских сапогах XVII–XVIII веков, является статья томских археологов о двух сапогах из Томского кремля и селькупского могильника Мигалка [*Чиндина, Черная, Володина, Капитонова, 2003*]. В ней предпринята неудачная, на наш взгляд, попытка реконструкции сапог с низкими наборными каблуками и подковками. Авторы этой статьи оперировали фрагментами пяточных частей с каблуками и задниками и одного голенища, что, видимо, и обусловило ошибочные выводы о конструкции этих сапог — заключение о соединении подошвы и каблука с головкой «сандальным» швом противоречит опубликованному рисунку [*Там же.* – Рис. 1 – *1*], где виден по-

тайной шов на подошве. Собственно головка крепилась в передней части *подошвы* и к краям задника, а к каблуку «сандальным» швом пришивался задник. Нельзя согласиться и с предположениями о том, что носки русских сапожных головок XVII века «были сильно заужены, вытянуты и загнуты вверх» и что «вдоль шва по периметру низа и шва, соединяющего головку и голенище» проходил «галун из бронзовой спирали (?), перевитой вокруг… пряжи» [*Там же.* – С. 71]. Во-первых, эти предположения не подкреплены соответствующими данными анализа рассмотренных фрагментов, а во-вторых, как можно видеть, в большом мангазейском собрании такой обуви подобные особенности конструкции не встречаются ни в одном случае.

Обувь с высоким каблуком

Как отмечалось выше, в первой публикации коллекции кожаных изделий из раскопок экспедиции ААНИИ обувь с высокими каблуками, названная башмаками, рассматривалась в одной группе вместе с низкокаблучной обувью. При этом ее число не было указано.

При повторном анализе этой коллекции было выделено не менее 32 экземпляров такой обуви. Размеры уверенно определяются в 23 случаях. Три изделия предназначены для детей с длиной стопы 10–12 см, остальные можно относить к подростковой и взрослой формам женской обуви под размер стопы от 16,0–16,5 до 22,5 см. Один экземпляр имел резкое сужение каблука книзу, наподобие современных дамских туфель. Еще одна из подошв, диной 12 см, относилась к экземпляру для стопы 11,0–11,5 см, то есть для ребенка трех-четырех лет [*Курбатов, Овсянников, 1999.* – С. 253–256, 258].

Обувь с высоким каблуком, так же как и с низкими, включает сапоги и туфли и по тем же причинам (конструктивное сходство нижней части сапог и туфель) не может быть разделена на комплексы разных типов (рис. 47; 48 – *1, 3*). Нет и целых сапог, хотя как минимум одна задняя часть голенища со следами крепления, характерными для обуви с высокими каблуками — вертикальной кожаной или железной полоской, скреплявшей сзади каблук и задник, — в коллекции есть (рис. 54 – *2.2*). Сохранились относительно полные (без голенищ) наборы — 63 экземпляра — и отдельные детали и узлы.

Конструктивно обувь этого варианта сходна с обувью первого варианта, отличаясь высоким (3–14 см) каблуком и подошвой особой формы — с крокулем.

Подошвы изготавливались из толстой (3–4 мм) кожи крупного рогатого скота и характеризуются ярко выраженной профилировкой — приостренным (реже округлым) носком, дугообразными краями передней части и крутым переходом к узкой (до 3 см) перейме и несколько расширенной и закругленной в пятке. Перейма и примыкающая к пятке часть круто, под прямым углом к плоскости ступни, изогнута — подошва с крокулем (рис. 47 – *1И, 2З*; 48 – *1Б, 3Б*; 49 – *1.2–1.4*; 50 – *1.4, 2.2*; 51 – *1.1, 2.2*; 52 – *3.1*; 53 – *1.1, 2.2*; 54 – *1.3*; 55 – *1.2, 2.2*; 56 – *1.1*; 57, 58). Вертикальная часть изгиба опускалась вниз и прибивалась гвоздями или пришивалась дратвой к передней грани каблука (рис. 59 – *1*), а пяточная часть подошвы прибивалась подковкой к каблуку.

У 33 подошв под сводом стопы, на плантарной стороне (19% от числа всех подошв с крокулем) были зафиксированы тисненые клейма, что свидетельствует о массовом изготовлении их профессиональными обувщиками. О численности таких мастеров, поставлявших высококаблучную обувь в Мангазею, можно судить по наличию 10 разновидностей клейм. Наиболее распространенными оказались клейма в виде трех длинных (4,4–8,3 см) тонких параллельных линий, вытянутых продольно, — 19 экз. (рис. 49 – *1.4*; 50 – *2.2*; 51 – *2.2*; 57 – *3*; 59 – *3, 7*). Две параллельные линии встречены дважды. На двух подошвах имелись клейма в виде двух полос, состоящих из трех прямых параллельных линий, расположенных под углом к оси подошвы и почти сходящихся спереди. Аналогично расположены полосы из двух параллельных линий на двух экземплярах.

Остальные разновидности клейм встречены на единичных экземплярах:

– линия по оси и по одной линии с боков от нее, несколько расходящиеся впереди (рис. 57 – *6*);

– три прямых параллельных линии по оси – длинная центральная и короткие боковые (рис. 54 – *1.3*);

– две параллельных полосы из прямых продольных линий, расположенные с просветом по оси;

– две одинарные линии, расположенные под углом к оси подошвы и наклоненные впереди;

– две полосы линий, отогнутых сзади вовне, расположенные под углом к оси, почти сходящиеся впереди;

– группа из семи прямых линий, образующих форму трапеции, зауженной спереди.

Вопрос о причинах клеймения и значении разных знаков еще мало изучен. Д. О. Осипов, опубликовавший серию наиболее ранних обувных клейм из раскопок в Москве, считает, что клейма на московской обуви появляются не ранее середины – второй половины XVII века, судя по датировке археологических комплексов, в которых встречена обувь с клеймами. В то же время наибольшее количество клейм на музейных образцах

обуви относится к изделиям XVIII века. Считается, что их появление связано с процессом разделения труда в кожевенном и обувном ремеслах в России, особенно в крупнейших городах, что приводит к появлению разных специалистов по пошиву обуви. Отдельные мастера стремились выделить свою продукцию, оставляя на ней свой «фирменный знак».

Ранними знаками были тисненые линии и круги, а также нарезные линии, наносимые на нижнюю сторону подошвы преимущественно под сводом стопы. В дальнейшем развитии именных знаков тисненый орнамент клейм сменяют так называемые *именники* — инициалы мастера, оттиснутые в прямоугольной рамке. По исследованию Т. С. Алешиной, ранние именники появляются на моделях обуви 30–40-х годов XIX века. А привычное нам клеймо в виде товарного знака фирмы-изготовителя окончательно оформляется лишь к началу XX века [*Осипов, 2006.* – С. 73–75].

Клейма на обувь встречены в археологических материалах не только Москвы, но и некоторых других городов России — Пскова, Старой Ладоги [*Оятева, 1965.* – С. 56–57; рис. 7 – *1, 2*], Выборга [*Курбатов, 2003г.* – Рис. 7 – *7*; 8 – *7*], Твери [*Курбатов, 2002.* – Рис. 9 – *1*; 10 – *4*]. Данные материалы относятся к концу XVI – XVII веку, что позволяет констатировать появление клейм на обуви в первой половине XVII века. Примерно в это же время или несколько ранее клейма на обуви появились и в странах Западной Европы. В Скандинавии такая обувь отнесена к первой половине XVII века [*Swann, 2001.* – С. 120–121]. При рассмотрении подобных клейм Ю. Сванн подчеркнула, что подошвы с клеймами принадлежат различным формам, вероятно, женских сапог или башмаков и служили знаками мастеров, выделявших свою продукцию, или же оптовых торговцев обувью.

Мангазейская коллекция подошв с клеймами является самой большой выборкой такого рода в известных на сегодня материалах из разных городов России. Можно добавить сюда и два экземпляра клейм на подошвах из раскопок 1968–1973 годов. Клейма представляли три продольные параллельные тисненые линии под сводом стопы [*Курбатов, Овсянников, 1999.* – Рис. 7 – *2*; 8 – *5*]. Вероятно, пошив подобной клейменой обуви производился в одной стране в нескольких мастерских в относительно короткий промежуток времени.

Каблуки имели полуцилиндрическую форму, их верхняя площадка была несколько скошена вниз в передней части. Высокие наборные каблуки представлены в коллекции 67 экземплярами, из которых 25 находились в составе обуви. Они состояли из прошитых, а чаще пробитых деревянными мелкими «гвоздями»-шпильками (рис. 47 – *13*; 59 – *2*) кожаных фликов (рис. 49 – *2.4*; 52 – *2.2*; 53 – *2.3*; 55 – *2.3*; 56 – *2.5*). Сзади у них посередине закругленной стороны вырезался вертикальный паз фигурной в разрезе формы (рис. 55 – *2.3*; 56 – *2.5*; 59 – *5, 8*; 62 – *7*) , куда мелкими железными гвоздиками прибивалась для скрепления многослойной пачки фликов узкая кожаная (реже железная) пластина (рис. 47 – *3Г*; 57 – *3*; 59 – *6, 7*; 62 – *6А, 8*). При этом шляпки гвоздиков часто образуют узоры, выполняя тем самым и декоративную функцию. Скрепляющая пластина продолжалась и выше, проходя по оси задника до его верха, скрепляя еще и задник с каблуком.

Задники обуви с высоким каблуком вследствие его наличия имеют такой опознавательный признак, как вмятину — отпечаток скрепляющей пластины (рис. 41 – *3*; 60 – *1.3*). На этих задниках, как и на каблуках, встречены те же узкие кожаные полоски, прибитые мелкими гвоздиками, или следы таких гвоздиков, образующие узорные линии (рис. 40 – *11, 12*; 47 – *3Г*; 50 – *1.2*; 54 – *1.4*; 56 – *2.4*; 60 – *1.4*; 62 – *4*) Большинство задников, аналогичных по форме задникам обуви с низким и каблуками, были также обрезаны вверху, что свидетельствует о наличии у них голенищ (рис. 50 – *1.2*; 53 – *1.3*; 54 – *1.4*; 56 – *1.3, 2.4*; 60 – *2.3*). Устройство жестких задников обуви с высоким каблуком было таким же, как и у обуви первого варианта — «пакет» из двух кожаных деталей, между которыми вставлялся толстый берестяной вкладыш (рис. 40 – *13.1–13.3*; 41 – *3, 7, 8*; 47 – *1Г–Ж, 2В–Е*; 49 – *1.5*; 51 – *3.4*; 53 – *2.4*). Задники крепились к каблукам «сандальным» швом по загнутому наружу нижнему краю, где зачастую встречается наложенная сверху дуга из витой медной проволоки (рис. 59 – *2*).

Кроме наборных каблуков в коллекции имеются 22 деревянных, из которых, как говорилось выше, два (как исключение) относятся к низкокаблучной обуви. В целом же деревянные каблуки достаточно высоки — от 3 до 14 см, заметно сужаются книзу (рис. 36 – *1–3*, *5*, *7–10*; 47 – *2Ж*; 61). Три каблука встречены в составе обуви, вместе с головками, подошвами и кожаными деталями задника. У них цельнорезные дуговидные пластины вверху, играющие роль жесткого вкладыша в кармане задника (рис. 61 – *2–4*).

Среди отдельно найденных подковок имеются довольно миниатюрные, дуга которых соответствует размерам нижних площадок высоких деревянных каблуков. В одном случае на высоком каблуке, обтянутом кожей, сохранилась подковка оригинальной формы (рис. 64 – *22*).

Переход на деревянные обтяжные каблуки происходил, по нашему мнению, на протяжении второй половины XVII века. Это подтверждает небольшая по объему коллекция кожаных предметов из раскопок Старотуруханска в 2008 году [*Курбатов, И–2009*], а также результаты раскопок последних лет в центре г. Москвы, в частности на ул. Арбат [*Векслер, Осипов, 2004.* – С. 339, 341].

В новой мангазейской коллекции есть два экземпляра обуви с деревянными каблуками, обтянутыми отдельно выкроенными кожаными покрытиями из двух деталей, сшивавшихся на ребрах передней части каблука переметным швом «через край» красными шерстяными нитями (рис. 61 – *1, 3*).

Верх обуви состоял из головки с поднарядом, набора задника (рис. 47 – *1А, Б, Г, Д, Ж, 2А–Е*) и в ряде случаев — декоративной обшивки по швам верха, по верху головок и голенищ (рис. 49 – *2.2*; 54 – *2.2*; 61 – *1, 3*; 62 – *3*; 63 – *1, 2*). Головки (аналогичны головкам обуви с низкими каблуками) кроились цельными, а поднаряд мог быть цельным или из двух – четырех деталей. Для головок, найденных в составе обуви с высокими каблуками, характерны, как и для низкокаблучной обуви, дуговидные верхние края — 61% (рис. 49 – *1.1, 2.2*; 51 – *1.2, 2.1, 3.3*; 52 – *1.1, 3.2*; 55 – *2.1*) и с язычком на подъеме — 39% (рис. 53 – *1.2, 2.1*; 54 – *1.1, 1.2, 2.1*; 56 – *1.2, 2.2*; 60 – *1.1, 2.2*). Среди поднарядов, найденных в составе обуви, — 15 цельных и семь двухчастных с дуговидным срезом на подъеме, а также отдельно найденные одиннадцать цельных и шесть двухчастных с язычками. Налицо почти двухкратное преобладание цельных поднарядов над двухчастными.

Существенным усложнением формы головок были фигурные выступы на концах крыльев, служившие в качестве неотделимой от головки обтяжки каблука. Такими головками с фигурными выступами снабжались только модели с деревянными каблуками (рис. 51 – *2.1*; 52 – *3.2*). В составе обуви найдены две головки с фигурными выступами, отдельно — еще четыре. В дальнейшем развитии конструкции такие головки уступили место описанным выше отдельным кожаным обтяжкам каблуков.

Небольшое количество головок с фигурными выступами на концах крыльев, как и самих деревянных каблуков, свидетельствует о начале внедрения новых форм и конструктивных деталей в первой половине XVII века, даже в столь отдаленной от «цивилизованного мира» «златокипящей государевой вотчине» — Мангазее.

Лишь две головки от обуви с высокими каблуками были изготовлены из оленьей кожи, пять — из кожи мелкого рогатого скота, остальные — из кожи крупного рогатого скота. Из кожи мелкого рогатого скота изготовлены также найденные в составе обуви четыре поднаряда, три задника и стелька. Тиснение кожи зафиксировано на 65% «целых» экземпляров.

Швы на верхнем краю головок высококаблучной обуви более разнообразны, чем у низкокаблучной: тачной (70,6%), тачной с загнутым внутрь краем (2%), выворотный (21,6%), выворотный с загнутым внутрь краем (2%) — на туфлях, сквозной регулярный (2%), обметочный «через край» (2%). Наличие тачных швов по верхним краям этих деталей позволяет предполагать использование кожаных, тканых и меховых голенищ (берцев) или меховой опушки. Обрезанные вместе с голенищами верхние края (вместе со швами) встречены на 14 экземплярах (рис. 50 – *1.1, 2.1*; 55 – *1.1*; 56 – *1.2, 2.2*; 60 – *2.2*). Эти швы, кроме экземпляров с загнутыми внутрь краями, скорее всего, использовались для пришивания голенищ, но нельзя исключать и сшивание таким образом головок и поднарядов, поэтому четко разделить это собрание обуви на туфли и сапоги не представляется возможным. К сапогам можно отнести уверенно лишь 14 экземпляров с обрезанными вместе с голенищами краями.

По размерам «целой» обуви и подошв с крокулем (всего 166 экз.) выделяются комплексы для взрослых женщин (длина от 21 до 26 см) — 74 экземпляра, для девочек-подростков (от 16 до 21 см) — 77 экземпляров и детские (от 11 до 16 см) — 15 экземпляров. Примечательно наличие такой обуви, в общем-то, неудобной для совсем маленьких, трех-четырехлетних, девочек.

В целом обувь с высокими каблуками — туфли и сапоги — была, безусловно, праздничной, для «выхода в свет», данью моде, пришедшей с Запада. Об этом свидетельствуют и разнообразные способы ее декорирования — тиснение кожи головок, задников и голенищ; фигурная набивка гвоздей на каблуки и задники; строчки слепых швов на некоторых головках, задниках и, видимо, голенищах (судя по единственному экземпляру, несомненно, принадлежавшему сапогу с высоким каблуком); крепление медной проволоки, скрученной с цветной шерстяной нитью, поверх шва в основании задника и по ранту. Все это вместе с изящной формой придавало этой обуви черты модельной, предназначенной для удовлетворения эстетических потребностей.

Появление такой обуви кажется закономерным, учитывая активную европейскую торговую деятельность на Русском Севере, проходившую через крупнейший порт Архангельска. Туфли на высоком деревянном

каблуке стали модными в Скандинавии в последние десятилетия XVI века, когда там появились каблуки, обтянутые красной кожей, и обшивка края обуви металлической и растительной нитью [*Курбатов, 2005.* – С. 239]. Находки модной западной обуви в заполярной Мангазее показывают оперативное поступление модных изделий на русский рынок, практически одновременное началу их изготовления в странах Западной Европы, а также постоянный спрос на модную обувь даже в условиях сурового арктического климата.

Историки моды отмечают, что распространение высокого каблука в европейской обуви является переломным моментом как в конструировании обуви, так и в сложении нового взгляда на костюм. При исследовании обуви стран Скандинавии было отмечено, что с введением высокого каблука изменяется конструкция низа обуви и встает проблема соединения подошвы и верха. В ранних формах такой обуви покрытый кожей клин каблука развивается из платформенной подошвы. Позднее появился каблук, набранный из мелких обрезков кожи, крепившийся к подошве снизу. Такие каблуки в Англии с 1611 года называли *польскими*. Они показывают стремление расширить свободную площадь под пяткой, что изменяет положение и походку человека. Введение каблука означало новый способ ходьбы, приучало к хождению на носках. Общепринятым в Северной Европе стал относительно низкий наборный каблук, высотой около 5 см. В то же время мода на каблуки рождала спрос на самые разные их формы и высоту. Например, «прайс-лист» Стокгольма 1636 года различает «высококаблучные, низкокаблучные и туфли с ординарными каблуками». Деревянный каблук был обычным элементом обуви в XVI веке, в которой подошва проходила под сводом туфли и опускалась по передней грани каблука.

Интересны впечатления и размышления о моде на обувь с высокими каблуками, опубликованные иностранцами, посещавшими Мангазею в XVII веке. Так, А. Олеарий писал: «большею частию они подобно полякам, носят короткие, спереди заостряющиеся сапоги из юфти или персидского сафьяна. У женщин, особенно у девушек, башмаки с очень высокими каблуками, у иных в четверть локтя длиною. Эти каблуки сзади, по всему нижнему краю, подбиты тонкими гвоздиками. В таких башмаках они не могут много бегать, так как передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли» [Цит. по: *Осипов, 2006.* – С. 15]. Кстати, на рисунке из книги Олеария «Путешествие в Московию» изображена лавка сапожника 30-х годов XVII века, где на продажу выставлена как раз женская обувь на высоких каблуках — шесть сапог и четыре туфли. В такие сапоги обута и стоящая рядом с прилавком женщина. Напротив, покупатель, рассматривающий туфли (?) на низких каблуках, обут в низкокаблучные сапоги. Олеарию вторил живший в Москве спустя 34 года, в 1670–1673 годах, курляндец Я. Рейтенфельс: «…а каблуки у их башмаков так высоки, что ходить весьма трудно. Эти каблуки… имели, думаю я, лишь в виду поудобнее удержать чересчур бесстыдных и безрассудных женщин от бесполезного праздношатания» [*Там же*].

Таким образом, если для женщин высококаблучная обувь была данью моде и стремлением выглядеть наряднее и изящнее, то для мужчин, в том числе и мангазейских, статусный и эстетический факторы, по крайней мере, сочетались со стремлением «стреножить» потенциально ветреных подруг.

Эта обувь получила широкое распространение и на Русском Севере, в сельской местности. В XIX веке сапоги на высоких каблуках у жительниц Тотемского уезда пользовались большим успехом и назывались сапогами «на подборах» [*Власова, 2009.* – С. 188]. Превентивная функция обуви с каблуками, подбитыми железными подковками («скобочками»), в глазах мужчин совершенно прозрачно изложена в северорусской народной песне о неверной жене, нарушительнице брачно-семейных устоев. Правда, принятые меры были несколько запоздалыми:

…Скуем, скуем под сапожки скобоцьки.
Шшо молода жена попортилася,
Що на этих скобоцьках
Ко своему дружку ушла… [*Там же*].

В опубликованных материалах раскопок Тобольска обувь на высоких (?) деревянных и кожаных наборных каблуках лишь упоминается [*Балюнов, 2007.* – С. 223]. Примечательна находка высокого деревянного каблука на русском поселении середины XVII – XVIII века Бергамак 1 в Среднем Прииртышье (остатки Бергамацкого острога) [*Тамаурова, 2005.* – С. 197; рис. 13 – *3*].

Найденные при раскопках виды обуви, безусловно, не отражают полностью весь спектр этого элемента костюма жителей Мангазеи. Можно предполагать широкое употребление меховой обуви в зимний период. Традиция разделения обуви на летнюю, кожаную, и зимнюю, пошитую из меха, является практически повсе-

местной у сибирских народов северной таежной зоны и тундры. Это подтверждают этнографические материалы по остякам, например коллекция и описания Ф. Р. Мартина [*2004.* – Табл. 3; 4]. Однако изделия из мехов даже в мерзлоте истлевают практически полностью (остается шерсть). Так же плохо сохраняются в слое и изделия из сыромятных кож, подвергшихся жировой отработке. Во всяком случае, сведения таможенной книги 1633 года о большом количестве полуфабрикатов — оленьих, лосиных и кониных кисов и камусов (более 3000 шт.) и сыромятной кожи (150 шт.) — не нашли отражения в археологических материалах.

Обувные подковки

Обязательным элементом обуви с каблуками — сапог и туфель — были железные подковки. В материалах экспедиции ААНИИ имелось 75 «лунообразных» подковок, среди которых были выделены две группы — с шипами и с дырками для гвоздей. Ширина их колебалась от 3 до 8 см [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 52; табл. 49 – *2*; 50 – *4*]. Детальное описание и количественное соотношение подковок этих групп в первой публикации не приводилось. Позднее Д. О. Осипов сообщил, что из 81 экземпляра этой коллекции 67 «находятся в хорошем состоянии», среди них — 25% (17 шт.) составляют врезные (на шипах) подковки, 70% (47 шт.) — комбинированные, 4% (3 шт.) — набивные [*Осипов, 2006.* – С. 77].

В новой мангазейской коллекции — 249 подковок, из которых 22 были найдены на каблуках. За исключением сильно фрагментированных экземпляров, типологическому анализу подверглись 212 подковок. Среди них, вслед за Б. А. Колчиным [*1959.* – С. 110] и А. В. Никитиным [*1971.* – С. 72], *по способу крепления на каблуке* можно выделить *три типа*.

Тип I. Подковки *на шипах* — 31% от общего числа.

Тип II. Подковки *на гвоздях* — 14%.

Тип III. Подковки *комбинированные* (на шипах и гвоздях) — 52%.

В свою очередь, в каждой из этих групп по числу шипов, отверстий для гвоздей и их комбинаций, а также по форме и другим конструктивным особенностям выявлены подтипы.

Среди подковок типа I — *на шипах* — выделены четыре подтипа.

Первый подтип — пластины с двумя шипами на концах — 1% от общего числа.

Второй подтип — пластины с тремя шипами — 20% (рис. 64 – *2–4*). Среди них можно выделить как вариант, небольшую группу с небольшим утолщением по внешнему краю дуги, — 22,6% от числа экземпляров этого подтипа.

Третий подтип — пластины с четырьмя шипами — 0,5%.

Четвертый подтип — брусчатые, подпрямоугольные в сечении (с тремя шипами) — 9,5% (рис. 64 – *5–8*).

Подковки типа II — *на гвоздях* — делятся на два подтипа.

Первый подтип — пластины с двумя отверстиями для гвоздей — 3,2% (рис. 64 – *9, 10*).

Второй подтип — пластины с тремя отверстиями для гвоздей — 11,1% (рис. 64 – *11, 12*). Среди них представлен вариант с подтреугольным сечением пластины — 19% от числа подковок этого подтипа.

Более разнообразны подковки типа III — *комбинированные*. Среди них выделены шесть подтипов.

Первый подтип — пластины с тремя шипами и двумя отверстиями между ними — 9,5% (рис. 64 – *13, 14*). В их числе имеется вариант с небольшим валиком сверху по наружному краю дуги — 12,5% от количества подковок этого подтипа.

Второй подтип — пластины с двумя шипами и двумя отверстиями — 5,3% (рис. 64 – *15, 16*).

Третий подтип — пластины с двумя шипами и тремя отверстиями — 27,9% (рис. 64 – *17, 18*). Имеются варианты с подтреугольным сечением пластины (7,6% от числа подковок этого подтипа) и с валиком сверху на внешнем краю дуги (2%).

Четвертый подтип — пластины с двумя шипами и четырьмя отверстиями для гвоздей — 2,6%. Встречен вариант с валиком сверху по внешнему краю дуги — 20% от числа подковок этого подтипа.

Пятый подтип — пластины с двумя шипами на концах и пятью отверстиями для гвоздей — 5,3% (рис. 64 – *19, 20*).

Шестой подтип — пластины с двумя шипами и одним отверстием — 1%.

Кроме описанных типов подковок, выявлен тип IV, ранее неизвестный в научных публикациях, составляющий 3,2% от числа всех подковок. Среди них выделены два подтипа.

Первый подтип — дугообразные пластины с длинными концами, загнутыми под прямым углом к их плоскости (рис. 64 – *21*). На горизонтальной части имелись два-три отверстия для гвоздей, на вертикально загнутых концах — по одному отверстию. Загнутая часть составляла около четверти высоты всей дуги. Эти подковки, судя по единственному сохранившемуся *in situ* экземпляру (рис. 64 – *22*), использовались в обуви с деревянными каблуками. Вертикальные концы прибивались к плоскости переднего края каблука.

Второй подтип — цельная полуовальная пластина с загнутым вверх передним концом (рис. 64 – *23*); на горизонтальной плоскости имеются три отверстия для гвоздей.

В целом подковки различаются по ширине дуги пластин — широкие — от 6 до 8 см, — предназначенные для низких кожаных наборных каблуков, и узкие — от 3 до 5 см — для высоких кожаных наборных и деревянных каблуков. Обе группы представлены в коллекции равнозначно.

По поводу подковок типа I (с шипами), которые многие археологи вслед за Б. А. Колчиным часто именуют врезными, следует сказать, что в мангазейской коллекции они не могут считаться таковыми — шипы забивались в каблук снизу, а не врезались сбоку. Это подтверждается экземплярами, сохранившимися вместе с каблуками, а также гвоздеобразной формой шипов и расположением центрального шипа не с краю пластины, а на ее плоскости.

В деловой письменности эпохи Московского централизованного государства обувные подковки — *скобы* — присутствуют только с XVII века. Их называли также *подножными скобами:* «[1682] В казенных погребах 100 скоб подножных, целых и ломаных» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 24*. – С. 213]. Подковки были преимущественно железными, но упоминаются и серебряные: «[1612] А тот мужик Ивашко Шур ростом не велик, кренасть... штаны суконныя красныя, сапоги телятинные литовские, прямые, скобы серебрянныя». Но даже в царской семье на повседневную обувь ставились железные «скобы», как это видно из описания платья царицы Евдокии Лукиничны: «[1642] Чеботы отлас бел, круживо золотное кованое, скобы железныя» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 24.* – С. 214–215].

Для прибивания подковок использовались короткие (1,5–2,8 см) четырехгранные гвозди с плоской или сегментовидной шляпкой. Они найдены как вместе с подковками, забитыми в каблук (рис. 59 – *1*), так и отдельно (66 экз.) (рис. 64 – *24–30*).

Более мелкие, длиной до 1 см, железные и медные декоративные гвозди использовались для прибивания кожаных полосок сзади, на каблуки и задники обуви с высоким каблуком.

Вертикальная часть подошв с крокулем в обуви с высоким каблуком, как правило, прибивалась к передней плоскости каблука несколькими железными или медными гвоздями длиной до 5 см, с полусферическими массивными шляпками.

Следует отметить, что в коллекции имеются 44 подошвы от каблучной обуви, где вместо подковок в каблуки забивались железные и медные гвозди длиной 2–5 см с массивными полусферическими головками (3–5 штук). Аналогичные гвозди длиной до 1 см встречались и на передних концах этих подошв.

В письменных источниках XVI–XVII веков среди товаров называются и сапожные гвозди — *черное гвоздье под сапоги, гвоздье сапожное, носошное, подпяточное*. Ранние упоминания относятся к документам 1576 и 1581 годов [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 16.* – С. 45]. Гвозди продавали сотнями, тысячами, коробками и колодками, в зависимости от размера и количества [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4.* – С. 15; *вып. 7.* – С. 356; *вып. 15.* – С. 26; *вып. 16.* – С. 273]. В делении на *гвозди подпятные* и *гвозди скобяные* [*СПЛ XV–XVII вв., вып. 1.* – С. 130] можно увидеть сферу использования — первые забивались непосредственно в каблук (пятку) обуви, а вторые — в железные обувные подковки (скобы) на каблуках. Но в археологическом материале мы видим одни и те же гвозди в обоих случаях. Упоминаемые *гвозди носошные* и *горощатые* (*гвоpатые*), то есть с выпуклой шляпкой, могли быть подбойными и декоративными [*СПЛ XV–XVII вв., вып. 1.* – С. 133; *СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4.* – С. 15, 96]. В Сибири сапожные гвозди — *колки* — могли быть железные и медные: «Кунгурские сапоги были крепкие, на медны колки подошвы подбиты» [*СРГС, т. 2.* – С. 89]. Деревянные гвозди-*шпеньки* набивали на подошву в отверстия, предварительно сделанные *набойным шилом* [*СлРЯ XVIII в., вып. 13.* – С. 130]. Существовали и другие региональные названия — *иглица, гвоздок, колок* [*СРНГ, вып. 6.* – С. 161; *вып. 12.* – С. 62; *СРГС, вып. 2.* – С. 91].

Обычай подбивать каблуки железными гвоздиками и подковками — характерная черта русской обувной моды XVI–XVII веков, удивлявшая западноевропейских визитеров (купцов, послов, советников) настолько, что они непременно отмечали эту деталь в своих записках и письмах. Сведения об обуви попали в быто-

вые зарисовки С. Герберштейна, составленные во время посещения России в 1517 и 1526 годах: «Сапоги они носят красные и очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками». А в примечаниях он добавлял: «…на носке и на пятке подошва чуть выступает вверх и тоже подбита, чем они пользуются вместо шпор» [*Герберштейн, 1988.* – С. 117]. Рафаэль Барберини посетил Россию в 1565 году и описал одежду дворян, бояр, рынд (свиты) и самого царя, также отметив наряды, подобные венгерским, и разноцветные сапоги «на манер турецкий, но подкованные металлическими гвоздиками». У самого царя он видел сапоги «тоже цветные, с острыми, к верху загнутыми носками до половины ноги, и подбитыми сверх того, серебряными гвоздиками». А у рынд заметил «на ногах сапоги белые с подковками» [*Барберини, 1842.* – С. 14–16].

Джордж Турбенвиль в период посольства (1568–1569 гг.) посылал стихотворные памфлеты из России — «Послания Паркеру», где со снобизмом истинного джентльмена сообщал, что «одежда их невесела и неприятна для глаз», а на ногах «пару вязаных носков, чтоб сохранить тепло, вместе с башмаками носят в России; их каблуки подбиты пластинками железа, а носок заострен» [*Горсей, 1990.* – С. 255–256; прил. II]. В дальнейшем подобные описания становятся почти стереотипными. Самуэль Кихель пробыл в Пскове восемь дней в августе 1586 года с ознакомительными целями. Его записки, по мнению А. Н. Кирпичникова, показывают знакомство с трудами С. Герберштейна, П. Иовия и А. Поссевино о Московии. Он писал, что «одежда местных жителей довольно чиста и опрятна… Платье мужчин и женщин различается мало, вроде как у турок. Лица того и другого пола носят сапоги, подбитые железом (подковками)» [*Кирпичников, 1994.* – С. 65].

Иоганн Вундерер, описывая свое путешествие 1589–1590 годов, также заимствовал многие красочные описания у Сигизмунда Герберштейна. В Пскове он наблюдал, что «местные жители носят красные с голенищами до колен, кожаные сапоги, причем снизу под пяткой слегка выступающая небольшая круглая подковка» [*Кирпичников, 1995.* – С. 223]. Жак Маржерет в качестве наемника-капитана находился на русской службе с 1600 по сентябрь 1606 года. По его воспоминаниям, русские «одеваются весьма просто, иначе только в праздничный день». Женщины «обуваются в сапоги красного и желтого сафьяна с каблуком в три пальца высотой, подкованные, как сапоги у поляков или венгров» [*Россия начала XVII в., 1982.* – С. 163]. Адам Олеарий, бывший проездом в Новгороде в 1635 году, сообщает, что «у женщин, в особенности у девушек, башмаки с очень высокими каблуками — у иных в четверть локтя длиною; эти каблуки сзади, по всему нижнему краю, подбиты тонкими гвоздиками» [*Олеарий, 1986.* – С. 337]. Уроженец Курляндии Яков Рейтенфельс, живший в Москве в 1670–1673 годах, в своих «Сказаниях» пространно описывает одежду русских. «Сапоги, или котурны, которыми прикрываются ноги и голени лишь до колен, снабжены у них более высокими, нежели у поляков, каблуками, обитыми железом, причем они красят их то в зеленый, то в голубой, то в красный, то в черный цвета» [*Рейтенфельс, 1997.* – С. 343]. Ганс-Мориц Айрманн посетил Московию в 1669–1670 годах в составе шведского посольства. Он пишет: «…сапоги, заходящие только на икры и подбитые снизу железом» [*Левинсон, 1945.* – С. 303].

В Западной Европе железные подковки встречались очень редко, в виде своего рода эксперимента, как, например, высокие до бедер армейские сапоги первой половины XVIII века с невысоким железным каблуком (видимо, с высокой железной подковкой), как описывала его Ю. Сванн по архиву Е. Йефверта. «Железо на каблуках для их защиты — это черта Восточной Европы и русского платья с позднего средневековья и позднее» [*Swann, 2001.* – С. 149]. Например, сапоги для карнавального наряда короля Густава II Адольфа 1665 года, сшитого в «польском стиле», имели каблук «с железным краем» [*Swann, 2001.* – С. 133]. Надо полагать, что подковки первоначально появились в Польше около середины XVI века, вместе с новыми моделями сапог и туфель с наборными или деревянными каблуками, и быстро воспринялись во многих странах Европы как «польская» или «венгерская» мода [*Turnau, 1983.* – С. 95–96].

В археологической литературе сохраняется мнение о появлении обувных подковок в XIV веке, исходя из фиксации таких предметов в древнем Новгороде в слоях, датируемых XIV–XV веками. Исследователи правомерно связывают появление железных подковок в русских городах с введением обуви, имевшей твердый каблук [*Колчин, 1959.* – С. 108], но это произошло только во второй половине XVI века. В некоторой степени такое заключение подтверждают раскопки ряда городов, например Витебска [*Левко, 1984.* – С. 48] и Заславля [*Заяц, 1995.* – С. 65–66], где подковки отмечаются именно в слоях XV–XVIII веков. Но данные примеры не вполне показательны, поскольку в них не учитывается наличие многочисленных перекопов в городских слоях, что связано с разного рода земляными работами и в древности, и в настоящее время. Поэтому при датировке следует ориентироваться преимущественно на «закрытые» комплексы — заполнения ям и построек.

Кроме того, на обувных изделиях из достоверных комплексов XIII–XV веков, следов обувных подковок на подошвах, а также характерных отверстий от гвоздей не обнаружено.

В последние годы наблюдения в Ивангороде, Москве и других городах дали возможность ограничить нижнюю дату этих изделий XVI веком и даже его второй половиной [*Курбатов, 1995.* – С. 203; *Векслер, Лихтер, Осипов, 1997.* – С. 116–118]. Подтверждение этому появляется в работах, анализирующих материалы с территории Латвии и Белоруссии, где подковки неизвестны по крайней мере до рубежа XV–XVI веков [*Археалогія Беларусі, т. 4.* – С. 271]. Такой вывод подкрепляется и материалами раскопок в Тверском кремле, где на подошвах обуви последней четверти XIII – первой половины XV века обувные подковки или следы от них не встречаются [*Курбатов, 2004.* – С. 66].

Вопрос описания подковок и их присутствие в археологических комплексах может представляться частным и несущественным, но он имеет значение для датировки позднесредневековых комплексов и слоев, исследуемых в различных городах России. Особый раздел главы в монографии Д. О. Осипова посвящен рассмотрению железных обувных подковок [*Осипов, 2006.* – С. 75–80]. Автор отметил появление подковок в Москве в слоях не ранее XVI века, подтверждая более ранние наблюдения в Ивангороде. Можно согласиться с правильностью типологического деления подковок по способу их крепления на обуви — шипами, гвоздями или их комбинацией. Однако считать все подковки с шипами врезными явно неправильно. Более того, многочисленные археологические находки показывают, что все ранние формы подковок с шипами были набиты на нижнюю сторону подошвы или каблука. Врезными можно считать только отдельные варианты высоких узких подковок, которые вставлялись в вырезы на каблуке, что характерно для XVIII–XIX веков. Для XVII века к ним относится, например, одна литая подковка с рельефным растительным декором из Мангазеи [*Курбатов, Овсянников, 1999.* – Рис. 22 – *6*], а также подобные ей по форме предметы из других городов.

Берестяные и деревянные детали обуви

В каблучную обувь для придания ей жесткости вставлялись и прошивались вместе с кожаными деталями разнообразные вставки из бересты и дерева. Так, в новой коллекции представлены 58 берестяных и пять деревянных вкладышей в кожаные карманы задников. Берестяные представляли собой обычно трехслойные пакеты, повторяющие чуть уменьшенную форму задника, и прошивались по оси (рис. 41 – *7, 8*; 40 – *13.3*). Толщина этих пакетов достигала 0,6–0,9 см. Деревянные задники были идентичны берестяным, но сохранялись хуже. Большинство берестяных и все деревянные вкладыши в задники были найдены в составе обуви.

Прокладки в подошвы (41 экз.) повторяли форму подошв (рис. 65). Их поверхность с обеих сторон для предотвращения скручивания обязательно была покрыта частой косой сеткой из резных линий. У большинства из них по краям сохранились отверстия от иглы (шила?). Экземпляры без отверстий, скорее всего, были стельками. Найдены также восемь экземпляров подкладок на пяточную часть.

Вкладыши в головки встречались гораздо реже (9 экз.). Среди них представлены цельные (рис. 66 – *2*) и двухчастные (рис. 66 – *1, 3–5*), повторяющие форму головки и прошитые по периметру. На них также была нанесена резная сетка.

По письменным источникам с XVI века известна товарная обувная береста, употребляемая при пошиве обуви: «[1574] Купил берест каблучных по 5 алт. без 2 денег» [*СПЛ XV–XVII в., вып. 1.* – С. 40]. Видимо, на каблуки заготавливалась особая береста: «[1657] Кондушанину Борису дано за бересто на каблучье восмь денег» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7.* – С. 9]. Сложность составления набора каблуков вызвала появление в крупнейших городах специалистов-каблучников [*Курбатов, 2008б.* – С. 49]. В переписной книге по Москве за 1670 год значится «(двор) каблучнаго мастера Ивашка Кипреянова» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7.* – С. 9]. В северных областях Европейской России и других регионах в XIX веке поделочную бересту называли *скала* [*СРНГ, вып. 37.* – С. 373].

3.2.2. ЭЛЕМЕНТЫ ОДЕЖДЫ

В новой мангазейской коллекции кожаных изделий присутствуют только лишь отдельные элементы кожаной одежды — рукавицы, ремни и детали поясов, — что, видимо, объясняется бытованием в Мангазее главным образом меховой, тканой и комбинированной верхней одежды.

Рукавицы

О кожаных рукавицах в первой публикации материалов из раскопок экспедиции ААНИИ сообщено немногое: было найдено восемь изделий и заготовок, которые «кроились… из одного куска кожи, с подкройным большим пальцем, который был составным. Сшивались рукавицы внутренним швом» [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 52; табл. 52 – *5*]. В рассуждениях о привозных товарах эти находки увязываются с «рукавицами-голицами конскими», упоминаемыми в документах [*Там же*].

Позднее, при повторном изучении кожаных изделий из раскопок 1968–1973 годов, речь шла о восьми деталях кожаных рукавиц-*голиц* [*Курбатов, Овсянников, 1999.* – Рис. 16; 17 – *1–3, 6*]. Все они цельнокроеные, длиной 22,5–28,5 см, с намеченным разделением половин по верхнему обрезу, с подшивной деталью для большого пальца. В ряде случаев видны следы подшивания небольших кусков кожи к основной детали, что связано как с экономией материала, так и с вероятным ремонтом изделия. Все рукавицы несут следы эксплуатационного износа и заплаток на стертых участках.

В новой мангазейской коллекции 39 собственно рукавиц (целых и фрагментированных основ с пальцами и без них) и 24 подкроенных, состоящих из нескольких деталей, пальца. Все изготовлены из дубленой кожи толщиной 0,1–0,2 см. Около 60% основ рукавиц изготовлены из кожи крупного рогатого скота, около 30% — из оленьей кожи, остальные — из кожи мелкого рогатого скота.

Выделены два варианта, различающиеся формой раскроя основ рукавиц: цельнокроеные — 29 экземпляров и двухчастные детальнокроеные — 10 экземпляров. У рукавиц обоих вариантов на одной из половин имелся подтреугольный вырезанный проем с образовавшимся в результате этого аналогичной формы язычком — подпалком. К проему и подпалку пришивались отдельно раскроенные детали пальцев. Часто для прочности в палец вшивались дополнительно усилительные подтреугольные детали.

Цельнокроеные рукавицы имели трапециевидную форму основы, скругленные передние концы и широкие раструбы краг со скошенным срезом (рис. 67 – *1.1, 2.2, 3*; 68 – *1, 2, 3.1*; 69). Согнутая вдвое основа сшивалась по неполной боковой дуге разреза выворотным или тачным швом. Длина таких рукавиц — 22–28 см. Ширина устья — 13,5–21,5 см, ширина переднего конца — 8,5–10,5 см. На многих экземплярах имелись следы заплат на разорванных местах. В одном случае заплата, сделанная тачным швом, сохранилась на рукавице (рис. 68 – *1.1, 1.4*; 69 – *1.2*).

Детальнокроеные рукавицы имели основу подпрямоугольной, реже — полуовальной формы и состояли из двух идентичных половин, сшивавшихся по дуге выворотным или тачным швом (рис. 70; 71 – *1.1–1.6*). На полную длину сохранились лишь два экземпляра, длина которых — 18,0 и 24,3 см. У остальных устья краг были обрезаны или оборваны. Углы или устья краг иногда подкраивались отдельно (рис. 70 – *4.3, 4.4*; 71 – *1.3, 1.4*).

Пальцы имели куполообразную форму с расширением в основании (рис. 67–70; 71 – *1.5, 1.6, 2–5*). Одна деталь пальца выкраивалась непосредственно на основе. К ней пришивались дополнительные детали, одна из которых имела подтреугольную, а другая — более сложную форму — с двумя дугообразными симметричными выступами. Сшивались они теми же швами, что и основы.

В письменных документах XVIII века можно узнать названия отдельных деталей, например, *затылок* — это внешняя сторона рукавицы [*СРНДРС XVII–XVIII вв.* – С. 49].

Ремни

В коллекции из раскопок экспедиции ремни ААНИИ отсутствуют. В новой коллекции имеется обрывок поясного ремня с бронзовой фигурной пряжкой (рис. 71 – *6*). Длина обрывка — 18,2 см, ширина — 1,0 см, толщина кожи — 0,22 см. Кожа плотная, вид не определен из-за стертости поверхности. Возможно, кожа сыромятная. Конец, продетый в пряжку, загнут на длину 2,3 см и пришит к полосе ремня сквозными стежками в средней части. По оси ремня имеются пять отверстий с шагом 1,8–2,7 см.

В 2001–2007 годах были найдены отдельно четыре бронзовые и медные и две железные ременные пряжки различных форм, среди которых есть близкие, но не аналогичные пряжке, сохранившейся на описанном обрывке ремня. Ширина проемов этих пряжек, ограничивающая ширину кожаной полосы, варьировалась в пределах 1,2–2,5 см [*Визгалов, Пархимович, 2008.* – С. 77–78; рис. 114 – *2–7*].

Поясным ремням могли принадлежать еще пять фрагментов кожаных полос длиной от 10 до 46 см и шириной 1,3–2,2 см, по краям которых проходили сквозные швы «змейка» (4 экз.); на одной из полос имеются отверстия (для язычка ремня?) с шагом в 0,8–2,4 см. Толщина полос — 0,12–0,20 см.

Аккуратно сложенная в моток и перевязанная, узкая (1,4 см), ровно обрезанная полоса кожи толщиной 0,2 см и длиной 78 см вполне могла быть заготовкой ремня.

Детали верхней одежды

Среди находок — редкая деталь верхней одежды, представляющая собой два узких ремешка, прошитых повдоль швом «змейка», сплетенных на конце в шарик диаметром 0,85 см (рис. 71 – *7*). Длина ремешков — 11,4 см, ширина — 0,4 см, толщина — 0,2 см. Толщина кожи — 0,1 см.

В коллекции имеются детали близкой конструкции — гроздь из 12 связанных вместе узких плетеных шерстяных тесемок, на концах которых висели литые свинцово-оловянные и стеклянные пуговицы, и отдельно найденная аналогичная тесемка, один конец которой увенчан плетеным шариком (рис. 71 – *8, 9*).

Эти детали отличаются от выше описанной кожаной материалом и чуть меньшей длиной — 8,6–9,0 см. Примечательно, что плетеные и кожаная детали связаны с одной постройкой (№ 14) нижнего строительного яруса.

Аналогичные кожаные ремешки, шерстяные плетеные тесемки и шнуры с подобными пуговицами были найдены на стоянке русских полярных мореходов на берегу залива Симса. Они были описаны и интерпретированы М. В. Фармаковским и Л. И. Якуниной как детали верхней суконной одежды типа свиты или кафтана [*Фармаковский, 1951.* – С. 172–173; *Якунина, 1951.* – С. 182–185]. Эти детали нашивались на груди горизонтально, в два ряда. При этом пуговицы служили не только для застегивания одежды, но и как украшения.

Этнографические аналоги дают возможность отождествить описанные находки и с кистями, которыми украшались концы тканых и плетеных опоясков, мужских и женских, известных на Русском Севере и на Рязанщине [*Чагин, 1989.* – С. 169; рис. на с. 171; *Мерцалова, 1988.* – Ил. 133; *Дмитриева, 2009.* – С. 531; рис. на с. 534 – *а*]. На концах таких опоясков имеются аналогичные мангазейским плетеные из шерстяных нитей шарики и стеклянные бусины.

3.2.3. ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМА

Ножны

Обязательной принадлежностью костюма северянина, как аборигена, так и русского, были ножны, подвешивавшиеся к поясу или ремню. Образ жизни и характер занятий жителей Северной Евразии, таежников и тундровиков, диктовали необходимость постоянного ношения ножей, поэтому такой элемент костюма, как ножны, был характерной частью культур народов Севера. Форма, конструкция и декор ножен, способ крепления их к поясу или ремню имели этнокультурную специфику.

В первой публикации коллекции кожаных изделий из раскопок Мангазейского городища 1968–1970 и 1973 годов сообщалось, что было найдено «более десятка» ножен. Они были отнесены к двум типам на основании наличия или отсутствия «деревянного каркаса» внутри. Ножны первого типа, изготовленные из толстой кожи, каркаса не имели.

Было отмечено разнообразие форм и декора ножен, но какие-либо подтипы и варианты по этим признакам не выделялись [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 79–80; рис. 14, 17; табл. 73 – *1–3*].

В новой коллекции собраны 43 относительно целых экземпляра и 18 фрагментов ножен, разнообразных по форме, размерам и конструкции, что дает возможность выявить закономерные и особенные черты в их характеристиках.

А. В. Курбатов предложил выделить в коллекции две группы ножен, различающиеся по признаку наличия или отсутствия бокового шва. Первая группа объединяет ножны, у которых был прошит только нижний конец, вторая — ножны, прошитые по всему боковому краю и по нижнему концу.

Ножны первой группы коррелируются с ножнами типа II, выделенного при анализе коллекции из раскопок экспедиции ААНИИ [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 80; рис. 14 – *3, 4, 6–10*] — их объединяют

и форма (подпрямоугольная или подпрямоугольная с выступом в верхней половине), и наличие на верхнем краю выступа двух мелких подпрямоугольных отверстий для ремешка, с помощью которого ножны подвешивались к ремню (поясу), и, главное, наличие деревянного или берестяного вкладыша. Такие вкладыши фрагментарно сохранились в некоторых экземплярах. Один деревянный, хорошей сохранности, найден отдельно (рис. 74 – *4*).

В то же время, по мнению А. В. Курбатова, деревянные вкладыши должны были присутствовать и в некоторых подпрямоугольных ножнах с полной прошивкой по краю. Это обстоятельство не дает основания считать способ сшивания основополагающим для классификации ножен. Скорее, способ сшивания — вторичный признак, а классифицировать ножны все же следует, прежде всего, по признаку наличия или отсутствия в них деревянного вкладыша (каркаса).

Поэтому, чтобы не запутывать ситуацию, стоит вернуться к предложению авторов первой монографии о Мангазейском городище и объединить ножны описанных форм с вкладышами в один тип, сохранив и его название — «тип II». Внутри этого типа можно выделить варианты по способам сшивания, форме и деталям конструкции.

К *типу II* ножен, таким образом, следует отнести 29 экземпляров, сохранившихся достаточно полно.

Среди ножен этого типа выявлены три подтипа.

Первый подтип — подпрямоугольные, плавно зауженные книзу (11 экз.) (рис. 73 – *1–4*).

Второй подтип — с одним уступом на сшиваемом ребре верхней половины (5 экз.) (рис. 73 – *5–8*).

Третий подтип — с двумя уступами на сшиваемом ребре (3 экз.) (рис. 74 – *1–3*).

По способу сшивания среди них можно выделить три варианта: 1) сшитые по всему краю и снизу (4 экз.); 2) сшитые только по нижнему концу (24 экз.); 3) сшитые по нижнему концу и частично по боковой стороне (1 экз.).

Лишь на двух экземплярах ножен типа II встречен тонкий резной орнамент. В одном случае композицию составили четыре восьмиконечных креста, заключенные в подпрямоугольные рамки и расположенные вплотную друг к другу по вертикали от середины до нижнего конца, а также вертикальная полоса из трех мелких косых крестов вдоль верхней половины сомкнутых краев (рис. 74 – *1*). Большие кресты с рамками выполнены контуром из двух линий, мелкие кресты — одинарными линиями. На обеих сторонах ножен композиции были идентичны.

На других ножнах орнамент был проще — по две группы из прямых параллельных поперечных контурных полос — в верхней и нижней третях, с обеих сторон.

Для всех ножен типа II характерны прямые поперечные срезы верхнего края и подпрямоугольные, иногда чуть скругленные срезы нижнего конца, а также наличие двух небольших подпрямоугольных отверстий у верхнего края, в которые продевался ремешок для подвешивания к ремню (поясу). Этим отверстиям соответствовали аналогичные отверстия в деревянных пластинах-вкладышах. Продевавшиеся в них ремешки, видимо, завязывались у края ножен, что обеспечивало их неразъемность при отсутствии швов в этой части. В одном случае в верхней половине ножен имелись три отверстия, в другом — одно. Эта часть ножен снабжалась широкой накладной обоймой с отверстиями, соответствующими отверстиям на основе ножен. В составе ножен они встречены четырежды, отдельно найдены еще семь обойм. В четырех случаях у нижнего конца имелось еще одно отверстие для другого ремешка.

Другой тип ножен — без вкладышей-каркасов — был выделен при анализе первой мангазейской коллекции как тип I. Под этим номером будем его рассматривать и мы. Сразу отметим, что утверждение об изготовлении ножен этого типа из толстой кожи [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 79] новыми данными не подтвердилось. Ножны обоих типов шились из дубленой кожи крупного рогатого скота толщиной 0,10–0,12 см. Более того, самая толстая кожа — 0,15 см — отмечена у ножен одного экземпляра второго типа. Ножны этого типа прошивались по всей длине края и снизу сквозным швом «змейка».

Ножны *типа I*, судя по относительно полно сохранившимся пяти экземплярам, отличаются некоторой вычурностью, изяществом форм и деталей, на них часто встречается линованный орнамент. Форма — подпрямоугольная, нижний край оформлен в виде равнобедренного треугольника и имеет дополнительную укрепляющую деталь — нашивную сердцевидную накладку. Верхний конец выкроен в виде пламевидного язычка, в нем имеются прорези и отверстия для продевания ремешка, с помощью которого ножны подвешивались к ремню

или поясу (рис. 72 – *1, 2, 5, 6*). Швы выполнялись двояко — на большей части ножен отмечено сшивание двумя нитями, протянутыми в разные стороны. После каждого стежка концы нитей натягивались, что обеспечивало прочность соединения. Такой способ сшивания иногда называют «сапожным швом», отличая от шва, выполненного одной нитью, попеременно протягиваемой с одной стороны соединяемых деталей на другую. На трех экземплярах сохранились по три узких (до 0,5–0,7 см) накладных ремешка-обоймы, опоясывавшие верхнюю треть ножен, продетых в короткие прорези у сшиваемого края. Концы ремешков сшивались сквозным вертикальным швом. Между нижней обоймой и сердцевидной накладкой на обеих сторонах встречался линованный орнамент — три прямые параллельные линии, одна из которых проходила по оси ножен, две другие — вдоль краев (рис. 72 – *1, 4, 6*).

Вероятно, поперечные накладные обоймы были обязательным декоративным элементом ножен типа I, а линованные линии — дополнительным — последние отсутствуют на двух экземплярах, а первые фиксируются по прорезям для них.

По длине ножны типа I не уступают ножнам типа II — 24,4–27,0 см, ширина меньше, чем у ножен типа II: в устье — 3,7–4,5 см, у нижнего конца — 3,0–3,8 см. Очевидно, что они предназначены для ножей с более узким клинком. Подтреугольная форма нижнего конца предполагает аналогичную форму конца клинка. Подобный конец встречен лишь у пяти клинков из 30 экземпляров, сохранившихся полностью или почти полностью, и у семи обломков передней части.

Неполная сохранность ножей (всего в коллекции — 106 экземпляров, большей частью фрагментированных) не позволяет выявить реальное соотношение ножей с прямой спинкой, которым соответствуют формы ножен типа II, и ножей, соответствующих форме нижнего конца ножен типа I. Но общая тенденция преобладания ножей с прямой спинкой и ножен типа II — налицо.

Практически идентичная форма, декор и размеры ножен типа I явно отражают единую традицию и свидетельствуют об их изготовлении в одной мастерской.

Тип III ножен в материалах памятника выделен впервые. Они представлены пятью экземплярами, для которых характерна предельно простая конструкция и форма — свернутая вдвое полоса, в собранном виде имеющая одну прямую грань, другую — плавно приостренную на нижнем конце (рис. 74 – *5–9*). Такая форма соответствует узкому, относительно длинному клинку с прямой спинкой. Длина — от 10 до 21 см, ширина у малых — 1,8 см, у больших — до 3,8 см. По способу сшивания выделяются два варианта: 1) сшитые боковым (по сомкнутому краю) сквозным швом «змейка» по всей длине — 3 экз. (рис. 74 – *6, 7, 9*); 2) сшитые срединным швом «змейка» — 2 экз. (рис. 74 – 5, 8).

Археологические аналоги мангазейских ножен немногочисленны. Среди новгородских материалов XI–XV веков имеются экземпляры, отдаленно напоминающие мангазейские ножны типа II, но конструктивно более простые [*Рыбина, 1997.* – С. 47; табл. 36 – *11*]. Т. С. Матехина отнесла близкие формы к первому варианту (с длинным выступом у бокового шва) вида асимметричных, «со швом сбоку» [*Матехина, 2009.* – С. 15].

Ножны типа II встречены среди остатков снаряжения экспедиции русских полярных мореходов, погибшей у берегов Таймыра, что не удивительно, так как исследователи датируют это событие XVII веком (по разным версиям — 1620 г., около 1640 г. и 1686 г.) [*Исторический памятник, 1951.* – Табл. II – *10–12*]. Сходны с мангазейскими ножнами типа II коми-зырянские [*Жеребцов, Конаков, Королёв, 1985.* – С. 66; рис. 12 – *7*]. Ножны с фигурным наконечником известны по материалам раскопок в Москве [*Рабинович, 1964.* – Рис. 50 – *1*].

Аналогии второму варианту типа III мангазейских ножен имеются в новгородских материалах XIII – начала XV века [*Рыбина, 1997.* – С. 47; табл. 36 – *13–15*; *Матехина, 2009.* – С. 16]. Однако орнамент на новгородских ножнах заметно отличается от мангазейского.

Ножны типов I и II с верхними отверстиями для ремешков подвешивались к ремню (поясу) вертикально [*Шухов, 1916.* – С. 48–49], а ножны типа II с отверстиями вверху и внизу могли подвешиваться двояко:

– почти горизонтально — рукоятка находилась чуть выше. Такой способ распространен у северных ханты и манси, а также у кетов [*Долгих, 1934.* – С. 4];

– одним ремешком к поясу, другим — длинным — привязывались к ноге. Такой способ известен как эвенкийский [*Алексеенко, 1967.* – С. 53].

3.3. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ

3.3.1. ДЕТАЛИ ОБУВИ ИЗ ШЕРСТЯНЫХ ВОЛОКОН

В условиях сурового арктического климата кожаная обувь обязательно снабжалась дополнительными меховыми, войлочными, тканными и вязаными деталями.

Наиболее часто встречаются *опушни* (*опушки*) — 92 экз. В большинстве случаев они находились в составе туфель без каблука, реже — в детальнокроеных поршнях. Они представляли собой свернутые вдвое (по длине) полоски ткани шириной 3,0–4,5 см, пришивавшиеся по периметру устья и немного выступавшие над краем устья (рис. 75). Опушни предотвращали натирание верхней части ступни жестким краем устья, способствовали сохранению тепла в обуви и выполняли декоративную функцию.

Тканые обшивки поднарядов — 19 экз. Найдены в основном в составе обуви (рис. 76 – *1, 4*). Они повторяли форму головок каблучной обуви и подшивались к кожаным поднарядам снизу, по периметру головки, а также по ее оси (на некоторых цельных кожаных поднарядах снизу сохранились одинарные строчки шва «змейка», проходящие по оси). К двухчастным кожаным поднарядам подшивались (по соединявшему их стыку) двухчастные тканые обшивки аналогичной формы. На некоторых тканых обшивках по периметру проходил шов «через край». Лишь две обшивки были выкроены из тонкого войлока.

Стельки и вставки, повторяющие форму подошв, пришивались (к берестяным прокладкам?) швом «через край», либо просто вкладывались внутрь — не на всех прослеживаются следы швов. Из 46 экземпляров — 12 тканых (рис. 76 – *2, 3*), 18 вязаных (рис. 77 – *1, 2*) и 16 войлочных (рис. 77 – *3, 4*); в основном они найдены отдельно от обуви. Стельки встречены в обуви всех типов. Отмечено и применение сменных стелек из сена.

В документах XVI–XVII веков стельки упоминаются как товар. Их отмечают словари иностранцев — Ридлея и Р. Джеймса [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 5.* – С. 177; *вып. 18.* – С. 66; *вып. 28.* – С. 45]. В росписи цен 1649 года на товары в Сибири отмечены «стельки вязаныя коровьи цена 4 деньги» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7.* – С. 334–335]. Употреблялся и войлок — *полсть* — «Торговому человеку за полсть белую рубль 12 алт. 4 денги; полсть взята в государские чеботы на колотки и на стельки» [*Савваитов, 1896.* – С. 106].

Гораздо реже встречены тканые пришивные *подкладки к задникам* — 7 экз. Они пришивались к «карманам» задников по периметру швами «змейка» и «через край», повторяя форму задника.

Тканые голенища или *подкладки к кожаным голенищам* — 11 экз. (рис. 78; 79) — представляли собой подпрямоугольные выкройки из серо-желтой саржи, сшитые вертикальным выворотным швом. Они сохранились фрагментарно и полностью. Целые экземпляры имели высоту до 38 см, диаметр в нижней части — 9–10 см, в верхней — 10,5–12,0 см. В одном из них сохранилась меховая подбивка.

В трех поршнях второго подтипа сохранились один цельнокроеный и два детальнокроеных *вкладыша*, повторяющих их внутреннюю форму (рис. 80 – *1*). Они подшивались к поршню швами «змейка» и «через край».

Ноги утеплялись также тканевыми (2 экз.) и вязаными (2 экз.) *чулками* (рис. 80 – *2*; 81). Все они фрагментированы. Единственное полностью сохранившееся голенище чулка было связано плотной поперечной вязкой. Его толщина — 0,25 см, высота — 40,0 см, верхний диаметр — 8,7 см, нижний — 6,5 см. Другой обрывок вязаного голенища толщиной 0,4 см имел диаметр 8,3 см.

Письменные источники свидетельствуют о давней традиции русского населения закрывать ноги *обертками* — льняными, суконными либо из иной материи, в зависимости от погодных условий или иных причин. Обертки для ног разделяли на те, которые закрывали голень со стопой и те, что охватывали ногу от щиколоток до колена. В современных восточнославянских языках сохранилось древнее название оберток — *онучи*, образованное от существительного *обувь* и глаголов *обуть, изуть* [*Фасмер, 1996, т. III.* – С. 142]. Кроме привычного позднее значения куска ткани для обертывания ноги, в ранних письменных памятниках слово имеет и значение обуви вообще: «[XI в.] Онуща же ...да ся изоуеть» [*Срезневский, 1912, т. II.* – С. 673]. Летние онучи делали из белого льняного холста, что многократно описывали этнографы. Длина онучи, например в Белоруссии, доходила до 12 вершков (53 см), а ширина — до 9 вершков (40 см) [*Никифоровский, 1895.* – С. 124]. Теплые зимние онучи, преимущественно из сукна, или вязаные из шерсти, часто отмечали особо: «[1605] Купил сукно на онучи» [*Арциховский, 1951.* – С. 239]. Онучи обматывали вокруг голени и закрепляли веревками или тесьмой, известной из источников XI века как *превуза*, а XVII века — как *скут*: «Скут — верхнее приодеяние; скут же глаголется и во онучах обвивка суконная» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 25.* – С. 46]. Название *скут, скуты*,

в значении «теплые суконные онучи, зимние портянки в сапоги или лапти», было одним из древнейших в русском языке. Оно встречается в Повести временных лет под 1072 годом, в поучении Кирилла Туровского, в Хождении игумена Даниила [*Фасмер, 1996, т. III.* – С. 663].

Безусловно, способы закрытия ног и ношения обуви зависели и от благосостояния людей. Для средневековых жителей даже онучи представляли самостоятельную ценность и даже упоминались во вкладных псковских грамотах: «[1417–1421] Онучи свои и приворотки, а то даю по своеи дши за сорокоустья, а подволоку свою камчатую даю Успенью свтеи бдци в манастырь на престол» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 19.* – С. 122]. Они были и объектом кражи или разбоя: «[1675] А грабежем, гсдр, с него взяли... коты да чюлки да онучишка» [*СлРЯ X–XVII вв., вып. 12.* – С. 377]. Отсутствие обуви и невозможность ее купить заставляли даже обращаться с просьбами к властям: «[XVII в.] Да люди бьют челом о чюлках, в сапоги обуватца не с чим» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12.* – С. 176].

Онучи были в употреблении у всех слоев населения, даже в XVII веке. Их надевали и царицы, что отражают записи о расходах Большой казны. Так, в июне 1587 года царице Ирине Фёдоровне было отпущено «на онучки полотно кадашевское» [*Забелин, 1901.* – С. 534]. По указу царя Михаила Фёдоровича князю Льву Шляковскому 25 марта 1643 года было выдано в качестве государева жалованья «на онучи полтора аршина миткалей по три алтына аршин» [*Забелин, 1915.* – С. 764]. В XVIII веке и позднее онучи носили во всех классах общества, особенно с сапогами. Павел Небольсин писал о пристрастии к онучам в середине XIX века: «…у нас люди даже благовоспитанные предохраняют себя от мозолей этой обувью» [*Небольсин, 1854.* – С. 276].

В описаниях, большая часть которых появляется начиная с XV века, фигурируют разные виды оберток — *гаща*, *онуща*, *ногавица* [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12.* – С. 377; *вып. 19.* – С. 241]. Названия оберток могут отражать материал, место или способ их ношения. Кроме упомянутых, известны и другие формы оберток, имевшие собственные названия. Особый вид укрытия ноги — *колоши*, короткие носки, возможно, вязаные. С ними сходны *прикопытки* — своего рода суконные носки или короткие чулки. «[1668] Дано... рукавицы верхницы, с переменою, на прикопытки сукна поларшины» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 19.* – С. 186].

Постепенно все вязаные или сшитые формы покрытий стопы и голени все более заменялись названием *чулок*. Это слово, заимствованное из тюркских языков, известно в письменных источниках с XVI века. По мнению И. С. Вахроса, первоначально слово означало какую-то исподнюю обувь из сукна. Их в древности вязали одной иглой вкруговую и делали без пятки, что сохранялось еще в XIX веке. В конце XIX века белоруски вязали обычно «длинный мешок», который приобретал вид чулка только на ноге [*Никифоровский, 1895.* – С. 124]. Их широкое использование, особенно в городах, отражают упоминания в писцовых книгах специалистов-*чулочников*. Чулки с пяткой, так называемые «немецкие», видимо, появились в России только в XIX веке. Они вязались на нескольких спицах. Вязаные *чулки* часто упоминаются в хозяйственных документах XVI–XVII веков в Сибири и на Севере России: «[1640] А животом поспись — трои чирки сыромятные, двои пимы оленьи, двои исподки вязеные»; «[1696] Ему ж куплены чюлки вязаные, даны два алтына, да чарки телятинные красные, даны пять алтын две деньги» [*Вахрос, 1959.* – С. 185–186]. Шерстяные чулки известны в крестьянском быту, по письменным источникам, с третьей четверти XVI века: «Дано понамарю Якиму 4 денги на вязенье». От XVII века известны другие, возможно региональные, названия чулок, такие как *шкарпетки* (1680 г.) и *панчохи* (1642 г.) [*Вахрос, 1959.* – С. 199; *СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14.* – С. 146]. Первое название попало в западнославянские земли и на Украину из итальянского языка, где *scarpetta* — «башмачок» [*Фасмер, 1996, т. IV.* – С. 447]. Известно в документах центральных учреждений царского двора второй половины XVII века: «[1680] Указал великий государь прислать... шкарпеток, штанов, чюлков теплых»; «[XVII в.] Шкарпетки — песцы червьи, покрыты отласом красным, ветхи» [*Вахрос, 1959.* – С. 199]. Второе название пришло из Европы через польский язык и получило широкое распространение в разных регионах России как название чулок, носков, домашних тапок или валенок [*Фасмер, 1996, т. III.* – С. 200; *СРНГ, вып. 25.* – С. 201]. Кроме того, нельзя забывать, что в XVI–XVII веках *чулками* называли не только матерчатые покрытия ног, но и сафьянную мягкую обувь типа *ичеты*.

Цари и знать носили чулки длиной в аршин, сшитые из камки, тафты, атласа и золоченых тканей. Теплые *чулки* шили на лисьих черевах, песцовом, беличьем и соболином меху. Полутеплые *чулки* имели стеганый подбой, а холодные (летние) делали без подкладки. Царице Марье Ильиничне 12 января 1648 года были «скроены четверы чулки, двои в камке червчатой мелкотравой, да двои чулки в отласе червчатом. Камки и отласу в кроенье пошло по 2¼ арш. Одни камчатые подложены тафтою лазоревою, пошло 9 вер.; под другие камчатые подложен испод черева бельи; под отласные одни подложен испод пупчатой соболей, пупков пошло 42 пупка; а другие подложены тафтою лазоревою, пошло 9 вер.; да на шитье пошло 3 зол. шолку».

Шелковые *чулки* появились в царском быту начала XVII века, это были редкие и дорогие привозные изделия [*Забелин, 1901.* – С. 533, 671].

Сшитые обертки — *паголенки*, означали покрытия только голени, без стопы, своего рода «штанину». Слово *паголенок* известно в источниках XVII века [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14.* – С. 115]. Их другое название — *гамаши*, которые схожи с камчатными ногавицами, носимыми царями и знатью в XVI–XVII веках. Они могли быть также и кожаными.

3.3.2. ИНСТРУМЕНТЫ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ КОЖЕВЕННО-ОБУВНОГО РЕМЕСЛА

Серия инструментов, связанных с кожевенно-обувным ремеслом, упоминается в опубликованных материалах экспедиции ААНИИ. Так, в комплексе «гостиного двора» отмечены деревянные колодки и сапожный нож. На «таможенном дворе» и в «доме таможенного головы Михаила Футина» были найдены «скребки для очистки мездры от кожи» (?!), а в прихожей «горницы» — шилья и целые колодки, в том числе для детской обуви (12,6×2,5×4,4 см). Исследователи отметили, что материалы для сапожного ремесла имелись и на самом воеводском дворе. Здесь, в одной из построек найдены «шитьи иглы» в кожаных мешочках-*магилях*. Кроме того были найдены «сапожные инструменты и колодки (12 предметов)» [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 50]. Среди них имеются пять шильев с деревянной рукоятью длиной 6,5–9,0 см и диаметром 1,5–2,0 см. Рабочая часть шильев — это прямой железный стержень квадратного сечения длиной 2–5 см. Близкие формы рукояти и острия шильев найдены на становище русских мореходов в заливе Симса, где они лежали в кожаной сумке вместе с клубком суровой нити [*Якунина, 1951.* – С. 177; табл. IX – *6, 7*; XIV – *9–11*]. Из трех сохранившихся деревянных обувных колодок одна предназначена для изготовления взрослой обуви, длиной 29,7 см, и две — подростковой, длиной 15,5 и 15,8 см.

Вместе с тем повторный анализ коллекции показал, что при раскопках были найдены 16 обувных колодок, пять шильев и один кроильный нож [*Курбатов, Овсянников, 1999.* – С. 249].

В новой коллекции имеются шилья, молоток-гвоздодер, сапожные колодки и лекала для раскроя.

Шилья представлены 46 экземплярами, среди которых — 22 целых, с рукоятками (рис. 82 – *1–4*). От других остались целые и фрагментированные железные стержни. Отдельно найдены пять рукояток. Целые шилья стандартны — короткие усеченно-конические рукоятки из прямослойной древесины, насаженные на железные стержни, заостренные на обоих концах. Длина рукояток — 6,5–9,7 см, общая длина шильев — 11,0–15,4 см. Отдельно найденные стержни имеют длину 7,6–11,7 см. В поперечном сечении у всех стержней — ромб размерами от 0,40×0,30 см до 0,60×0,35 см. У одного шила сохранился деревянный колпачок, надетый на лезвие.

В средневековом кожевенном ремесле в основном использовали прямые шилья. Иногда исследователи упоминают и изогнутые шилья, но считать их специфической формой инструмента, а не результатом случайной деформации нет оснований. Тем не менее обе формы выделяются в средневековых городах Руси и на смежных территориях Восточной Европы. Как правило, сапожные шилья должны иметь квадратное или ромбовидное сечение и острые грани, что облегчает прокалывание отверстий для швов. Острые боковые грани шила разрывают коллагены дермы при нажатии на рукоять и повороте шила вокруг своей оси.

Шилья встречены сериями во многих древнерусских городах. Из трех видов шильев, найденных на Неревском раскопе в Новгороде, Б. А. Колчин считал сапожными только инструменты с ромбовидным сечением острия. Именно они были найдены в кожевенных мастерских. Все такие шилья имеют примерно одни размеры — длина лезвия составляет 4,5–7,0 см, наиболее частое сечение 3,5×2,0 мм [*Колчин, 1959.* – С. 64; рис. 50 – *6*]. Подобные инструменты встречены и на Нутном раскопе в слоях XI века и второй половины XIV – XV века [*Гайдуков, 1992.* – С. 91; рис. 55 – *5–14*]. В Пскове в раскопах 1950-х годов, в слоях XI–XIII веков найдены прямые железные шилья — овальные, ромбовидные и прямоугольные в сечении [*Оятева, 1962.* – С. 94]. В Смоленске железные шилья найдены в зонах значительной концентрации кожаных обрезков и деталей, где локализованы три кожевенно-обувные мастерские [*Полонская, 1991.* – С. 118–122]. Там, в срубе № 38 на усадьбе «Б» найдены железные шило и игла в футляре.

В Берестье автор раскопок делит шилья из слоев XIII–XV веков на крупные шорные и более маленькие и тонкие сапожные. Шилья имеют ромбическое, квадратное или круглое в сечении острие. Найдены четыре шила с ромбическим сечением острия, причем одно — с деревянной рукоятью. Именно их П. Ф. Лысенко назвал сапожными, хотя не исключал использование сапожниками и шильев круглого сечения [*Лысенко, 1985.* – С. 303].

Прямые и кривые шилья (показано одно), иногда вместе с деревянной рукоятью, найдены и в Москве [*Рабинович, 1964.* – Рис. 43 – *1, 2*; *Розенфельдт, 1971.* – С. 262–264; рис. 3 – *9, 12, 17–19*; 4 – *1–3*; *Векслер, Осипов, 1999.* – С. 147; рис. 7 – *5, 6*]. Р. Л. Розенфельдт считал сапожными только шилья с граненым в сечении острием — четырехугольным, ромбическим или миндалевидным. Наиболее ранние из них датируются XIII веком. Еще одно сапожное шило квадратного сечения, с остатками деревянной рукояти и острием длиной около 3 см найдено в шурфе у пересечения Никитникова и Ипатьевского переулков в Китай-городе, в слое первой половины XV века [*Беленькая, Дубынин, 1967.* – С. 111; рис. 39 – *4*].

В Тверском кремле, в слоях 80-х годов XIII – середины XV века найдены 16 шильев. Три обломка с миндалевидным сечением (4,0–6,5 мм) найдены в скоплениях кожаных обрезков и других отходов ремесленной деятельности. Здесь же были и два шила с ромбовидным сечением острия, длиной 4,2–4,5 см и шириной 5,0 мм. Другие шилья имеют близкие размеры и также граненое острие — квадратное, ромбовидное или миндалевидное в сечении [*Курбатов, 2004.* – С. 67; рис. 151]. В 1985 году три шила ромбовидного сечения найдены в южной части кремля в слоях того же времени. Все шилья прямые, заостряющиеся к обоим концам, без упора у основания рукояти. Длина полная и длина рабочего острия (в скобках) составляют: 9,7 (5,0) см, 12,5 (7,1) см, 13,0 (7,5) см [*Курбатов, 1994б.* – С. 192–193; рис. 4 – *3–5*].

В Белоозере за все годы раскопок собрано 43 шила, среди которых 26 — ромбического сечения, отнесенные к сапожным инструментам. Замеры 17 инструментов показали, что их общая длина составляет от 4,5 до 12,5 см, а длина рабочей части — от 2,4 до 8,3 см [*Захаров, 2004.* – С. 203; рис. 163]. В Орешке семь железных шильев найдены в слоях XV–XVII веков [*Кильдюшевский, Курбатов, 1997.* – С. 270–273; рис. 8]. Они имеют квадратное или ромбовидное сечение рабочей части и максимальное расширение на середине длины. Пять шильев определенно имеют прямую рабочую часть, а два — изогнутую, вероятно в результате деформации.

Среди других названий инструмента до XVIII века известен термин *колка*, он называется в составе «книжной снасти»: «[1665] Роспис[ь] мнстрьскои книжнои снасти... середник четвертнои круглои, колка, ножницы» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7.* – С. 241]. Однако в XIX–XX веках кустари называли шило по-иному. На северо-западе России его иногда называли *юра*, словом, заимствованным из языков финно-угорских народностей края [*Фасмер, 1996, т. IV.* – С. 532]. Бытовали и такие названия, как *ковырок*, *наколюха*, *навёрточка*. Возможно, средневековые сапожники делали для удобства работы *нашильники* — полочки для установки и футляры для шильев, известные позднее [*СРНГ, вып. 14.* – С. 39; *вып. 19.* – С. 157, 337; *вып. 20.* – С. 298; *НОС, 1994.* – С. 148].

Молоток-гвоздодер на памятнике встречен впервые (рис. 82 – *7*). Его высота — 8,8 см, в нижней части — цилиндрический боек длиной 3,0 см и диаметром 1,3–1,7 см. Ударная сторона имеет закругленный выступ. В средней части, имеющей форму параллелепипеда (1,8×1,8×1,2 см), есть подпрямоугольный (1,00×0,48 см) проем для шипа рукоятки. Верхний конец расклепан в изогнутую пластину с клиновидным проемом по оси. Толщина губок на торцах — 0,15 см, ширина — 0,95 и 1,10 см. Глубина проема — 2,70 см.

Набивание на подошвы железных гвоздей, а также ряд других операций требовали использования специальных сапожных молотков. Достоверных инструментов в средневековых комплексах кожевенно-обувных мастерских встречено мало. Наиболее известна находка молотка в московском Зарядье [*Рабинович, 1964.* – Рис. 45 – *4*]. К инструментам сапожника также относят молотки-гвоздодеры, основываясь на специальном изучении этих инструментов по находкам в Новгороде [*Сорокин, 2004.* – С. 181]. По оценке А. Н. Сорокина, эти инструменты появляются в Новгороде не ранее XII века. Из них три находки с Троицкого раскопа 2002 года определенно входили в комплекс инструментов сапожника. В XIV веке появились гвоздодеры со сверлом на конце железной рукояти, что связывается с общерусской тенденцией — появлением наборных каблуков, скрепляемых железными гвоздями.

Миниатюрность мангазейского экземпляра, особенно небольшая площадь ударной части бойка, его зауженный торец, небольшие размеры проема для выдергивания гвоздей — все это свидетельствует в пользу его применения для «деликатной» работы — с мелкими гвоздями, что в первую очередь характерно для сапожного дела. Тем более в мангазейской коллекции не зарегистрировано других случаев, где использовались бы мелкие гвозди.

Иглы. Швейные иглы, в том числе в кожаных мешочках, встречены в Мангазее среди промыслового инвентаря, где найдена и крупная изогнутая игла с большим овальным ушком и четырехугольным сечением стержня [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 83; табл. 71 – *14*].

В специальной литературе упоминаются изогнутые иглы. Они необходимы при изготовлении потайных швов на жесткой подошве обуви, известной с XIV–XV веков, а также для поверхностных (несквозных) швов

на бахтарме или мерее. Особенно трудны в изготовлении потайные швы на жестких подошвах обуви XVI–XVII веков, где каналы швов, проходящие в толще кожи подошв, имеют отчетливый изгиб. Для облегчения сшивания подошвы и верха обуви здесь использовали подрезку на подошве кожи с бахтармы по краю потайного шва, чтобы мастер мог отогнуть край детали при сшивании. Материалы показывают, что иглы с изогнутым рабочим краем появляются позднее прямых, не ранее XIV–XV веков. Кривые иглы длиной до 23 см, вероятно шорные, встречены в Чебоксарах [*Краснов, Каховский, 1978.* – С. 134; рис. 66 – *1–3*].

Письменные источники говорят о разделении игл по видам работ только применительно к Московской Руси, когда они называются по назначению — мастерская, парусная, рогожная, швальная, шитья и т. п.: «[1296] Делающее кошьнице, и вечеру глубоку сущю и темну, иглу с делом поверьг на землю»; «[1664] Куплено тысяча игол мастерских дано дватцат шесть алтн 4 де (ньги)» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6.* – С. 77].

Б. А. Колчин выделяет особую конструкцию ушка игл для сапожных и шорных работ в материалах Новгорода. Так как в эти иглы вдевались толстые (суровые) нити, отверстия для них должны быть крупными, а в относительно тонкой игле такое возможно только при расплющенном конце стержня. Длина таких игл колебалась от 70 до 110 мм при диаметре 1,3–2,2 мм [*Колчин, 1959.* – С. 65]. На Нутном раскопе встречены тонкие *шитьи иглы* с несколько изогнутым стержнем [*Гайдуков, 1992.* – Рис. 55 – *15, 16*]. Железные и медные иглы многократно встречались при раскопках в Москве [*Розенфельдт, 1971.* – С. 262–264; рис. 3 – *9, 12, 17–19*; 4 – *1–3*]. Они круглые или ромбические в сечении, имеют слабое сужение выше овального ушка. Ромбические применялись преимущественно в сапожном деле, круглые — в портняжном ремесле.

В новой мангазейской коллекции присутствуют 56 железных швейных игл. Целые экземпляры единичны, обломаны, как правило, верхние концы по ушку. Длина целых экземпляров — от 4,40 до 5,89 см. Диаметр — 0,10–0,15 см, ушки — овальные. Изогнутые иглы отсутствуют. В сапожном деле могли использоваться лишь самые крупные экземпляры.

Ножницы. В публикации материалов первой экспедиции упоминается один экземпляр, но его описание и рисунок отсутствуют. В новой коллекции — лишь двое ножниц, относящихся к типу шарнирных (рис. 82 – *5*). Длина их 12,0 см и 14,2 см. Различаются они в деталях, в том числе шириной ножей и формой их концов — заостренные и скругленные. Ножницы — достаточно редкая находка на сибирских русских памятниках XVII–XVIII веков. Обычно ножницами кроили ткани, а при раскройке кож использовались ножи. Можно допустить использование ножниц при раскройке мелких фигурных деталей из тонкой кожи.

Сапожные колодки. В первой публикации материалов раскопов экспедиции ААНИИ приведены изображения двух из них — прямой и косой, правда их различие по рисункам неясно [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 50–51; табл. 53 – *1, 2*].

В новой коллекции имеются шесть колодок, представляющих собой бруски из прямослойной древесины, имеющие в плане форму усеченного сзади овала, расширяющегося в передней половине и круто сходящегося к переднему концу (рис. 83; 84 – *1*). Ребра колодок скруглены, нижняя поверхность — прямая, верхняя скошена к носку. Колодки различаются размерами: длина — 23,0 см (2 экз.), 24,0 см, 29,0 см, 31,0 см и 32,5 см, ширина, соответственно, у пятки — 4,9 см, 5,1 см, 4,6 см, 5,2 см, 6,4 см, 7,0 см, в середине или в передней трети — 8,1 см, 8,3 см, 7,4 см, 10,2 см, 11,4 см, 12,2 см. Толщина у пятки — 4,0–4,9 см, максимальная толщина в середине и в передней трети — 6–12 см. Колодки — симметричные и асимметричные, что позволяет отнести последние к косым, использовавшимся для пошива обуви на разные ноги.

Колодки найдены при раскопках многих средневековых русских городов. Исследователи разделяют их на простые колодки-*правила* и составные, затяжные. Считается, что простые колодки в основном использовали для околачивания и расправления сшитой обуви на твердой основе, а составные служили моделью при пошиве обуви [*Древняя Русь, 1985.* – С. 270]. В Новгороде за 50 лет раскопок найдено более 185 колодок-*правил* и семь составных [*Колчин, Янин, 1982.* – С. 76]. Однако уже в работе 1959 года С. А. Изюмова называет большее число находок — около 200. Надо полагать, что тщательное изучение материалов заставило исследователей сомневаться в правильности ранней атрибуции ряда предметов. Обувные колодки неоднократно находили в средневековых городах Западной и Северной Европы.

Анализ этой группы предметов в слоях древнерусских городов позволяет считать, что большинство их связано со слоями и комплексами XIII–XV веков. В это время широкое распространение получает форма сапог, у которых подошва соединялась с деталями верха сквозным вертикальным швом по всему периметру. Для сшивания двух-трех слоев тонкой кожи подошв с верхом и использовались колодки, прикрепляемые к подошве деревянными шпеньками. Следы таких шпеньков остаются на подошве и также были

зафиксированы на ряде деревянных колодок из Новгорода, что позволило реконструировать этот технический прием [*Курбатов, 1991б.* – С. 136, 139; *2004.* – Рис. 28 – *б*].

По мнению А. В. Курбатова, колодки могли иметь и иное назначение — сохранять форму обуви при ее сушке в теплом помещении, так как в условиях неравномерного высыхания кожа сжимается по-разному, деформируя конструкцию обуви. Кроме того, колодки могли использоваться и как основа для плетения лаптей.

Тем не менее для мангазейских колодок можно предполагать их использование по прямому назначению — для околачивания и расправления головок сшитой обуви. О том, что в Мангазее производился пошив обуви, свидетельствуют данные о поставке на местный рынок различных кож и обувных полуфабрикатов — деталей, а также большое количество мелких, «технологических» обрезков кожи.

Шаблоны-лекала. К ним можно отнести описанные выше берестяные выкройки в форме подошв, не имеющие швов по периметру, хотя, как отмечалось выше, их могли использовать как вкладыши в обувь. В пользу вероятности трактовки их как лекал свидетельствует найденный при новых раскопках берестяной шаблон для раскроя двухчастных основ рукавиц (рис. 84 – *2*). Однако такая интерпретация подобных выкроек пока гипотетична.

До настоящего времени археологи придерживаются мнения о раскрое стандартизованных деталей обуви с помощью специальных шаблонов-*лекал*, известных по письменным источникам как *меры сапожные* и *намёты*. К древнерусскому периоду восходит только одно упоминание шаблона — в Новгородской Кормчей 1282 года, происходящей из Устава Феодора Студийского. В монастырском наказе читаем: «Аще на потребу взмет кожю, или усние и не сблюдая режет, и не прилагает меры сапожныя... сухо да ясть» [*Буслаев, 1861.* – Стб. 389; *СлРЯ XI–XVII вв., вып. 23.* – С. 62]. Следующий по времени написания источник — это документ дела о побеге 1686 года, где шаблон назван *намётом* [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10.* – С. 148]. Этот документ сообщает о договорах родителей и мастеров-кожевников, где регламентируются условия отдачи детей в ученики к мастерам и говорится, что по истечении срока обучения мастер должен снабдить ученика и одеждой, и основными орудиями труда — *снастью*. Сапожник должен дать «выпускнику» «трои сапожные деревья» (три пары сапожных колодок — *авт.*), да наметы, да шилье, и всякая сапожная снасть, да платья шубу, да кафтан сермяжной, да шапку, да сапоги» [*Тальман, 1948.* – С. 70]. Слово *намёт* сохраняется в русском языке и в конце XIX века — в значении «выкройка или шаблон для кроя обуви» и в значении собственно процесса раскроя. Информаторы Сарапульского уезда сообщали, что «кроят кожу для пошивки обуви на кроильнице по наметкам из бумаги» [*СРНГ, вып. 20.* – С. 34–36].

Однако попытка рассматривать указанные названия как обозначение шаблонов для кроя, широко применявшихся в древнерусском кожевенном ремесле, наталкивается на необъяснимую редкость таких предметов среди археологических находок. Вещи, принимаемые за шаблоны, выделены только в материалах трех древнерусских городов — Новгорода, Пскова и Москвы. В городах Западной Европы неизвестны как сами предметы, так и упоминания о таких приспособлениях в письменных источниках. Эти обстоятельства заставляют внимательнее присмотреться к данным археологическим находкам.

В Новгороде за 50 лет раскопок найдены лишь шесть «деревянных лекал для кроя верха и подметок», тогда как число деталей, которые должны были кроить с их помощью, несоизмеримо больше. И эти детали имеют различную форму и размеры. Заметим, что в Новгородском музее только на постоянном хранении находятся более восьми тысяч целых деталей верха и более шести тысяч подошв и подметок [*Колчин, Янин, 1982.* – С. 76, 84]. В то же время в фондах Новгородского музея имеется только один шаблон. Это деревянная пластина длиной 32,1 см и шириной — в пучках — 6,8 см, в области свода стопы — 3,4 см, в пятке — 5,0 см. Она имеет толщину в носке 4,0 мм, в пятке — 7,0 мм. У шаблона носок заужен и скруглен, имеется также округлая пятка и плавное сужение в средней части. В носке на обеих сторонах выбраны полосы шириной 22 мм на глубину в 1 мм.

К шаблонам также отнесены пять предметов, найденных в Пскове на месте построек XVII – первой половины XVIII века [*Лабутина, 1970.* – С. 16–17]. Это железные пластины толщиной 1,0–1,5 мм, несколько выгнутые в поперечном разрезе, по форме соответствующие некоторым видам подошв. В каждой пластине пробито по шесть – восемь отверстий, равномерно расположенных вдоль края. С внешней (выгнутой наружу) стороны отверстия расширяются, указывая на использование гвоздей со шляпками. Такие железные предметы служили в кожевенно-обувном деле для набивания на подошвенную сторону деревянной сапожной «лапы» (или колодки), чтобы защитить ее от повреждения деревянными шпеньками и железными гвоздями при забивании их в подошву. Цельнометаллическая *лапа* была бы достаточно дорогим и неоправданно тяжелым (немобильным) приспособлением. Практика усиления подошвы обуви деревянными шпеньками

была повсеместной в странах Западной Европы в XVII–XVIII веках, откуда и была заимствована русскими мастерами обувного дела.

Два фрагмента «берестяных шаблонов» для раскроя головок и поднарядов обуви отмечены при раскопках в Москве [*Векслер, Осипов, 1999.* – С. 147; рис. 7 – *2, 3*]. Фрагментарность этих находок, их форма и связь со слоями XVI–XVII веков позволяют видеть в них берестяные гидроизолирующие и уплотняющие вставки в обувь, которые начинают широко применяться в этот период.

Во многих других древнерусских городах, где средневековые слои с хорошей сохранностью органических материалов были раскопаны широкими площадями, шаблоны не найдены. Таким образом, редкость найденных «шаблонов» вступает в противоречие с многообразием головок и подошв, находимых в средневековых слоях русских городов. Учитывая, что каждый «шаблон» был пригоден для раскроя деталей только одной конкретной пары обуви, их изготовление надо считать неоправданной потерей времени и сил. К тому же, при допущении такой техники, мы можем надеяться на сохранение в слоях огромного числа «шаблонов», сравнимого по численности с находками самих кожаных деталей, чего на самом деле нет. Эти предметы, упоминаемые в единичных письменных источниках, получают удовлетворительное объяснение только при рассмотрении их как своего рода «учебных пособий», о чем свидетельствует их появление в контексте обучения. В тексте Новгородской Кормчей 1282 года, вслед за цитированной выше статьей следует иное наставление: «А швец показует ученику, како резалник держати, резати ученику усм и како коюгоу дрьжяще, шити сапогы» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 7.* – С. 400; *вып. 23.* – С 62]. В документе же второй половины XVII века *намёты* определенно давались ученику. Эти приспособления были нужны ему для запоминания формы выкроек с целью их последующего воспроизведения. Они должны быть разными, чтобы охватывать различные фасоны обуви. Но опытные мастера, постоянно практикующие раскрой деталей, уже не нуждались в таких шаблонах, которые поэтому не встречаются в многочисленных кожевенно-обувных комплексах, исследованных археологами. Предложенное объяснение снимает известные противоречия археологических источников [*Курбатов, 2003б.* – С. 169–182].

Наперстки. В публикации материалов раскопок экспедиции ААНИИ наперстки не упоминаются. В новой мангазейской коллекции имеется лишь один медный наперсток, представляющий собой широкое кольцо, скрученное из листа толщиной 0,5–1,0 мм, в форме усеченного конуса, без днища. Высота предмета 1,6 см, диаметр — 1,7 см. Его поверхность орнаментирована косой сеткой из мелких ямок, окантованной по краям одной и двумя тонкими кольцевыми канавками (рис. 82 – *6*).

Это необходимая принадлежность инструментария сапожника и других мастеров по пошиву кожаных изделий. В слоях древнерусских памятников металлические наперстки появляются не позднее XIV века [*Колчин, Рыбина, 1982.* – С. 211]. В европейских городах бронзовые наперстки появляются, видимо, не позднее XIII–XIV веков [*Turnau, 1983.* – Ill. 2]. Общеупотребительными в Европе они становятся только в XVI–XVII веках [*Caune, Grube, 1984.* – P. 47; att. 10 – *4*; *Baart, J. m. fl., 1977.* – P. 145–166].

В русских письменных источниках слово *наперсток* как предмет, используемый портными и сапожниками, впервые отмечен в русско-греческом словаре XV–XVI веков: «Шевец порт(н)ый — рафтис. Игла — велони. Наперсток — дахтилиди». Позднее он упомянут также в приходно-расходных и описных книгах XVII века: «[1669] Куплено триста игол шваленных в мнстрь трех статей да сорок наперстков» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10.* – С. 173]. О материале наперстков говорит документ, называющий чехол на палец в уничижительной форме *напаленко*: «[1676] Во омбаре... 3 рукавицы, 2 напаленка кожаных, 2 бабки» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10.* – С. 165]. Для XVIII века отмечено широкое использование *наперстка* или *напалка* в форме медных колпачков, защищающих палец при шитье от укола иголкой, и в виде матерчатого или кожаного пальца перчатки, колпачка для защиты от ушиба, попадания грязи и прочего [*СлРЯ XVIII в., вып. 13.* – С. 249, 253].

Практическое отсутствие металлических наперстков в средневековых слоях русских городов помогают объяснить материалы раскопок 1993–1997 годов в Тверском кремле [*Курбатов, 2004.* – С. 56–57; рис. 127 – *1–39, 43–51*], а также другие коллекции, в которых найдены кожаные наперстки. В Тверском кремле, среди материалов последней четверти XIII – первой половины XV века, отмечены 46 однотипных кожаных изделий и две их заготовки. Все они имели характерную единообразную форму и близкие размеры раскройки, а также манеру сшивания концов. Это полоса кожи с параллельными (или неровными) длинными сторонами и срезанными в одну сторону торцовыми обрезами. Большинство раскроек имели размеры 6,0–7,5×2,0–2,5 см и были вырезаны из вторично использованной кожи. Материалом служили кожи крупного и мелкого рогатого скота, а в одном случае — обработанная шкура бобрового хвоста. Торцы сшивались выворотным швом,

с подворотом внутрь, или же тачным швом, или «через край» торцевыми обрезами встык. Для большинства изделий лицевой стороной была мерейная, но встречены и предметы, сшитые наружу бахтармой. Общим для всех находок можно считать и внутренний диаметр такой «обоймы», равный 1,3–2,5 см.

Объяснить назначение таких серийных «обойм» позволяют мелкие наколы на их поверхности, судя по размерам, сделанные тыльной стороной иглы при нажатии на нее пальцем с надетым предметом. Ввиду незначительной толщины кожи таких изделий (0,8–2,0 мм), можно предполагать использование в них дополнительной тонкой и прочной подкладки — костяной или металлической пластины, предотвращающей прокалывание кожи и повреждение пальца. Существенным признаком является и концентрация «обойм» в пределах производственных кожевенных комплексов, их нахождение в слое и ямах в составе значительных скоплений кожаных изделий и обрезков, маркирующих кожевенно-обувные мастерские.

Воск. В материалах экспедиции ААНИИ восковые изделия не встречены. В новой мангазейской коллекции, помимо фрагментов свечей, имеются восемь восковых шариков диаметром 2,0–3,7 см (рис. 84 – *3–6*). На некоторых сохранились беспорядочные узкие прорези, вероятно, — следы натирания воском нитей, что может свидетельствовать об использовании этого материала в сапожном деле. Воск, наряду с варом, служил для пропитки крученой льняной нити, обеспечивая ее сохранение. Таким образом получали дратву — специальную пошивочную сапожную нить [*Осипов, 2006.* – С. 102].

В контексте сапожного дела воск упоминался впервые в одном из документов второй половины XVI века: «Трое сапоги шил на Колмогорах, исцельныя, краныя, дал от шит(ь)я — и верви, и воск, и поднаряд, и гвоздье — восемь алтын» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 2.* – С. 82].

Нельзя исключать и иное назначение этих шариков — они могли быть заготовками пломб при опечатывании товарных грузов.

3.4. КОЖАНАЯ ГАЛАНТЕРЕЯ И АКСЕССУАРЫ

Обувь и другие элементы костюма заметно преобладают в русских средневековых археологических комплексах, но ими далеко не исчерпывается перечень кожаных изделий, что обусловлено физико-механическими качествами кожевенного сырья. В быту русского населения были широко распространены предметы кожаной галантереи и аксессуары — различные сумки, футляры, кошельки, детали утвари, детские мячи.

Самое большое собрание таких изделий было получено при раскопках Новгорода Великого, во влажном культурном слое которого органические материалы сохраняются хорошо. К настоящему времени типология таких изделий достаточно подробно разработана для древнерусских материалов X – середины XV века [*Розенфельдт, 1997.* – С. 117; *Рыбина, 1997.* – С. 46–47; *Матехина, 2009*].

Для оценки Средневековья Жак Ле Гофф привел выражение — «средние века — это мир дерева», когда «древесина была универсальным материалом» [*Ле Гофф, 1992.* – С. 191]. С полным основанием это замечание относится к кожевенному сырью, также универсальному. Десятилетия археологических раскопок в Великом Новгороде показали, что среди 600 видов найденных изделий 205 были сделаны из дерева, из железа и стали — 152, из цветных металлов — 62, а неполный перечень кожаных изделий включал 47 наименований [*Колчин, Янин, 1982.* – С. 74]. Этот перечень кожаных предметов в настоящее время можно существенно расширить, в том числе и на материалах Мангазеи.

В новой мангазейской коллекции встречены кожаные изделия, назначение которых хорошо известно по материалам раскопок других средневековых памятников Восточной Европы и Сибири, например ножны, сумки, наперстки и другие. Но некоторые категории предметов встречены только здесь, это — кожаные покрытия деревянных футляров для компасов, прокладки для зеркалец (крышечки для бутылок?), детали лыжных креплений и т. д.

3.4.1. СУМКИ

В первой мангазейской коллекции сумки не встречены, во второй они представлены двенадцатью фрагментированными деталями от девяти (?) изделий.

Первая из них, сшитая из кожи крупного рогатого скота толщиной 1,1 мм, в сложенном виде имеет трапециевидную форму, высоту со сложенным клапаном около 25,0 см, ширину в верхней части 20,2 см, в ниж-

ней — 26,1 см (рис. 86 – *1.1*). Сумка сшита по бокам выворотными наружными швами. Ряд эксплуатационных следов на лицевой стороне говорят о долгом использовании изделия. Это две прорези, зашитые снаружи, и одна — зашитая изнутри, а также округлый вырез диаметром 0,9 см, на который была пришита круглая заплата. В средней части лицевой стороны имеется группа из трех отверстий диаметром 0,5 см со следами протягивания в них кожаного ремешка-завязки. Сбоку к ней подшивалась полоса из плотной оленьей кожи толщиной 0,10–0,12 см, свернутая вдвое по длине, размерами в сложенном виде 26,5×4,3 см. На одном краю имеется подпрямоугольный вырез, другой оборван. По бокам сохранились наружные выворотные швы (рис. 86 – *1.2*).

Вторая сумка представлена фрагментом клапана, выкроенного из кожи крупного рогатого скота толщиной 0,1 см. Клапан имел пятиугольную форму, его высота— 15,2 см, первоначальная длина (с учетом утраченного края) — 28,0 см. По боковым и нижнему краям имеется двойная строчка сквозного шва с мелкими стежками, повторяющая контур детали. По верхнему краю проходят две строки неаккуратного шва «змейка».

Третья сумка представлена лицевой деталью подпрямоугольной формы с оборванными верхним и нижним углами с правой стороны (рис. 85). Деталь выкроена из оленьей кожи толщиной 0,12 см, ее длина — 32,0 см, ширина — 26,5 см. Вдоль верхнего края имеются следы эксплуатации (?) — овальный вертикальный вырез размерами 3,0×1,7 см, а также три мелких круглых выреза (диаметром по 0,5 см), расположенные в левой части в виде треугольника, обращенного вершиной вниз. У оборванного верхнего края сохранилось еще одно округлое (диаметр — 0,3 см) отверстие. Вполне вероятно, что там находилась аналогичная группа отверстий, располагавшаяся симметрично первой. Это могут быть следы крепления застежек или пряжек.

В нижней половине детали сохранился тисненый узор — в центре — стилизованный росток с двумя длинными изогнутыми листьями (?) в основании стебля, увенчанного бутоном сложной формы, слева — крупная розетка в виде двойной контурной окружности, разделенной прямыми линиями на восемь секторов, в основании каждого из которых имелась дуга, а в середине — по одной мелкой розетке, разделенной на девять частей. Аналогичные мелкие розетки имелись и на концах листьев ростка и бутона. Изначальная композиция была симметрична — в правой части находилась еще одна крупная розетка, край которой сохранился.

Оригинален двухдетальный клапан *четвертой* сумки. Он имел сердцевидную форму и состоял из двух аналогичных деталей, сшивавшихся между собой обметочным швом «змейка». Обе детали выкроены из плотной кожи крупного рогатого скота толщиной 0,10–0,12 см. Внутренняя деталь клапана имела утраченную подкроенную боковину (рис. 89 – *1.2*). Наружная деталь (рис. 87 – *1.1*) сохранила частично затертый декор, выполненный в технике тиснения с помощью шнура, подложенного со стороны бахтармы. Узор представлял собой сложную композицию из криволинейных ступенчатых вписанных фигур, заключенную в рамку, повторяющую контур клапана.

Наиболее близкая аналогия этому декору имеется на ровдужной обуви и переметных сумках из якутских погребений XVIII века [*Гоголев, 1990*. – С. 81–82; рис. 10; табл. LVIII – *2*]. Клапаны подобной формы характерны для *патко* — небольших ненецких сумочек, сшитых из оленьего меха, с орнаментом из полосы цветного сукна [*СРНГ, вып. 25.* – С. 273].

3.4.2. ПОКРЫТИЯ ФУТЛЯРОВ ДЛЯ КОМПАСОВ

При раскопках экспедиции ААНИИ было найдено «несколько футляров для корабельных компасов», представлявших собой «небольшие (15×10 см) кожаные кошельки, на лицевой поверхности которых оттиснут растительный или геометрический орнамент» [*Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – С. 60, 126]. В одном из футляров сохранилась четырехугольная деревянная рамка, в которую вставлялся «корпус солнечных часов». Опубликованы рисунки двух экземпляров [*Там же.* – Рис. 11; 28].

Отметим сразу, что речь идет не о собственно футлярах, а об их кожаных покрытиях, или оболочках, поэтому в дальнейшем будем называть такие детали покрытиями футляров.

В коллекции из раскопок 2001–2007 годов — три покрытия футляров для компасов.

Первое покрытие сохранилось в двух фрагментах (рис. 88). В развернутом виде оно представляло собой полосу из трех прямоугольников, внутренняя сторона одного из которых сохранила отпечаток деревянного футляра размерами 5,5×5,2 см и толщиной не менее 1,25 см. Завернутые внутрь края покрытия имеют четыре прорези и обрыв, судя по которым, оно прибивалось к футляру мелкими гвоздиками или пришивалось

проволокой. Наружная сторона покрытия украшена сплошным тисненым орнаментом. Первый фрагмент представлял собой подпрямоугольный клапан размерами 6,0×4,8 см. Его лицевая поверхность была украшена иной композицией — квадратная зубчатая рамка была заполнена косой сеткой из мелкозубчатых линий, где в каждой ячейке оттиснута двенадцатилепестковая розетка.

На другом фрагменте, с полностью сохранившейся основой емкости и обрывком клапана, орнамент представлял собой две идентичные композиции, занимавшие смежные плоскости футляра. Полностью сохранилась композиция на основе — овальный медальон размерами 4,1×3,2 см, со сложным симметричным растительным узором внутри. В центре узора — двойной ромб с точкой посередине, окруженный четырехлепестковой фигурой, где от каждого лепестка ответвлялись два изогнутых побега с мелкими листочками или бутонами. Узор обрамлен прямоугольным контуром из мелких поперечных зубцов. С внешней стороны прямоугольный контур окаймлен продольными переплетенными растительными полосами. Рамка медальона заполнена мелкими S-видными элементами. С внешней стороны медальон окружен десятью оттисками в виде корон из пяти каплевидных лепестков. На оборванном клапане узор отличался размерами — медальон был меньше первого, размерами 3,4×2,6 см, меньше была и прямоугольная рамка, а также пространство между медальоном и рамкой. Для этой находки можно предполагать линейную деформацию (усадку) кожи.

Второе покрытие сохранилось в виде развернутого прямоугольника размерами 22,8×11,0 см, с частично оборванными короткими краями (рис. 89 – *1*). Судя по расположению потертых ребер, оно закрывало деревянную коробочку размерами около 7,7×7,7×1,3 см. По периметру футляра, в местах сгибов, отмечены мелкие отверстия от гвоздиков. Лицевая поверхность кожи покрыта сильно затертым тисненым орнаментом. Вдоль одной из длинных сторон проходила полоса тиснения шириной около 1,4 см, заполненная цепочкой овальных розеток размерами 9×6 мм, с зубчиками внутри, и пучков стилизованных побегов с листьями или бутонами, выходящих из стыков между розетками и обращенных во внутреннюю сторону орнаментального пространства. Эта полоса снаружи окантована пятью тонкими прямыми продольными линиями и полосой шириной 3 мм, заполненной мелкими S-видными фигурами. С внутренней стороны полосу с растительным узором ограничивали три продольные линии — две тонкие и одна широкая (3 мм) между ними.

Остальное орнаментальное поле было разбито на четыре прямоугольные рамки, размерами около 7,1×6,7 см, образованные продольной полосой из трех прямых линий — двух тонких и одной широкой — и перпендикулярными ей аналогичными полосами. Эти рамки закрывали боковые плоскости коробочки. Вероятно, вдоль второй длинной стороны покрытия проходила еще одна полоса растительного орнамента, но она была обрезана.

От *третьего покрытия*, выкроенного из кожи крупного рогатого скота толщиной 0,10–0,12 см, сохранились лицевая сторона и клапан, в развернутом виде оно имело размеры 9,2×5,3 см (рис. 89 – *2*). Судя по размерам клапана и отпечатку деревянного футляра на бахтарме основной части покрытия, футляр имел размеры около 5,3×4,4×1,4 см.

На основной части покрытия и клапана имелись идентичные оттиски мужского бюста, повернутого вправо и окруженного двойной контурной окружностью, помещенной, в свою очередь, в квадратную рамку с треугольными узорами в углах. Боковые стороны футляра украшались тремя продольными полосками из мелких зубчатых ромбиков, разделенных уголками.

Внутри двойного ободка медальона имеется несколько затертая тисненая надпись, выполненная кириллицей по часовой стрелке и представляющая собой нечитаемый набор букв. Вероятно, мастер, изготовивший клише, подражал русскому тексту или исказил предоставленную заказчиком (если таковой был) фразу до неузнаваемости.

В центр медальона помещено изображение мужчины с короткой «шкиперской» бородой и небольшими, чуть загнутыми вверх усиками, одетого в шляпу с полусферической тульей и короткими, круто загнутыми вверх краями полей. Сзади к шляпе прикреплено небольшое загнутое пышное перо. На шее мужчины изображено ожерелье, на груди — поперечные складки верхней одежды. Головной узорчатый убор и черты лица выполнены мелкими точками или поперечными рубчиками, а остальные детали — прерывистыми линиями.

Подобной формы шляпы со страусовыми перьями, коротко стриженые бороды и небольшие загнутые вверх усы, судя по полотнам западноевропейских живописцев XVI–XVII веков, были распространены в эти времена среди знатных особ Германии и Англии [*Мерцалова, 1972.* – Ил. 83, 87, 89; рис. 83; *Козлинский, Фрезе, 1975.* – Рис. 515, 534].

Наиболее близкое по иконографии мангазейскому изображению — профильный портрет мужчины в каске (шляпе?) на аверсе нюрнбергских счетных жетонов, чеканившихся Гансом Шультесом в 1550–1574 годах и Гансом Краувинкелем в 1580–1610 годах. Вполне вероятно, что именно такое изображение было взято мастером за основу клише, использованного при изготовлении данного покрытия.

Западноевропейские аналоги имеют и стилизованные растительные узоры, и изображения на остальных мангазейских покрытиях, а также на кожаном переплете книги, найденном экспедицией ААНИИ [*Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – С. 43; рис. 5; *Козлинский, Фрезе, 1975.* – Рис. 78, 84, 88, 90, 109, 126, 154].

3.4.3. ДЕКОРАТИВНЫЕ НАШИВКИ

В ранней мангазейской коллекции представлена всего одна декоративная нашивка из кожи. Опубликован ее рисунок без масштаба, не сопровожденный описанием. Она имела форму диска с прорезным ажурным узором — вписанный круг окаймлен перегородкой из треугольников, внутри его — крестообразная перегородка с дуговидными элементами в проемах. По внешнему краю и по внутреннему кругу с перегородкой проходили одинарные строчки шва «змейка» [*Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – Рис. 18].

В новой коллекции — четыре нашивки. Одна из них — дисковидная, диаметром 5,4 см, выкроена из плотной кожи мелкого рогатого скота толщиной 0,08 см (рис. 90 – *1*). Вдоль ее краев проходят две строчки сквозного шва с очень мелкими стежками, в центре — крупная розетка из восьми сомкнутых лепестков, вышитая таким же швом.

Обе описанные нашивки могли служить декоративными деталями одежды, поясов или сумок.

Две другие нашивки имели сердцевидную форму (рис. 90 – *2, 3*). Их размеры — 6,3×5,9 и 9,3×7,8 см. Вдоль краев сохранились сквозные регулярные отверстия, показывающие нашивание их на мягкую основу. В середине одной имеются четыре прорези длиной 0,5 и 0,9 см, образующие прямоугольник, а другой — пара прорезей длиной 0,6 см. Обе детали выкроены из плотной кожи крупного рогатого скота толщиной 1,0 мм, мерея одной из них — покрыта мелким тиснением.

Еще одна нашивка, изготовленная из кожи крупного рогатого скота толщиной 0,2 см, имела ромбическую форму и размеры 4,3×3,5 см (рис. 90 – *5*). По краям сохранились следы мелкого сквозного шва «змейка». В центральной части вырезан проем в виде сложной фигуры, состоящей из прямого креста из узких длинных лучей, между которыми расположены овальные концы косого креста.

Эти детали также могли нашиваться на сумки или пояса. Не исключен и другой вариант использования — в качестве декоративной основы для крепления одежной застежки или пуговицы.

Нашивки на кисетах из ровдуги и одежде известны в этнографических материалах эвенков [*Ермолова, 2005.* – С. 229; рис. 33], а также в погребальных комплексах XVIII века из Якутии [*Гаврильева, 1998.* – Рис. VIII; XV – *2*], однако декор их отличается от мангазейских узоров.

Как заготовку нашивки можно рассматривать двенадцатилучевую «звезду» из согнутой кругом полосы кожи толщиной 0,35–0,45 см (рис. 90 – *4*). Ее диаметр — 7,2 см, размеры овального внутреннего проема — 1,7×1,2 см, длина полуотрезных подпрямоугольных лучей — 2,5–2,7 см, ширина — 0,45–0,60 см.

3.4.4. ДЕТАЛИ ЛЫЖНЫХ КРЕПЛЕНИЙ

В коллекции экспедиции ААНИИ подобные детали не встречались. В новой коллекции они представлены не менее чем пятью экземплярами, сохранившимися полностью и поэтому демонстрирующими особенности их конструкции. Опознание их как деталей именно лыжных креплений стало возможным благодаря тому, что в двух случаях они сохранились *in situ*, будучи одетыми на деревянные пластины, свернутые в кольцо. Кольца предназначались для продевания в них носка ступни лыжника. Один конец деревянной пластины (толщина — 0,4–0,5 см, ширина — 1,7–3,2 см) продевался в соответствующий выдолбленный проем в передней части приподнятой ступательной площадки.

Собственно обойма представляла собой кожаную полосу шириной 4,0–4,8 см и длиной 9,8–11,2 см, которая в сшитом виде имела проем шириной 4,0–4,3 см. В центре обоймы имелся подпрямоугольный (1,2–1,4×0,8–1,0 см) проем, аналогичный ему вырезался и в пластине кольца. Этот проем служил для продевания

в него кожаной оборы или плетеной тесьмы, завязывавшейся вокруг голени лыжника. Обойма пришивалась к пластине сквозным швом по периметру, скрепляя при этом наложенные друг на друга концы пластины.

3.4.5. МЯЧИКИ

В публикациях материалов раскопок экспедиции ААНИИ мячи не упоминаются. В новой коллекции найден один целый кожаный мяч, две отдельные детали и две заготовки деталей.

Мяч диаметром около 4 см был набит шерстью, мелкими кусочками шерстяной ткани и птичьим пухом (рис. 91 – *1.1, 1.2*). Его оболочка была сшита из четырех равновеликих деталей миндалевидной формы (фигура, состоящая из двух сегментов круга, сомкнутых хордами). Длина каждой детали — 6,6 см, ширина — 3,4 см. Кожа крупного рогатого скота толщиной 0,10–0,11 см. По краям деталей — тачные швы, лишь на одной из них — выворотный наружный. В сшитом состоянии каждая деталь имела форму сегмента шара, заостренные концы деталей смыкались в диаметрально противоположных точках сферы.

Две аналогичные детали других мячей, изготовленные из кожи крупного рогатого скота толщиной 0,1 см, с тиснением по мерее, различались размерами — 10,7×6,0 см и 11,6×5,7 см (рис. 91 – *2, 3*). Вдоль их краев проходили строчки выворотного шва, на одной детали близ конца были дополнительные сквозные отверстия от иглы. По параметрам этих деталей можно вычислить и диаметры мячей — в одном случае — около 6,8–7,2 см, во втором — около 7,4 см.

Судя по двум заготовкам таких же деталей, подобные мячи изготавливались жителями Мангазеи. Заготовки были почти идентичны по размерам (7,2×4,2 см; 7,1×4,5 см), выкроены из плотной кожи крупного рогатого скота толщиной 0,15 см, с тиснением по мерее (рис. 91 – *4, 5*).

В коллекции имеется еще один мячик, набитый шерстью и обшитый сквозным швом «змейка» кусочками красной и зеленой шерстяной ткани. Его диаметр — 4,2 см. Скорее всего, он имел когда-то и кожаную оболочку.

Находки деталей мячей являются одной из массовых категорий кожаных изделий в средневековых русских городах. По классификации игровых предметов из Новгорода они отнесены к группе «детских игрушек» [*Хорошев, 1998.* – С. 82–84]. Сам факт использования игровых мячей в Древней Руси и их форма стали известны только с началом археологических раскопок в Новгороде. За все десятилетия раскопок, в слоях X–XVI веков здесь найдено несколько сотен деталей и целых изделий. В литературе приводятся разные цифры — около 200 находок [*Розенфельдт, 1997.* – С. 117], более 250 [*Колчин, Янин, 1982.* – С. 84] и около 350 [*Гайдуков, 1992.* – С. 88]. В одной из работ последних лет, посвященной археологическим находкам игрушек в Новгороде, указана значительно большая цифра — свыше 750 экземпляров [*Хорошев, 1998.* – С. 91]. Судя по правильности форм раскроек и точности сшивания, все средневековые мячи шили специалисты кожевники («мячники»).

По материалам Новгорода и других древнерусских городов выделены три варианта сшивания мячей в зависимости от формы раскроек деталей — это «бочковидные» мячи, мячи из четырех сегментов и мячи, сшитые из двух деталей гантелевидной формы. В позднесредневековых комплексах встречены только мячи, сшитые из четырех сегментов. Они найдены, например, в Ивангородской крепости в слоях первой половины XVI века и при раскопках Старого Гостиного двора в слоях XV–XVII веков [*Векслер, Осипов, 2000.* – С. 155; рис. 7 – *5, 6*]. С ними сравнимы и мангазейские находки деталей. Кожаные мячи, подобные новгородским по размерам и форме деталей, известны в археологическом материале Любека. Они неоднократно воспроизводились в средневековых миниатюрах, где показаны и способы игры в мяч [*Muhrenberg, 1997.* – С. 40–45].

В памятниках письменности слово *мячъ* в значении «небольшой упругий шар из кожи или ткани, набитый шерстью, опилками и т. п.» встречается в сочинении «Александрия», в списке XV века, восходящем к XII веку: «Послать ти есмь мяч». Мяч упоминается в различных текстах XVI–XVII веков, в частности в наставлении о правильном воспитании детей: «Какая же убо упражнения суть честная и детем приличная. О(твет) — Кубар, мечик кики обучение телесе в труды». В другом наставлении объясняются и правила игры с мячом — *опукой*: «Приключи же ся отроком близ скачущих опукою играти, един же от них хотяше опуку палицею ударити, исторжеся от руку того палица» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 13.* – С. 53]. В Средневековье мячи шили, вероятно, те же сапожники, но со второй половины XVI века уже известны и особые мастера. В новгородской писцовой книге 1584 года отмечен «(двор) тяглой Васки Григорьева... мячника» [*СлРЯ XI–XVII вв., вып. 9.* – С. 134, 353].

3.4.6. ПОДКЛАДКИ ПОД КРЫШЕЧКИ

В материалах экспедиции ААНИИ эта категория находок представлена не была. В новой мангазейской коллекции имеются девять однотипных предметов, представлявших собой небольшие кожаные кружки «шляповидной» формы, вогнутые в центре и с одним выступом-«хвостиком» с краю (рис. 92 – *3–8*). Все они выкроены из плотной кожи крупного рогатого скота толщиной от 0,1 до 2,2 см. Диаметр дисков — 3,0–3,8 см; диаметр вогнутой со стороны бахтармы центральной части — 2,0–3,3 см, глубина вогнутой части относительно краев — 0,45–0,85 см.

На плоских «полях» кружков (ширина — от 0,5 до 0,85 см) со стороны бахтармы отмечены кольцевидные отпечатки, свидетельствующие о том, что они плотно прижимались к твердой поверхности аналогичной формы. Выступы-«хвостики» различались формой — подпрямоугольные короткие и длинные, пятиугольные короткие и полуовальные. В трех случаях в них были вырезаны мелкие отверстия для шнура или нити, которыми эти предметы привязывались к чему-то.

Эта характеристика позволяет считать описанные предметы подкладками/прокладками между крышечками каких-то емкостей и их основами, предназначенными для обеспечения определенной «герметизации», плотности соединения. При этом ясно, что «горловины» емкостей были небольшими, а крышки имели в центре выступы в форме сегментов шара, своеобразными «негативами» которых явились углубления в прокладках.

Аналоги таким прокладкам нам неизвестны, но имеются материалы, позволяющие предположить две версии их использования. Первая базируется на сопоставлении их с металлическими оправами складных стеклянных зеркал, выявленных Е. А. Рыбиной в коллекциях XIV–XV веков из раскопок в Новгороде, Пскове и Москве [*Рыбина, 1999.* – С. 101–118; рис. 1 – *4*]. Эти оправы были представлены литыми дисковидными крышечками с небольшими петельками сбоку (на большинстве). В одном случае сохранилась и нижняя часть коробочки, или капсулы, напоминающей по конструкции современные пудреницы. В Новгороде, Пскове и Твери найдены деревянные аналоги таких крышечек [*Рыбина, 1999.* – Рис. 4 – *2, 3*]. Диаметр крышечек варьируется от 3,5 до 6,0 см. С нижней стороны их имеется круговой бортик, внутри которого у нескольких экземпляров сохранились цельнолитые плоские кольца шириной 0,3–0,6 см. В отдельных случаях с внутренней стороны сохранились «органические остатки и отпечатки волокон» [*Рыбина, 1999.* – С. 107–109], в чем можно видеть свидетельство наличия в коробочке одной или двух прокладок из мягкого материала (ткани, кожи), предназначенных для обеспечения сохранности собственно стеклянного зеркальца.

При сопоставлении размеров и формы крышечек и мангазейских прокладок видно, что лишь часть первых близка последним. Кроме того, внутренний объем коробочек, судя по форме их остатков, имел вид, близкий к низкому цилиндру, а не к сегменту шара, как у прокладок. Однако надо иметь в виду хронологический интервал 100–200 лет между сопоставляемыми артефактами, в течение которого формы коробочек и прокладок могли измениться. Правомерность такого предположения в определенной мере подтверждается единственной пока находкой с Дальнего Востока — в Албазинском остроге (1665–1689 гг.) найден бронзовый предмет, аналогичный мангазейским прокладкам с пятиугольным выступом с отверстием [*Артемьев, 2005.* – С. 263; рис. 1 – *3*]. Предмет имел «вид блюдечка» диаметром 2,5 см, а анализ соскоба с его вогнутой стороны показал наличие в нем амальгамы.

В предложенной версии несколько смущают небольшие размеры зеркалец — судя по мангазейским прокладкам и албазинской крышечке, они имели диаметр около 2,0–3,3 см. В связи с этим заслуживает внимания другая версия интерпретации принадлежности прокладок. В публикации, посвященной западноевропейским счетным жетонам XVI–XVIII веков, И. Г. Спасский привел рисунок футляров для их хранения [*Спасский, 1951.* – С. 133; рис. 5]. Это были небольшие цилиндрические коробки, внутренний диаметр которых был чуть больше диаметра жетонов — 2,2–2,6 см, что соответствует размерам углубления в прокладках. К сожалению, форма внутренней стороны крышечек этих футляров по приведенному И. Г. Спасским изображению неясна.

Нюрнбергские жетоны на Мангазейском городище были найдены В. Н. Чернецовым и нашей экспедицией. В Западной Сибири они часто встречаются в погребальных комплексах аборигенного населения XVII века, которое использовало их как подвески к костюму, поэтому на жетонах из погребений обязательно имелись пробитые отверстия. Однако не исключено, что мангазейцы, прежде всего торговцы, использовали жетоны не только для обменной торговли с местным населением, а и для различных подсчетов

по западноевропейской системе исчисления, в соответствии с их назначением, или при «счете костьми» — найденные на городище жетоны не были пробиты.

Так или иначе, вполне вероятно, что жетоны доставлялись в Мангазею в футлярах, которые в конечном итоге могли использоваться для хранения различной мелочи — монет, игральных костей и т.п. Обеспечение надежности закупорки футляров требовало применения прокладок, соответствующих форме их крышек. Скорее всего, для таких футляров, а не для «зеркальных», делались на скорую руку прокладки с длинными «хвостиками».

Обе версии принадлежности мангазейских прокладок останутся в силе до тех пор, пока на Мангазейском городище или другом синхронном русском памятнике не будут найдены соответствующие емкости, желательно — с прокладками.

3.4.7. ФЛИКИ НАБОРНЫХ РУКОЯТОК НОЖЕЙ

Рукоятки мангазейских ножей с черешковым насадом, как правило, были каповыми цельнорезными, реже — из прямослойной древесины. В то же время имелись и наборные — из костяных обойм, берестяных или из коры лиственницы и кожаных фликов. Последние представлены двумя экземплярами такой же, как и у костяных обойм, овальной или овально-приостренной формы с отверстиями для нанизывания на черешок (рис. 92 – *9–10*).

Обе были вырезаны из дубленой кожи крупного рогатого скота толщиной 0,17–0,20 см. Трудозатраты на изготовление рукоятей из таких фликов, при наличии шаблонов, были гораздо меньшими, нежели для деревянных и каповых цельнорезных, а сырье всегда было под рукой — обрезки кожи, старые изделия. Такие флики найдены впервые.

3.4.8. НАВЕРШИЯ ЗАКОЛОК ДЛЯ ВОЛОС

Редкими находками выглядят туго сплетенные из узких (около 0,3 см) ремешков два «шарика» диаметром 1–2 см. Их принадлежность оставалась бы неясной, если бы такой шарик не был встречен в виде навершия деревянного заостренного стержня длиной более 7,0 см и диаметром до 0,6 см (рис. 93 – *1*). Это изделие аналогично по форме некоторым современным заколкам для волос, что, за неимением других аналогов, позволяет интерпретировать такие шарики как декоративный элемент заколок.

3.4.9. ТОВАРНАЯ БИРКА

Уникальной находкой является обрезок неправильной формы с края кожевого листа крупного рогатого скота размерами 9,3×6,9 см и толщиной 0,30–0,35 см (рис. 93 – *2*). На нем вырезана надпись из букв высотой 0,3–1,1 см, расположенных в виде строки — «Семенова / жена». Первоначально она была прочитана нами как «Семеновой жены» [*Визгалов, Пархимович, 2008.* – С. 129]. Впоследствии было предложено иное прочтение (которое предполагало, что надпись делалась наспех, на первом попавшемся обрезке, сплошным текстом, а перенос был случаен, так как автор заранее не рассчитал, как уместить ее в обрезок) — «Семена важена». Вероятно, это бирка к товарной пачке. Вторую часть надписи можно связать с оттопонимической кличкой-фамилией выходца с р. Ваги, от которой позднее произошли современные северорусские фамилии Вагин, Важенин, Важенов. В товарных сборных книгах мангазейской таможни среди прибывших торговых и промышленных людей одной из самых представительных групп были «важенцы» [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – Табл. XVII].

К настоящему времени в материалах средневековых городов Восточной Европы известно лишь семь образцов надписей на коже, где выделены отдельные буквы, неполные слова и целые фразы. Три надписи XVI века в Чебоксарах (бирка к стопке кожи и аббревиатура имени владельцев изделий — ножен и, возможно, кошелька).

На Георгиевском раскопе 2001–2002 годов, в Старой Руссе, на туфле были вырезаны буквы «НО». Надпись находилась на лицевой стороне кожи (мерее), но на внутренней стороне готового изделия — левой туфли —

и шла не вдоль нее, а поперек. Эта деталь, как и вся коллекция кожаных изделий, датируется XII–XIII веками [*Антропова, 2004.* – С. 289, 291; рис. 10].

В 2002 году на Троицком раскопе в Новгороде (Троицкий XIII и XIV раскопы) найдены ножны с двусторонней латинской надписью, выполненной готическим шрифтом. Строительные горизонты и вещевые комплексы обоих раскопов датированы 90-ми годами XIII – 40-ми годами XIV века [*Янин и др., 2003.* – С. 16; рис. 1 – *1*].

Недавно опубликована находка ножен ножа из Пинска. Однако датировка и место находки не указаны. Ножны сделаны из довольно грубой кожи. Буквы вырезаны в два ряда: в верхем — буквы «Г» и «Д», в нижнем — «Б» и «В», а на удалении от них слева — буква «А». Нанесены на внешнюю сторону ножен [*Калечыц, 2008.* – С. 36].

Последняя находка сделана в Великом Новгороде на Никитинском раскопе, где в 2002–2004 годах исследовалась усадьба «Б». В слоях конца XIV – первой половины XV века встречена орнаментированная кожаная рукавица с надписью: «Не проси не искуси…» [*Дубровин, 2008.* – С. 450].

3.4.10. ОБРЕЗОК С КЛЕЙМОМ

Еще одна уникальная находка — обрезок дубленой кожи с двумя резными знаками, один из которых — прямой крест в круге, другой — дуга с коротким вертикальным отрезком и двумя точками рядом (рис. 93 – *3*). Диаметр обоих кружков — 0,85 см. Оба окружены прерывистой, такой же узкой и глубоко врезанной в кожу тисненой дугой (обрезана вторая половина круга?). Ширина дуги — 3,1 см. Размеры куска кожи — 6,8×6,0 см, один угол — прямой, остальная часть обрезана неровно.

Вероятно, оттиски представляют собой клеймо кожевника или торговца — аналогичные знаки известны на днищах русских гончаров-ремесленников.

3.4.11. ДЕКОРАТИВНЫЕ ЛЕНТЫ

Впервые на памятнике найдены фрагменты двух узких (0,85–0,90 и 1,10 см) лент из тонкой (0,08 см) черной (крашеной?) кожи, декорированной мелким тиснением (рис. 92 – *1, 2*). Оба фрагмента обрезаны по всем краям, следов швов нет. На обоих представлены раппорты, выполненные в одном стиле, но различающиеся в деталях, что указывает на их принадлежность двум лентам — изогнутые волной тонкие стилизованные стебли с листьями и плодами. Толщина линий — около 0,03 см. Возможно, ленты обрезаны с одного или двух изделий, так как следы швов на них отсутствуют. Аналоги нам неизвестны. Близкие мотивы известны в резном орнаменте на западноевропейской мебели XVI–XVII веков [*Козлинский, Фрезе, 1975.* – Рис. 109, 126]. В это время они, видимо, широко использовались и в орнаментации изделий из других материалов, в частности — на кожаных обивках шкатулок, коробок и т. п., а также на разнообразных кожаных вместилищах — сумках, кошельках.

ГЛАВА 4.

КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ БЫТОВОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ МАНГАЗЕИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАНГАЗЕЙСКОГО ПОСАДА

ГЛАВА 4.

КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ БЫТОВОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ МАНГАЗЕИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАНГАЗЕЙСКОГО ПОСАДА

Типологический анализ коллекции кожаных изделий и связанных с ними предметов из других материалов позволил выявить их характерные черты и в определенной степени реконструировать облик прежде всего таких элементов костюма, как обувь и некоторые детали одежды, а также других аксессуаров быта мангазейцев.

Информацию иного уровня дают результаты статистического анализа этой коллекции, учитывающие распределение артефактов на плане раскопа, по строительным ярусам и постройкам, а также обстоятельства их залегания в культурном слое.

Материалы, полученные в результате раскопок Мангазейского городища экспедицией ААНИИ, вместе со сведениями из письменных источников, были использованы М. И. Беловым для реконструкции строительной истории Мангазеи. На основе датировок построек дендрохронологическим методом он выделил шесть этапов застройки, отметив, что наиболее интенсивная жизнедеятельность в городе относится ко второму (1601–1606 гг.) — пятому (до 1652 г.) этапам [*Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – С. 35–89]. Позднее О. В. Овсянников выразил свое несогласие с точкой зрения М. И. Белова. Он полагает, что нельзя на основании абсолютных дат «определить четкие периоды смены одной застройки на другую по всей территории поселения». По его мнению, речь следует вести о самостоятельных строительных этапах для больших по площади градостроительных комплексов. Он также выразил уверенность в том, что «основной объем строительства… и материала в жилищно-хозяйственных комплексах» относится к 1601–1638 годам [*Ясински, Овсянников, 2003.* – С. 182–183].

В этом вопросе позиция О. В. Овсянникова близка нашей. Так или иначе, но материалы экспедиции ААНИИ могли бы стать основой для разного рода статистического анализа. На деле была лишь продекларирована попытка применить «статистический и динамический» методы в отношении истории застройки города [*Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – С. 38–129]. Но и она была обречена на провал, так как, судя по материалам, полученным нами в раскопе № 22 экспедиции ААНИИ, постройки не вскрывались по всей толще культурного слоя, а «вырванные» из контекста памятника сведения о ряде построек не могли адекватно отразить реальную ситуацию.

О статистическом анализе комплексов артефактов в этом случае речь не могла идти из-за выборочного, по сути — произвольного характера изъятия находок даже в пределах одной постройки. Собственно, статистический подход в изучении материала и не применялся: характеристика комплексов артефактов, в данном случае — изделий из кожи, дана обобщенно.

4.1. ХАРАКТЕРИСТИКА СТРОИТЕЛЬНЫХ ЯРУСОВ РАСКОПА (2001–2007 гг.)

Широкие возможности для разного рода статистических анализов и получения максимально точной исходной информации, открыла примененная нами при новых раскопках городища послойно-рельефная методика изучения культурного слоя, при которой каждый артефакт и экофакт получал четкую «точечную» привязку к конкретным постройкам разных строительных ярусов.

В результате новых раскопок в раскопе № 22 экспедиции ААНИИ были выделены пять строительных ярусов с соответствующими постройками, разделенных углисто-сажистыми прослойками пожарищ и перекрывавшихся «стерильными» подсыпками глины, песка и желтой строительной щепы.

На ***первом (нижнем) ярусе*** находились остатки десяти сооружений, входивших в состав трех усадеб (рис. 98):

– *усадьба 1* представлена постройками № 2 и 13;

– *усадьба 2* представлена постройками № 14, 26, 27. За пределами раскопа осталась, как минимум, еще одна постройка этой усадьбы;

– *усадьба 3* представлена постройками № 16, 16А, 16Б, 16В, 16Г.

На ***втором ярусе*** (рис. 99) располагались остатки четырех построек, две из которых (№ 17 и 18), находившиеся у обрыва берега, были вскрыты частично, по линии северных стен. Две другие — № 1А и 3 — были самостоятельными постройками. Там же была вскрыта нижняя часть печи еще одной постройки, полностью разрушенной или разобранной после пожара.

Третий ярус (рис. 100) представлен постройками № 1, 9, 10, 11 и 12А. Из них полностью в раскоп попали лишь постройки № 1 и 12А. Первая сохранилась в два неполных венца (восточное окладное бревно было убрано в 1973 г.), вторая — в западном и фрагменте южного бревен (контур установлен по песчаной засыпке под полом). Постройка № 10 попала в раскоп северо-восточным углом. Постройки № 9 и 11 фиксировались по восточным бревнам окладных венцов и контурам песчаных засыпок под полом. Остальные бревна этих построек были вынуты экспедицией ААНИИ.

Четвертый ярус (рис. 101) представлен постройками № 4, 5, 12, 15, 19, 20, 22–25. Из них полностью в раскоп попали семь. Остальные (№ 19, 20, 25) были вскрыты лишь в частях, попавших в раскоп. Сохранность нижних частей этих построек была различной, так как они в различной степени были разрушены в процессе раскопок экспедиции ААНИИ и последующего истлевания деревянных элементов, лишенных защиты мерзлотного слоя. Так, постройка № 19 сохранилась в неполных три венца, а входившие вместе с ней в состав одной усадьбы постройки № 23 и 24 — в окладных полуистлевших венцах. Полностью в раскоп попали постройки № 4, 5, 12, 15, 22–24. Из них лишь постройка № 15 не пострадала в результате раскопок 1973 года. Остальные лишились полностью или частично одного-трех бревен окладных венцов. Постройка № 25, входившая вместе с постройкой № 22 в состав одной усадьбы, в раскоп попала северо-восточным углом.

Пятый ярус (рис. 102) представлен постройками № 6, 7, 28 и основанием печи полностью разрушенной постройки. У постройки № 7 после раскопок 1973 года сохранились два бревна северной стены, нижнее бревно восточной и бревно перегородки, а у стоявшей рядом постройки № 6 — полуистлевшие окладные бревна северной и южной стен. У постройки № 28 была изучена оказавшаяся в раскопе южная часть. От другой постройки, стоявшей рядом с юго-восточным углом постройки № 7, сохранился только развал печи. Бревна сруба исчезли, видимо, после раскопок 1973 года.

На планах ярусов хорошо видно, что наибольшая концентрация находок из кожи и связанных с ними предметов из других материалов приходится на участки, примыкающие к постройкам. Это может объясняться как свидетельство активной жизнедеятельности жителей, но нельзя исключать и вероятность уничтожения остатков каких-либо построек, находившихся на этих местах. Они могли быть полностью разобраны в XVII веке после пожаров, либо убраны в ходе раскопок 1973 года. Во всяком случае, речь об этом может идти в отношении двух развалов печей на втором и пятом строительных ярусах.

Внутри построек находки располагались в основном под полом, на песчаной засыпке, под печами, куда они попали перед возведением (строительные приклады), либо после ремонта пола, либо после снятия досок пола в заброшенных избах жителями Мангазеи, которые использовали их для других нужд.

«Белые пятна» на планах строительных ярусов свидетельствуют об изъятии находок в процессе раскопок экспедиции ААНИИ. Это обстоятельство заставляет нас подчеркнуть, что полученные в результате новых раскопок комплексы находок — неполные, так как из культурных отложений ярусов изъято некоторое количество артефактов. «Вернуть» их в комплексы сегодня не представляется возможным, так как в текстах отчета 1973 года и монографии упоминаются лишь некоторые находки из конкретных построек. В связи с этим статистический анализ находок не может дать полноценную, исчерпывающую характеристику по постройкам и ярусам.

Тем не менее благодаря большой выборке различных категорий артефактов, представленных в новой коллекции, можно быть уверенным, что статистический анализ отражает основные тенденции их распространения по ярусам и постройкам.

Хронологические рамки рассматриваемых материалов охватывают период с 1608 (наиболее ранняя дендродата построек нижнего строительного яруса) по 1640-е годы (в слое пятого строительного яруса и в целом в раскопе отсутствуют монеты, чеканившиеся при Алексее Михайловиче).

Дендрохронологические даты спилов с бревен построек, полученные экспедицией ААНИИ и нашей экспедицией, позволяют датировать их сооружение и, соответственно, время функционирования и смены ярусов.

Постройки первого (нижнего) яруса возводились в 1607–1609 годах (постройка № 2, усадьба с избой № 16 и, вероятно, постройка № 13, а также постройка № 14 — амбар усадьбы 2) и в 1617 году (постройки № 26, 27 усадьбы 2). В 1620–1624 годах в постройках производился ремонт стен и пола.

Постройки второго строительного яруса (№ 1А, 3, 18 и, видимо, 17) возводились в 1613–1615 годах. Их окладные венцы были уложены на толстый слой щепы, смешанной с грунтом, отложившимся со времени возведения построек № 2 и 13 и рядом с ними.

Постройки третьего яруса возводились не ранее 1628–1630 годов (даты спилов с бревен построек № 1, 11 и 12А) на руинах сгоревших построек первого и второго строительных ярусов. Время гибели последних, вероятно, можно соотнести с войной двух мангазейских воевод — А. Палицына, жившего на посаде, и Г. Кокорева, чья резиденция находилась в кремле. В 1630 году Кокорев разорил посад: его коллега-соперник жаловался государю, что люди Кокорева «у изб и у клетей окна выломали, печи розбили. И которые, государь, хоромы и амбары розобраны были и ими ставлены по улицам и переулкам. От его воровской стрельбы защиты и в избах и в клетишках убиваны стены, и то все велел он, Григорий, пересечь и на огне сжечь. И разорил до конца» [Цит. по: *Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – С. 51]. В ответной жалобе Г. Кокорев сообщал, что это Палицын «избы и амбары разломал до основания… И всего иссечено и разломано изб и амбаров больше сорока» [*Там же.* – С. 52–53].

Так или иначе, пострадавшие жители посада в 1631 или 1632 году возвели на пожарище новый комплекс построек, в число которых вошли и постройки, остатки которых были выявлены нами на третьем строительном ярусе.

Эти постройки просуществовали недолго и погибли спустя семь-восемь лет в другом пожаре. На их руинах, в свою очередь, посадские люди возвели новые постройки. Этому строительству соответствует ***четвертый строительный ярус*** с постройками № 19, 23, 24 (усадьба 4), 5, 12, 4. Спилы с бревен построек № 4 и 19 датируются 1638 годом (время рубки деревьев).

Данный участок посада демонстрирует, что эти годы были временем бурного строительства: по количеству вновь возведенных построек четвертый ярус не уступал «довоенному» периоду. Кардинально изменилась планировка построек. Какое время просуществовали постройки этого яруса — точно неизвестно, но, видимо, недолго. В слое следующего, пятого, строительного яруса бревна построек из-за плохой сохранности были непригодны для дендрохронологического анализа. Судя по углисто-сажистому слою, перекрывавшему остатки построек четвертого яруса, они также погибли в пожаре.

Пятый строительный ярус демонстрирует новый упадок строительства и, очевидно, начавшееся запустение посада: на нем найдены остатки четырех построек, из которых полностью в раскоп попали постройка № 7 (баня) и стоявшая рядом с ней маленькая постройка № 6 (сарайчик?). Постройки № 21 и 28 попали в раскоп частично. Они располагались, соответственно, в 16 м к востоку и в 5–7 м к северо-востоку от последней. К югу от построек № 6 и 7 находилась какая-то изба, от которой остался лишь развал печи. Остальная площадь еще недавно тесно застроенного участка посада теперь пустовала. Резко упало и количество артефактов, что в какой-то мере объясняется как результат вскрытия слоя этого, самого верхнего, яруса в 1973 году, но, думается, все же достаточно объективно отражает начавшийся упадок жизни Мангазеи. Отсутствие монет Алексея Михайловича, как уже отмечалось, позволяет ограничить время существования построек пятого яруса серединой – второй половиной 40-х годов XVII века.

4.2. РЕЗУЛЬТАТЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ ПО СТРОИТЕЛЬНЫМ ЯРУСАМ И ПОСТРОЙКАМ

Фиксация находок по уровням их залегания в постройках и строительных ярусах, отраженная на планах их распределения (рис. 97–102), и статистический анализ этих данных позволяют получить самую разнообразную информацию, характеризующую социальный и этнический состав населения данного участка посада, его профессиональную специализацию и интенсивность жизнедеятельности в соответствующие периоды.

Общая датировка материалов и построек данного участка посада — 1608–1640-е годы. В этом хронологическом интервале могли работать два поколения мастеров, как местных, так и с юга Западной Сибири и европейской части Московского государства, откуда поступали в Мангазею готовые изделия и полуфабрикаты. Как показывает изучение археологических коллекций кожаных изделий, в течение такого периода основные конструкции обуви и других изделий сохраняются без существенных изменений.

Новая мангазейская коллекция демонстрирует конструктивную цельность и единообразие изделий различных типов и подтипов. Исключение составляет лишь небольшая (17 экз.) группа обуви, отнесенная к северному, аборигенному типу.

Напомним, что коллекция изделий из кожи и связанных с ними изделий из других материалов не совсем полна, так как некоторая часть их была изъята из культурного слоя в ходе раскопок экспедиции ААНИИ. Но если учесть, что ранняя коллекция изделий была относительно невелика и собрана из всех 24 раскопов, то долю изъятых изделий следует считать ничтожной, а ее влияние на результаты статистических анализов несущественным.

В течение всего времени обитания в культурном слое отложилось 3748 единиц кожаных изделий, включающих фрагменты, детали и относительно целые изделия, из них 3609 относятся к обуви. Типологически определимые из них представлены 986 деталями и изделиями.

Ценность собрания обуви, прежде всего, состоит в заключенной в нем информации социологического характера. Так, по длине подошв вычленяются группы детской, подростковой, женской и мужской взрослой обуви. Заметно преобладает мужская обувь (длина — от 25 до 32,6 см) — 346 экземпляров с точными размерами и 238 деталей и фрагментов неясных размеров.

Количество обуви того или иного фасона отражает лишь тенденцию. По этому показателю нельзя судить о точном количестве, например, женщин и детей, обитавших в постройках данного участка посада, как за все время, так и в различные периоды, соответствующие времени функционирования построек различных ярусов. Так, одна женщина вряд ли могла ограничиться единственной парой модной высококаблучной обуви даже в короткий временной интервал в несколько лет (3, 4, 5-й строительные ярусы). Набор детской обуви из одной постройки также мог принадлежать одному ребенку, меняясь по мере его вырастания. Более прагматичные мужчины, традиционно обходящиеся минимальным количеством обуви, необходимой в конкретное время, обзаводились новой обувью по мере износа, поэтому количество мужской обуви на каждом строительном ярусе не может напрямую коррелироваться с числом мужчин, живших на данном участке в соответствующее время.

Тем не менее если соотнести данные по обуви с точно установленными размерами за все время обитания данного участка посада (всего 738 экз.), то мужская обувь составит около 47%, женская (и юношеская?) — 32%, подростковая — 17,6%, детская — 3,4%. Среди подростковой обуви явно девичья (обувь с высоким каблуком) составляет 61%, а если учесть, что девочки носили в повседневной жизни и обувь других типов, то налицо преобладание девичьей обуви. Однако и эти цифры, к сожалению, по отмеченным выше причинам не могут быть однозначно истолкованы в пользу преобладания девочек среди подростков.

Гораздо интереснее данные сравнительного анализа комплексов обуви из построек разных строительных горизонтов, отражающих особенности и изменения в интенсивности жизнедеятельности и составе жителей, обитавших на данном участке посада в различные периоды.

Если сравнить количество основных категорий, видов и типов кожаных изделий, то можно убедиться в постепенном снижении числа жителей и интенсивности жизнедеятельности. Так, общее число таких изделий на первом (нижнем) строительном ярусе — 362 экземпляра, на втором — 301 экземпляр, на третьем — 170 экземпляров, на четвертом — 162 экземпляра, а на пятом — лишь 55 экземпляров. Аналогичная

тенденция наблюдается и по результатам анализа распределения детской и подростковой обуви: на первом и втором ярусах — по 19 экземпляров, на третьем — 15 экземпляров, на четвертом — 18 экземпляров, а на пятом — лишь пять экземпляров.

В связи с заметным уменьшением общего количества кожаных изделий на третьем — пятом ярусах, в сравнении со стабильно высокими цифрами первого и второго ярусов, более показательными представляются процентные соотношения групп обуви разных типов и подтипов с каждого яруса. Так, доля обуви без каблуков на первом, четвертом и пятом ярусах относительно стабильна — 40–44%, а на втором и третьем она повышается до 52–53%.

Важнейшую роль в процессе оседания русских промышленников в Северной Сибири, в переходе, говоря современным языком, от «вахтового» метода освоения природных богатств этого края к постоянному проживанию в сибирских городах и острогах сыграли брачные отношения. Новоселы из Европейской России постепенно обзаводились семьями, закладывая тем самым начало династиям русских сибиряков. О том, как протекал процесс оседания в труднодоступной заполярной Мангазее, историки в лучшем случае упоминают вскользь, так как единственным источником такого рода сведений до недавнего времени были документы XVII века, до сих пор, к сожалению, изученные далеко не полностью. Да и в опубликованных документах подобных данных немного: семейная сторона жизни была делом обыденным и недостойным внимания чиновников.

Эта специфика письменных источников по истории Мангазеи во многом объясняет невнимание историков к изучению данного аспекта. Достаточно вспомнить мнение такого авторитетного исследователя ранней истории Русской Сибири, как С. В. Бахрушина, хорошо изучившего архивные материалы. Он считал, что «постоянного населения в городе не было», а на посаде до начала пушного сезона проживало «не более десятка мужского населения» [*Бахрушин, 1955.* – С. 334].

В то же время из документов известно, что даже воеводы, приезжавшие в Мангазею на два-три года, везли с собой жен, детей и челядь. Что касается простого люда, то здесь стоит обратить внимание на выдержки из документов. Один из них, приведенный обрывочно автором первой специальной работы о Мангазее — П. Н. Буцинским, свидетельствует о том, что некоторые мангазейцы женились на аборигенках: «А с 1641 года воеводы стали посылать… с служилыми людьми толмачей,.. которые их остяцкого языка вполне не разумеют и разговора остяцкого хорошо не знают, а толмачат при посредстве своих жен» [*Буцинский, 1999.* – С. 58]. В челобитной, посланной государю мангазейскими служилыми людьми после грандиозного пожара в Мангазейском кремле, они сообщали: «На твои государевы службы поднимались, должая великими долгами, жены и дети наши, живучи в Мангазейском городе, терпят голод» [*Там же.* – С. 65].

Недавно Е. В. Вершинин попытался собрать немногочисленные сведения о численности и особенностях жизни женщин в этом заполярном городе. Так, он сообщает, что первая посылка в Мангазею «на житье с женами и з детьми 50 человек» стрельцов «по росмотру» тобольского главного воеводы князя Ю. Я. Кулешева относится к 1625 году. Число посылаемых стрельцов почти соответствует записи в городовом списке Мангазеи 1626 года, где указан гарнизон из 53 стрельцов. Кроме них, из Берёзова продолжали присылать по 50 годовальщиков. Эта присылка прекратилась через три года, когда мангазейский воевода Г. И. Кокорев прибрал в службу еще 40 человек из промышленных людей. Из имеющихся коллективных челобитных мангазейских стрельцов мы знаем, что в 1639 году их насчитывалось 90 человек, а в 1641 году — 95. Число стрельцов в Мангазее непосредственно перед ее упразднением определяется по данным крестоприводной книги 1676 года по Новой Мангазее — Туруханску. После переезда туда всех жителей Старой Мангазеи (как называли собственно Мангазею на р. Таз) в этом городе насчитывалось 145 человек, в том числе 123 стрельца [*Вершинин, 2008.* – С. 546–547].

Определить количество проживавших в Мангазее женщин и детей, или их удельный вес по отношению к мужской взрослой части населения, по имеющимся разрозненным документам, довольно затруднительно. Немногочисленные источники свидетельствуют, что контингент женщин, постоянно проживавших в Мангазее, состоял в основном из стрелецких жен русского происхождения. Например, известно, что стрелец Нечай Балахнин имел в 1656 году жену Татьяну Павловну и пятилетнего сына Антона. Сам факт присутствия на поселении целой группы женщин следует из материалов следственного дела о раздоре между воеводами Кокоревым и Палицыным (1629–1631 гг.), где фигурирует жена Кокорева Марья Семёновна, покровительствовавшая женскому населению города. Под ее окном каждый день толпились просящие женщины, которых Марья не велела пускать во двор. «И те бедные женочки, русские и самоядки, повалятся перед окнами… и кричат голосом, просят милости» [*Вершинин, 2010.* – С. 181].

Об одной самоядке, жившей в Мангазее замужем за стрельцом Анисимом, сообщается что, оставшись одна (видимо, после смерти мужа), она с детьми самостоятельно нашла «своих родников юраков, именем пеков». Но пожив у них «долгое время», женщина стала проситься с детьми на Обдор — «к русским людям». Проанализировав эти данные, Е. В. Вершинин пришел к выводу, что «женский пол» Мангазеи вряд ли превышал несколько десятков человек [*Вершинин, 2008.* – С. 548–549].

Приведенные здесь документальные сведения о жизни семейных мангазейцев — почти исчерпывающие. Новые документы, если таковые найдутся (а надежды на это сегодня остается немного), вряд ли будут способны существенно дополнить наши знания по этому вопросу.

В этой ситуации археологические материалы, полученные при раскопках Мангазейского городища, предстают источником, позволяющим наглядно и объективно характеризовать эту сторону жизни города.

В ходе первых раскопок, судя по данным из отчета 1973 года и текста монографии, на руинах одной из построек (выяснено, что это была постройка № 4 из четвертого строительного яруса) была найдена детская кроватка [*Белов, Старков, И–1974.* – С. 12] или ее детали [*Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – С. 71–72]. К сожалению, этот факт не получил документального подтверждения: ни в отчете, ни в монографии нет ни ее подробного описания, ни иллюстрации. Тогда же в раскопах и на бечевнике под городищем было собрано «около 400 светло-синих бусин-одекуя, которые использовались при товарообмене с местным населением» [*Белов, Овсянников, Старков, 1981.* – С. 50].

Сегодня мы можем уверенно говорить, что эти бусины предназначались не только для торговли. Мужское население Мангазеи не жалело денег для своих женщин — жен и дочерей: об этом свидетельствуют материалы новых раскопок [*Визгалов, Пархимович, 2008.* – С. 78].

В ходе новых раскопок собрана небольшая, но разнообразная коллекция детских игрушек и даже фрагменты деревянной азбуки [*Визгалов, Пархимович, 2008.* – С. 104–105, 129; рис. 166; 167; 177 – *2, 3*].

Статистический анализ распределения мужской, женской и детской обуви по постройкам и строительным ярусам позволяет охарактеризовать социальный состав жителей исследованного участка посада в разные периоды его жизни. Другими словами, увидеть то, что осталось за пределами письменных источников.

Для анализа используются только данные об относительно целых экземплярах и подошвах, позволяющие отнести их к тому или иному типу, подтипу, варианту обуви и определить их размеры.

Собрание *женской обуви* с определенными размерами и типовой принадлежностью состоит из 268 экземпляров. Все они разнесены по строительным ярусам. Различные объемы комплексов из соответствующих ярусов и построек обусловили выражение их сравнительного сопоставления в процентных соотношениях относительно количества экземпляров в каждом из ярусов (*табл.*).

Городище Мангазея. Распределение женской обуви по строительным ярусам (раскоп 2001–2007 гг.)

Типы, подтипы	№ строительного яруса, количество, %				
	I	II	III	IV	V
Обувь без каблука	36	38	31	9	33
Обувь с низким каблуком	10,5	13	2	14	22
Обувь с высоким каблуком	29	36	50	71	11
Поршни первого подтипа	14	5	11	–	–
Поршни второго подтипа	10,5	7	4	–	22
Обувь аборигенного типа	–	1	2	6	11
Всего, %	100	100	100	100	100
Всего, ед.	86	88	45	35	14

Из таблицы видно, что число обуви с жесткой подошвой без каблуков было довольно стабильно во все периоды, за исключением периода, связанного с четвертым строительным ярусом (1638–1639 гг. – начало 1640 г.), когда ее доля резко упала — почти в четыре раза по сравнению предшествовавшим периодом.

Аналогичная ситуация произошла и с обувью с низким каблуком (сапогами и туфлями), но в предыдущий период: на третьем строительном ярусе ее доля упала более чем шестикратно (до 2%), в сравнении с данными по второму ярусу, но уже в следующий период она вернулась к прежней позиции, а к середине 1640-х годов (пятый ярус) выросла до 22%, выйдя тем самым на второе место после бескаблучной обуви.

Иные амплитуды демонстрирует обувь с высоким каблуком — женская престижная, «выходная» (сапоги и туфли). Так, на третьем строительном ярусе — «послевоенном» (1631–1632 гг. – 1638 г.) — ее доля возросла до 50%, в то время как на первом она составляла 29% от комплекса женской обуви, на втором — 36%. На четвертом доля этой обуви достигла 71%, но в этом случае следует учитывать очень небольшую выборку — 14 единиц.

Такие метаморфозы на третьем ярусе, очевидно, связаны со сменой обитателей участка. Кардинальное изменение обувных приоритетов свидетельствует об ином, более высоком статусе новых жителей. Не исключено, что хозяева домов второго яруса погибли в ходе трагических событий 1630 года, когда кремлевский воевода Г. Кокорев устроил настоящий геноцид в отношении сторонников, вольных и невольных, своего коллеги А. Палицына, проживавшего на посаде. В челобитной Палицына государю сообщается о том, что Кокорев не только разрушил и сжег многие посадские постройки, но и убивал их жителей: «Людей убивали как свиней, из пищалей с города, с башен… а иных по улицам и переулкам побивали» [Цит. по: *Белов, Овсянников, Старков, 1980.* – С. 51].

Примечательно, что, начиная с четвертого яруса, полностью исчезают поршни первого подтипа, а исчезнувшие было на этом ярусе поршни второго подтипа, на пятом ярусе достигли максимума — 22,0% против 10,5, 7,0 и 4,0% первого – третьего ярусов.

Появившаяся на втором ярусе женская обувь аборигенного типа (1%) в дальнейшем обретает несколько большую популярность: ее доля неуклонно возрастает — 2% на третьем ярусе, 6% на четвертом и 11% на пятом. Эти цифры могут свидетельствовать о некотором увеличении численности представительниц аборигенного населения (жены, прислуга?). Это обстоятельство подтверждается и находками орнаментированных берестяных изделий, находящих аналоги в этнографических материалах северосамодийских и обско-угорских народов.

Распределение женской обуви по постройкам показывает, что женщины обитали во всех усадьбах нижнего строительного яруса (рис. 98): в усадьбе найдено 56 экземпляров, а в усадьбах 2 и 3 — по 17 экземпляров.

На уровне второго яруса представлены две избы — постройки № 1А и 3 (рис. 99). В первой из них и рядом с ней найдено 37 экземпляров женской обуви, во второй — 18. Еще одна изба этого яруса сохранилась только в виде развала печи, под основанием которой и рядом с ней было найдено лишь два экземпляра женской обуви. В межжилищном пространстве этого яруса было собрано еще 25 экземпляров.

На третьем «послевоенном» ярусе находились пять построек, из которых полностью в раскоп попали лишь постройки № 1 и 12А, остальные — частично (рис. 100). Все эти постройки раскапывались в 1973 году и вследствие этого оказались в разной степени сохранности. Женская обувь встречена в каждой из этих построек, но в полной мере ее находки могут характеризовать лишь полностью вскрытые постройки № 1 и 12А. В первой из них найдено 14 экземпляров, во второй — девять. В межжилищном пространстве и в постройках № 9 и 11 был собран еще 21 экземпляр женской обуви.

На четвертом ярусе, где были вскрыты остатки десяти построек, из которых три (№ 19, 23, 24) составляли усадьбу 4, две (№ 22 и 25) — усадьбу 5, полностью были вскрыты лишь семь построек — № 4, 5, 12, 15, 22–24 (рис. 101). Все постройки этого яруса расчищались при раскопках 1973 года, но тем не менее их культурный слой при этом «пострадал» незначительно.

На этом ярусе найдено 30 экземпляров женской обуви: в усадьбе 4 — десять, в постройке № 15 — восемь, а в постройке № 5 — семь экземпляров. В остальных постройках и рядом с ними находки женской обуви единичны, что может свидетельствовать о случайном характере их попадания на участки.

Как уже говорилось, пятый строительный ярус отражает процесс начинающегося запустения посада: большая площадь раскопа свободна от застройки (рис. 102). Полностью здесь вскрыты лишь постройки № 6 и 7, последняя из которых — баня, а первая — небольшое подсобное помещение рядом. Южнее располагалась еще одна постройка, от которой осталась только нижняя часть печи. В северной части раскопа была вскрыта южная часть постройки № 28, а в восточной — угол постройки № 21. Все эти сооружения расчищались в ходе раскопок экспедиции ААНИИ по контурам бревен, при этом, безусловно, часть находок была изъята из культурного слоя. Находки, в том числе и обувь, концентрировались рядом с постройками. При этом выделяется скопление фрагментов обуви, сапожных гвоздей и подковок рядом с постройкой № 21, где, судя по обилию мусора и навоза, в это время находилась помойка.

Непосредственно рядом с баней были найдены девять экземпляров женской обуви, под отдельно стоящей печью — один, а в юго-восточной части раскопа — еще два экземпляра. В целом характеристику распределения находок, в том числе и женской обуви, нельзя считать исчерпывающей из-за того, что баня больше всего «пострадала» от раскопок 1973 года. Кроме того, постройки № 21 и 28 нуждаются в полном исследовании.

Анализ распределения по ярусам и постройкам *детской и подростковой обуви* дал следующую картину. На первом строительном ярусе (рис. 98) найдено 20 экземпляров детской и подростковой обуви, среди которой обувь на высоком каблуке составляет 30%, остальная обувь — бескаблучная, в том числе три экземпляра «аборигенного» типа. Большая часть этой обуви (14 экз.) найдена в постройках усадьбы 2, а в усадьбах 1 и 3 она представлена тремя экземплярами в каждом случае.

На втором строительном ярусе (рис. 99) число детской и подростковой обуви остается стабильным — 18 экземпляров. Из них в постройке № 1А — семь экземпляров, в постройке № 3 — три экземпляра, остальные найдены в северной части раскопа. Доля обуви на высоком каблуке — 28%. Остальная обувь — бескаблучная, в том числе четыре экземпляра «аборигенного» типа.

На третьем ярусе (рис. 100) численность детской и подростковой обуви несколько падает — 13 экземпляров, из которых в постройке № 12А и рядом с ней было найдено шесть экземпляров, остальные — в межжилищном пространстве. Полностью отсутствует эта обувь в постройке № 1, где женская обувь представлена небольшим для построек данного яруса числом — 14 экземплярами. Остальные постройки попали в раскоп частично (№ 9, 10) или, к тому же, «пострадали» в ходе раскопок 1973 года (№ 11). В комплексе детской и подростковой обуви этого яруса 46% составляет обувь на каблуках, в том числе 38% — на высоких каблуках. Среди бескаблучной обуви — одна подошва «аборигенного» типа. Примечательно появление поршней: поршни первого подтипа — три экземпляра, второго подтипа — один экземпляр.

На четвертом ярусе (рис. 101) численность детской и подростковой обуви возвращается к показателям первого и второго ярусов (18 экз.), что заслуживает внимания, если учесть уменьшение общего числа обуви по сравнению с показателями по этим ярусам. Она заметно преобладает в постройках усадьбы 4 — 11 экземпляров. Четыре экземпляра найдены в постройке № 22, один — в постройке № 12 и два — в межжилищном пространстве, далеко от построек. Заслуживает внимания факт отсутствия детской обуви в постройках № 5, 15, 20 и 4, где женская обувь присутствовала*.

Каблучная обувь на данном ярусе составляет 61% от общего числа детской и подростковой обуви этого яруса, а обувь на высоком каблуке — 50%. Остальные экземпляры — обувь с подошвами без каблуков, среди них полностью отсутствует обувь «аборигенного» типа. Нет в комплексе и поршней.

Число детской и подростковой обуви на пятом ярусе незначительно — пять экземпляров: три — обувь с подошвами без каблуков, два — с низким каблуком.

В целом динамика распространения обуви различных типов и подтипов у детей и подростков вполне коррелируется с данными по женской обуви. Особенно показателен неуклонный рост обуви на высоком каблуке, которая, так же, как и женская, достигла максимума (50%) на четвертом строительном ярусе, а на следующем упала до нуля.

Планиграфический анализ распространения *сапожных инструментов и принадлежностей*, а также технологических отходов производства — мелких обрезков кожи — позволяет локализовать мастерские или места проживания ремесленников.

Прежде всего, рассмотрим локализацию сапожных колодок, или правил. Из шести колодок три найдены на первом строительном ярусе, две — на втором и одна — на третьем (рис. 98–100). Колодки первого яруса находились: одна — внутри постройки № 14 (амбарчик с дощатыми стенами), другая — внутри постройки № 3 и еще одна — на завалинке ее западной стены. Колодки второго яруса находились: одна — на руинах усадьбы 3, другая — внутри постройки № 1А. Колодка третьего яруса найдена у западной стены постройки № 12А.

В постройке № 14, помимо колодки, найдены три шила. Пол и печь внутри нее отсутствовали, стены были дощатые. Вероятно, это был амбарчик, в котором хранилась домашняя утварь и инструменты. Скопления кожаных обрезков внутри и рядом не обнаружены.

---

* Примечательно полное отсутствие детской и подростковой обуви в постройке № 4, где, по данным отчета за 1973 год и монографии, была найдена детская кроватка [*Белов, Старков, И–1974*. – С. 12; *Белов, Овсянников, Старков, 1980*. – С. 70–71].

В постройке № 2 усадьбы 1, хозяином которой М. И. Белов необоснованно считал упоминавшегося в документах таможенного голову М. Футина, явно работал обувщик — кроме колодки, здесь были найдены три шила, еще два шила были найдены к востоку от избы (рис. 98). Примечательно, что все эти предметы находились в северо-восточной половине избы. Еще одно немаловажное обстоятельство в пользу этой идентификации — огромное количество обрезков кожи, собранное на участке шириной около 1 м, примыкавшем к восточной стене этой постройки. Здесь на площади в 5 кв. м было найдено около пяти тысяч обрезков кожи разной толщины — технологических отходов обувного производства. Обрезки лежали на завалинке и рядом с ней, в слое грунта со щепой толщиной до 20 см. Очевидно, их высыпали сюда регулярно. Здесь же были найдены обрезки негативов выкроек подошв — три экземпляра.

На остальной площади раскопа в культурном слое было собрано около 8000 мелких обрезков кожи, то есть в среднем почти 12 единиц на 1 кв. м. Подобных скоплений они не образовывали.

Шилья были найдены и в других постройках первого яруса: по одному экземпляру — в постройках № 16А, 16Г, 13, 27 и одно — рядом с постройкой № 13.

На втором ярусе выделяется постройка № 1А, где, помимо сапожной колодки, были найдены два шила. Еще четыре шила были найдены на площадке, примыкавшей к этой избе с юга (рис. 99), тут же был найден фрагмент голенища с негативом выкройки прямоугольной формы (задника?). Не исключено, что хозяин этой избы занимался ремонтом обуви или эпизодически изготавливал небольшое количество изделий. Особый интерес представляет миниатюрное берестяное профильное изображение туфли на низком каблуке (рис. 34 – *3*), найденное рядом с избой.

Шилья на этом ярусе встречены в постройке № 3 — два экземпляра, рядом с ней — один экземпляр и еще пять — в межжилищном пространстве, на значительном удалении от построек. Кроме того, на площадке, примыкавшей к постройке № 3 с запада, были найдены четыре фрагмента кожи с негативами вырезанных подошв.

На третьем ярусе, кроме сапожной колодки у стены постройки № 12А, были найдены шесть шильев: два — в постройке № 1, одно — рядом с нею, одно — в постройке № 9 и два — в межжилищном пространстве (рис. 100). В постройке № 1 было найдено еще и берестяное лекало для выкройки двухчастной основы кожаной рукавицы.

На четвертом ярусе были найдены только шилья. Все они залегали в межжилищном пространстве: по одному рядом с постройками № 4, 20 и 25 (рис. 101).

На пятом ярусе по одному шилу было найдено рядом с постройками № 7 и 21 и еще три — в межжилищном пространстве. Кроме того, одно шило было найдено в составе строительного приклада под основанием отдельной печи (сруб не сохранился), второе — рядом с печью, вместе с молотком-гвоздодером (рис. 102).

Точная фиксация условий залегания предметов определенных категорий позволила уже на этапе полевых исследований выявить следы совершения *строительных обрядов*, которые обязательно сопровождали сооружение построек на их начальной стадии — при установке срубов, закладке печей, укладывании досок пола, засыпке завалинок и обустройстве входа в постройку.

Отголоски таких, языческих по происхождению и сути, обрядов сохранились до наших дней в виде закладывания монет под окладной венец сруба, подвешивания конских подков над дверью и т. п. Этнографические материалы по восточным славянам и финноязычным народам Прикамья и Северного Приуралья содержат множество описаний таких обрядов, из которых мы узнаем, какие именно предметы использовались при свершении строительных обрядов в качестве так называемых прикладов и какие животные или их изображения приносились в жертву [*Байбурин, 1983*; *Узенева, 2002.* – С. 144]. Материалы по мифологии этих народов позволяют понять, почему при обрядах использовались те или иные предметы. Магическими защитными свойствами в мифологических представлениях наделялись острые предметы, как правило, металлические — ножи, топоры, сверла, гвозди, подковы, иглы и т. п. В качестве оберегов, призванных защитить дом от нечистой силы, использовались также зеркала и старая обувь [*Левкиевская, 2002.* – С. 328–329; *Плотникова, 2002.* – С. 142–143].

Эта тема нами уже освещалась на материалах XVII века из раскопок Мангазеи, Берёзова, а также по материалам XII–XIV веков из раскопок в Новгороде, Великом Булгаре и Риге [*Пархимович, 2004.* – С. 47–53; *2009.* – С. 363–375; *Визгалов, Пархимович, 2008.* – С. 125–129; *Визгалов, Курбатов, Пархимович, 2009.* – С. 426–436], поэтому здесь остановимся лишь на использовании в строительных обрядах обуви, шильев и сапожных подковок.

Обувь в мифологических представлениях восточных славян наделялась свойствами оберега: старую обувь вывешивали перед входом в дом для его защиты от «злого» глаза [*Левкиевская, 2002.* – С. 328], во дворе — чтобы хищные птицы не таскали цыплят [*Агапкина, 2002.* – С. 333]. Особый интерес представляют этногра-

фически зафиксированные обряды и поверья, согласно которым старая обувь (обычно — лапоть) служила своеобразным «транспортом» домового при переселении в новый дом: сначала в печь старого дома бросали лапоть с криком «Домовой, выходи!», а затем, завернув лапоть в полотенце, переносили в новый дом, где снова клали в печь вместе с угощением — куском хлеба и стаканом воды. В другом описании говорится, что при переселении, приглашая «хозяина» в новый дом, «знающие» люди насыпали в лапоть нечто (неясно что? – *авт.*) из-под печки [*Криничная, 2004.* – С. 140–142].

Как видно, старая обувь использовалась в обрядах для защиты дома вообще, а также тесно связывалась с образом домового и печью. При этом прямые указания на ее помещение в основание дома или печи при их закладке в этнографических материалах отсутствуют.

Однако на Мангазейском городище нами неоднократно выявлено залегание одного или нескольких экземпляров обуви под бревнами окладных венцов, в «стерильной» песчаной засыпке завалинок, в углах под полом и под основаниями печей. О случайном попадании обуви туда в большинстве случаев не может быть и речи, особенно в постройках, возводившихся на материковой поверхности. В других случаях перед возведением построек на слой старого пожарища обязательно насыпали стерильную материковую глину, а внутреннее пространство засыпали толстым слоем речного песка, тем самым «отсекая» нижний культурный слой от уровня возведения новой постройки. В таких ситуациях предметы, использованные в качестве магических прикладов, представляли своего рода «закрытые комплексы», так как снизу были изолированы «стерильной» подсыпкой, а сверху — ею же (под полом и завалинками) или перекрывались бревнами окладных венцов и глиняным основанием печи.

Чаще всего обувь встречается в составе прикладов (вместе с острыми железными предметами, монетами и нательными крестами), помещенных под сакральный центр постройки — печь (рис. 94). Такие факты выявлены во всех хорошо сохранившихся печах. Особенно серьезно строители отнеслись к защите печи в постройке № 13: здесь, помимо других предметов-апотропеев, встречены 17 кожаных туфель, лежавших под глинобитной подушкой основания печи в виде двух вписанных кругов. Во внешнем круге находились 14 экземпляров обуви, во внутреннем — три.

Аналогичным образом располагались предметы-апотропеи и под одиночной печью несохранившейся постройки второго строительного яруса, располагавшейся над разрушенными постройками усадьбы 1 (постройки № 2, 13). Там во внешнем кольце находились 12 туфель и два поршня, а во внутреннем — шесть туфель и поршень.

В постройке № 2 (усадьба 1) печь в избе была почти полностью разрушена (вероятно, в ходе раскопок 1973 г.), но на ее месте, на материковом уровне, лежала туфля без каблука. В сенях этой постройки, под глиняным основанием летнего очага каминного типа, на материковой глине лежали две кожаных туфли и два обломанных сверла. В этой же избе под северное бревно окладного венца были положены поршень и туфля.

В составе магических прикладов усадьбы 2, целые туфли встречены под южными бревнами окладного венца построек № 14, 26 и 27, с внутренней и внешней сторон входа в постройку № 27 (под ступенькой и настилом крыльца). Там же найдены шесть подковок и лапоть. Под печью избы (постройка № 26) найдена туфля, а после полного изучения избы под полом (в сезоне 2009 года) были обнаружены два приклада — нижняя челюсть собаки в основании припечного столба и туфля под серединой центральной лаги.

В усадьбе 3 центральное место занимали приклады, помещенные под основание печи — постройка № 16А — (рис. 94; 98): под его восточным краем лежало шило, а на полу под глинобитной подушкой, убранной в 2008 году, в окружении бревенчатого опечка лежали семь туфель, шесть из которых располагались по периметру, а одна — в центре, рядом с берестяным коробом (рис. 95). Там же были найдены две серебряные копейки, ружейный кремень и свинцовая пуля [*Визгалов, И–2009.* – С. 35; рис. 36, 37].

В качестве прикладов можно было бы рассматривать четыре железных подковки и пять экземпляров обуви, лежавших снаружи у южной и западной стен постройки № 16 (амбар или горница). Однако именно эти стороны прокапывались траншеями в 1973 году, поэтому завалинки здесь не сохранились, и уверенности в том, что эти предметы найдены в непотревоженном слое, нет.

В северной части сеней, разделявших избу (постройка № 16А) и амбар (летнюю горницу?) (постройка № 16) под полом на материке лежали две туфли и сапожная подковка, а под полом чулана (постройка № 16Б), находившегося между постройками № 16 и 16Г, на материке лежали еще три подковки (рис. 98).

В постройке № 1А второго яруса, под основанием печи, среди прикладов находилась железная обувная подковка с шипами. Там же, под глиняно-кирпичной засыпкой северной и западной завалинок, были

обнаружены церковные свечи, три туфли, поршень и две подковки, а под восточным бревном окладного венца — еще одна туфля (рис. 96).

В постройке № 3 второго яруса под песчаную засыпку завалинок были положены подковка и две туфли, под южное бревно сеней — лапоть и туфля, под восточное бревно — две туфли.

На третьем ярусе явные свидетельства свершения строительных обрядов немногочисленны из-за плохой сохранности построек: одни из них были повреждены при раскопках 1973 года (№ 1, 9–11), постройка же № 12А была частично разобрана после пожара. К прикладам можно отнести поршень, положенный на песчаную засыпку слоя пожарища, под северное бревно окладного венца постройки № 10, три туфли под восточной завалинкой и подковку под остатками северного бревна окладного венца постройки № 11 (рис. 100). В постройке № 12А на песчаной засыпке под глиняной подушкой печи лежали три туфли и поршень, а снаружи, вплотную к выпускам бревен северо-восточного угла окладного венца, — еще один поршень.

В постройке № 1, якобы полностью расчищенной в 1973 году, удалось обнаружить единственный приклад, помещенный под оставшуюся нераскопанной песчаную засыпку пола сгоревшей постройки № 1А второго строительного яруса, — медную чашечку с раковинами моллюсков, зернами проса и перышком глухаря [*Визгалов, Пархимович, 2008.* – С. 125; рис. 173 – *5, 5а*].

Более многочисленны свидетельства свершения строительных обрядов в постройках четвертого яруса, которые раскапывались в 1973 году лишь по контурам бревен срубов (№ 19, 23, 24). У других построек тогда же были убраны целиком или частично бревна окладных венцов, так как они мешали вскрытию нижележащих построек (№ 4, 5, 12, 20, 22). Практически нетронутой, к счастью, осталась постройка № 15, оказавшаяся под отвалом (рис. 100).

В усадьбе 4 приклады встречены: в постройке № 19 — под западной завалинкой и западным бревном — туфля и две подковки, под песчаной засыпкой южной завалинки — подростковый сапожок (внутреннее пространство, забутованное толстым слоем песка при строительстве постройки № 28 пятого строительного горизонта, было полностью раскопано в 2009 г.); в постройке № 24, под основанием печи, окруженным бревенчатым опечком, — три подковки, расположенные по дуге вдоль северного края глиняной подпечной подушки, четыре туфли по периметру и одна — в центре (рис. 101).

В постройке № 15 под песчаной забутовкой северной и западной завалинок найдены три туфли, а под бревнами этих завалинок — еще три туфли (рис. 101).

В постройке № 5 под подпечной песчано-глиняной подушкой лежала туфля, под засыпками южной и западной завалинок — три туфли и два шила (рис. 101).

На пятом строительном ярусе полностью в раскоп попали постройки № 7 (баня) и № 6 (подсобное помещение при ней). Западное и южное бревна окладного венца бани были убраны из раскопа в 1973 году, тогда же были убраны западное и восточное бревна постройки № 6. В бане под печной песчаной забутовкой были обнаружены туфля и подковка.

Под глиняной подушкой печи от несохранившейся постройки на участке М–О/11–12 были найдены шило и туфля (рис. 101).

В целом, как видно из приведенных описаний, в первой половине XVII века кожаная обувь устойчиво присутствовала в составе строительных прикладов, что объясняется наделенностью ее в мифологическом сознании русского населения такими же апотропейными свойствами, как и у других, профанных с современной точки зрения предметов, — ножей, топоров, шильев и т. п. Отсутствие кожаной обуви в строительной и иной охранной магии, зафиксированной в конце XIX – XX веке этнографами в Европейской России, объясняется, очевидно, ее дороговизной для основной массы сельского населения, где, собственно, эта обрядность и сохранилась. Дешевле было использовать в этих целях лапти, так как для мифологического сознания в этом случае важен не материал, а образ обуви, ее символическая сущность.

В составе мангазейских строительных прикладов обувь имеет вполне хорошую сохранность, пригодна для ношения. Ее использование в обряде, на первый взгляд, нерационально и труднообъяснимо. Этот факт, с одной стороны, указывает на повышенное внимание к качественному исполнению обряда, а с другой — характеризует особый менталитет русских первопроходцев Сибири: на сибирском Севере, богатом природными ресурсами, уже тогда складывалась особая система ценностей, наблюдаемая и сегодня. Со свойственной русской натуре широтой северяне легко расстаются с кровью и пóтом заработанными ценностями, если считают это необходимым, и, наоборот, трепетно и с благоговением относятся к обычным, на взгляд жителя Большой земли, вещам. Жители Мангазеи, в частности, особенно ценили хлеб.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскопки Мангазейского городища, проведенные в 2001–2007 годах, открывают новую страницу в изучении истории формирования субкультуры русского населения севера Западной Сибири. Полученная коллекция кожаных изделий по объему, разнообразию и сохранности предметов не имеет аналогов среди отечественных памятников археологии XVII века, поэтому ее можно считать эталонной для исследований синхронных памятников, прежде всего — Евразийского Севера.

Результаты настоящего исследования позволяют рассматривать мангазейский комплекс кожаных изделий в контексте общерусских, западноевропейских и аборигенных приполярных традиций и выяснить специфику форм адаптации русского населения к жизнедеятельности в полярных широтах.

Большая часть коллекции представлена обувью, сохранившейся почти полностью и в деталях. Примечательно обилие целых или относительно целых экземпляров, не использованных вторично — в качестве материала. Такое отношение к выделанной коже — материалу не только дорогому, но и требующему длительной обработки — не было характерно для городов европейской части страны в позднем Средневековье. Очевидно, что многие жители Мангазеи могли позволить себе оперативно обновить эту часть гардероба, пренебрегая ремонтом изношенных изделий.

Прекрасная сохранность изделий, обеспеченная мерзлотным состоянием культурного слоя, дала возможность детально изучить конструкции различных типов обуви. Серийный характер находок обусловил достаточную объективность выводов о закономерностях и особенностях морфологии различных категорий кожаных изделий.

Разносторонний анализ мангазейской коллекции выявил типологическое разнообразие, характерные приемы раскроя, декорирования и сшивания изделий. Фасоны обуви и их технические характеристики, равно как и качество самого кожевенного материала, показывают значительное сходство с коллекциями археологических кожаных предметов из городов Европейской России. Это позволяет предполагать, что пошив основной массы мангазейской обуви производился в европейской части страны. Техника пошива показывает высокопрофессиональную квалификацию изготовителей обуви. В то же время материалы новых раскопок убедительно свидетельствуют о том, что часть изделий шилась непосредственно на месте, с использованием привозных кож и раскроенных полуфабрикатов, о поступлении которых свидетельствуют перечни привозных товаров в таможенных книгах.

Среди фасонов, представленных в мангазейской коллекции обуви, — поршни, туфли с жесткой подошвой без каблука, туфли и сапоги на низких и высоких кожаных наборных и деревянных каблуках.

Наиболее многочисленны туфли без каблуков, демонстрирующие удивительное единообразие в конструктивном и декоративном планах. Этот факт может объясняться их изготовлением в одном или нескольких, близких по традициям, ремесленных центров России. Данный тип обуви мы соотносим с *котами* или *чиркáми*, бытовавшими у северорусского и западносибирского русского населения вплоть до XX века.

Достаточно распространены были сапоги и туфли на низком и высоком каблуке, сшитые также в единообразной, конструктивно совершенной манере. Сходство устройства этой обуви не позволяет пока уверенно разделить ее на туфли и сапоги, которые различались лишь наличием или отсутствие голенищ, а последние *in situ* встретились лишь в двух случаях. Однако, учитывая суровые климатические условия Заполярья и обилие гнуса в «теплое» время года, можно говорить о преобладании сапог над туфлями. Характерной чертой сапог и туфель следует считать обязательное подбивание их железными подковками, реже — гвоздями, что в XVII веке в Западной Европе считалось русской чертой, хотя мода на подковки возникла в Польше.

В конструктивном и декоративном планах у обуви с высокими каблуками прослеживается тесная связь с западноевропейскими моделями. Здесь можно предполагать как непосредственное поступление такой обуви из ремесленных центров Голландии, Швеции, Германии и других стран, так и освоение и внедрение их в производство русскими обувщиками, чья продукция поступала в Мангазею.

Появление в Заполярье модной западноевропейской обуви могло происходить почти одновременно с ее возникновением в европейских городах. Так, найденные в Мангазее сильно утонченные книзу деревянные каблуки входили в европейскую моду в самом начале XVII века. Удаленность сибирских городов от западных центров пошива новомодной обуви не могла сильно влиять на скорость ее распространения, так как транзитные товары могли доставляться в Мангазею по давно освоенным маршрутам в течение года.

Специфической чертой мангазейского собрания обуви следует считать необычно широкое, в сравнении с городами европейской части страны, распространение поршневидной обуви. Выделены два подтипа поршней — цельнокроеные и детальнокроеные. Аналоги им имеются в археологических коллекциях из раскопок русских городов европейской части страны. Близкая, но отличающаяся в деталях и материале (мех) детальнокроеная обувь встречена и у населения приполярной Европы — саамов, которые использовали для шитья мех. В настоящее время нет оснований считать русские средневековые детальнокроенные поршни заимствованием из культур финноязычных народов.

О начале непосредственного влияния традиций местного населения на формирующийся специфичный комплекс костюма русских сибиряков свидетельствует небольшая группа обуви, сшитая из дубленой кожи, но по образцам аборигенного населения Сибирского Севера.

Серийный характер находок ножен и рукавиц позволил выделить среди них по видам раскроек и способам сшивания типы и варианты. Достаточно редкие на памятниках русского Средневековья, за исключением Великого Новгорода, находки мячей и их заготовок, покрытий футляров для компасов с тиснеными изображениями, несут дополнительную информацию о быте и профессиональной специализации жителей Мангазеи, а также о тесных торговых связях северорусского населения со странами Западной Европы.

Статистический анализ распределения изделий в культурном слое позволил проследить связь находок с той или иной постройкой пяти строительных ярусов, отражающих очень короткие хронологические отрезки жизни мангазейского посада. Это дало возможность выявить социальный, половозрастной, профессиональный и даже этнический состав жителей данного участка посада в разные периоды его жизни, а также связать полученные данные с событиями, известными из мангазейских документов. Смена жителей в разные периоды строительной истории посада сопровождалась изменением состава находок, в частности — обуви.

Примененная в раскопках послойно-рельефная методика вскрытия культурного слоя, с точной привязкой каждого артефакта к элементам построек, способствовала выявлению фактов обязательного свершения строительных обрядов, в которых использовалась и кожаная обувь. Привлечение этнографических аналогов и соответствующих мифологических представлений позволило объяснить присутствие в строительных прикладах, наряду с другими предметами, кожаной обуви, шильев и подковок. При свершении таких обрядов профанная сущность предметов игнорировалась, на первый план выступала их магическая сила, призванная обеспечить охрану дома от нечистой силы, здоровье и благополучие домочадцев.

Значение результатов изучения мангазейской коллекции кожаных изделий для переживающей период накопления материалов так называемой русской археологии Сибири трудно переоценить. Сделан существенный шаг в создании типолого-хронологической шкалы кожаных изделий северорусского населения позднего Средневековья. Она может использоваться при изучении материалов из синхронных памятников, для типологической систематизации, датировки и интерпретации.

Настоящее исследование убедительно продемонстрировало, насколько велик информационный потенциал культурного слоя Мангазейского городища и какие широкие исследовательские перспективы открывает разносторонний анализ археологического источника. Возможности реконструкции различных сторон жизни жителей Мангазеи далеко не исчерпаны. Нами лишь приоткрыт «край занавеса» сцены, на которой разворачивались заполярные исторические коллизии первой половины XVII века.

CONCLUSION

Excavation of the Mangazeya hillfort, carried out in 2001-2007, turns over a new leaf in investigation on the history of forming of the Russian subculture in the North-West Siberia. On the Russian territory the obtained collection of leather objects has no analogues in terms of volume, diversity and safety of finds among sites of the XVII cent., so it may be considered reference for researches on synchronic sites, in the Euroasian North for the first instance.

The results of present research make it possible to deal with the Mangazeya complex of leather objects within the context of all-Russian, West European and aborigine circumpolar traditions and explore particularities of adaptation forms of the Russian population in the Polar zone.

The major part of the fund comprises of footwear, preserved almost bodily or as components. The plentitude of entire objects or relatively entire ones without markings of reclamation as a work material is very notable. Such attitude to leather, which is not only expensive, but also requires time-consuming processing, was not peculiar for towns of the European part of Russia in the Late Middle Age. It is obviously, that a lot of citizens of Mangazeya could afford to renew this part of their wardrobes paying no regard to mending worn-out clothing.

Due to the frozen state of occupation layer, artifacts are of fine safety, and that enables to explore construction of different variants of footwear in-and-out. Large series of finds provide reliably objective conclusions on regularities and peculiarities of morphology of leather artifacts of various categories.

All-round analysis of the Mangazeya collection shows typological diversity, distinctive ways of cutting, decorating and sewing of objects. Styles of shoes and their technical characteristics, as well as quality of work leather, demonstrate sufficient similarity with collections of archaeological leather from towns of European Russia. It suggests, that the majority of footwear from Mangazeya were made up in the European part of the country. The technique of shoe-making displays high proficiency of cordwainers. In the meantime, data of the latest excavations clearly indicate, that some part of artifacts were produced on the site, with the use of imported leather and cut-sized semi-products, that were listed among imported goods in customs books.

Among the styles represented in the Mangazeya collection there are porshens, heelless shoes with hard soles, shoes and boots with low or high heels stacked of leather washers and wooden ones.

The most numerous group of footwear is compiled from heelless shoes, which demonstrate striking constructive and ornamental uniformity. This may mirror their producing in one or several Russian craft centres with close traditions. This style of footwear corresponds to *koty* or *chirki,* that were in use among the Russian population of North and West Siberia until the XXth cent.

There were also commonly used high boots, low-heeled and high-heeled shoes, that were made in a unified, constructively perfect manner as well. Structural conformity of this type of footwear doesn't permits to distinguish reliably shoes and high boots, which differ in occurrence or absence of boot shaft; those were found in situ only for two times. However, in light of hard climatic conditions of the Subarctic and superfluity of gnat during «warm» season, we can assume that high boots prevailed over shoes. An obligatory peculiarity of high boots and shoes is nailing with iron calks or rarely shoe pegs, what in XVIIth cent. in West Europe were considered a Russian feature, though originally calks came into fashion in Poland.

Constructively and decoratively high-heeled footwear is closely connected with West European patterns. One would suspend either direct import such footwear from handicraft centers of Holland, Sweden, Germany and other countries or its mastering and adoption by Russian shoe-makers, whose production arrived in Mangazeya.

Fashionable European footwear could emerge in Polar region contiguously to its uprising in European towns. For instance, tapering off heels made of wood, which were found in Mangazeya, came in European fashion in the very beginning of the XVIIth cent. Farness of Siberian towns from Western shoe-making centers had no sufficient influence on the rate of its spread, as goods in transit could be delivered to Mangazeya along acquired tracts all over year.

In compare with towns of the European part of Russia, amazingly wide spread of porshens is considered a particular feature of the Mangazeya footwear collection. Two types of porshens are presented: shoes of single-piece construction

and ones made of separate details. Their analogies are known among archaeological collections from Russian towns of the European part of country. Similar, but different in details and raw (fur) footwear made of separate details was noted among Saami (Lapps), the population of the circumpolar zone of Europe, who used fur for sewing. At the present stage there is no reason to believe that Russian medieval porshens of separate-pieces construction were borrowed from the Finnish culture.

A narrow group of footwear made of tannage but by samples of indigenous population of Siberian North indicates the beginning of direct impact of aborigine traditions on the forming clothing complex of the Russian comers in Siberia.

Statistical analysis on distribution of the artifacts within the cultural layer allows to mark links between finds and this or that constructions of five building horizons, which correspond to short terms of Mangazeya Posad lifetime. It provides an opportunity to identify social, demographical, occupation and even ethnic composition of the population for specific part of the Posad in different periods of its survival; moreover, it allows to correlate obtained data with information found in documents on Mangazeya. Changes of population in different period of the Posad building history was attended by transformation of the artifacts range, and footwear in particular.

The occupation layer was opened by relief following horizons, every artifact was strictly attached to elements of constructions; this technique contributes to disclosure facts of obligatory practice of building rites, which included using of leather footwear. Ethnological parallels and corresponding mythological conceptions explain the occurrence of leather footwear, awls and calks as part of building offerings besides other things. During performance of such rites, profane essence of artifacts ignored and their magical force was put at the first place, designed to guard home against devilry and keep family members healthy and trouble-free.

It is hardly possible to overestimate the importance of researches on the Mangazeya leather collection for the so-called Archaeology of Russians in Siberia that passes through the period of accumulating materials. A meaningful step was made forward to development of a typological and chronological scale for leather objects of North-Russian population in the Late Middle Age. It may be used in studies of materials from synchronic sites for classification, dating and interpretation.

The present investigation convincingly displays a large potential of the Mangazeya cultural layer and new scientific vistas opened due to complex analysis of archaeological sources. Opportunities for reconstruction of various aspects of citizens' life in Mangazeya are far from being exhausted. Just a border of the curtain has been lifted over the stage, where circumpolar historic collisions of the first half of the XVII cent. had unfolded.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ*

Белов М. И., Старков В. Ф., И–1974. Отчет о работе Мангазейской экспедиции Арктического и Антарктического научно-исследовательского института в 1973 г. – Л.–М. – Архив ИА РАН. – Р–1. № 5173.
Визгалов Г. П., И–2009. Комплексные археологические исследования города Мангазея XVII века в 2008 году: Отчет о НИР. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. – Р–I, д. 280.
Курбатов А. В., И–2009. Заключение по находкам предметов, связанных с кожевенно-обувным ремеслом / Приложение к Отчету о НИР: *Визгалов Г. П.* Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2008 году. – Нефтеюганск. – Архив НПО СА. – Р–I, д. 213.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина Т. А., 2002. Обувь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь // М. – С. 333.
Алексеев А. Н., 1996. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии // История и культура востока Азии. – Новосибирск. – 152 с.
Алексеенко Е. А., 1967. Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л. – 264 с.
Антропова Я. В., 2004. Коллекция кожаных изделий Георгиевского раскопа в Старой Руссе // ННЗИА. – Вып. 18. – С. 283–292.
Антропова Я. В., Торопова Е. В., 2001. Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследования // ННЗИА. – Вып. 15. – С. 245–257.
Аристов Н. Д., 1866. Промышленность Древней Руси. – СПб. – 334 с.
Артемьев А. Р., 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток. – 267 с.
Артемьев А. Р., 2005. О типологии и хронологии некоторых бытовых предметов XVII–XVIII вв. в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск. – С. 260–267.
Археалогія Беларусі, 2001. Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / пад рэд. В. М. Ляўко. – Мінск. – 597 с.
Арциховский А. В., 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. – Т. I. – Вып. 11. – С. 119–151.
Арциховский А. В., 1951. Одежда // История культуры древней Руси. – Т. 1. – М.–Л. – С. 234–262.
Атрибуция музейного памятника, 1999. Атрибуция музейного памятника: классификация, терминология, методика: Справочник / под ред. И. В. Дубова. – СПб. – 352 с.
Байбурин А. К., 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л. – 191 с.
Балюнов И. В., 2007. Типология кожаной обуви г. Тобольска XVII в. // XVII Уральское археологическое совещание: Мат-лы науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.) – Екатеринбург–Сургут. – С. 222–223.
Барберини Р., 1842. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. // Сын Отечества. – № 6, 7.
Бахрушин С. В., 1955. Научные труды: в 4 т. – М. – Т. III, ч. 1. – 376 с.
Бебре В. В., 1987. Типы кожаной обуви Риги XII–XIV вв. и их ареалы // КСИА. – Вып. 190. – С. 25–31.
Беленькая Д. А., Дубынин А. Ф., 1967. Работы на территории Китай-города (Москва) в 1964–1965 гг. // КСИА. – Вып. 110. – С. 110–113.
Белицер В. Н., 1958. Очерки по этнографии народов коми // ТИЭ. – Т. 45. – М. – 398 с.
Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1980. Мангазея. Ч. 1: Мангазейский морской ход. – Л. – 164 с.
Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М. – 147 с.

---

* Внутритекстовые ссылки на архивные источники приводятся с добавлением литеры «И» — «источники», например: [*Визгалов, И–2009*].

Богомолов В. Б., 1997. Реконструкция изделий из кожи русского населения Западной Сибири XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск – Уфа. – С. 25–29.
Богомолов В. Б., 1999. Домашние занятия русского населения XVII – первой половины XIX в. (по материалам поселения Бергамак I) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 4. – Новосибирск. – С. 76–117.
Богордаева А. А., 2006. Традиционный костюм обских угров. – Новосибирск. – 239 с.
Буслаев Ф., 1861. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. – М. – 1632 стб.
Буцинский П. Н., 1999. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645 гг.) // Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск / Соч. в двух томах. Т. 2. – Тюмень. – 328 с.
Василевич Г. М., 1963. Типы обуви народов Сибири // Сборник МАЭ. – М.–Л. – Т. XXI. – С. 3–64.
Вахрос И. С., 1959. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования – до Петровской эпохи. – Хельсинки. – 271 с.
Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О., 1997. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. – № 3. – С. 114–119.
Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1997. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (по материалам 1994 г.) // ТТЗ. – Тверь. – Вып. 2. – С. 291–297.
Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1999. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.) // ТТЗ. – Тверь. – Вып. 3. – С. 214–221.
Векслер А. Г., Осипов Д. О., 2000. Инструменты сапожников и кожаные изделия из раскопок Старого Гостиного двора в 1998 году // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории города Москвы. – М. – Ч. 3. Вып. 10.– С. 153–159.
Векслер А. Г., Осипов Д. О., 2004. Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. – М. – С. 333–342.
Вершинин Е. В., 2008. Мангазея: бытовые черты ее обитателей / Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург. – С. 545–551.
Вершинин Е. В., 2010. «Златокипящая» Мангазея: история расцвета и падения заполярного города. Архитектурный облик Мангазеи // История Ямала. Том I: Ямал традиционный. Книга 2: Российская колонизация. – Екатеринбург. – С. 158–182.
Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). – Екатеринбург – Нефтеюганск. – 296 с.
Визгалов Г. П., Курбатов А. В., Пархимович С. Г., 2009. Строительные «приклады» в Восточной Европе и Западной Сибири (по данным археологии и этнографии) // Homo Eurasicus. У врат искусства: Сб. науч. трудов междунар. конф. «Окладниковские чтения – 2009». – СПб. – С. 426–436.
Висковатов А. В., 1841. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. – СПб. – 374 с.
Власова И. В., 2001. Севернорусский костюм XIX – начала XX в. // Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX в. – М. – С. 305–346.
Власова И. В., 2009. Народное сознание и культура севернорусского населения // Очерки русской народной культуры / Отв. ред. и сост. И. В. Власова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.– М. – С. 113–196.
Воронин Н. Н., 1954. Древнее Гродно (По материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). – МИА. – № 41. – 239 с.
Гаврильева Р. С., 1998. Одежда народа Саха конца XVII – середины XVIII века. – Новосибирск. – 144 с.
Гайдуков П. Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. – М. – 198 с.
Ганина Ю. В., 2000. Обувь жителей древней Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. – Вып. 3. – С. 78–92.
Гданский Л., 1917. Сапожник-практик. – Петроград – М. – 115 с.
Герберштейн С., 1988. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; науч. коммент. А. В. Назаренко, А. Л. Хорошкевич, С. В. Думин, М. А. Усманов; под ред. А. Л. Хорошкевич. – М. – 430 с.
Гоголев А. И., 1990. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). – Иркутск. – 188 с.
Горсей Дж., 1990. Записки о России XVI – начало XVII в. / Коммент. и пер. А. А. Севастьяновой. – М. – 288 с.
Грач А. Д., 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. – М.–Л. – 30 с.
Григорьев М. Г., 1953. Древняя Москва // По следам древних культур. Древняя Русь. – М. – С. 321–359.
Даль В., 1881–1882. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. I–IV. – СПб.–М.
Даль В. И., 2004. Бахилы // Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М. – С. 39.
Дмитриева С. И., 2009. Религиозное значение севернорусского изобразительного искусства (к вопросу об исторических судьбах традиционной культуры) // Очерки русской народной культуры. – М. – С. 527–574.
Долгих Б. О., 1934. Кеты. – Иркутск – М. – 136 с.
Древняя Русь, 1985. Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. – М. – 432 с.
Дубровин Г. Е., 2008. Никитинский раскоп в Новгороде // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале. – Т. II. – М. – С. 448–451.
Ермолова Н. В., 2005. Пояса у народов северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири: Сб. МАЭ. – Т. LI. – С. 170–301.

Жеребцов Л. Н., Конаков Н. Д., Королёв К. С., 1985. Из жизни древних коми. – Сыктывкар. – 136 с.
Забелин И. И., 1901. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. / Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2 т.– 3-е изд. – Т. II. – М. – 788 с.
Забелин И. И., 1915. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. / Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: в 2 т. – (посмертное изд.). – Т. I. – М. – 759 с.
Загорульский Э. М., 1982. Возникновение Минска. – Минск. – 358 с.
Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. – М. – 592 с.
Заяц Ю. А., 1995. Заславль в эпоху феодализма. – Минск. – 207 с.
Зеленин Д. К., 1991. Восточнославянская этнография. – М. – 511 с.
Зыбин Ю. П., 1958а. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 1 // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. – Киев. – № 4. – С. 36–44.
Зыбин Ю. П., 1958б. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 2 // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. – Киев. – № 6. – С. 33–40.
Зыбин Ю. П., 1960. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 3 // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. – Киев. – № 5. – С. 84–85.
Зыбин Ю. П., 1961. Об одной исторической эпохе в развитии конструкции русской обуви // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. – Киев. – № 4. – С. 107–112.
Зыбин Ю. П., 1963. Конструирование изделий из кожи. – М. – 247 с.
Зыбин Ю. П., 1968. Материаловедение изделий из кожи. – М. – 384 с.
Зыбин Ю. П., Малина О. В., 1969. Конструкция и технология одного из видов обуви XVIII в. // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. – № 4. – Киев. – С. 98–102.
Изюмова С. А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. – № 65. – С. 192–222.
Исторический памятник, 1951. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л.–М. – 252 с.
Калечыц І., 2008. Азбучные эпіграфемы XIV–XVI стст. на тэрыторыі Беларусі // ГАЗ. – Мінск. – Вып. 24. – С. 38–40.
Калинин Н. Ф., 1955. Раскопки в Казанском кремле в 1953 г. // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. – Вып. 1. – С. 117–138.
Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В., 1997. Кожаные изделия средневекового Орешка // ПСКОВ.– Т. 1. – С. 270–280.
Кирпичников А. Н., 1994. Иностранец о Пскове XVI в. Сообщение Самуэля Кихеля // Труды Псковского музея-заповедника. – Вып. 1. – С. 47–67.
Кирпичников А. Н., 1995. Сообщение Иоганна Вундерера о Пскове и России 1590 г. Исследование и публикация источника // Славяно-русские древности. – СПб. – Вып. 3: Проблемы истории Северо-Запада Руси. – С. 167–235.
Козлинский В. И., Фрезе Э. П., 1975. Художник и театр. – М. – 240 с.
Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции // МИА. – Т. II. – Вып. 65. – С. 7–120.
Колчин Б. А., 1985. Ремесло // Древняя Русь: город, замок, село / Археология СССР. – М. – С. 243–297.
Колчин Б. А., Рыбина Е. А., 1982. Раскоп на улице Кирова / Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М. – С. 178–238.
Колчин Б. А., Янин В. Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский исторический сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М. – С. 3–137.
Корчагин П. А., 1998. Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье / Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург. – С. 67–80.
Краснов Ю. А., Каховский В. Ф., 1978. Средневековые Чебоксары. – М. – 192 с.
Крашенинников С. П., 1994. Описание земли Камчатки: в 2 т. – Репринт. воспроизведение изд. 1755 г. – СПб.–Петропавловск-Камчатский.
Кривцов И., 1912. Кожевенное производство. Выделка и отделка кож для обуви. – СПб. – 124 с.
Криничная Н. А., 2004. Русская мифология. Мир образов и фольклора. – М. – 1008 с.
Кузовкина С. И., 1991. Кожаная обувь из раскопок Тверского кремля (1985 г.) // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. – Нижний Новгород. – С. 401–406.
Кузовкина С. И., 1993. Кожаная обувь из раскопок древнего Торжка (1984–1985 гг.) // Археологические памятники на Верхней Волге. – Тверь. – С. 150–158.
Культура русских ОГИКМ, 1994. Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея / Отв. ред. Н. А. Томилов. – Томск. – 276 с.
Культура русских ТОКМ, 1997. Культура русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея / Отв. ред. Н. А. Томилов. – Новосибирск. – 189 с.
Курбатов А. В., 1991а. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. – Вып. 205. – С. 71–77.

Курбатов А. В., 1991б. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания. – Л. – Вып. 3. – С. 130–140.
Курбатов А. В., 1994а. Опыт исторической интерпретации изделий кожевенно-обувного производства // Древний Псков. Исследования средневекового города (Мат-лы конф., Санкт-Петербург, 20–21 мая 1992 г.). – С. 86–90.
Курбатов А. В., 1994б. Коллекция кожаных изделий из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // ТАС. – Вып. 1. – С. 189–195.
Курбатов А. В., 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. – № 2. – С. 198–208.
Курбатов А. В., 1997а. Формирование музейных фондов массового археологического материала (теория и практика) // Музей в современной культуре. Науч. труды С.-Петербургской гос. академии культуры. – Т. 147. – С. 51–68.
Курбатов А. В., 1997б. Кожевенное производство в городах северо-запада России в XV–XVII вв.: Дис. … канд. ист. наук. – СПб. – 262 с. (Архив ИИМК РАН. – Ф. 35, оп. 2–Д, д. 555.)
Курбатов А. В., 1997в. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // ПСКОВ. – Т. 1. – С. 367–373.
Курбатов А. В., 1999а. Кожевенная терминология и материальная культура / 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова: тез. докл. науч. конф.– М. – С. 23–26.
Курбатов А. В., 1999б. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. – СПб. – С. 100–117.
Курбатов А. В., 2002. Погребальная обувь средневековой Руси // АВ. – № 9. – С. 155–172.
Курбатов А. В., 2003а. Кожаные предметы из Пустозерска // М. Э. Ясински, О. В. Овсянников. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб. – С. 225–243.
Курбатов А. В., 2003б. «Меры сапожные» и проблема ремесленного ученичества // АВ. – № 10. – С. 169–182.
Курбатов А. В., 2003в. Коллекция кожи из раскопок 1994 года в городе Торжке (раскоп Климентовский-1) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Вып. 5. – Тверь. – С. 148–158.
Курбатов А. В., 2003г. Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. // Староладожский сборник. – СПб. – Вып. 6. – С. 122–158.
Курбатов А. В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). – СПб. – 311 с.
Курбатов А. В., 2005. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели (Рец. на: Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. – Stockholm, 2001. – P. 357, fig. 443) // АВ. – № 12. – С. 231–244.
Курбатов А. В., 2007. Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // АВ. – № 14. – С. 157–165.
Курбатов А. В., 2008а. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. – № 3. – С. 210–233.
Курбатов А. В., 2008б. Музееведение и археология — две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла (Рец. на: Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. / Материалы охранных археологических исследований. – Т. 7. – М.: ИА РАН, 2006. – 200 с.; 323 ил.) // АВ. – № 15. – С. 246–254.
Курбатов А. В., Николаева А. Л., 1989. Вопросы изучения, реставрации и консервации кожаных изделий из раскопок Ивангорода // Нарва, Ивангород, Принаровье. Воздействия культур. История и археология. – Нарва. – С. 29–32.
Курбатов А. В., Овсянников О. В., 1999. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. – № 6. – С. 245–271.
Курлаев Е. А., 1998. Церковная археология: раскопки в Николаевском монастыре г. Верхотурье в 1989–1990 гг. // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург. – С. 92–109.
Лабутина И. К., 1970. Раскопки в Пскове у здания Педагогического института // АО 1969. – С. 25–26.
Лапшин В. А., 2001. Строительные горизонты раскопа Тверской кремль-11 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997). – СПб. – С. 36–68.
Левашова В. П., 1959. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Труды ГИМ. – Вып. 33. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М. – С. 38–59.
Левинсон Н. Р., 1945. Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. / Исторические записки. – М. – 308 с.
Левкиевская Е. Е., 2002. Обереги // Славянская мифология. Энциклопедический словарь // М. – С. 328–329.
Левко О. Н., 1984. Витебск XIV–XVIII вв. – Минск. – 120 с.
Ле Гофф, Ж., 1992. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр., общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. – М. – 376 с.
Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. – Минск. – 399 с.
Мартин Ф. Р., 2004. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Науч. пер. с нем. Ж. Н. Трufановой. – Екатеринбург – Сургут. – 144 с.

Материальная культура, 1989. Материальная культура / Свод этнографических понятий и терминов / Под ред. Ю. Бромлея и Г. Штробаха. – М. – Вып. 3. – 224 с.
Мерцалова М. Н., 1972. История костюма. – М. – 195 с.
Мерцалова М. Н., 1988. Поэзия народного костюма. – М. – 272 с.
Матехина Т. С., 2009. Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 24 с.
Морозов В. М., Погодин А. А., 2001. Археологическая разведка в окрестностях деревни Пелым // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 4. – Екатеринбург. – С. 78–95.
Небольсин П., 1854. Рассказы проезжего. – СПб. – 343 с.
Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. – САИ. – Вып. Е1–34. – 84 с.
Никифоровский Н. Я., 1895. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности: Этнографические данные. – Витебск. – 552 с.
НОС, 1994. Новгородский областной словарь / Науч. консультант А. С. Герд; отв. ред. В. П. Строгова. – Вып. 5. – Новгород. – 164 с.
Оборин В. А., Русанова К. М., Шмыров В. А., 1975. Раскопки русского города Пелым и Пелымского поселения // АО 1974. – М. – С. 166–167.
Окладников А. П., 1945. Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра. – М.–Л. – 9 с.
Окладников А. П., 1951. Археологические находки на о. Фаддея и на берегу Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. – Л.–М. – С. 7–40.
Олеарий А., 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Пер. и примеч. А. М. Ловягина. – СПб. – 582 с.
Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. – Т. 7. – М. – 200 с.
Осипов Д. О., Лихтер Ю. А., 2004. Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). – М. – 66 с.
Оятева Е. И., 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. – Вып. 4. – С. 77–94.
Оятева Е. И., 1965. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги // АСГЭ. – Вып. 7. – С. 42–59.
Оятева Е. И., 1970. Кожаная обувь из средневековых городов Польши (Краткий обзор публикаций) // АСГЭ. – Вып. 12. – С. 112–118.
Оятева Е. И., 1973а. Белозерская кожаная обувь [Приложение] // *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. – М. – С. 199–205.
Оятева Е. И., 1973б. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. – Вып. 15. – С. 105–111.
Оятева Е. И., 1974. Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского // Археология рязанской земли. – М. – С. 189–192.
Оятева Е. И., 1976. Две публикации средневековой кожаной обуви: Критические заметки // АСГЭ. – Вып. 17. – С. 125–129.
Оятева Е. И., 1980. Систематизация древней кожаной обуви // АСГЭ. – Вып. 21. – С. 85–90.
Пархимович С. Г., 1986. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии (ВАУ–18). – С. 138–143.
Пархимович С. Г., 2004. Магические строительные обряды в Мангазее // Русские. Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2004 г., Тобольск). – Тобольск. – С. 47–53.
Пархимович С. Г., 2009. Языческая символика в обрядовой практике Мангазеи и Берёзова XVII века (по материалам археологических исследований 2001–2008 гг.) // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: в 2 частях. Ч. 2. – Екатеринбург. – С. 363–375.
Пархимович С. Г., 2010. О раскопках Берёзовского кремля (2008–2009): диалог источников // Меньшиковские чтения – 2009. – Берёзов. – С. 91–96.
Плотникова А. А., 2002. Дом // Славянская мифология. Энциклопедический словарь – М. – С. 142–143.
Поварнин Г., 1912. Очерки мелкого кожевенного производства в России. – СПб. – 329 с.
Повод Н. А., 1997. Научное описание обуви северных народов (из фондов ТОКМ) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1993. – Новосибирск. – С. 234–249.
Полонская М. Ю., 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово (К истории древнерусского города). – М. – С. 105–124.
Прыткова Н. Ф., 1953. Одежда хантов // Сборник МАЭ. – Т. XV. – М.–Л. – С. 123–233.
Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. – М. – 354 с.
Рабинович М. Г., 1986. Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. – М. – С. 40–62.
Рабинович М. Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. – М. – 312 с.
Рейтенфельс Я., 1997. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии / Пер. А. И. Станкевича. – М. – (Серия: «История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.») – С. 231–406.

Розенфельдт Р. Л., 1971. Инструменты московских ремесленников / Древности Московского Кремля. – МИА. – № 167: Материалы и исследования по археологии Москвы. – Т. IV. – С. 253–267.
Розенфельдт Р. Л., 1997. Игры детей // Древняя Русь. Быт и культура / Археология. – М. – С. 114–119.
Россия начала XVII в., 1982. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Сост. д-р ист. наук Ю. А. Лимонов; отв. ред. д-р ист. наук В. И. Буганов; пер. Т. И. Шаскольская, Н. В. Ревуненков. – М. – 254 с.
Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. – М.–Л. – 792 с.
Рыбина Е. А., 1997. Изделия из кожи // Древняя Русь. Быт и культура / Археология. – М. – С. 46–47.
Рыбина Е. А., 1999. Зеркала в средневековой Руси (проблемы атрибуции, публикации оправ с изображениями) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. – М. – С. 101–121.
Сабурова М. А., 1997. Обувь // Древняя Русь. Быт и культура / Археология. – М. – С. 103–106.
Савваитов П. И., 1865. Описание старинных утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей Архива Московской Оружейной Палаты с объяснительным указателем // Записки императорского Русского археологического общества. – СПб. – Т. 11.
Свешников І. К., Брайчевська О. А., 1990. Шкіряне взуття із Звенигорода Галицького // Археологія. – Вип. 3. – С. 122–129.
Святов В. Н., Старков А. В., Чаиркин С. Е., 1998. Археологические исследования в г. Верхотурье в 1997 г. // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург. – С. 144–157.
Семёнова В. И., 1993. Тюмень — первый русский город в Сибири, памятник истории и культуры // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Мат-лы конф. – Часть II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. – СПб. – С. 154–157.
Сербина К. Н., 1951. Очерки по социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. – М.–Л. – С. 163–165.
Ситникова И. В., 1981. Обработка кожи в древнем Новгороде: Дипломная работа. – М. (хранится на кафедре археологии ист. ф-та МГУ).
СПЛ XV–XVII вв. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Волог. гос. пед. ун-т [ред. Ю. И. Чайкина; сост. Е. П. Андреева [и др.]. – СПб. – Вып. 1: А – И. – 2003. – 256 с.
СРГС. Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / Под ред. А. И. Фёдорова. – Т. 2, 3. – Новосибирск, 2002, 2003.
СРНГ. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Л.–СПб. – Вып. 6 (1970), 12 (1977), 14 (1978), 17 (1981), 19 (1983), 20 (1985), 25 (1990), 37 (2003).
СлРЯ XI–XVII вв. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. – Вып. 2 (1975), 4 (1977), 5 (1978), 6 (1979), 7 (1980), 9 (1982), 10 (1983), 12 (1987), 13 (1987), 14 (1988), 15 (1989), 16 (1990), 18 (1992), 19 (1994), 23 (1996), 24 (2000), 25 (2000), 28 (2008).
СлРЯ XVIII в. Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. – СПб. – Вып. 13 (2003). – 272 с.
СРНДРС XVII–XVIII вв. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин; отв. ред. В. В. Палагина, К. А. Тимофеев. – Новосибирск, 1991. – 184 с.
Соболь В. Е., Тарасов С. В., 1985. Обувь средневекового Минска // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск. – № 4. – С. 34–36.
Соболь В. Е., 1988. Минск XIV–XVIII вв. (по материалам археологического изучения): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М. – 21 с.
Сорокин А. Н., 2004. Древнерусские молотки-гвоздодеры (из раскопок Великого Новгорода) // Новгородские археологические чтения – 2. – Великий Новгород. – С. 169–182.
Спасский М. Г., 1951. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л.–М. – С. 132–138.
Справочная книга обувщика, 1935. Справочная книга обувщика / Под ред. А. Карасина и А. Шварца. – М.–Л. – Т. 1. – 267 с.
Срезневский И. И., 1912. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – СПб. – Т. II, III.
Тальман Е. М., 1946. Борьба посада Ярославля со светскими и духовными феодалами в первой половине XVII в. // ИЗ. – № 20. – С. 96–129.
Тарасов С. В., 1989. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI–XVIII вв.) // ПНТ. 1987–1988 гг. – М. – С. 164–175.
Татаурова Л. В., 2005. Планиграфия жилищно-хозяйственного комплекса и хозяйственные занятия русского населения Среднего Прииртышья XVII–XIX веков // Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири: Кол. монография.– Омск. – С. 166–200.
Терещенко А., 1848. Быт русского народа: в 7 ч. – Ч. 1. – СПб. – 528 с.
Томилов Н. А., 2001. Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX вв.) / Отв. ред. Ф. Ф. Болонев. – Омск. – 198 с.
Узенева Е. С., 2002. Закладка дома // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. – С. 144.

Фармаковский М. В., 1951. Изделия из волокнистых материалов // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. – Л.–М. – С. 172–178.
Фасмер М., 1996. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 3-е изд., стереотип. – СПб.
Фёдорова Е. Г., 1994. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. – СПб. – 286 с.
Фоняков Д. И., 1989. Обувь и другие кожаные изделия из раскопок Торопца // КСИА. – Вып. 170. – С. 85–91.
Хлебникова Т. А., 1988. Кожевенное дело // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / КФАН СССР. – М. – С. 244–253.
Хозяйство русских НОКМ, 1996. Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея / Отв. ред. А. А. Лебедева, Н. А. Томилов. – Новосибирск. – 368 с.
Хозяйство русских ОГИЛМ, 1993. Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного историко-литературного музея / Отв. ред. Н. А. Томилов. – Томск. – 396 с.
Хозяйство русских ТОКМ, 1994. Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея / Отв. ред. Н. А. Томилов. – Тюмень. – 264 с.
Хорошев А. С., 1998. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // ННЗИА. – Вып. 12. – С. 82–94.
Чагин Г. Н., 1989. Одежда // На путях из земли Пермской в Сибирь (Очерки этнографии Североуральского крестьянства XVII–XX вв.) – М. – С. 144–175.
Чиндина Л. А., Черная М. П., Володина С. В., Капитонова М. А., 2003. Сапоги из Томского кремля и могильника Мигалка // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири – Томск. – С. 68–72.
Шелегина О. Н., 1992. Очерки истории материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск. – 252 с.
Шестакова И. С., 1968. Структура и свойства коллагена. – М. – 289 с.
Штыхов Г. В., 1963. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА. – № 4. – С. 240–246.
Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк. – Минск. – С. 72–80.
Шут К. П., 1965. Обувь древнего Минска // Вопросы истории: Материалы IX конференции молодых ученых. – Минск. – С. 76–78.
Шухов И. Н., 1916. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. 24. – С. 1–57.
Якунина Л. И., 1947. Новгородская обувь XIII–XIV веков // КСИИМК. – Вып. 17. – С. 38–48.
Якунина Л. И., 1951. Фрагменты одежды и обуви // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. – Л.–М. – С. 179–186.
Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Покровская Л. В., 2003. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода в 2002 г. (Троицкий XIII и XIV раскопы) // ННЗИА. – Вып. 17. – С. 9–16.
Ясински М. Э., Овсянников О. В., 2003. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб. – 400 с.
Baart J. m. fl., 1977. Opgravingen in Amsterdam. – Amsterdam. – 524 p.
Bebre V., 1983. Ādas apavi Rīgā 13–14 gs. // AE. – T. 14. – Rīgā. – P. 125–141.
Caune A., Grube J., 1984. Izrakumi Bauskas pilsdrupās // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnografu 1982, un 1983. Gada pētījumu rezultatiem. – Rīgā. – P. 44–47l.
Eberle L., 1971. Polskie rzemiosło skórzane w średniowieczu // Studia i materialy z historii kultury materialnej. – T. XLV. – Warszawa. – S. 9–21.
Goubitz O., 1984. The Drawing and Registration of Archaeological Footwear, Studies in Conservation. – Vol. 29. – N 4. – P. 187–196.
Larsen A. J., 1970. Sko Materialet fra utgravningene i Borgund på Sunnmøre 1954–1962 // Årbok for Universitetet i Bergen. Humanistisk serie. – Oslo. – № 1. – 54 p.
Milewska M., 1980. A metod of rekording late medieval footwear finds // Archeologia Polona. – XIX. – S. 115–136.
Mührenberg D., 1997. "So sie wurfen den bal" // Gefunden in Lübeck. Archäologie im Weltkulturerbe // Ausstellung zur Archäologie in Lübeck. – 3. – Lübeck. – S. 41–45.
Navickas K., 1964. Vilniaus gyventoju apavas XIII–XIV gs. // Is Lietuviu kulturos istorijos. 4. – Vilnius. – P. 189–191.
Niderle L., 1921. Slovanské starožitnosti. – Praha, 1902–1934. – V. 1–4.
Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. – Stockholm. – 357 p.
Turnau I., 1983. Polskie skórnictwo. – Wroclaw. – 203 s.
Wiklak H., 1969. Polskie obuwie wczesnosredniowieczne z VIII–XIII w. na podstawie wykopalisk // Materialy Wczes-nosredniowieczne. – Wroclaw – Warszawa – Krakow. – T. VI. – S. 475–517.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААНИИ	–	Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт
АВ	–	Археологические вести
АО	–	Археологические открытия
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВАС	–	Всероссийский археологический съезд
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала
ГАЗ	–	Гістарычна-археалагічны зборнік
ГИМ	–	Государственный исторический музей
Д.	–	дело
ИА	–	Институт археологии (СССР–РАН)
ИЗ	–	Исторические записки
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры (СССР–РАН)
КАЭ ПГУ	–	Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН	–	Казанский филиал Академии наук (СССР)
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии (РАН)
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
НИР	–	научно-исследовательская работа
ННЗИА	–	Новгород и Новгородская земля. История археологии
НОКМ	–	Новосибирский областной краеведческий музей
НПО СА	–	Научно-производственное объединение «Северная археология»
ОГИКМ	–	Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГИЛМ	–	Омский государственный историко-литературный музей
ООО	–	общество с ограниченной ответственностью
Оп.	–	опись
ПНТ	–	Памятники науки и техники
ПСКОВ	–	Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии
РА	–	Российская археология
РАН	–	Российская академия наук
САИ	–	Свод археологических источников
СО РАН	–	Сибирское отделение РАН
СПЛ XV–XVII вв.	–	Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.
СРНДРС XVII–XVIII вв.	–	Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.
СРНГ	–	Словарь русских народных говоров
СРГС	–	Словарь русских говоров Сибири
СлРЯ XI–XVII вв.	–	Словарь русского языка XI–XVII вв.
СлРЯ XVIII в.	–	Словарь русского языка XVIII в.
Стб.	–	столбец
ТАС	–	Тверской археологический сборник
ТИЭ	–	Труды Института этнографии
ТОКМ	–	Тюменский областной краеведческий музей
ТТЗ	–	Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
УрГУ	–	Уральский государственный университет
Ф.	–	фонд
AE	–	Archeologija un etnografija. Rīgā.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Виды швов. I – сквозной прямой, или «сандальный»; II – тачной; III – выворотный; IV – обметочный; V–VII – потайной; VIII – тачной декоративный (А – место расположения шва; Б – способ соединения деталей в разрезе; В – способ сшивания деталей).
Рис. 2. Поршни первого подтипа (цельнокроеные). Раскройки. *1* – с подтреугольным язычком спереди и клапанами сзади; *2* – с дугообразным срезом спереди, без клапанов; *3* – с дугообразным срезом и выемкой спереди, с клапанами; *4* – с подпрямоугольным срезом спереди, без клапанов.
Рис. 3. Поршни первого подтипа (цельнокроеные) в собранном виде. *1* – с подтреугольным язычком на носке и клапанами сзади, без бахромы на подъеме; *2* – со складками на носке, бахромой на подъеме и клапанами сзади; *3* – со складками на носке и пятке, без бахромы; *4* – с подтреугольным язычком на носке, бахромой на подъеме и клапанами на пятке.
Рис. 4. Поршни первого подтипа (цельнокроеные). *1, 2* – первый вариант раскройки; *3* – второй вариант раскройки.
Рис. 5. Переды поршней первого подтипа (цельнокроеные) с линованным орнаментом.
Рис. 6. Поршни первого подтипа (цельнокроеные).
Рис. 7. Поршни второго подтипа (детальнокроеные). Раскройки поршней первого варианта. *1* – с подтреугольным передом, без клапанов; *2* – с подтреугольным передом и клапанами сзади; *3* – с закругленным передом, без клапанов; *4* – с закругленным передом, с клапанами.
Рис. 8. Поршни второго подтипа (детальнокроеные). Раскройки поршней второго варианта. *1* – с подтреугольным передом и клапаном сзади; *2* – с закругленным передом и прямым срезом сзади; *3* – с подтреугольным расширенным передом и клапанами сзади; *4* – с закругленным передом и клапанами сзади; *5* – со шлемовидным передом, с уступами по краям и клапанами сзади.
Рис. 9. Поршни второго подтипа (детальнокроеные) в собранном виде. *1* – модель первого варианта; *2* – модель второго варианта.
Рис. 10. Детальнокроеные поршни. Первый вариант.
Рис. 11. Детальнокроеные поршни. Первый вариант. Вставки.
Рис. 12. Детальнокроеные поршни. Второй вариант.
Рис. 13. Детальнокроеные поршни. Второй вариант. Вставки.
Рис. 14. Детальнокроеная обувь без каблука. Схема сборки и вид в сборе. Модель первого варианта.
1 – конструкция и схема сборки (А – тканый опушень; Б – обора; В – петля; Г – подкроенная боковина верха; Д – головка; Е – подошва; Ж – подметка на пятку; З – подметка на носок); *2* – с асимметричными крыльями (Д – верх; В – петли); *3* – с симметричным кроем (Д – верх; В – петля); *4* – в собранном состоянии, вид сбоку; *5* – в собранном состоянии, вид сзади.
Рис. 15. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки первого варианта. *1.1* – подошва с подметкой; *1.2* – головка с асимметричными крыльями; *1.3* – петля; *2.1* – подошва; *2.2* – головка с симметричными крыльями; *2.3* – петля.
Рис. 16. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки первого варианта. *1.1* – головка с асимметричными крыльями; *1.2* – петля; *2.1* – головка с асимметричными крыльями; *2.2* – петля; *3.1* – подошва; *3.2* – головка с симметричными крыльями; *4.1* – подошва; *4.2* – головка с симметричными крыльями; *4.3* – петля.
Рис. 17. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки первого варианта. *1, 2, 6.1* – головки с симметричными крыльями; *3, 4, 5.1* – головки с асимметричными крыльями; *5.2* – петля; *6.2, 6.3* – подкроенные детали крыльев.
Рис. 18. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки первого варианта. *1.1* – подошва; *1.2* – головка с симметричными крыльями и разрезом; *1.3* – нашивная деталь на разрез головки; *2.1* – грушевидная подошва; *2.2* – головка с симметричными крыльями.
Рис. 19. Детальнокроеная обувь без каблука. Первый вариант.
Рис. 20. Детальнокроеная обувь без каблука. Первый вариант.
Рис. 21. Детальнокроеная обувь без каблука. Первый вариант (*2* – изделие после реставрации).
Рис. 22. Детальнокроеная обувь без каблука. Первый вариант (*1.4* – изделие в сборе).
Рис. 23. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки второго варианта. *1, 2* – подошвы со сквозным «сандальным» швом; *3* – головка; *4.1* – двухдетальная подошва; *4.2* – головка; *4.3* – подкроенная деталь верха.
Рис. 24. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки второго варианта. *1.1* – головка с асимметричными крыльями и разрезом на подъеме; *1.2* – подошва с «сандальным» швом; *1.3* – нашивная деталь головки; *2.1* – головка; *2.2* – подкроенная деталь верха; *2.3* – подошва с «сандальным» швом; *3.1* – подошва; *3.2* – головка; *3.3* – подкроенная деталь верха.

Рис. 25. Детальнокроеная обувь без каблука. Второй вариант.
Рис. 26. Детальнокроеная обувь без каблука (детская). Второй вариант.
Рис. 27. Детальнокроеная обувь без каблука. Модель третьего варианта. *1* – конструкция и схема сборки. А, В – крылья верха; Б – вставка в перед верха; Г – тканый опушень; Д – обора; Е – петля; Ж, З – детали подметки; *2* – общий вид в сшитом состоянии; *3* – вид сзади в сшитом состоянии.
Рис. 28. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки «целых» экземпляров третьего варианта. *1.1* – подошва; *1.2, 1.4* – крылья верха; *1.3* – вставка в перед верха; *2.1* – подошва; *2.2–2.5* – детальнокроеные крылья верха; *2.6* – вставка в перед верха; *2.7* – петля.
Рис. 29. Детальнокроеная обувь без каблука. Третий вариант (*5* – изделие после реставрации).
Рис. 30. Обувь с низким каблуком. *1* – конструкция сапога (А – головка; Б – цельный поднаряд головки; В – передняя половина голенища; Г – задняя половина голенища; Д – внутренняя деталь кармана задника; Ж – наружная деталь кармана задника; Е – вкладка в карман задника; З – проволочный кант на сгибе задника; И – наборный каблук; К – подошва); *2* – сапог в сшитом состоянии, вид сбоку; *3* – сапог в сшитом состоянии, вид сзади.
Рис. 31. Обувь с низким каблуком. Раскройки деталей целых экземпляров. *1.1* – подошва с наборным каблуком; *1.2* – головка с цельнокроеным поднарядом; *1.3* – наружная деталь задника; *2.1* – подошва с наборным каблуком; *2.2* – головка с цельным поднарядом; *2.3* – детали задника (А – наружная; Б – вкладыш; В – внутренняя; Г – проволочный кант на шве задника).
Рис. 32. Обувь с низким каблуком. Раскройки деталей «целых» экземпляров. *1.1* – передняя часть подошвы; *1.2* – обрезанная задняя часть подошвы с фликами наборного каблука; *1.3* – головка с двухчастным поднарядом; *2.1* – подошва с фликами каблука и подметкой; *2.2* – деталь задника; *3* – детский сапог: *3.1* – подошва; *3.2* – головка с цельным поднарядом; *3.3* – задняя половина голенища; *3.4* – передняя половина голенища.
Рис. 33. Обувь с низким каблуком. Раскройки деталей «целых» экземпляров. *1.1* – подошва; *1.2–1.4* – детали задника; *1.5* – схема конструкции задника в разрезе (А – внутренняя деталь; Б – берестяной вкладыш; В – кожаный вкладыш; Г – наружная деталь; Д – усилительная накладка на задник; Е – проволочный кант на шве задника); *2.1* – подошва; *2.2* – головка с цельным поднарядом; *2.3* – наборный каблук; *2.4* – задник (А – наружная деталь; Б – берестяной вкладыш; В – внутренняя деталь).
Рис. 34. Обувь с низким каблуком. *1, 2* – подошвы с наборным каблуком, подбитым железными гвоздями;
3 – профильное изображение туфли на низком каблуке. *Береста.*
Рис. 35. Обувь с низким каблуком (*1–5* – детали; *6.1, 6.2* – детали целой туфли).
Рис. 36. Деревянные каблуки.
Рис. 37. Обувь с низким наборным каблуком. Подошвы.
Рис. 38. Обувь с каблуком. Головки: *1* – с язычком и цельным поднарядом; *2* – с дугообразным обрезом верха и линованным орнаментом; *3* – с дугообразным обрезом верха и цельным поднарядом; *4* – с дугообразным обрезом верха и резными значками; *5* – с дугообразным обрезом верха и декоративным швом; *6* – с дугообразным обрезом верха и цельным поднарядом.
Рис. 39. Обувь с каблуком. Головки с поднарядами.
Рис. 40. Обувь с каблуком. Задники: *1–13* – от сапог (*8, 11, 12* – с усилительной вертикальной полоской, прибитой декоративными гвоздиками); *14–16* – от туфель (*14а* – развертка). *13.3 – береста.*
Рис. 41. Обувь с каблуком. Задники: *1* – от туфли; *2–6* – от сапог; *7, 8* – берестяные вкладыши.
Рис. 42. Обувь с каблуком. Голенища. Передние половины.
Рис. 43. Обувь с каблуком. Голенища. Передние половины.
Рис. 44. Обувь с каблуком. Голенища. Задние половины.
Рис. 45. Обувь с каблуком. Голенища: *1, 2* – задние половины; *3, 4* – фрагменты верхних частей.
Рис. 46. Обувь с низким каблуком. Детские сапожки (*2.7* – изделие после реставрации).
Рис. 47. Обувь с высоким каблуком. Схемы сборки деталей. *1* – с кожаным наборным каблуком (А – головка; Б – поднаряд; В – опушень; Г – внутренняя деталь задника; Д – берестяной вкладыш; Е – кожаный вкладыш; Ж – наружная деталь задника; З – наборный кожаный каблук; И – подошва); *2* – с деревянным каблуком (А – головка; Б – поднаряд; В – внутренняя деталь задника; Г – берестяной вкладыш; Д – кожаный вкладыш; Е – наружная деталь задника; Ж – деревянный каблук; З – подошва с крокулем); *3* – задник и каблук с соединительной пластиной: туфля или нижняя часть сапога в собранном состоянии, вид сзади (А – задник; Б – обтяжка каблука; В – подковка; Г – усилительная полоска, подбитая декоративными гвоздиками).
Рис. 48. Обувь с каблуком: *1, 2* – туфли; *3, 4* – сапоги (А – головка; Б – подошва; В – подковка; Г – задник; Д – голенище; Е – опушень; Ж – наборный каблук).
Рис. 49. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с головкой без язычка. *1.1* – головка; *1.2* – подошва с крокулем (вид сверху); *1.3* – фрагмент подошвы с каблуком (вид сбоку); *1.4* – подошва с гвоздями и линованным клеймом (вид снизу); *1.5* – схема сборки задника (А – внутренняя деталь; Б, В – вкладыши; Г – наружная деталь); *2.1* – подошва без пяточной части; *2.2* – головка с декоративным швом; *2.3* – деталь задника; *2.4* – флик наборного каблука с пазом.

Рис. 50. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с обрезанным верхом головки. *1.1* – головка; *1.2* – задник с усилительной полоской, прибитой декоративными гвоздиками; *1.3* – внутренняя деталь задника; *1.4* – подошва с каблуком; *2.1* – головка; *2.2* – подошва с каблуком (вид сверху, сбоку, снизу).
Рис. 51. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с головкой без язычка. *1.1* – подошва (вид сверху); *1.2* – головка; *2.1* – головка с фигурными выступами; *2.2* – подошва (вид снизу); *3.1* – подошва (вид сверху); *3.2* – подметка; *3.3* – головка с цельным поднарядом; *3.4* – задник (А, Б – наружные детали; В – вкладыш; Г – внутренняя деталь).
Рис. 52. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с головкой без язычка. *1.1* – головка; *1.2* – внутренняя деталь задника; *1.3* – подошва; *2.1* – наружная деталь задника; *2.2* – наборный каблук; *2.3* – деталь поднаряда; *2.4* – подошва; *3.1* – подошва; *3.2* – головка с фигурными выступами.
Рис. 53. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с язычком на головке. *1.1* – подошва; *1.2* – головка с цельным поднарядом; *1.3* – фрагмент детали задника; *2.1* – двухдетальный поднаряд; *2.2* – подошва; *2.3* – наборный каблук с декоративными гвоздиками; *2.4* – схема конструкции задника (А, Б – наружные детали; В – деревянный вкладыш; Г – внутренняя деталь).
Рис. 54. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с язычком на головке. *1.1* – головка; *1.2* – поднаряд; *1.3* – наружная деталь задника с усилительной полоской, прибитой декоративными гвоздиками; *1.5* – внутренняя деталь задника; *2* – сапог: *2.1* – головка; *2.2* – задняя половина голенища; *2.3* – деталь задника.
Рис. 55. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры. *1.1* – головка с обрезанным верхом; *1.2* – подошва с каблуком; *1.3* – деталь задника; *2.1* – головка с цельным поднарядом; *2.2* – подошва с каблуком; *2.3* – каблук (вид сверху); *2.4, 2.5* – детали задника.
Рис. 56. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с язычком на головке. *1.1* – подошва с каблуком; *1.2* – головка и двухдетальный поднаряд с обрезанным язычком; *1.3* – деталь задника; *2.1* – подошва; *2.2* – головка и половина двухдетального поднаряда; *2.3* – подкроенное крыло головки; *2.4* – деталь задника; *2.5* – наборный каблук (вид сверху и сбоку).
Рис. 57. Обувь с высоким каблуком. Подошвы и наборные каблуки.
Рис. 58. Обувь с высоким каблуком. Подошвы с крокулем.
Рис. 59. Обувь с высоким каблуком. *1, 2, 4, 8* – подошвы с клеймом; *3, 5–7* – наборные каблуки.
Рис. 60. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры.
Рис. 61. Обувь с высоким каблуком. Деревянные каблуки (*1, 4* – с кожаной обтяжкой).
Рис. 62. Обувь с высоким каблуком. *1–5* – задники; *6* – наборный каблук (А – скрепляющая пластинка; Б – флики каблука; В – подковка; Г – деревянные шпильки); *7* – наборный каблук с фигурным пазом сзади; *8* – наборный каблук со скрепляющей пластинкой, прибитой декоративными гвоздиками.
Рис. 63. Обувь с высоким каблуком. Головки с декоративной прошивкой.
Рис. 64. Железные обувные подковки, гвозди. *1–23* – подковки: *1–4* – тип I, подтип 2; *5–8* – тип I, подтип 4; *9, 10* – тип II, подтип 1; *11, 12* – тип II, подтип 2; *13, 14* – тип III, подтип 1; *15, 16* – тип III, подтип 2; *17, 18* – тип III, подтип 3; *19, 20* – тип III, подтип 5; *21, 22* – тип IV, подтип 1; *23* – тип IV, подтип 2; *24–31* – гвозди.
Рис. 65. Стельки берестяные.
Рис. 66. Берестяные вставки в головку обуви: *1, 3–5* – двухчастные; *2* – цельная.
Рис. 67. Цельнокроеные рукавицы. Раскройки. *1.1* – основа; *1.2, 1.3* – пришивные детали пальца; *1.4* – заплатка вставная; *2.1* – основа; *2.2, 2.4* – подкроенные края основы; *2.3* – пришивная деталь пальца; *3* – основа.
Рис. 68. Цельнокроеные рукавицы.
Рис. 69. Цельнокроеная рукавица с заплатой.
Рис. 70. Детальнокроеные рукавицы. Раскройки. *1.1* – половина основы; *1.2* – деталь пришивного пальца; *2, 3* – половины основ; *4.1, 4.2* – половины основ; *4.3, 4.4* – подкроенные детали основ; *4.5, 4.6* – пришивные детали пальца.
Рис. 71. Элементы костюма: *1.1–1.6* – детальнокроеная рукавица; *2–5* – пришивные детали пальцев; *6* – фрагмент ремешка с медной пряжкой; *7* – кожаные ремешки с плетеной пуговицей; *8, 9* – плетеные шерстяные тесемки со свинцово-оловянными и стеклянными пуговицами.
Рис. 72. Кожаные ножны первого типа.
Рис. 73. Кожаные ножны второго типа: *1–4* – подтип 1; *5–8* – подтип 2.
Рис. 74. Кожаные ножны второго и третьего типов. Деревянный вкладыш. *1–3* – тип II, подтип 3; *4* – деревянный вкладыш; *5–9* – тип III.
Рис. 75. Тканевые опушни (*4* – туфля на низком каблуке с опушнем).
Рис. 76. Тканевые поднаряды и стельки: *1, 4* – поднаряды; *2, 3* – стельки.
Рис. 77. Стельки: *1, 2* – вязаные; *3, 4* – войлочные.
Рис. 78. Голенище тканевое с остатками меха (в развернутом виде).
Рис. 79. Передняя половина тканевого голенища с цельнокроеным поднарядом головки.
Рис. 80. Тканевые аксессуары кожаной обуви: *1* – вкладыш в поршне второго подтипа; *2* – нижняя часть чулка.
Рис. 81. Фрагменты вязаных чулок.
Рис. 82. Инструменты и принадлежности кожевенно-обувного производства: *1–4* – шилья; *5* – ножницы; *6* – наперсток;

7 – молоток-гвоздодер (*1–4 – дерево, железо; 5, 7 – железо; 6 – медь*).
Рис. 83. Колодки сапожные. *Дерево.*
Рис. 84. Принадлежности кожевенно-обувного производства: *1* – деревянная сапожная колодка; *2* – берестяное лекало для раскройки двухчастных основ кожаных рукавиц; *3–6* – восковые шарики.
Рис. 85. Деталь кожаной сумки с тисненым орнаментом.
Рис. 86. Детали кожаной сумки.
Рис. 87. Двухдетальный клапан сумки с тисненым орнаментом: *1.1* – наружная деталь; *1.2* – внутренняя деталь.
Рис. 88. Кожаное покрытие футляра для компаса с тисненым орнаментом.
Рис. 89. Кожаные покрытия футляров для компаса с тиснено-крашеным орнаментом.
Рис. 90. Фигурные кожаные нашивки.
Рис. 91. Кожаные мячи: *1.1* – мячик в сборе; *1.2* – мячик в разобранном виде (в центре – шарик из кусочков шерстяной ткани и перьев); *2, 3* – детали кожаного мячика; *4, 5* – заготовки деталей кожаного мячика.
Рис. 92. Изделия из кожи: *1, 2* – фрагменты декоративной ленты с тисненым орнаментом; *3–8* – подкладки под крышечки; *9, 10* – флики наборных рукояток ножей.
Рис. 93. Изделия из кожи: *1* – заколка для волос (*дерево*) с плетеным кожаным навершием; *2* – товарная бирка с резной надписью; *3* – обрезок кожи с клеймом.
Рис. 94. Основание печи в постройке № 16А. Вид с востока.
Рис. 95. Кожаная обувь, положенная как строительные приклады под основание печи в постройке № 16А. Вид с востока.
Рис. 96. Кожаная туфля под восточным бревном окладного венца постройки № 1А.
Рис. 97. Условные обозначения к рис. 98–102.
Рис. 98. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на первом строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.
Рис. 99. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на втором строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.
Рис. 100. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на третьем строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.
Рис. 101. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на четвертом строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.
Рис. 102. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на пятом (верхнем) строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

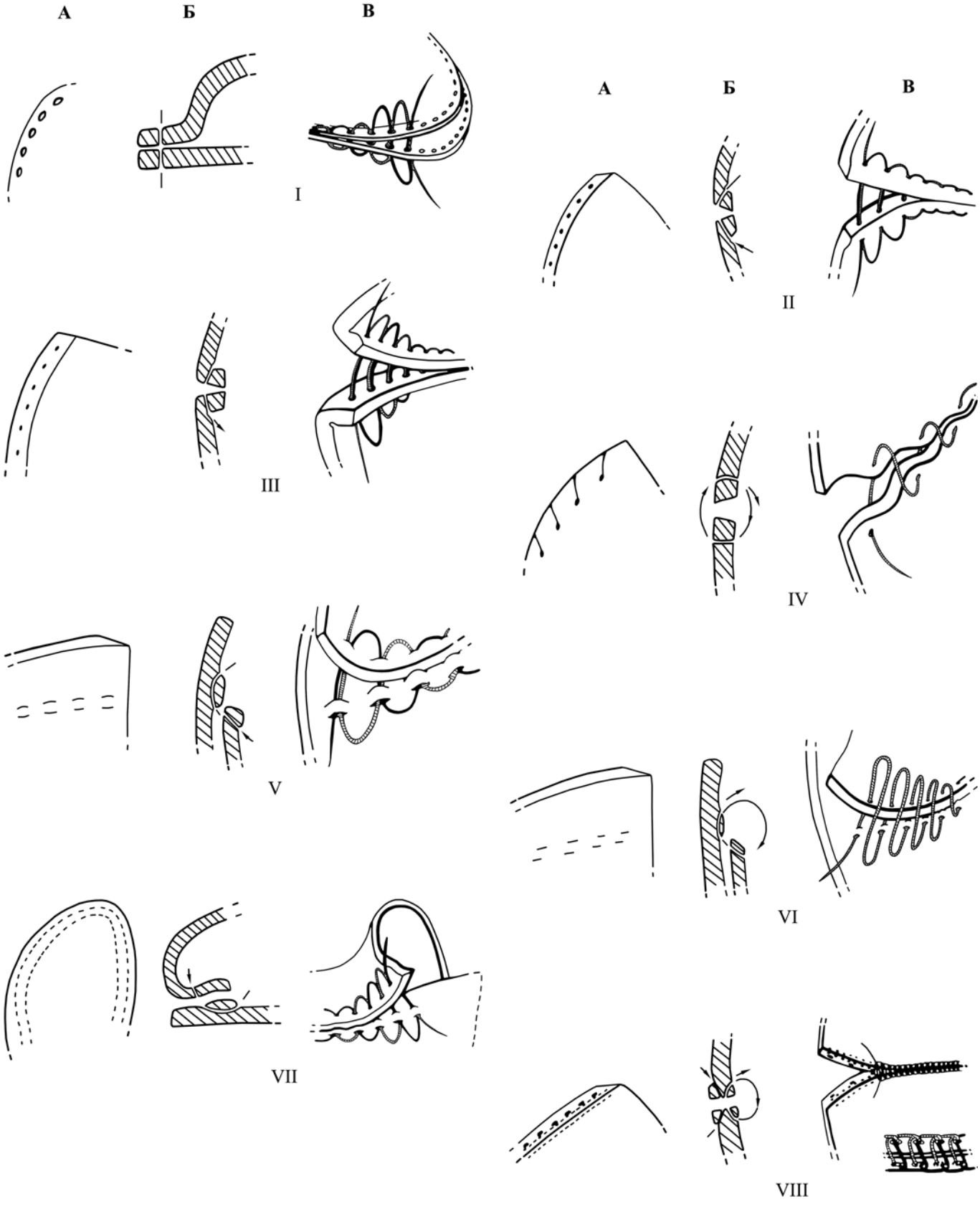


Рис. 1. Виды швов. I – сквозной прямой, или «сандальный»; II – тачной; III – выворотный;
IV – обметочный; V–VII – потайной; VIII – тачной декоративный
(А – место расположения шва; Б – способ соединения деталей в разрезе; В – способ сшивания деталей)

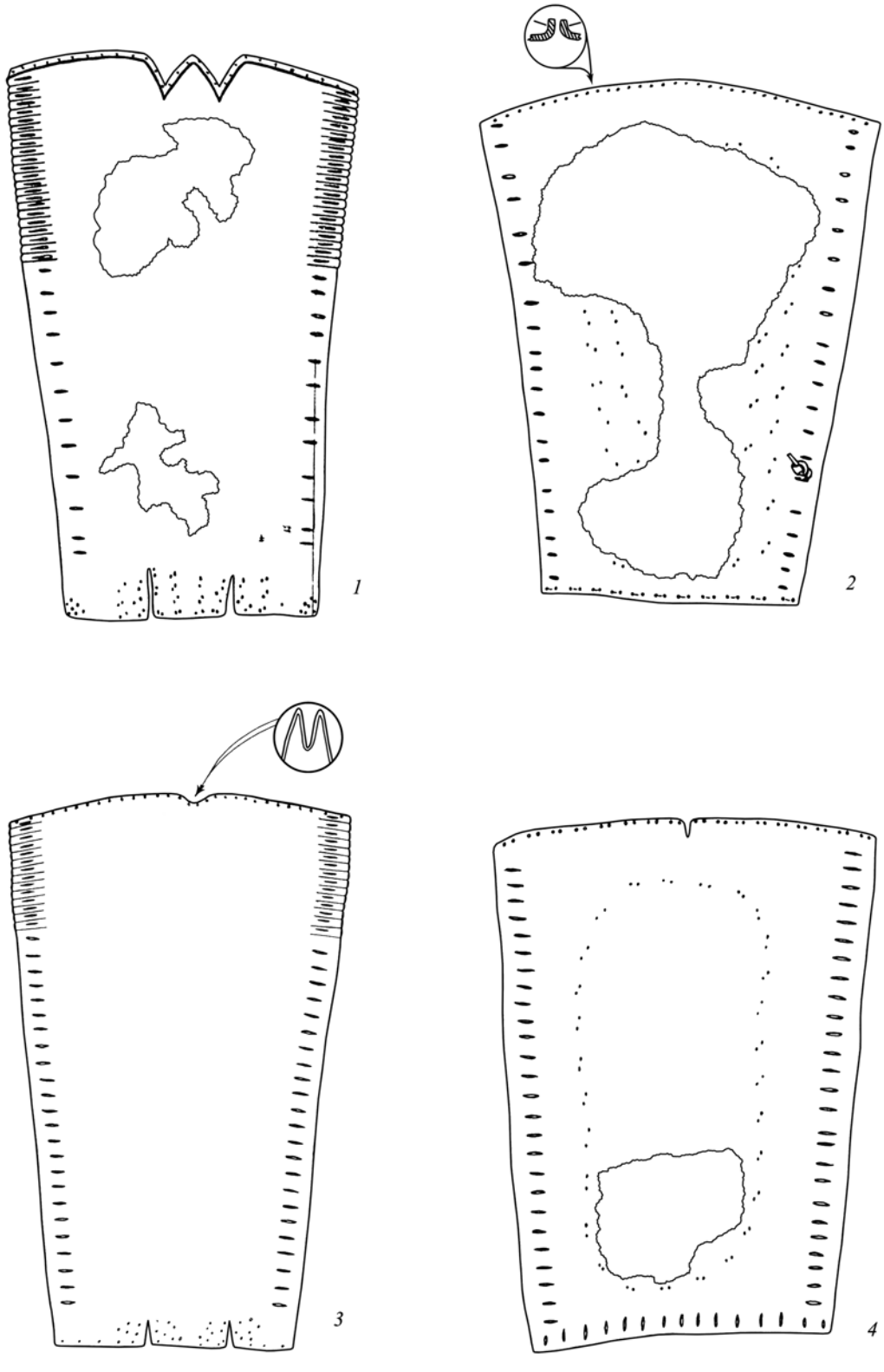


Рис. 2. Поршни первого подтипа (цельнокроеные). Раскройки.
1 – с подтреугольным язычком спереди и клапанами сзади; *2* – с дугообразным срезом спереди, без клапанов;
3 – с дугообразным срезом и выемкой спереди, с клапанами; *4* – с подпрямоугольным срезом спереди, без клапанов

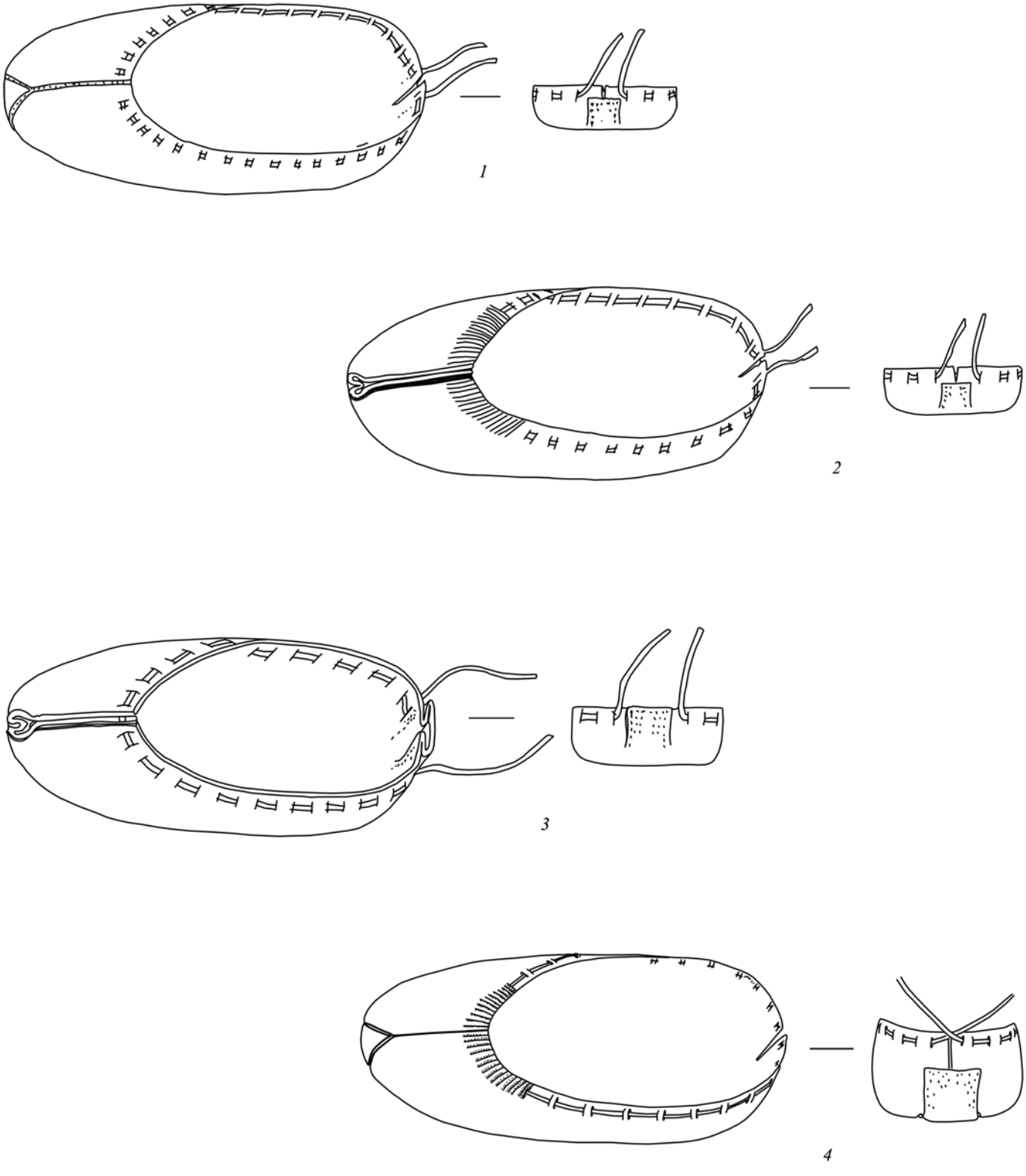


Рис. 3. Поршни первого подтипа (цельнокроеные) в собранном виде.
1 – с подтреугольным язычком на носке и клапанами сзади, без бахромы на подъеме;
2 – со складками на носке, бахромой на подъеме и клапанами сзади; *3* – со складками на носке и пятке, без бахромы;
4 – с подтреугольным язычком на носке, бахромой на подъеме и клапанами на пятке

Рис. 4. Поршни первого подтипа (цельнокроеные).
1, 2 – первый вариант раскройки; *3* – второй вариант раскройки

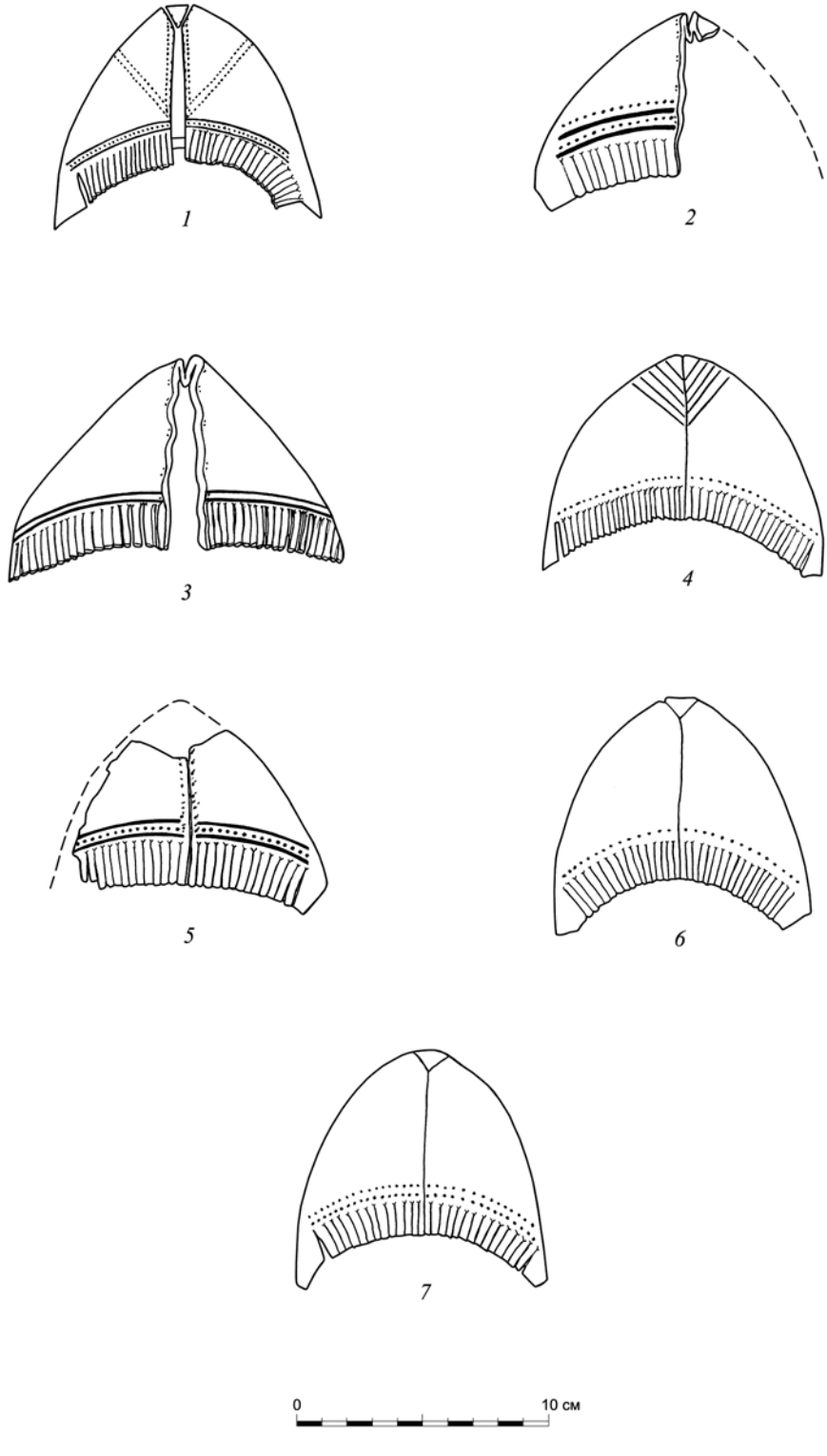


Рис. 5. Переды поршней первого подтипа (цельнокроеные) с линованным орнаментом

Рис. 6. Поршни первого подтипа (цельнокроеные)

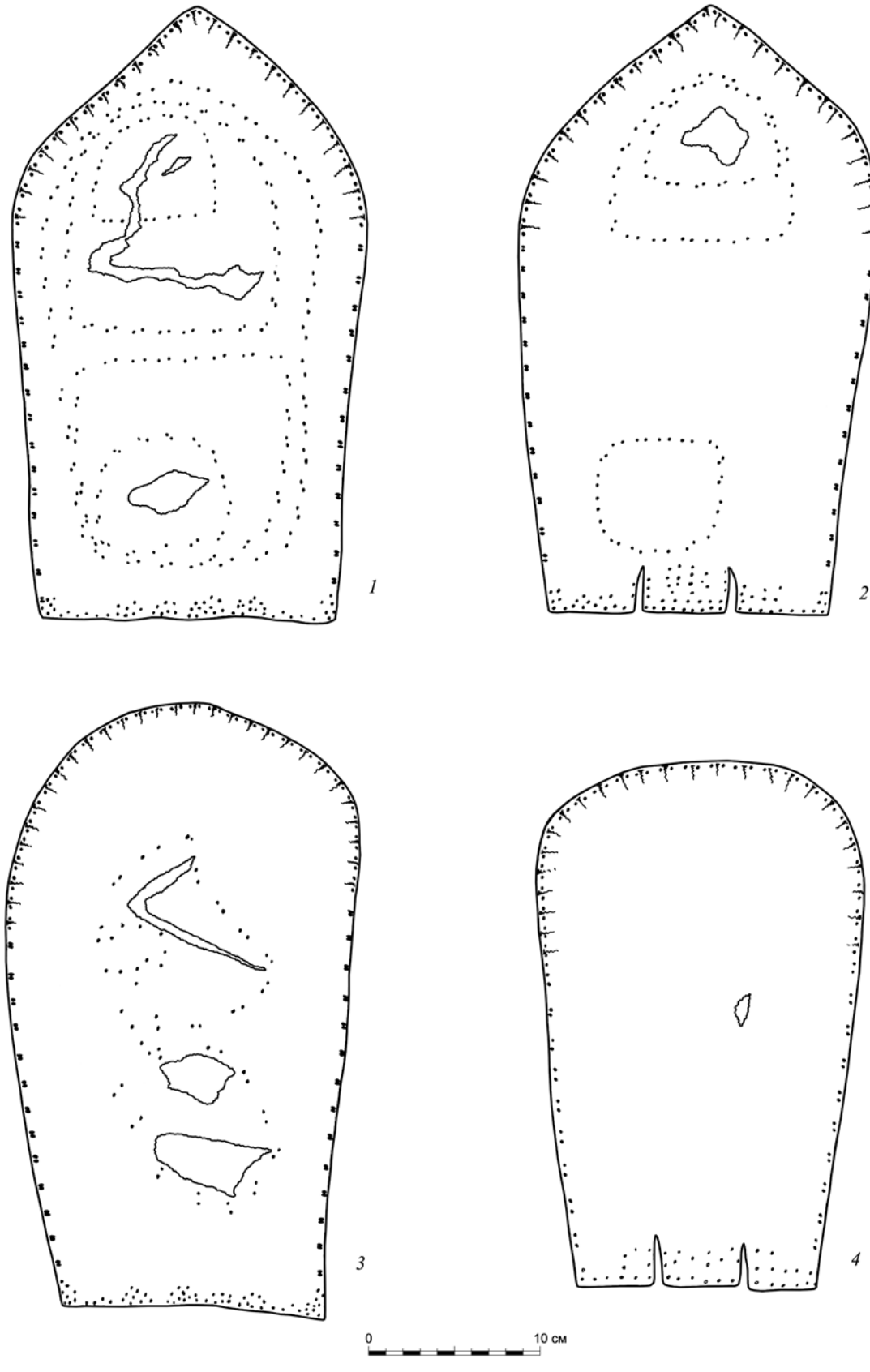


Рис. 7. Поршни второго подтипа (детальнокроеные). Раскройки поршней первого варианта.
1 – с подтреугольным передом, без клапанов; *2* – с подтреугольным передом и клапанами сзади;
3 – с закругленным передом, без клапанов; *4* – с закругленным передом, с клапанами

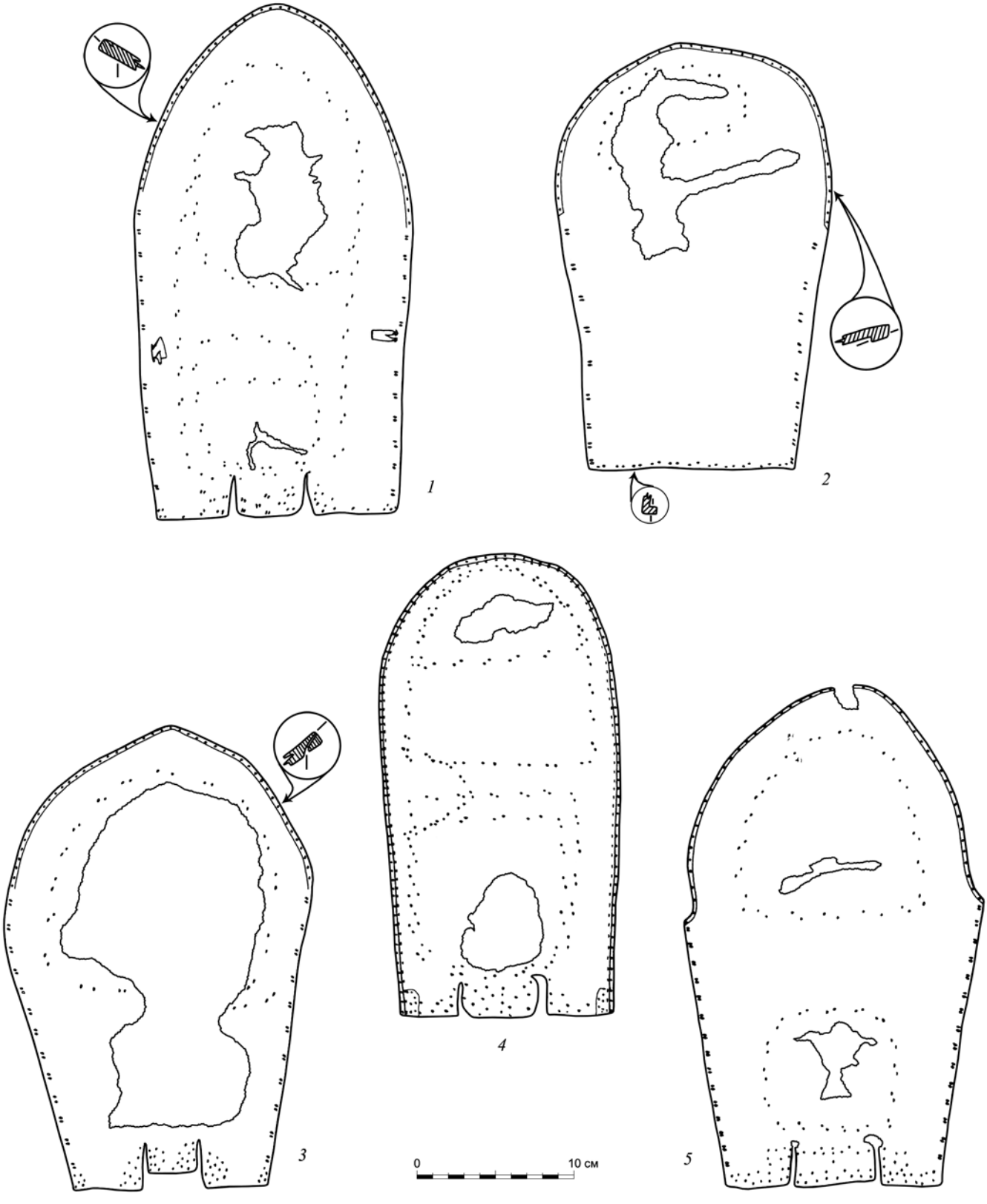


Рис. 8. Поршни второго подтипа (детальнокроеные). Раскройки поршней второго варианта.
1 – с подтреугольным передом и клапаном сзади; *2* – с закругленным передом и прямым срезом сзади;
3 – с подтреугольным расширенным передом и клапанами сзади; *4* – с закругленным передом и клапанами сзади;
5 – со шлемовидным передом, с уступами по краям и клапанами сзади

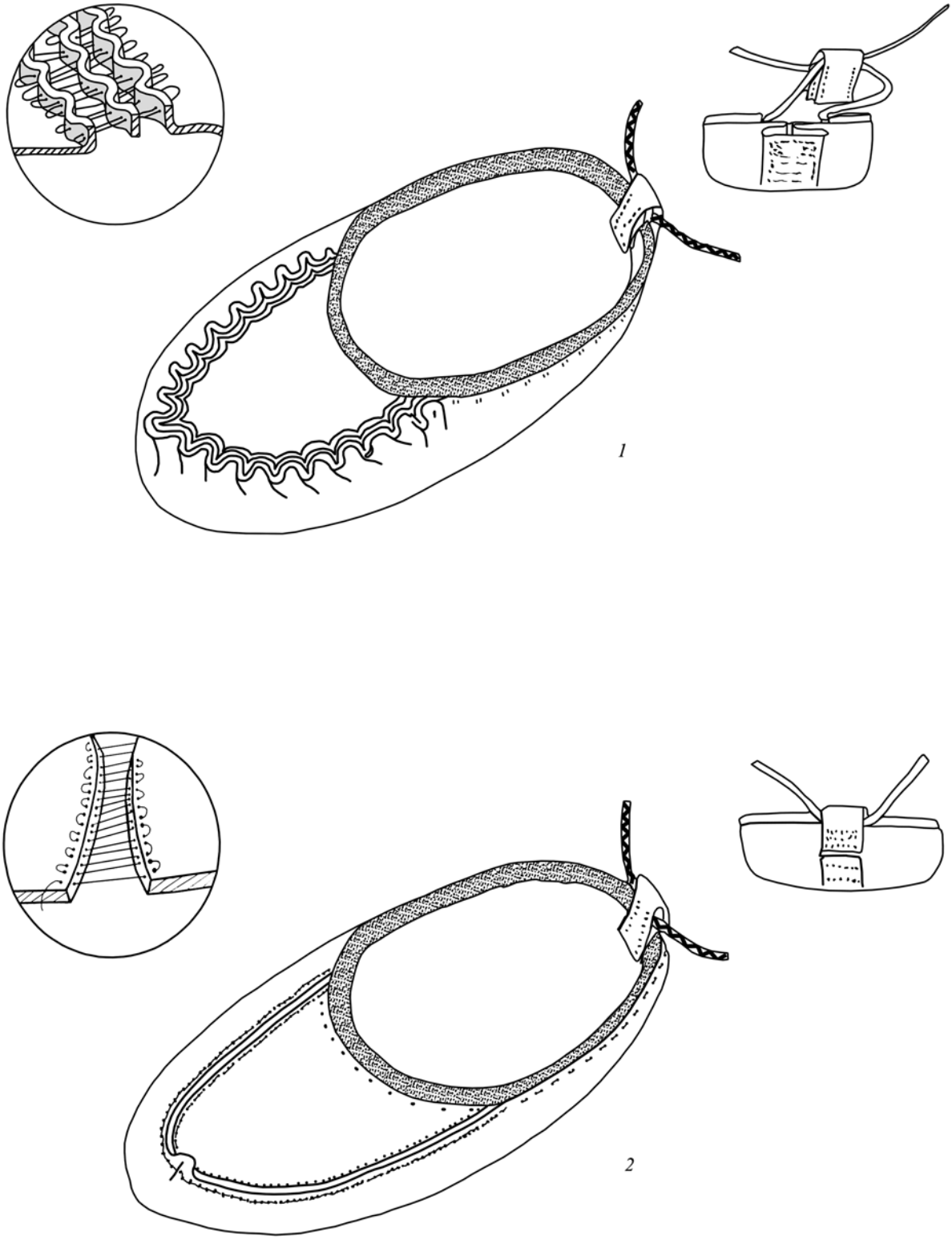


Рис. 9. Поршни второго подтипа (детальнокроеные) в собранном виде.
1 – модель первого варианта; *2* – модель второго варианта

Рис. 10. Детальнокроеные поршни. Первый вариант

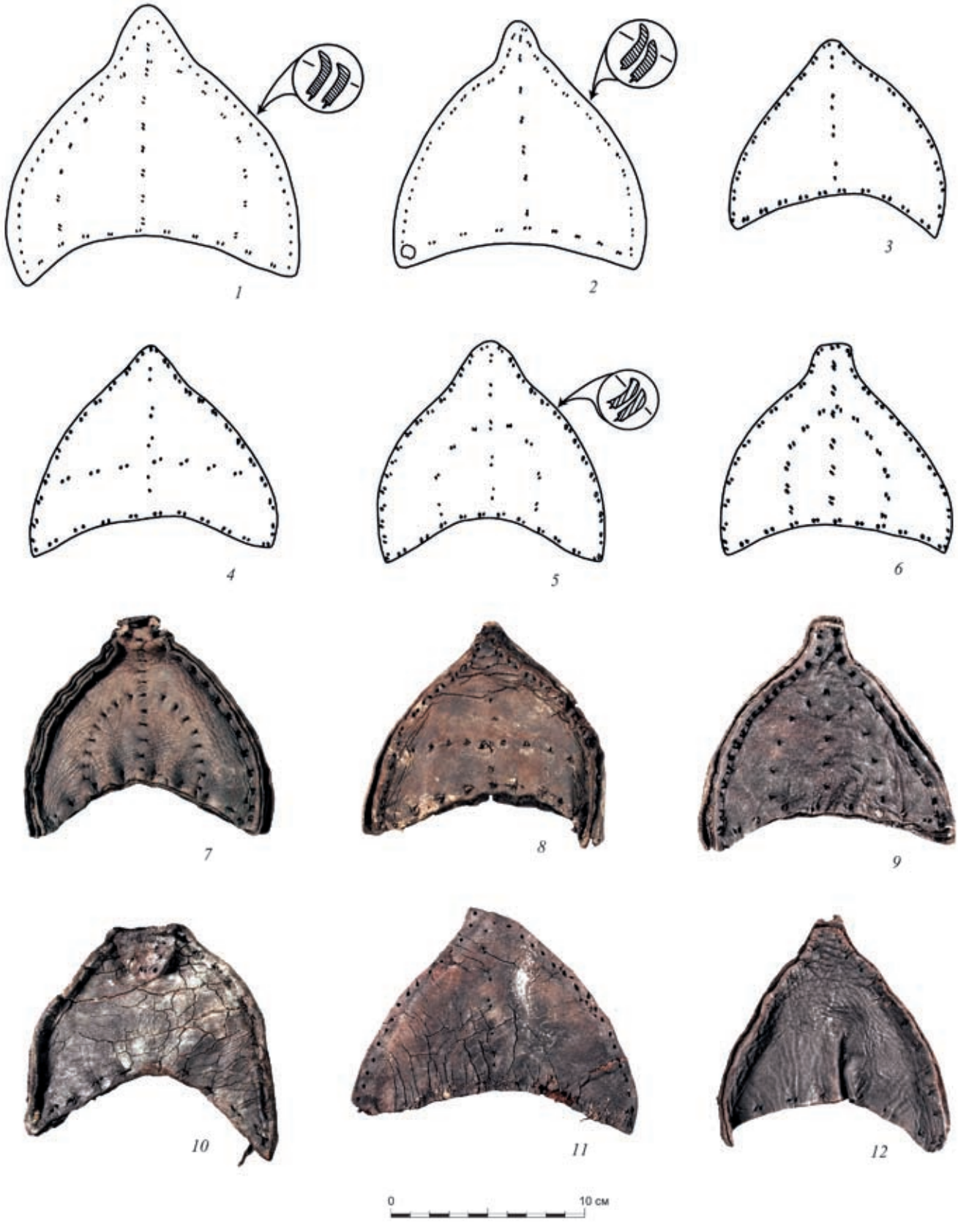


Рис. 11. Детальнокроеные поршни. Первый вариант. Вставки

Рис. 12. Детальнокроеные поршни. Второй вариант

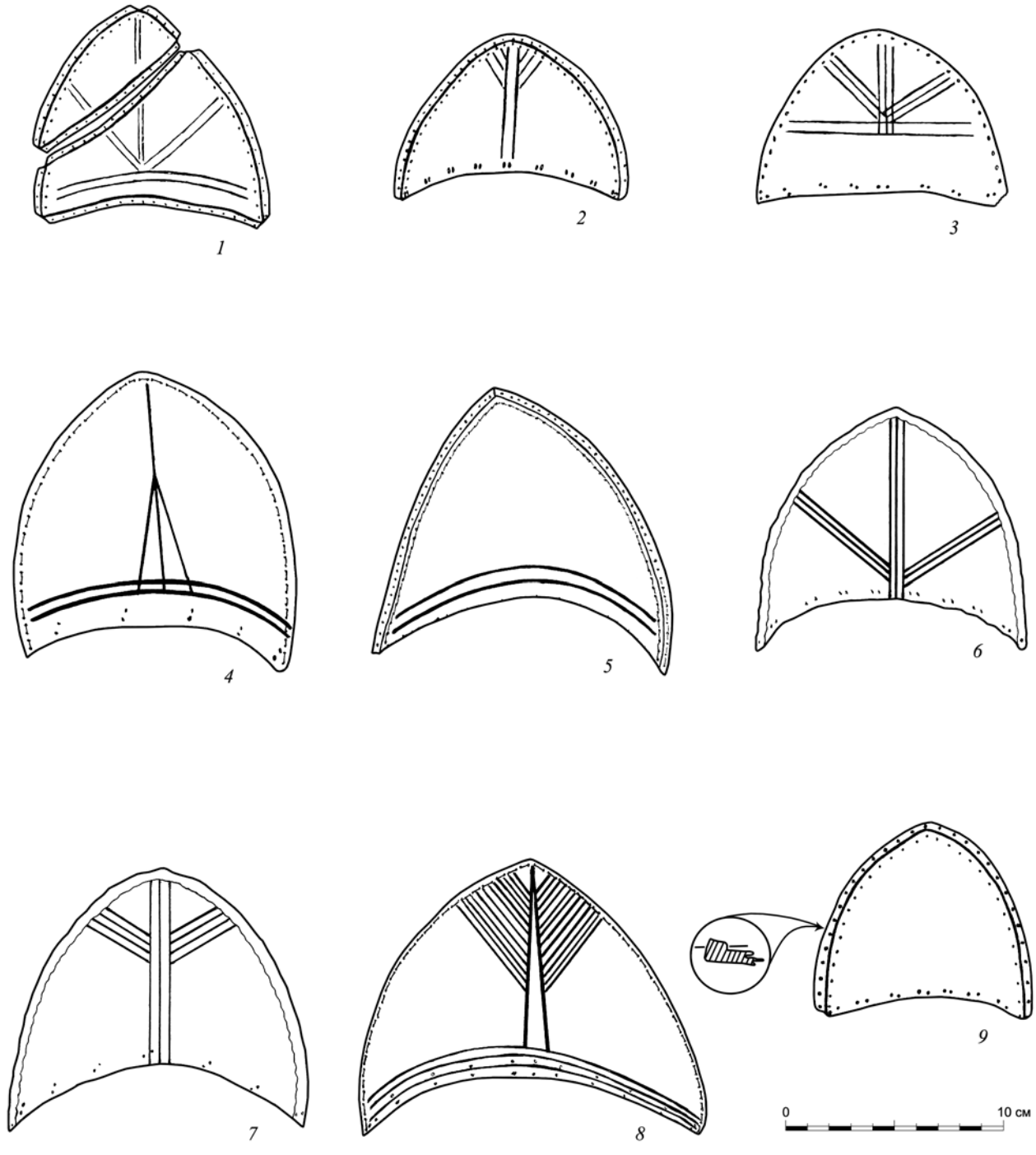


Рис. 13. Детальнокроеные поршни. Второй вариант. Вставки

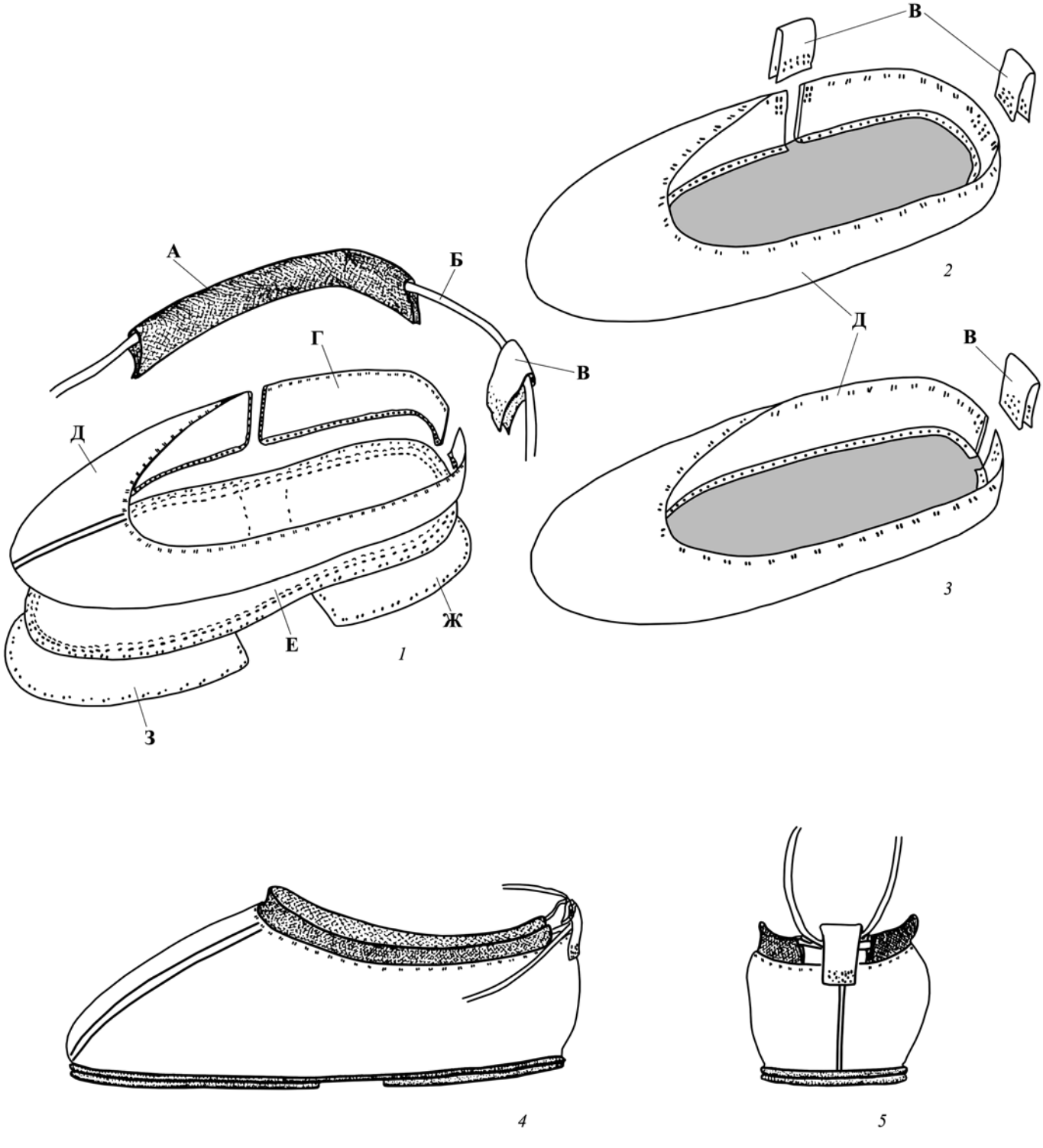


Рис. 14. Детальнокроеная обувь без каблука. Схема сборки и вид в сборе. Модель первого варианта.
1 – конструкция и схема сборки (А – тканый опушень; Б – обора; В – петля; Г – подкроенная боковина верха; Д – головка; Е – подошва; Ж – подметка на пятку; З – подметка на носок); *2* – с асимметричными крыльями (Д – верх; В – петли); *3* – с симметричным кроем (Д – верх; В – петля); *4* – в собранном состоянии, вид сбоку; *5* – в собранном состоянии, вид сзади

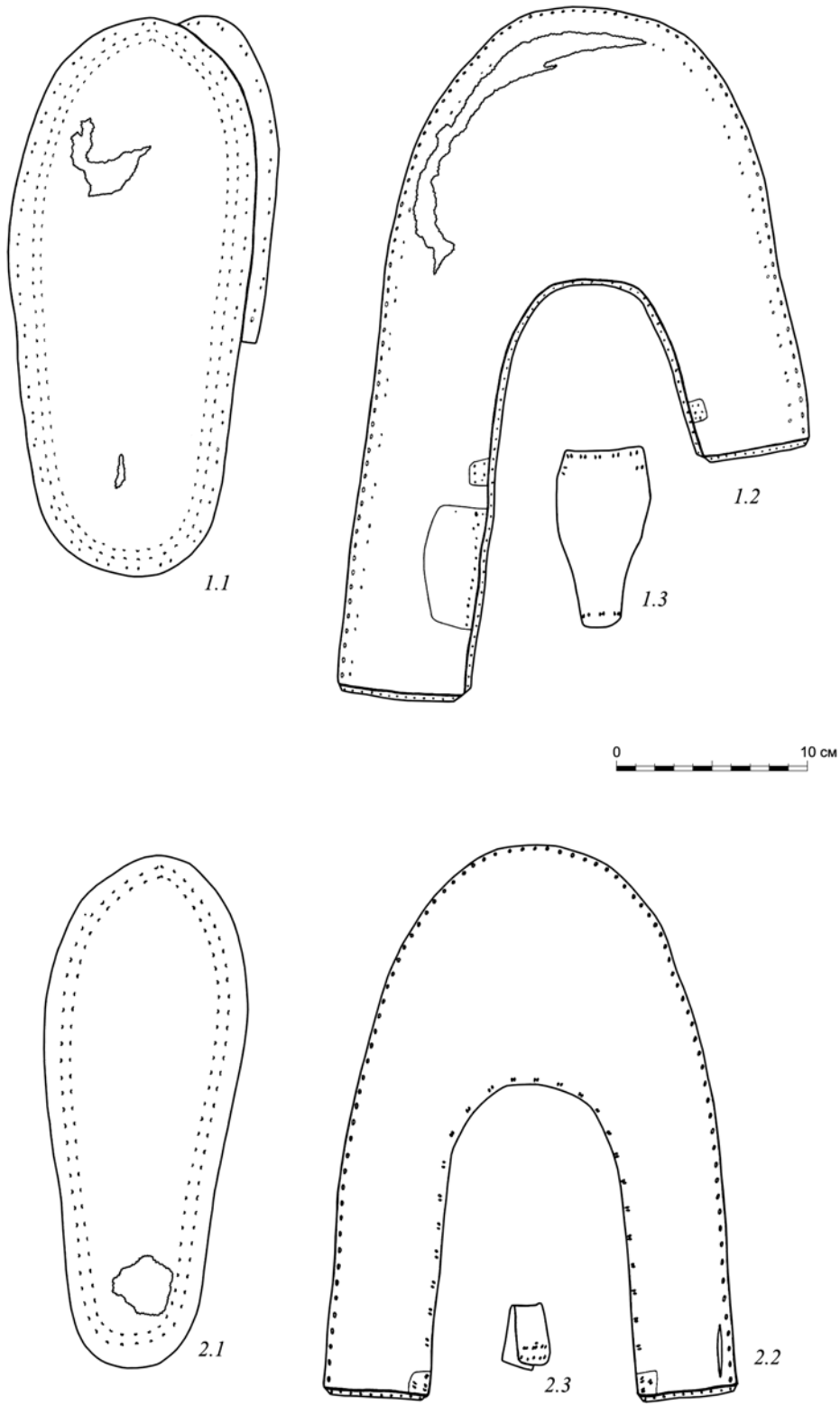


Рис. 15. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки первого варианта.
1.1 – подошва с подметкой; *1.2* – головка с асимметричными крыльями; *1.3* – петля;
2.1 – подошва; *2.2* – головка с симметричными крыльями; *2.3* – петля

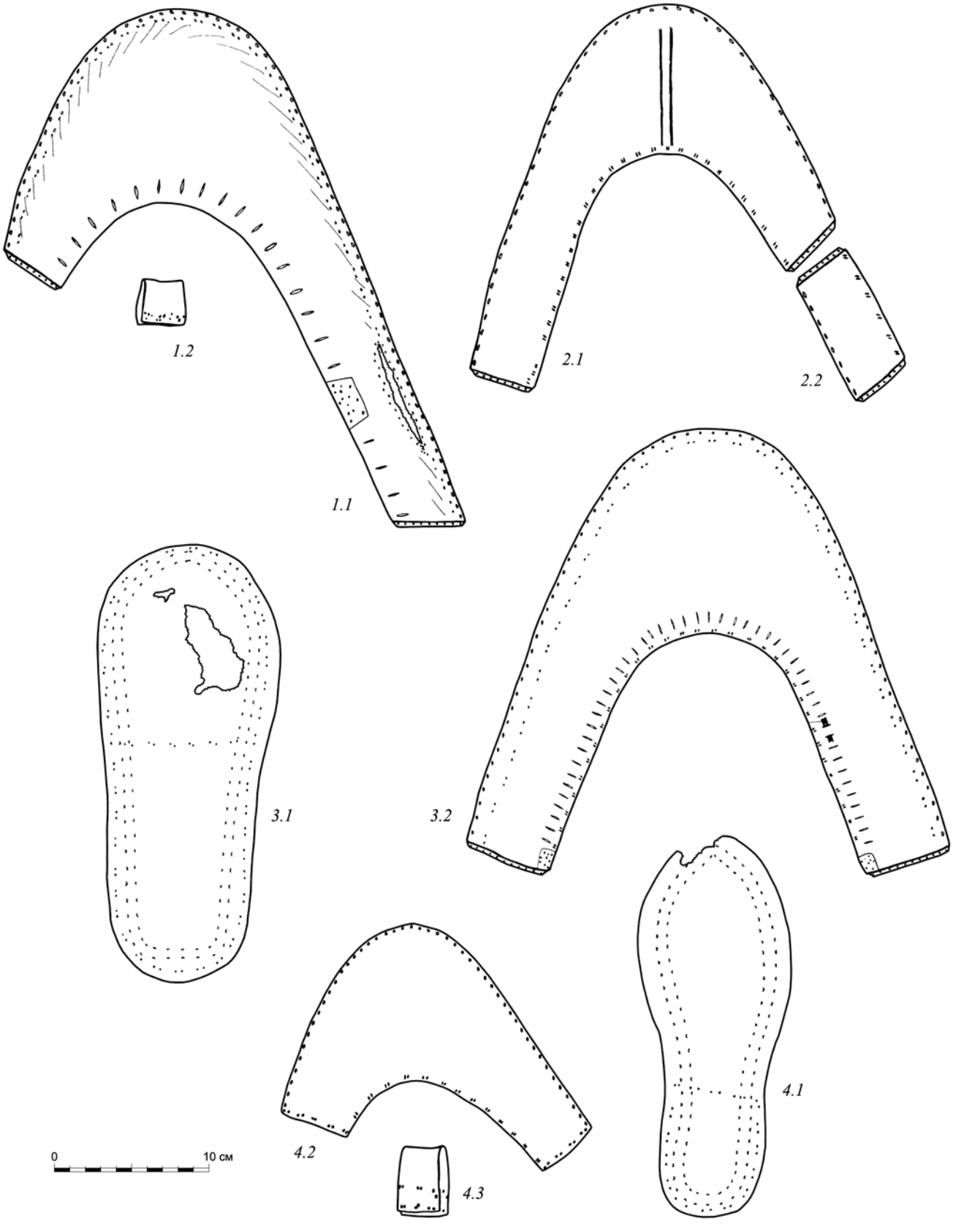


Рис. 16. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки первого варианта.
1.1 – головка с асимметричными крыльями; *1.2* – петля; *2.1* – головка с асимметричными крыльями; *2.2* – петля; *3.1* – подошва; *3.2* – головка с симметричными крыльями; *4.1* – подошва; *4.2* – головка с симметричными крыльями; *4.3* – петля

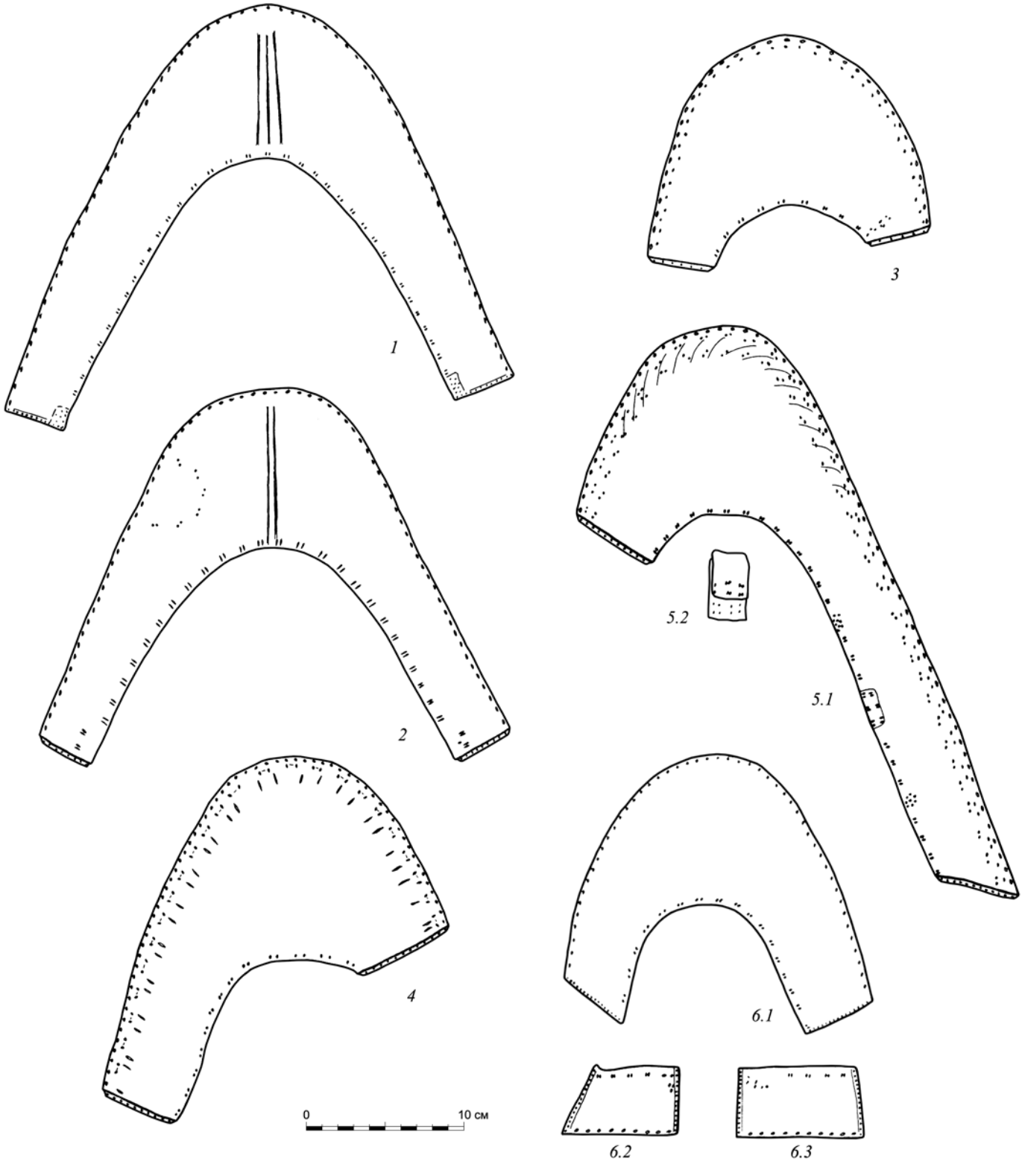


Рис. 17. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки первого варианта.
1, 2, 6.1 – головки с симметричными крыльями; *3, 4, 5.1* – головки с асимметричными крыльями;
5.2 – петля; *6.2, 6.3* – подкроенные детали крыльев

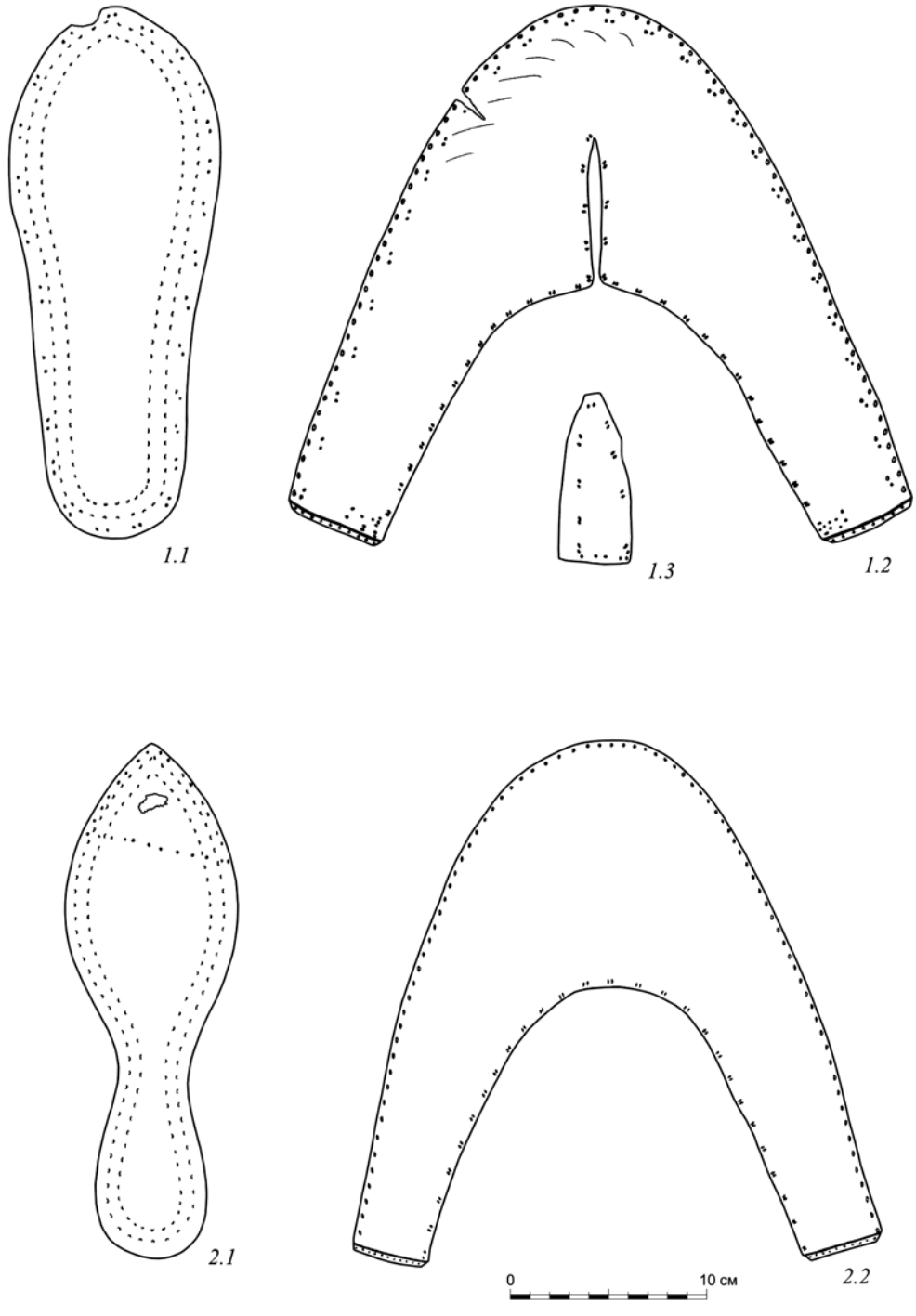


Рис. 18. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки первого варианта.
1.1 – подошва; *1.2* – головка с симметричными крыльями и разрезом; *1.3* – нашивная деталь на разрез головки;
2.1 – грушевидная подошва; *2.2* – головка с симметричными крыльями

Рис. 19. Детальнокроеная обувь без каблука. Первый вариант

Рис. 20. Детальнокроеная обувь без каблука. Первый вариант

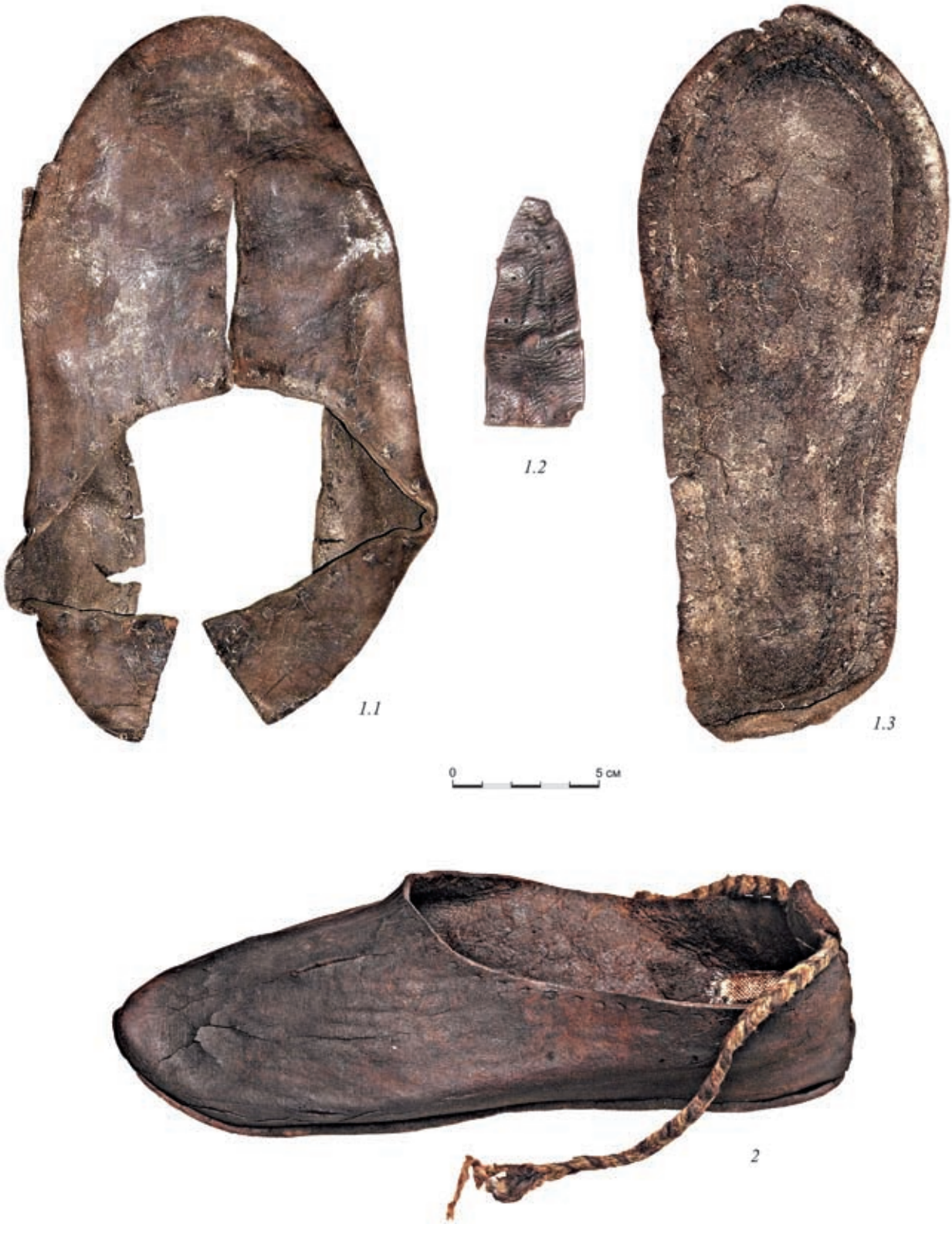


Рис. 21. Детальнокроеная обувь без каблука. Первый вариант
(*2* – изделие после реставрации)

Рис. 22. Детальнокроеная обувь без каблука. Первый вариант
(*1.4* – изделие в сборе)

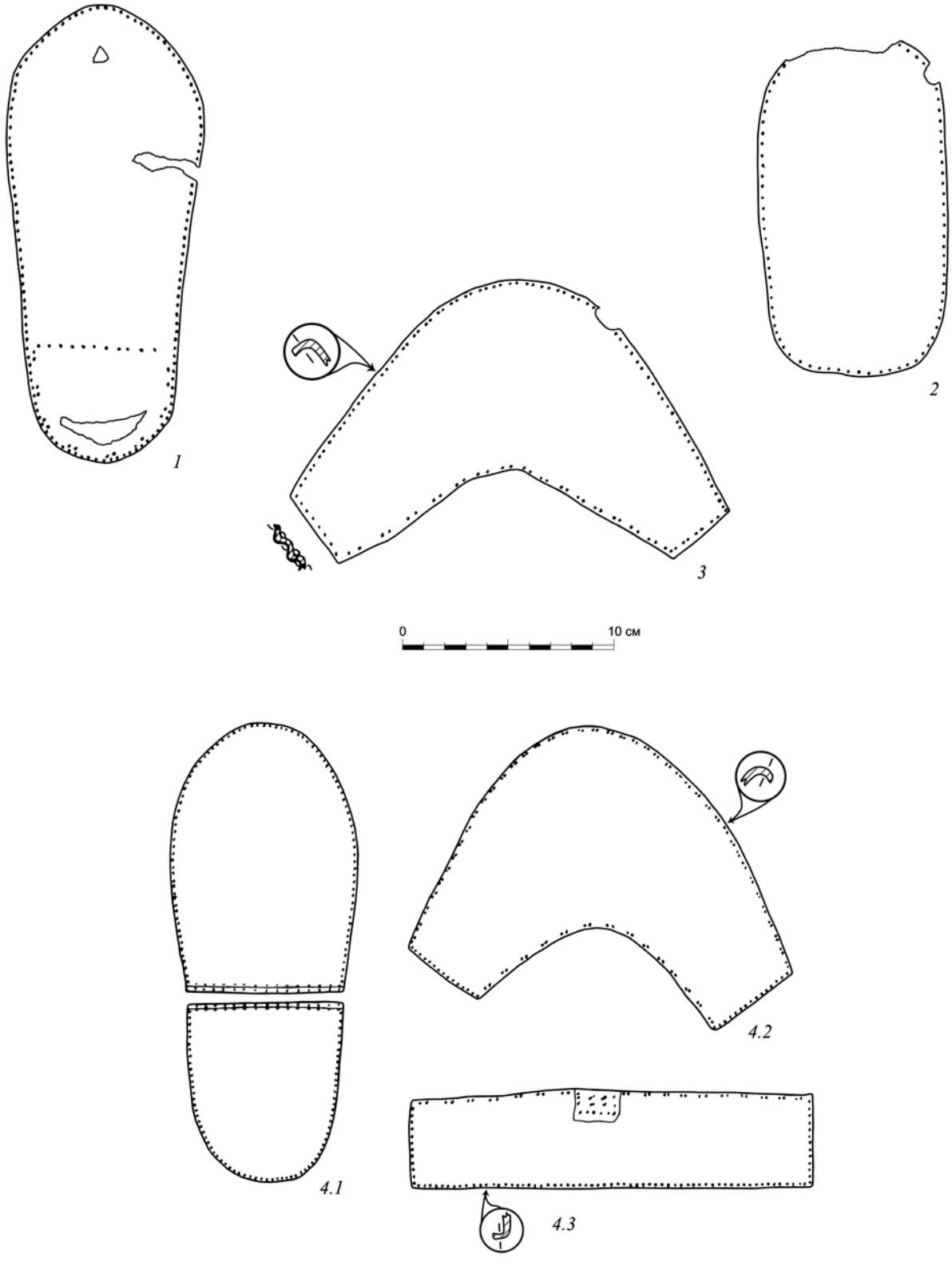


Рис. 23. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки второго варианта.
1, 2 – подошвы со сквозным «сандальным» швом; *3* – головка; *4.1* – двухдетальная подошва; *4.2* – головка; *4.3* – подкроенная деталь верха

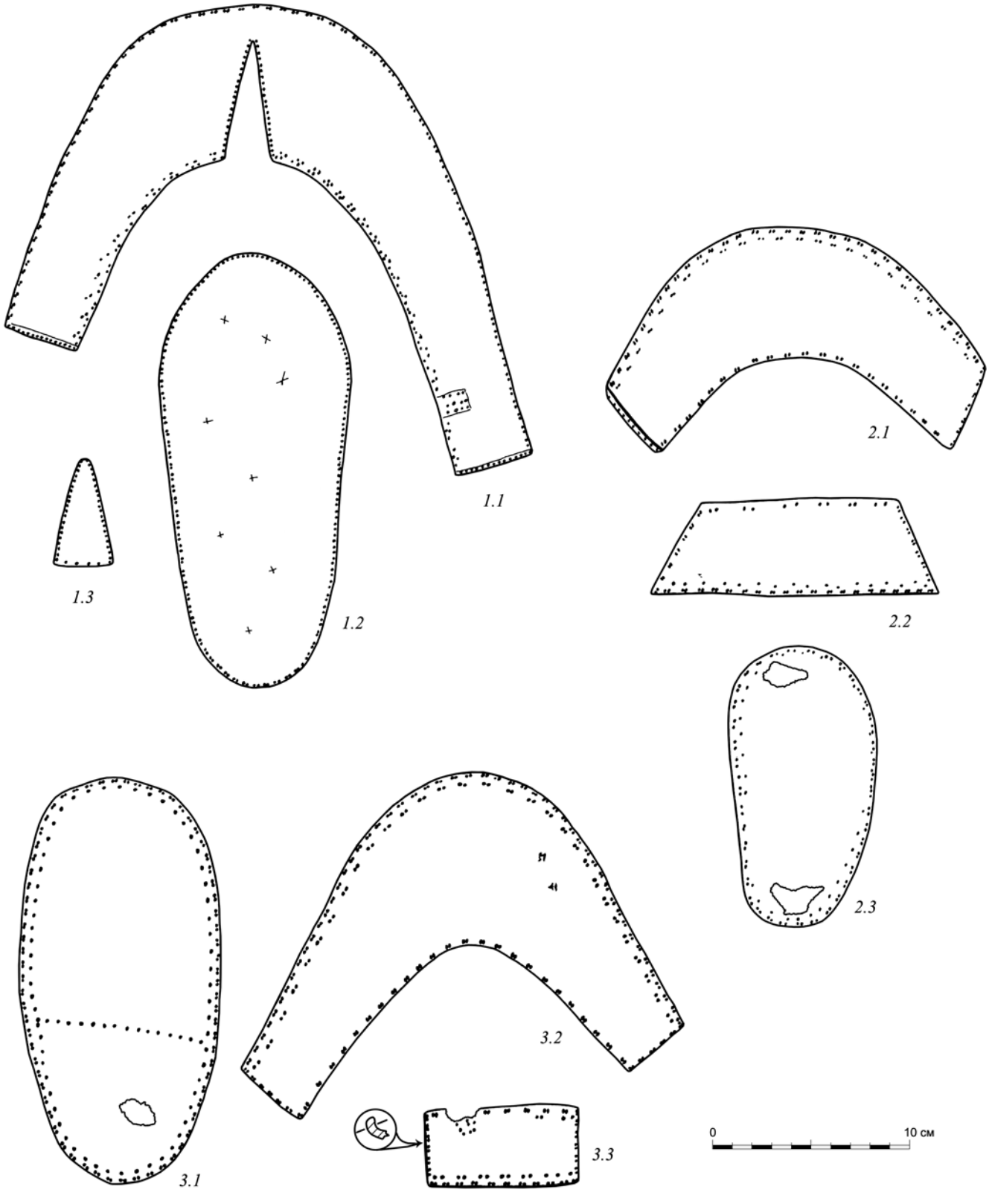


Рис. 24. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки второго варианта.
1.1 – головка с асимметричными крыльями и разрезом на подъеме; *1.2* – подошва с «сандальным» швом;
1.3 – нашивная деталь головки; *2.1* – головка; *2.2* – подкроенная деталь верха; *2.3* – подошва с «сандальным» швом;
3.1 – подошва; *3.2* – головка; *3.3* – подкроенная деталь верха

Рис. 25. Детальнокроеная обувь без каблука. Второй вариант

Рис. 26. Детальнокроеная обувь без каблука (детская). Второй вариант

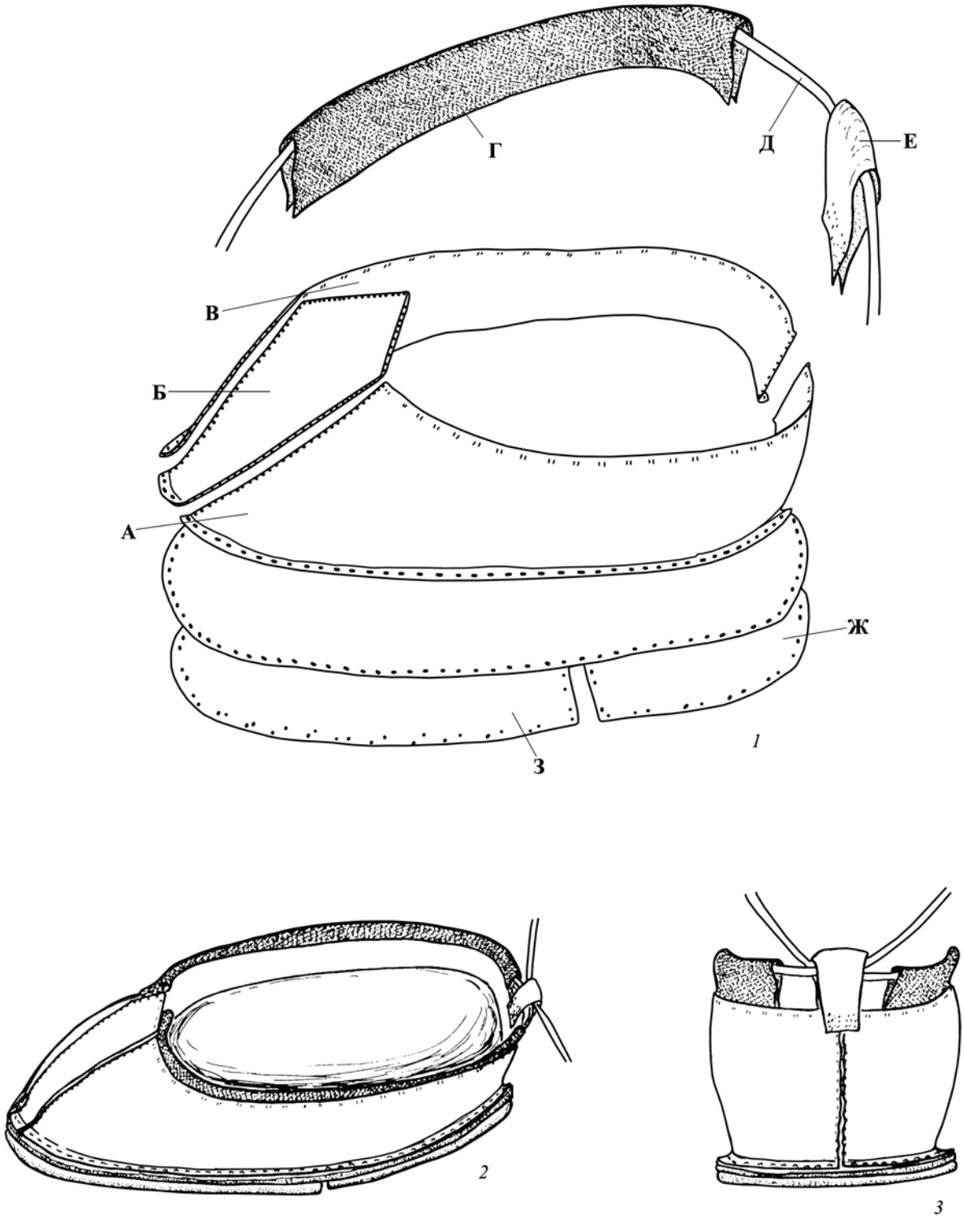


Рис. 27. Детальнокроеная обувь без каблука. Модель третьего варианта.
1 – конструкция и схема сборки. А, В – крылья верха; Б – вставка в перед верха; Г – тканый опушень; Д – обора; Е – петля; Ж, З – детали подметки; *2* – общий вид в сшитом состоянии; *3* – вид сзади в сшитом состоянии

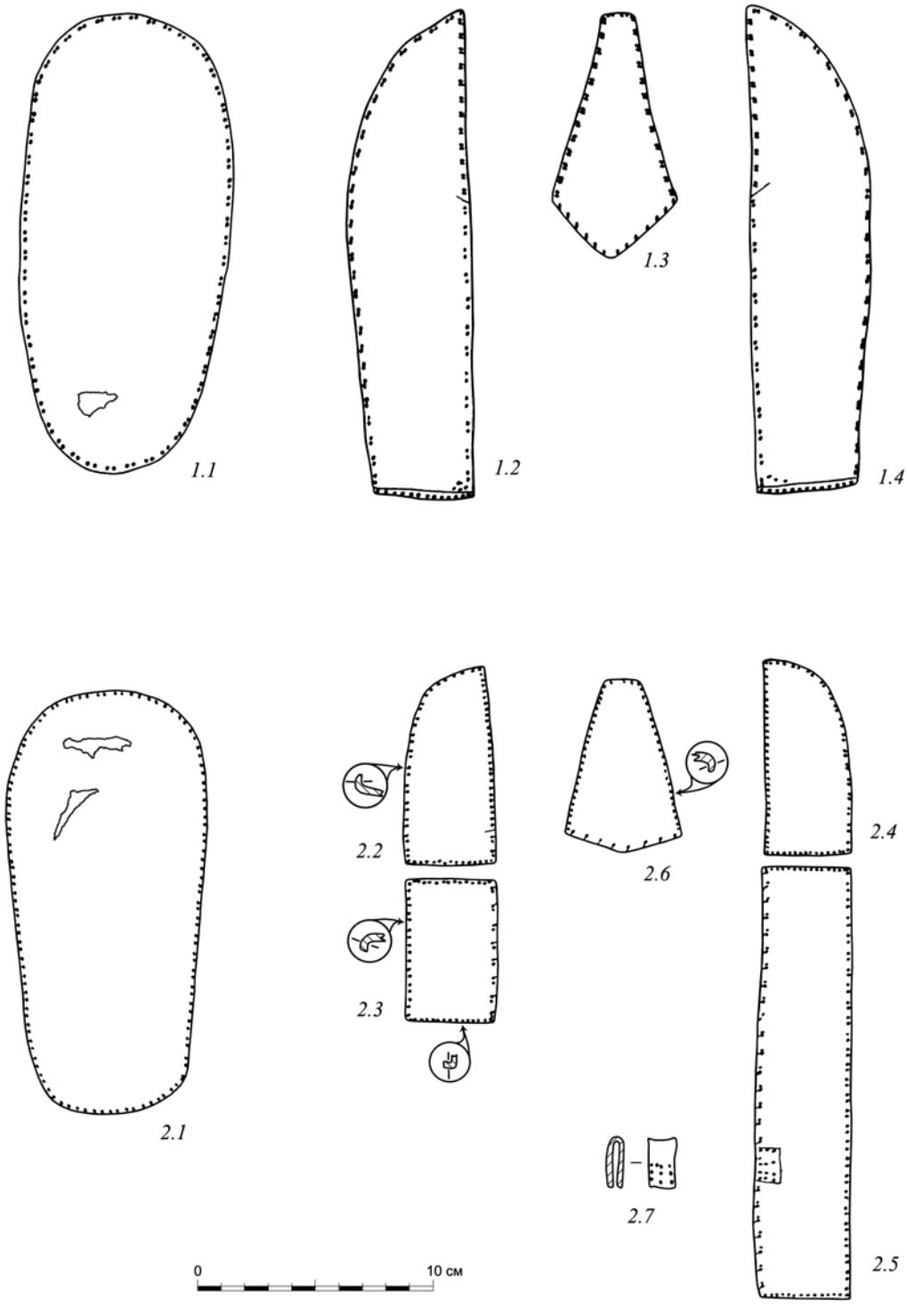


Рис. 28. Детальнокроеная обувь без каблука. Раскройки «целых» экземпляров третьего варианта.
1.1 – подошва; *1.2, 1.4* – крылья верха; *1.3* – вставка в перед верха; *2.1* – подошва;
2.2–2.5 – детальнокроеные крылья верха; *2.6* – вставка в перед верха; *2.7* – петля

Рис. 29. Детальнокроеная обувь без каблука.
Третий вариант
(*5* – изделие после реставрации)

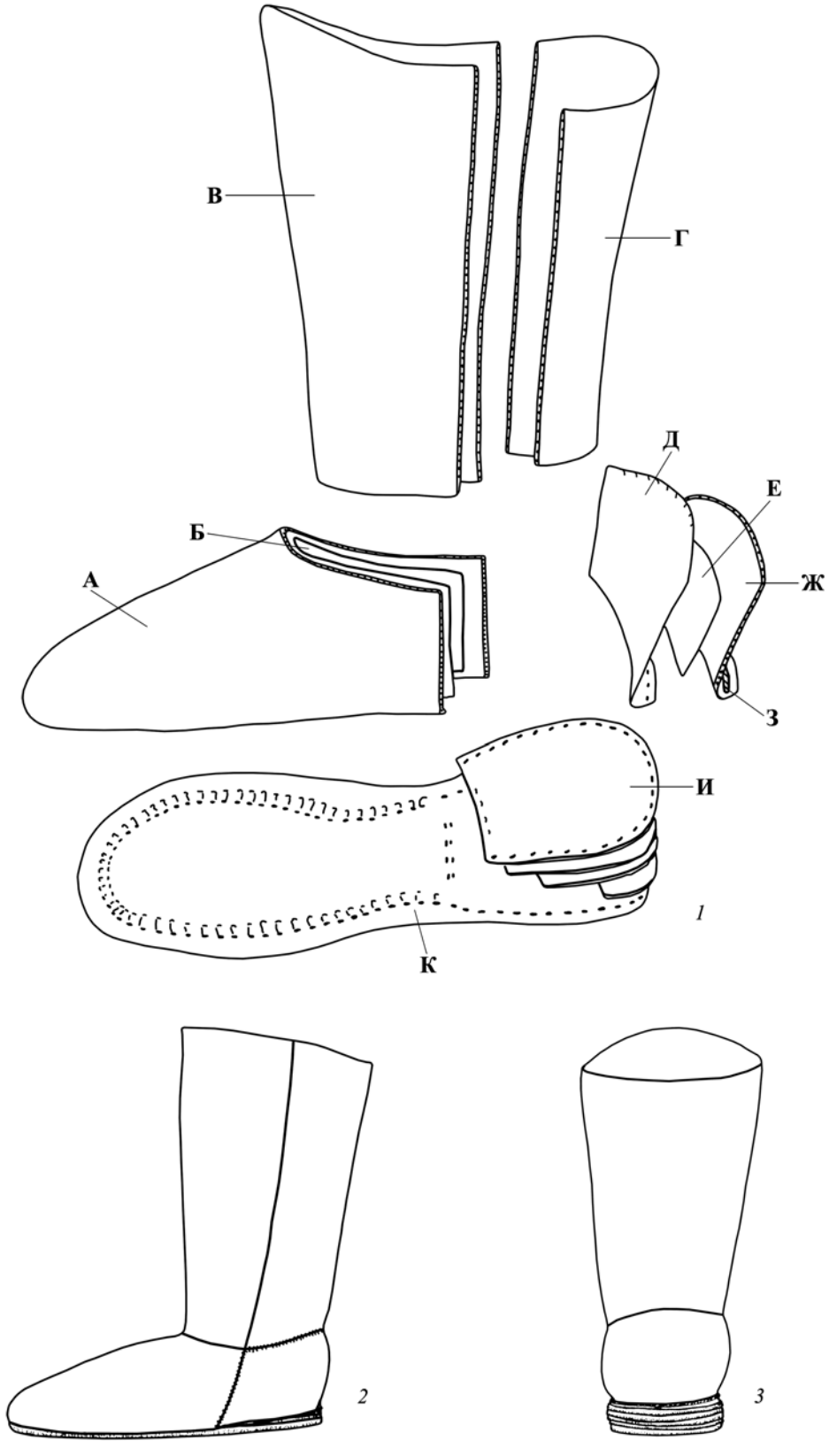


Рис. 30. Обувь с низким каблуком. *1* – конструкция сапога (А – головка; Б – цельный поднаряд головки; В – передняя половина голенища; Г – задняя половина голенища; Д – внутренняя деталь кармана задника; Ж – наружная деталь кармана задника; Е – вкладка в карман задника; З – проволочный кант на сгибе задника; И – наборный каблук; К – подошва); *2* – сапог в сшитом состоянии, вид сбоку; *3* – сапог в сшитом состоянии, вид сзади

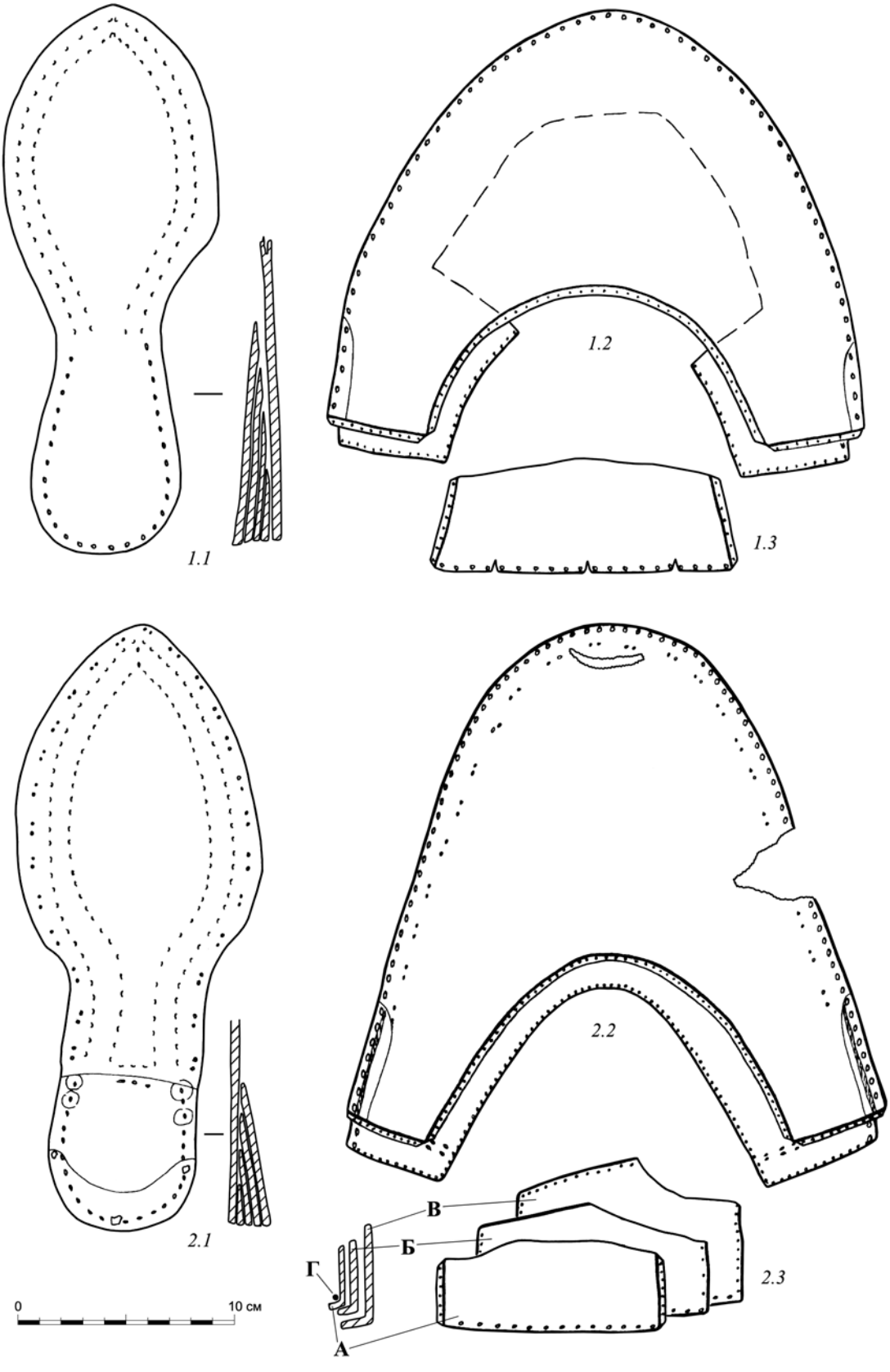


Рис. 31. Обувь с низким каблуком. Раскройки деталей целых экземпляров.
1.1 – подошва с наборным каблуком; *1.2* – головка с цельнокроеным поднарядом; *1.3* – наружная деталь задника;
2.1 – подошва с наборным каблуком; *2.2* – головка с цельным поднарядом;
2.3 – детали задника (А – наружная; Б – вкладыш; В – внутренняя; Г – проволочный кант на шве задника)

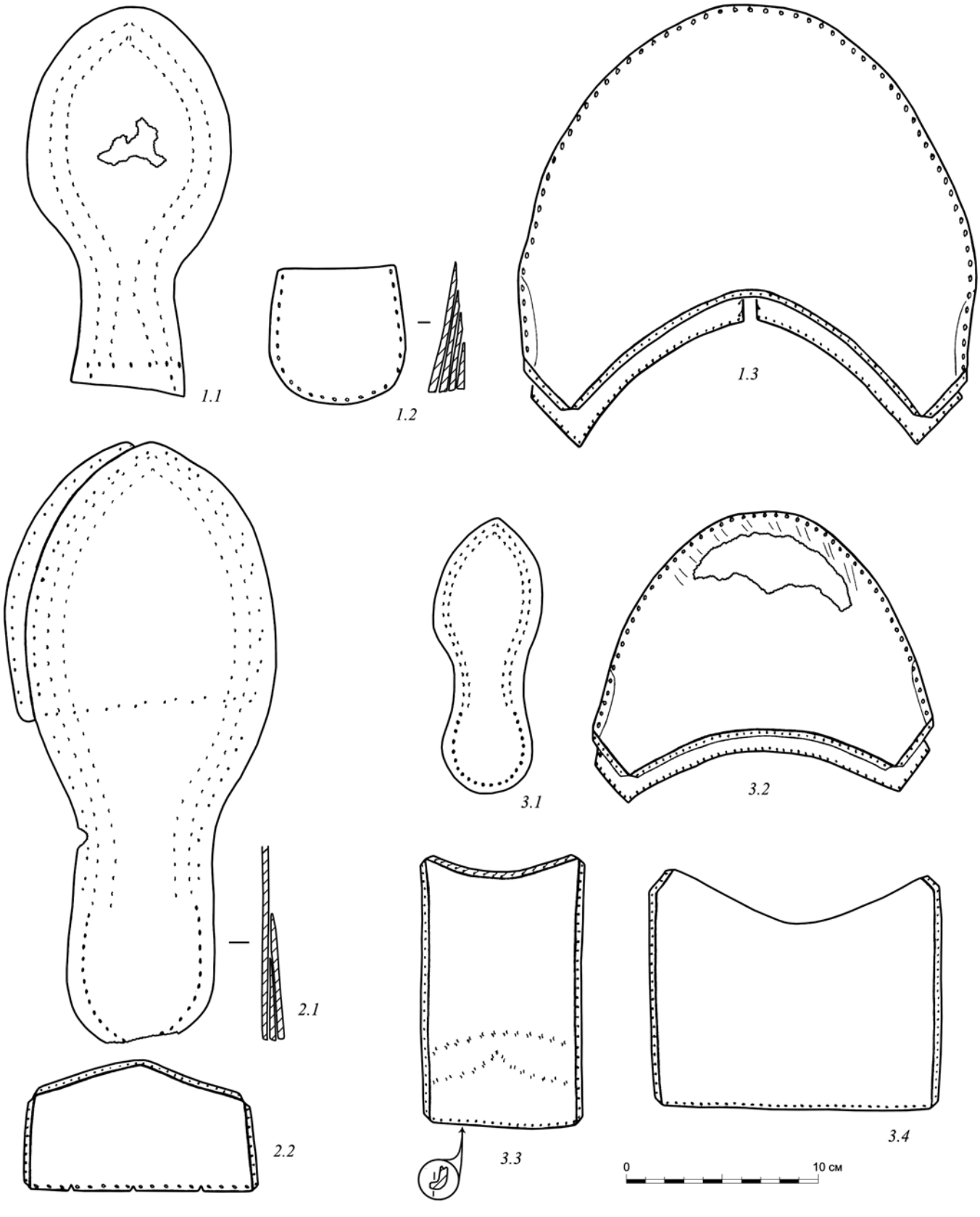


Рис. 32. Обувь с низким каблуком. Раскройки деталей «целых» экземпляров.
1.1 – передняя часть подошвы; *1.2* – обрезанная задняя часть подошвы с фликами наборного каблука; *1.3* – головка с двухчастным поднарядом; *2.1* – подошва с фликами каблука и подметкой; *2.2* – деталь задника; *3* – детский сапог: *3.1* – подошва; *3.2* – головка с цельным поднарядом; *3.3* – задняя половина голенища; *3.4* – передняя половина голенища

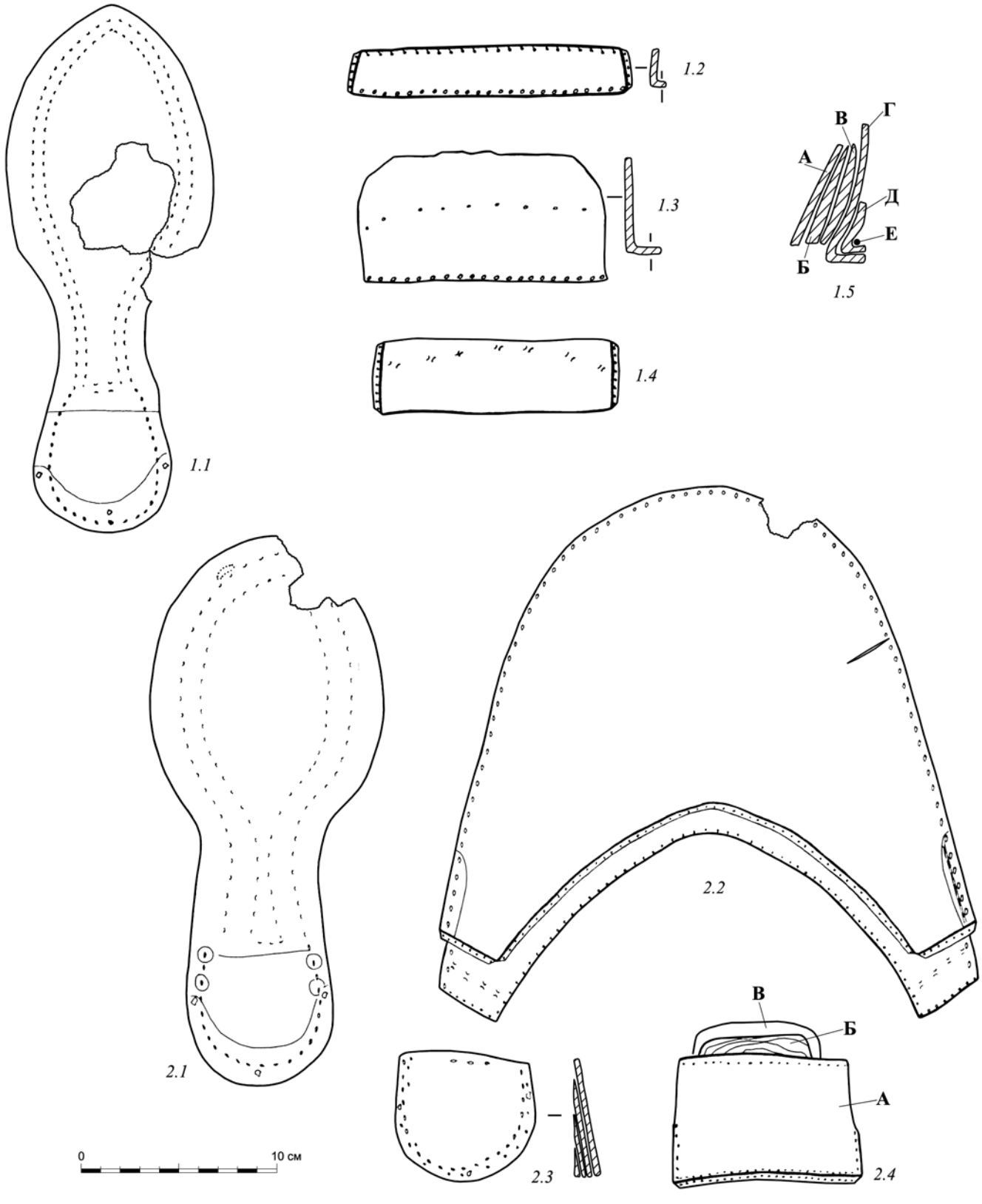


Рис. 33. Обувь с низким каблуком. Раскройки деталей «целых» экземпляров.
1.1 – подошва; *1.2–1.4* – детали задника; *1.5* – схема конструкции задника в разрезе (А – внутренняя деталь; Б – берестяной вкладыш; В – кожаный вкладыш; Г – наружная деталь; Д – усилительная накладка на задник; Е – проволочный кант на шве задника); *2.1* – подошва; *2.2* – головка с цельным поднарядом; *2.3* – наборный каблук; *2.4* – задник (А – наружная деталь; Б – берестяной вкладыш; В – внутренняя деталь)

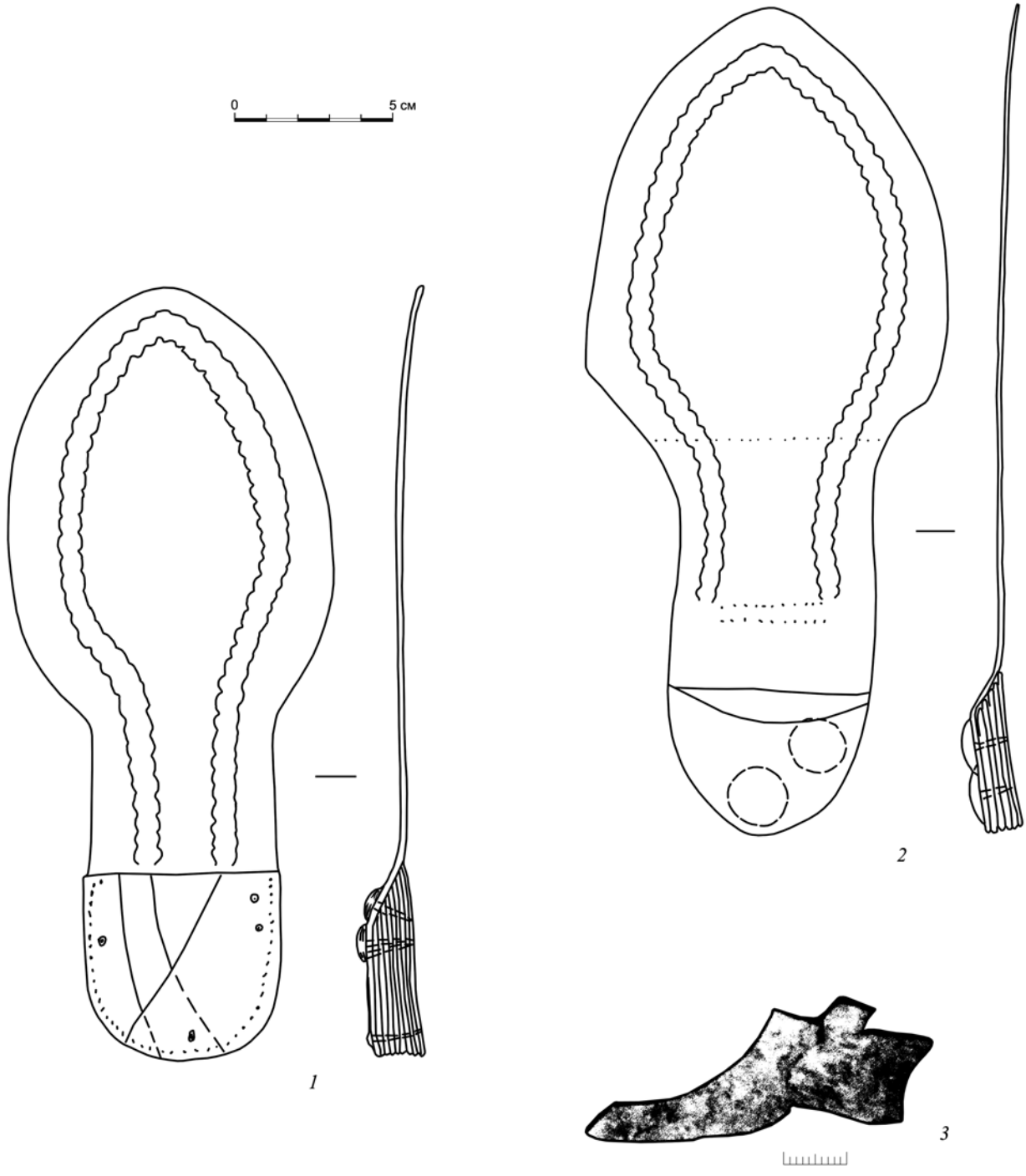


Рис. 34. Обувь с низким каблуком.
1, 2 – подошвы с наборным каблуком, подбитым железными гвоздями;
3 – профильное изображение туфли на низком каблуке. *Береста*

Рис. 35. Обувь с низким каблуком
(*1–5* – детали; *6.1, 6.2* – детали целой туфли)

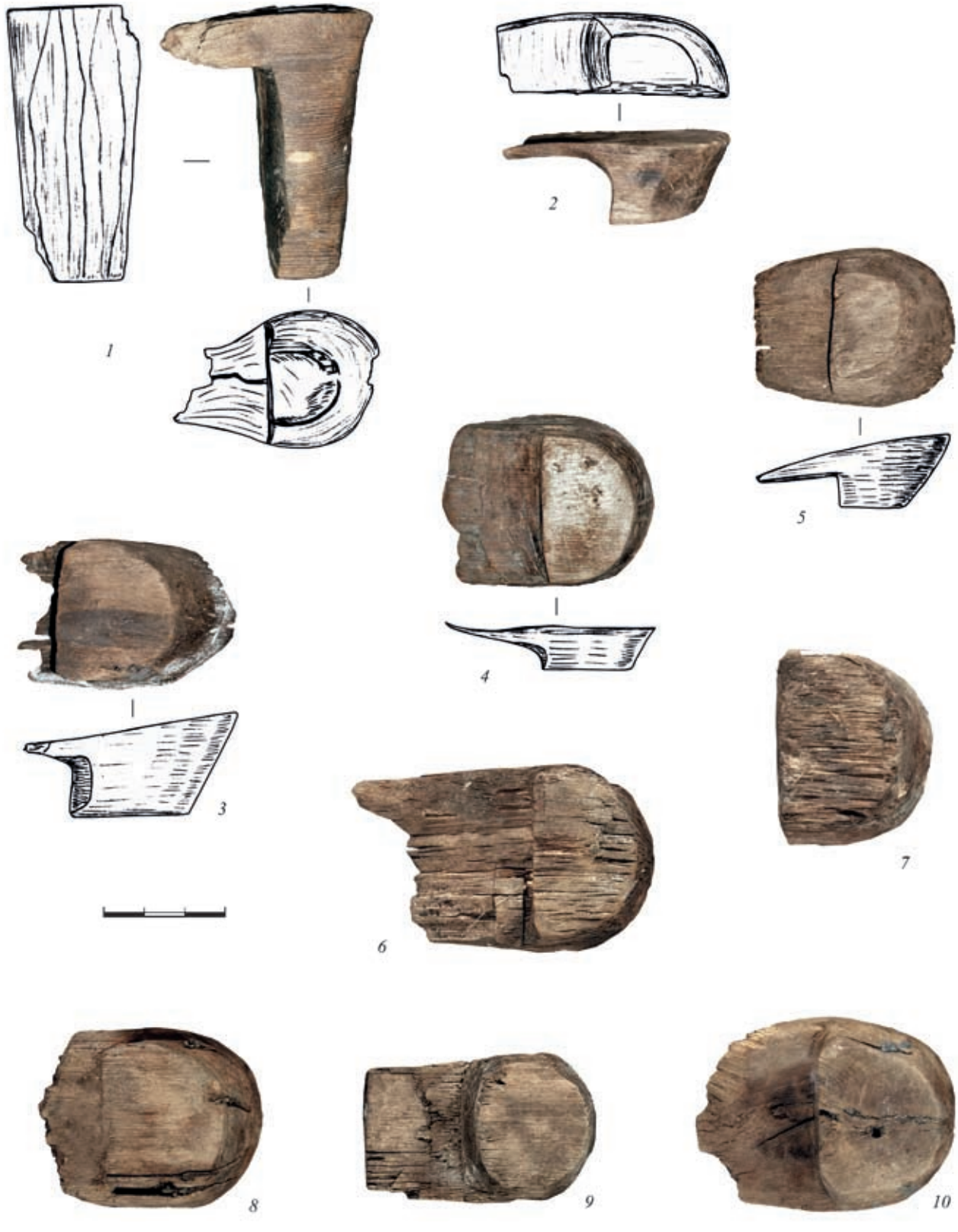


Рис. 36. Деревянные каблуки

Рис. 37. Обувь с низким наборным каблуком. Подошвы

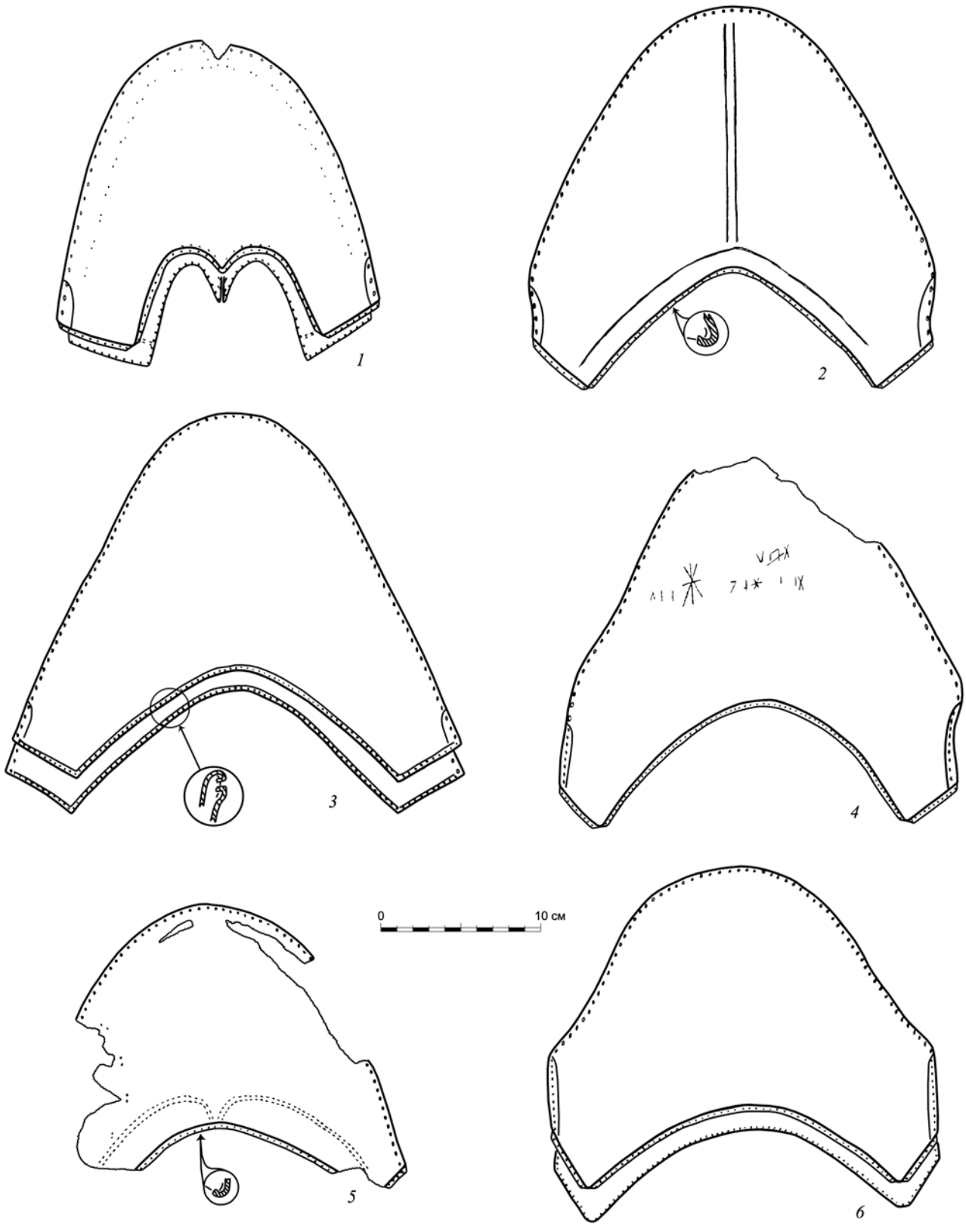


Рис. 38. Обувь с каблуком. Головки:
1 – с язычком и цельным поднарядом; *2* – с дугообразным обрезом верха и линованным орнаментом; *3* – с дугообразным обрезом верха и цельным поднарядом; *4* – с дугообразным обрезом верха и резными значками; *5* – с дугообразным обрезом верха и декоративным швом; *6* – с дугообразным обрезом верха и цельным поднарядом

Рис. 39. Обувь с каблуком. Головки с поднарядами

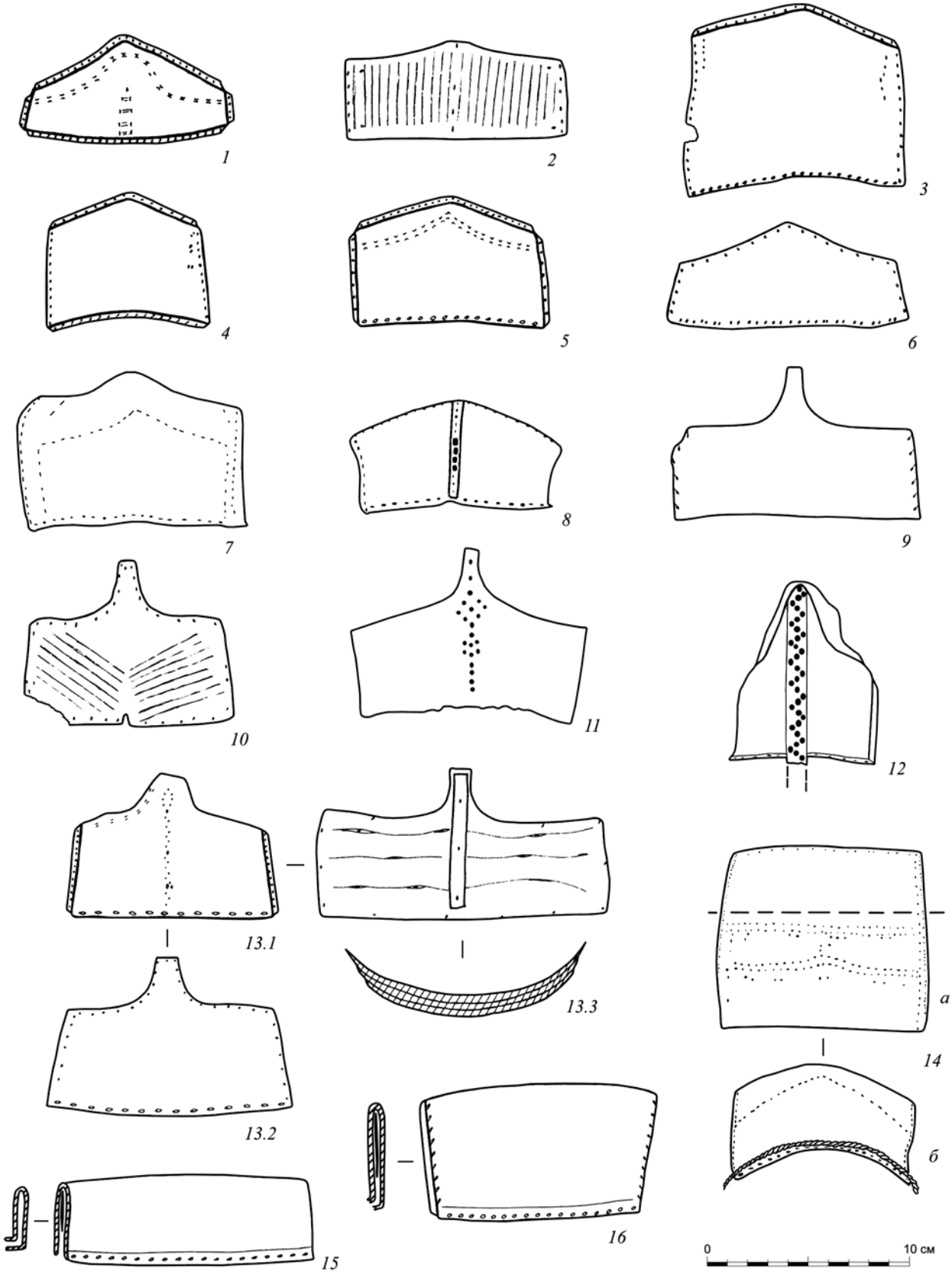


Рис. 40. Обувь с каблуком. Задники:
1–13 – от сапог (*8, 11, 12* – с усилительной вертикальной полоской, прибитой декоративными гвоздиками);
14–16 – от туфель (*14а* – развертка). *13.3 – береста*

Рис. 41. Обувь с каблуком. Задники:
1 – от туфли; *2–6* – от сапог; *7, 8* – берестяные вкладыши

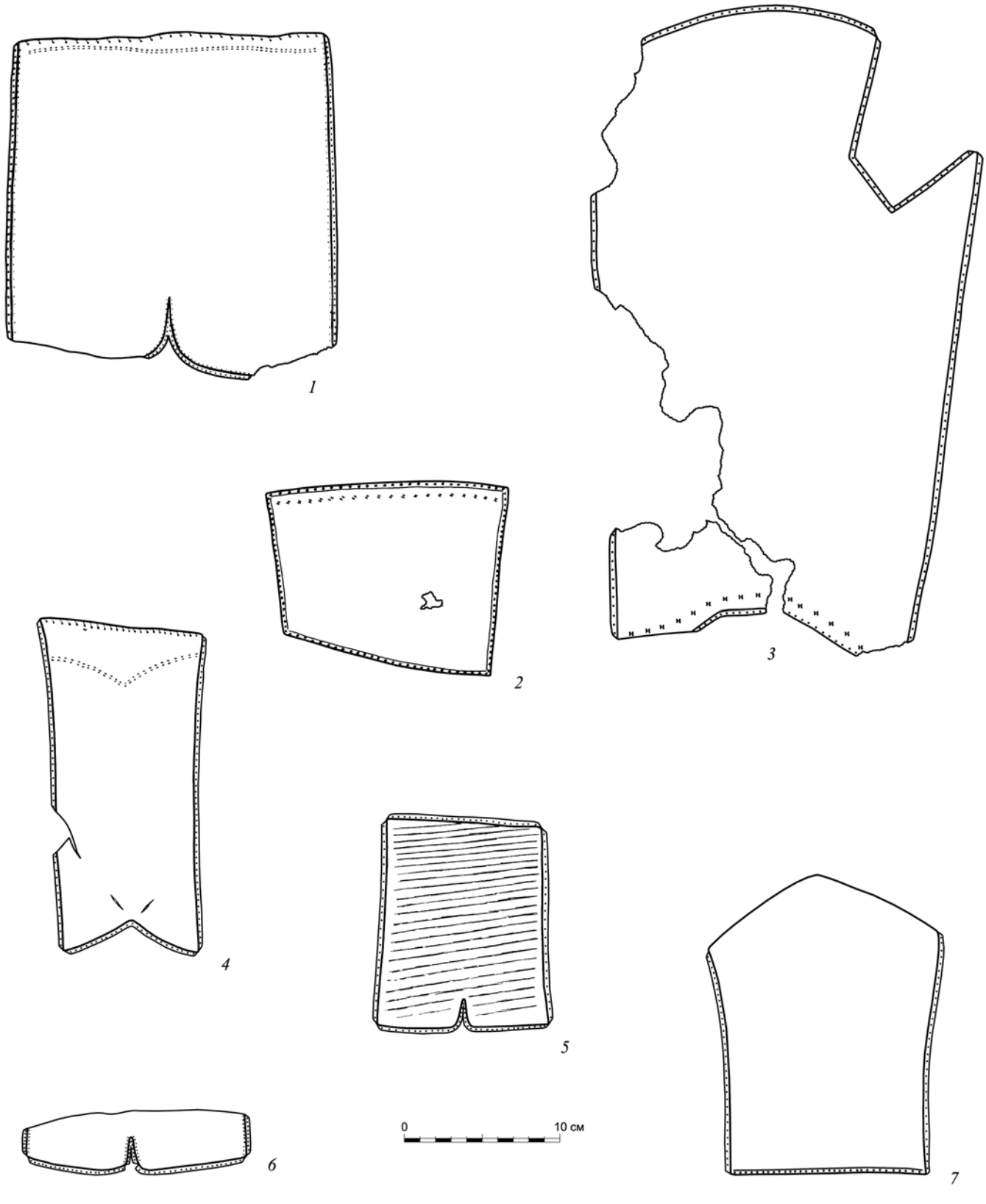


Рис. 42. Обувь с каблуком. Голенища. Передние половины

Рис. 43. Обувь с каблуком. Голенища. Передние половины

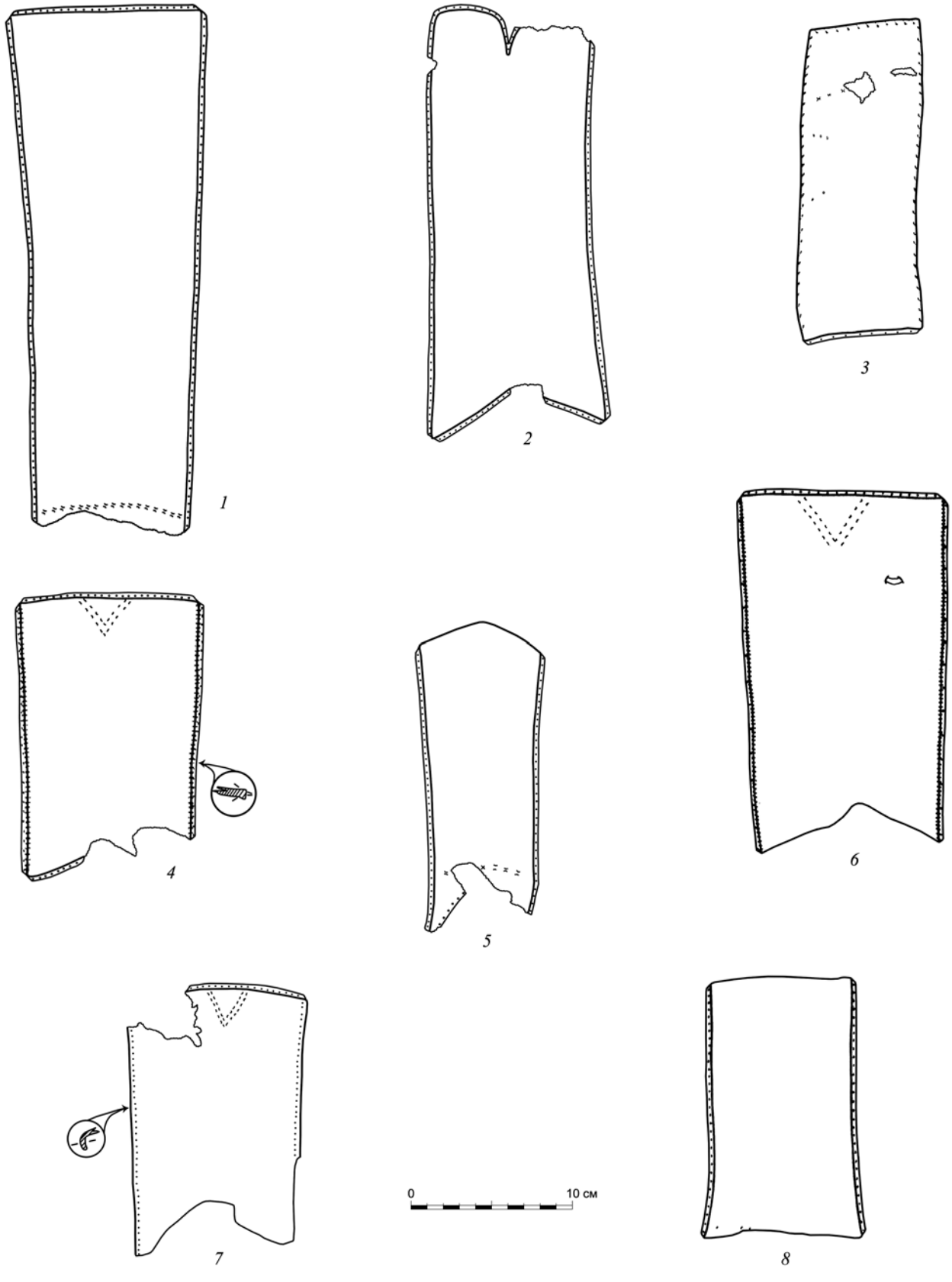


Рис. 44. Обувь с каблуком. Голенища. Задние половины

Рис. 45. Обувь с каблуком. Голенища.
1, 2 – задние половины; *3, 4* – фрагменты верхних частей

Рис. 46. Обувь с низким каблуком. Детские сапожки
(*2.7* – изделие после реставрации)

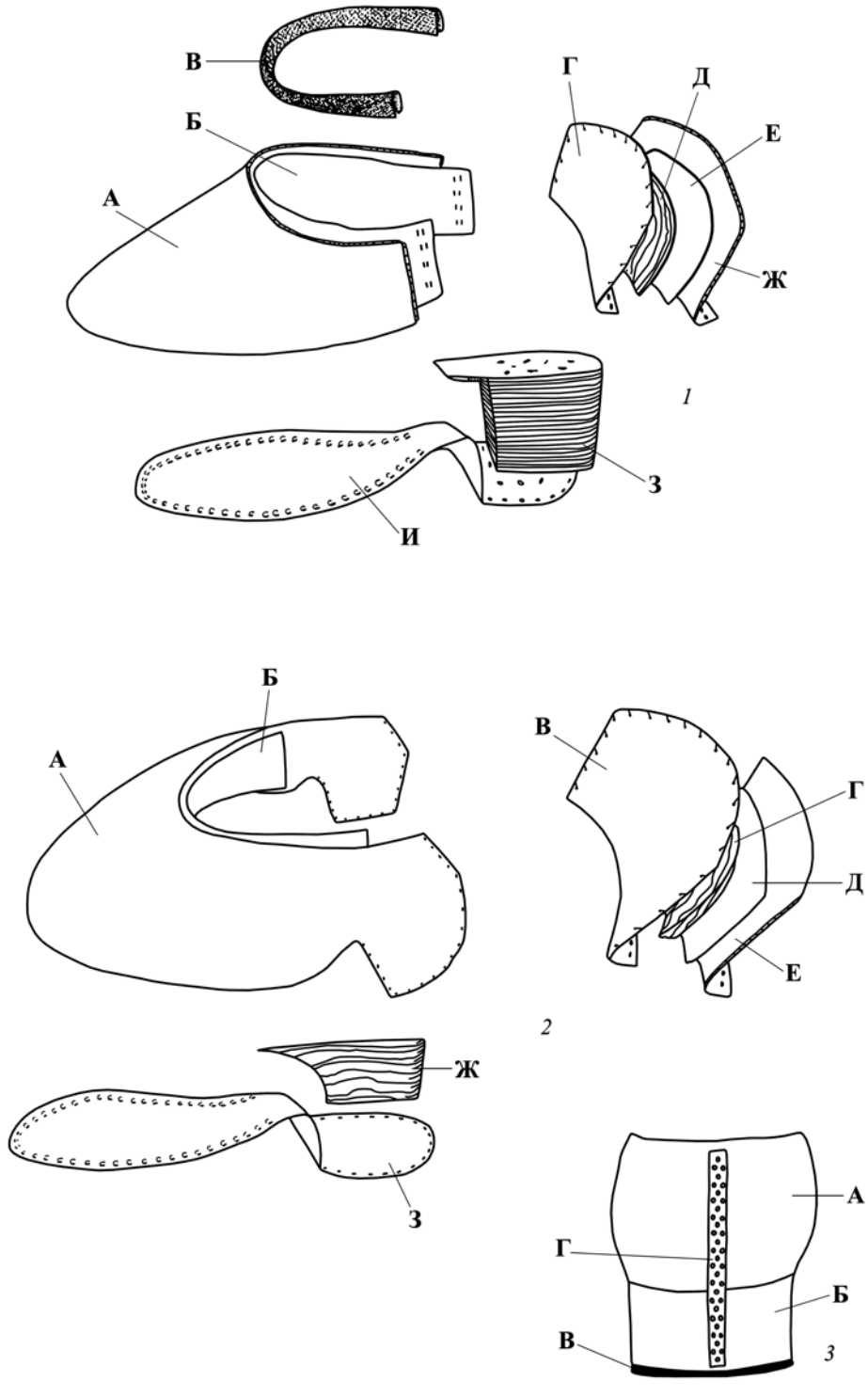


Рис. 47. Обувь с высоким каблуком. Схемы сборки деталей.
1 – с кожаным наборным каблуком (А – головка; Б – поднаряд; В – опушень; Г – внутренняя деталь задника; Д – берестяной вкладыш; Е – кожаный вкладыш; Ж – наружная деталь задника; З – наборный кожаный каблук; И – подошва); *2* – с деревянным каблуком (А – головка; Б – поднаряд; В – внутренняя деталь задника; Г – берестяной вкладыш; Д – кожаный вкладыш; Е – наружная деталь задника; Ж – деревянный каблук; З – подошва с крокулем); *3* – задник и каблук с соединительной пластиной: туфля или нижняя часть сапога в собранном состоянии, вид сзади (А – задник; Б – обтяжка каблука; В – подковка; Г – усилительная полоска, подбитая декоративными гвоздиками)

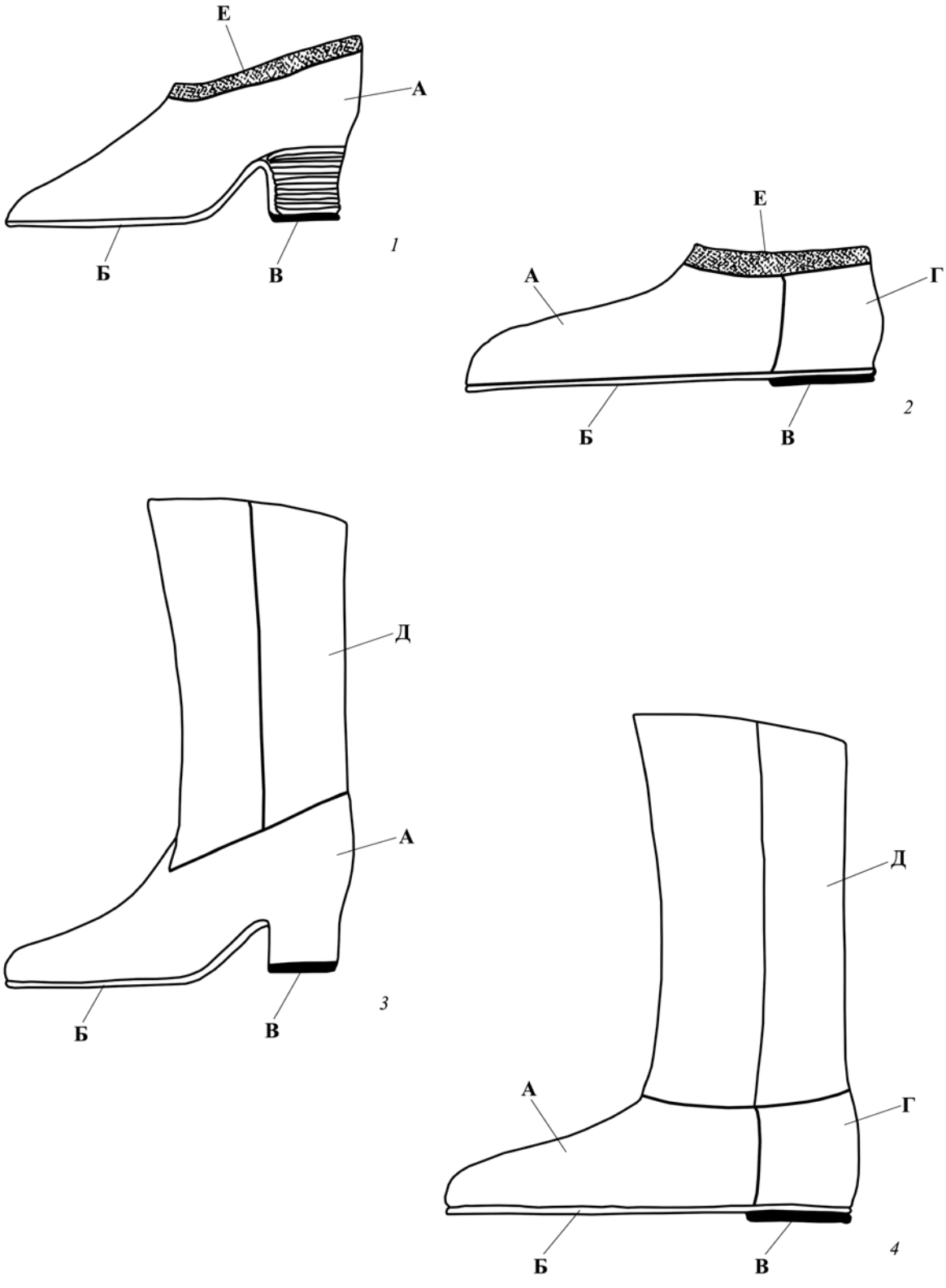


Рис. 48. Обувь с каблуком: *1, 2* – туфли; *3, 4* – сапоги
(А – головка; Б – подошва; В – подковка; Г – задник; Д – голенище; Е – опушень; Ж – наборный каблук)

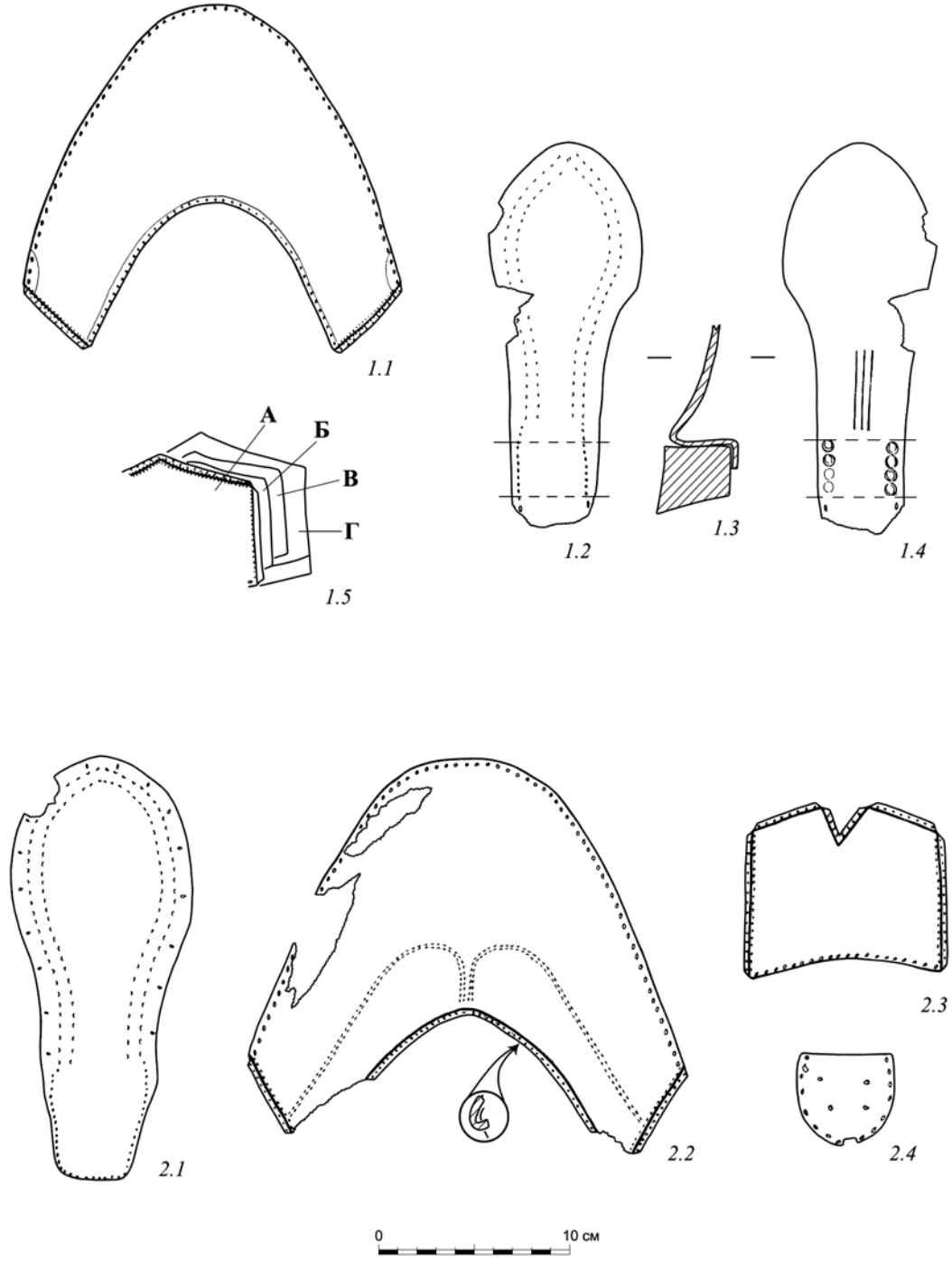


Рис. 49. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с головкой без язычка.
1.1 – головка; *1.2* – подошва с крокулем (вид сверху); *1.3* – фрагмент подошвы с каблуком (вид сбоку); *1.4* – подошва с гвоздями и линованным клеймом (вид снизу); *1.5* – схема сборки задника (А – внутренняя деталь; Б, В – вкладыши; Г – наружная деталь); *2.1* – подошва без пяточной части; *2.2* – головка с декоративным швом; *2.3* – деталь задника; *2.4* – флик наборного каблука с пазом

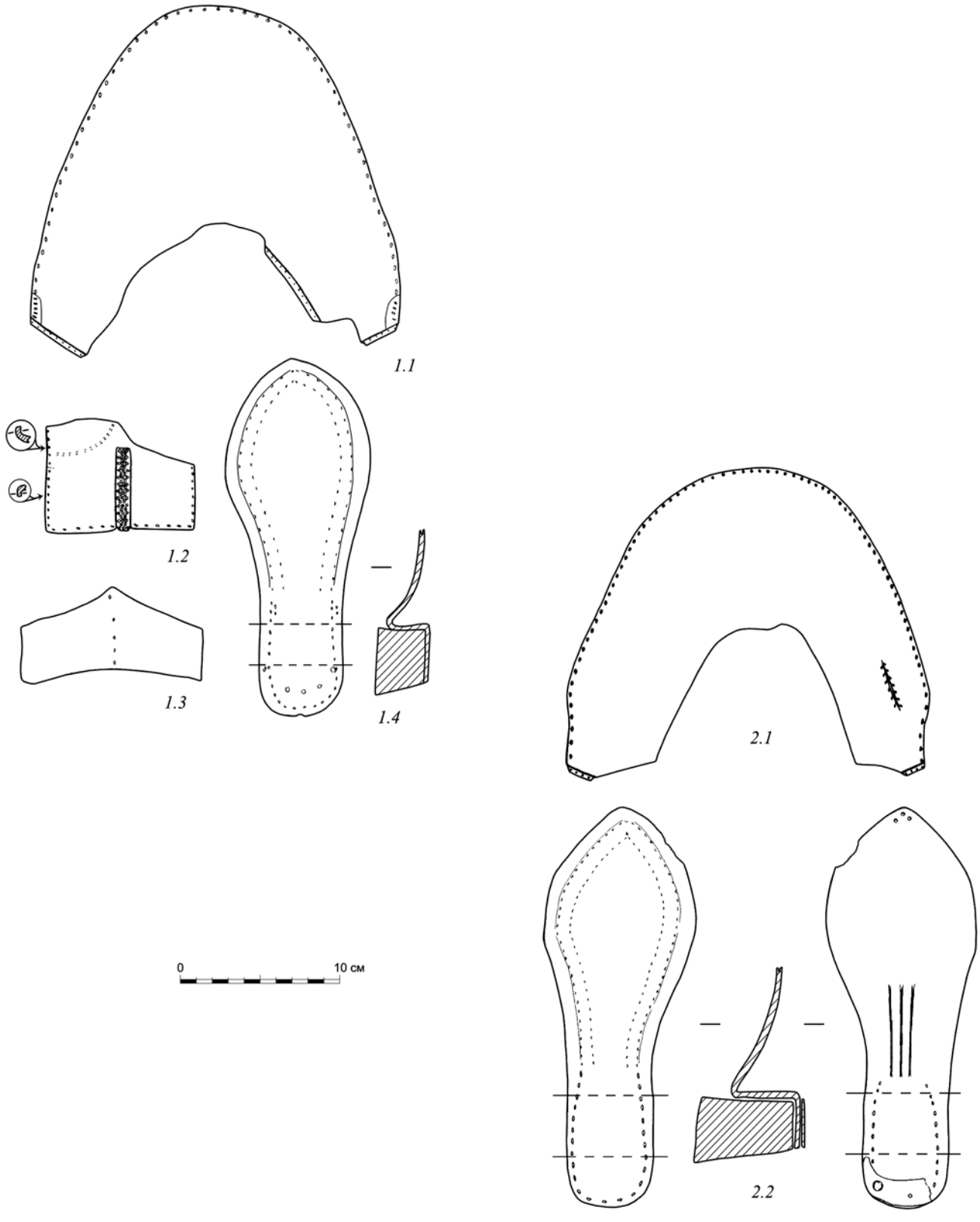


Рис. 50. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с обрезанным верхом головки.
1.1 – головка; *1.2* – задник с усилительной полоской, прибитой декоративными гвоздиками;
1.3 – внутренняя деталь задника; *1.4* – подошва с каблуком;
2.1 – головка; *2.2* – подошва с каблуком (вид сверху, сбоку, снизу)

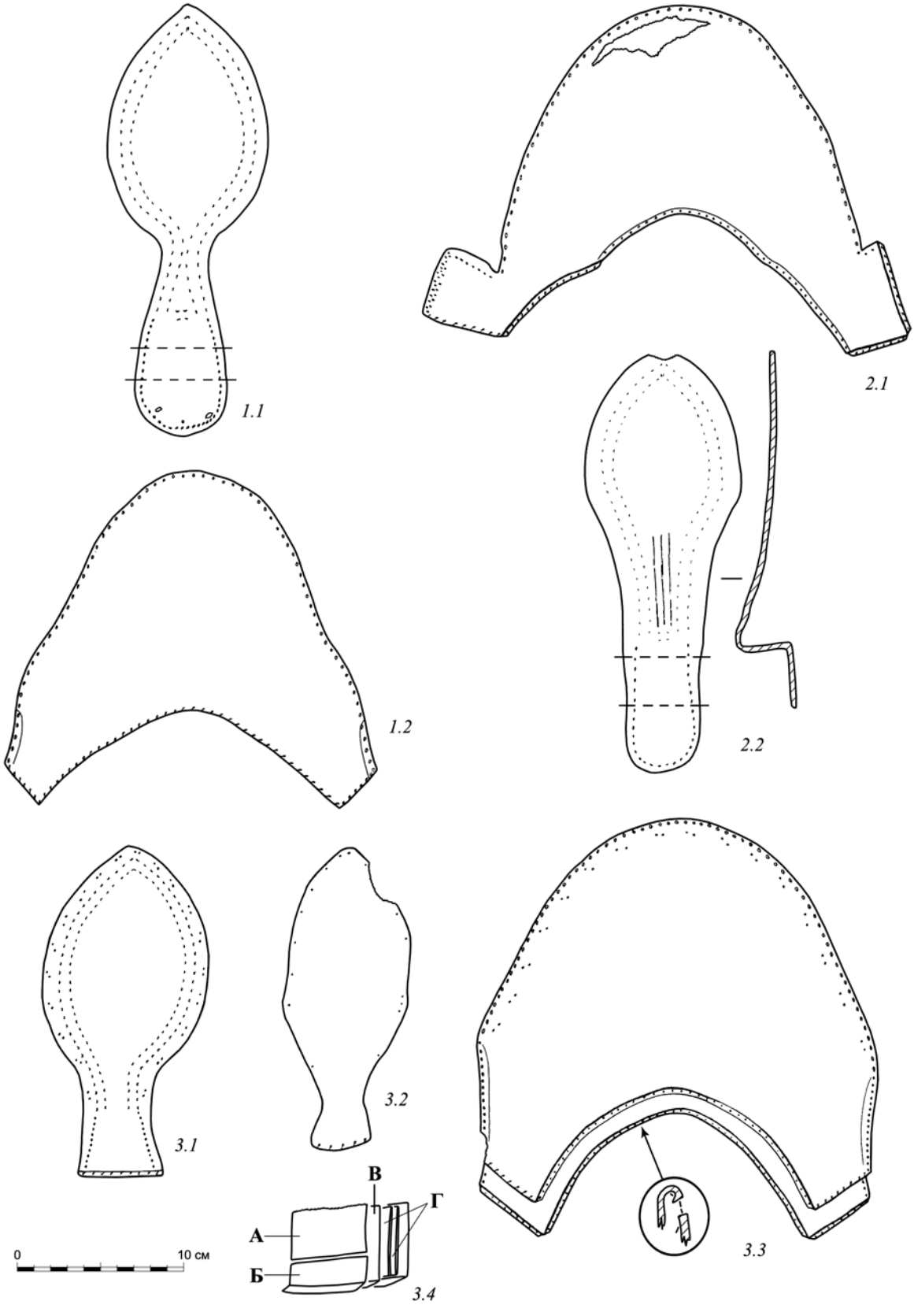


Рис. 51. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с головкой без язычка.
1.1 – подошва (вид сверху); *1.2* – головка; *2.1* – головка с фигурными выступами; *2.2* – подошва (вид снизу);
3.1 – подошва (вид сверху); *3.2* – подметка; *3.3* – головка с цельным поднарядом;
3.4 – задник (А, Б – наружные детали; В – вкладыш; Г – внутренняя деталь)

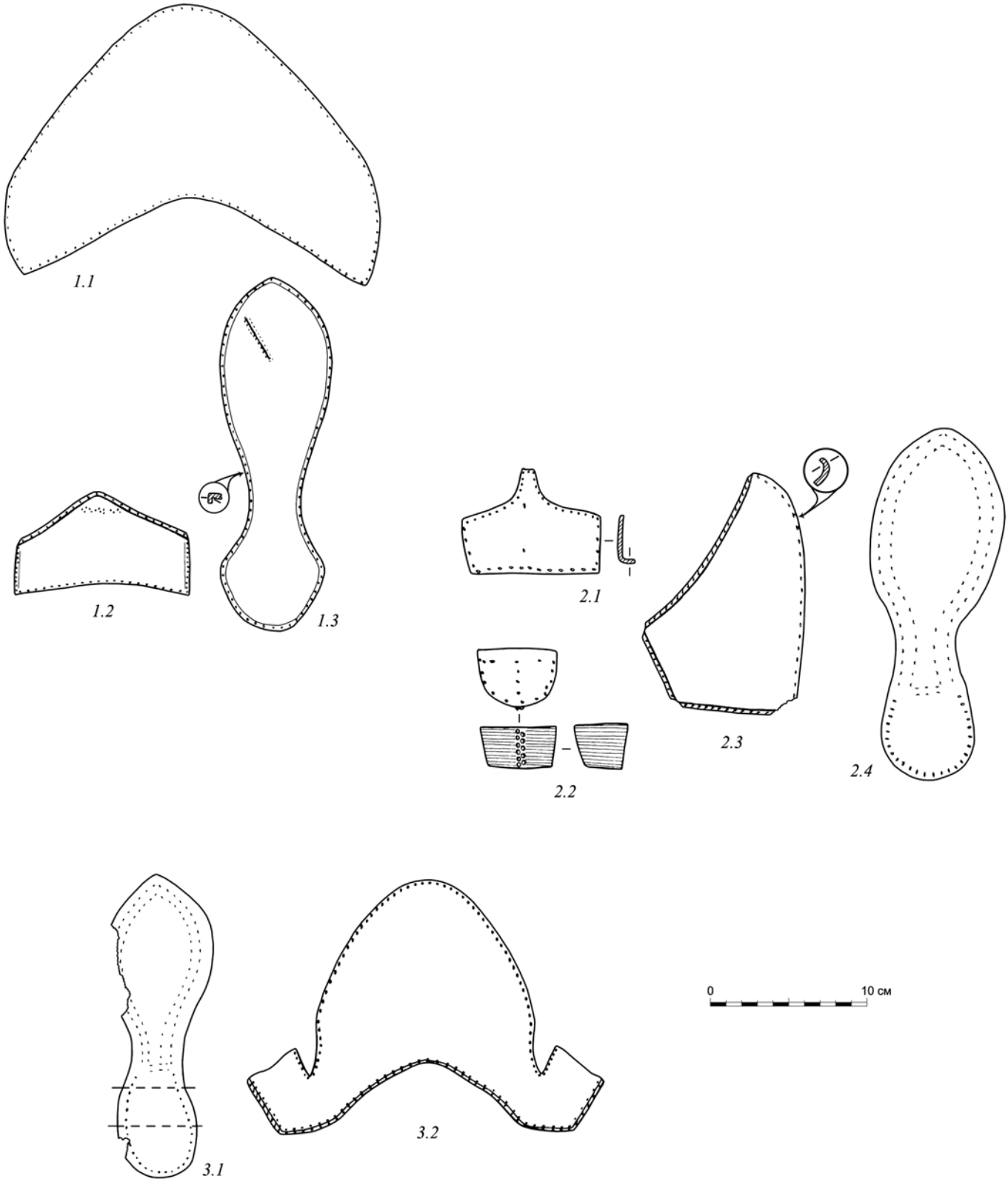


Рис. 52. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с головкой без язычка.
1.1 – головка; *1.2* – внутренняя деталь задника; *1.3* – подошва; *2.1* – наружная деталь задника;
2.2 – наборный каблук; *2.3* – деталь поднаряда; *2.4* – подошва; *3.1* – подошва; *3.2* – головка с фигурными выступами

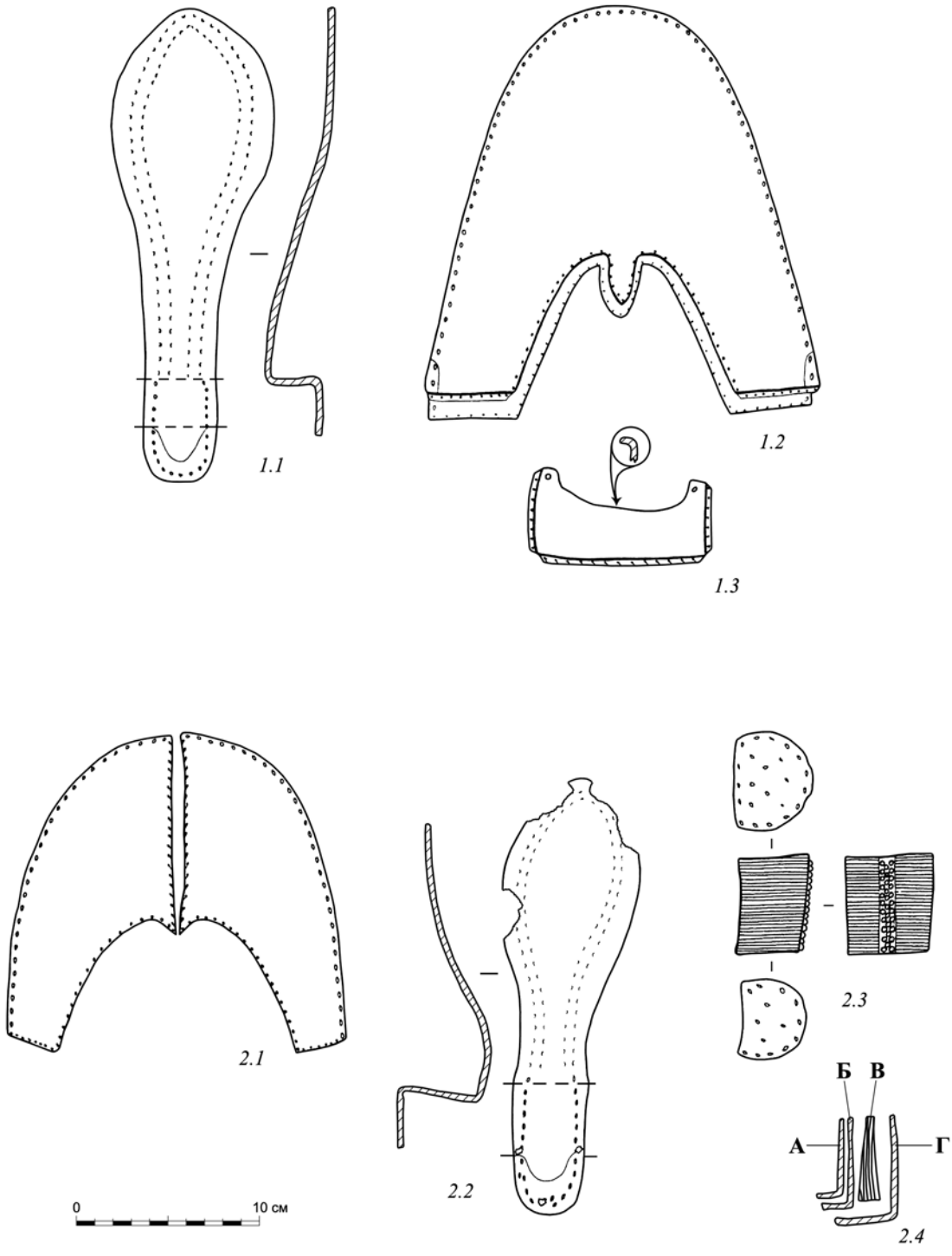


Рис. 53. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с язычком на головке.
1.1 – подошва; *1.2* – головка с цельным поднарядом; *1.3* – фрагмент детали задника; *2.1* – двухдетальный поднаряд; *2.2* – подошва; *2.3* – наборный каблук с декоративными гвоздиками; *2.4* – схема конструкции задника (А, Б – наружные детали; В – деревянный вкладыш; Г – внутренняя деталь)

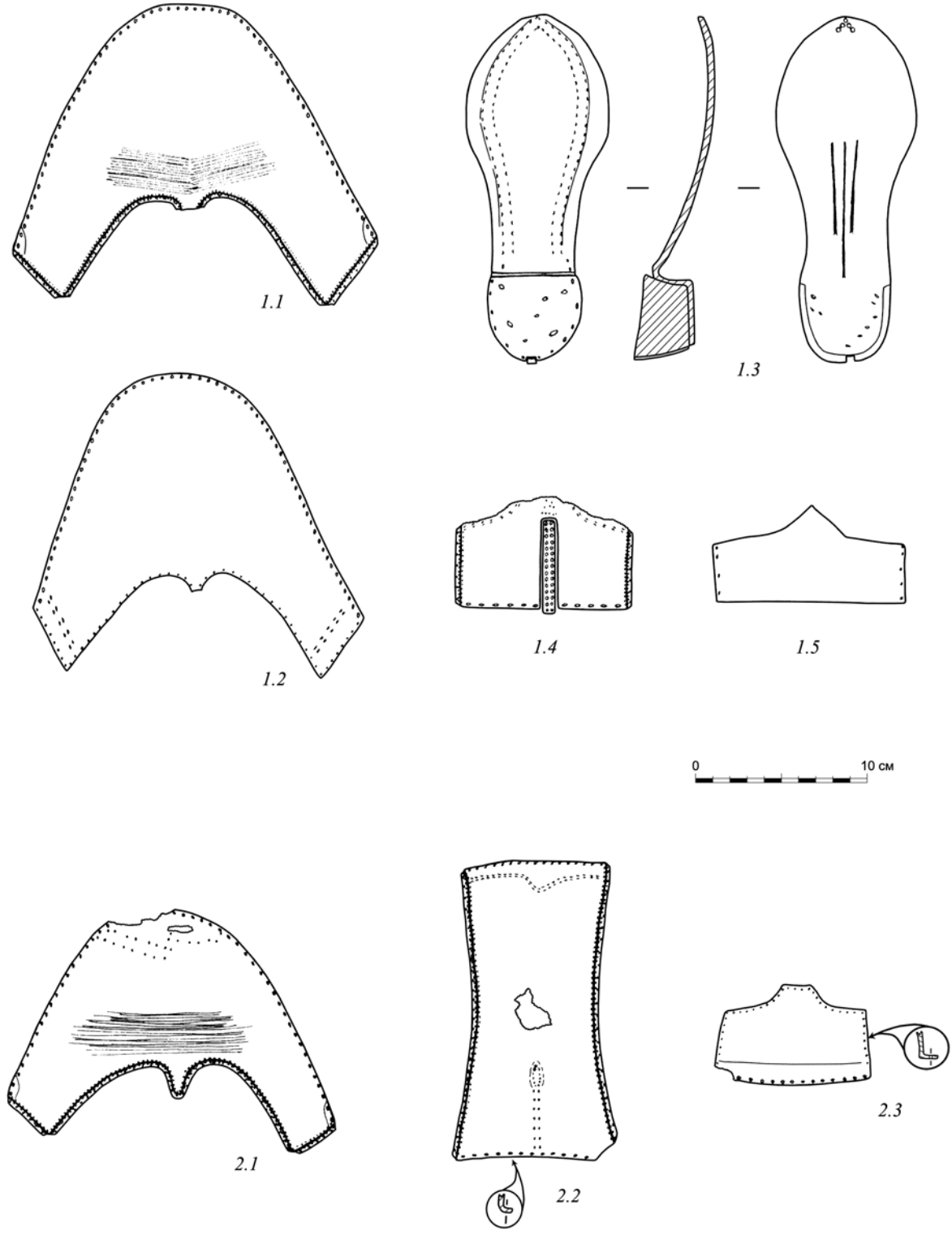


Рис. 54. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с язычком на головке.
1.1 – головка; *1.2* – поднаряд; *1.3* – наружная деталь задника с усилительной полоской, прибитой декоративными гвоздиками; *1.5* – внутренняя деталь задника;
2 – сапог: *2.1* – головка; *2.2* – задняя половина голенища; *2.3* – деталь задника

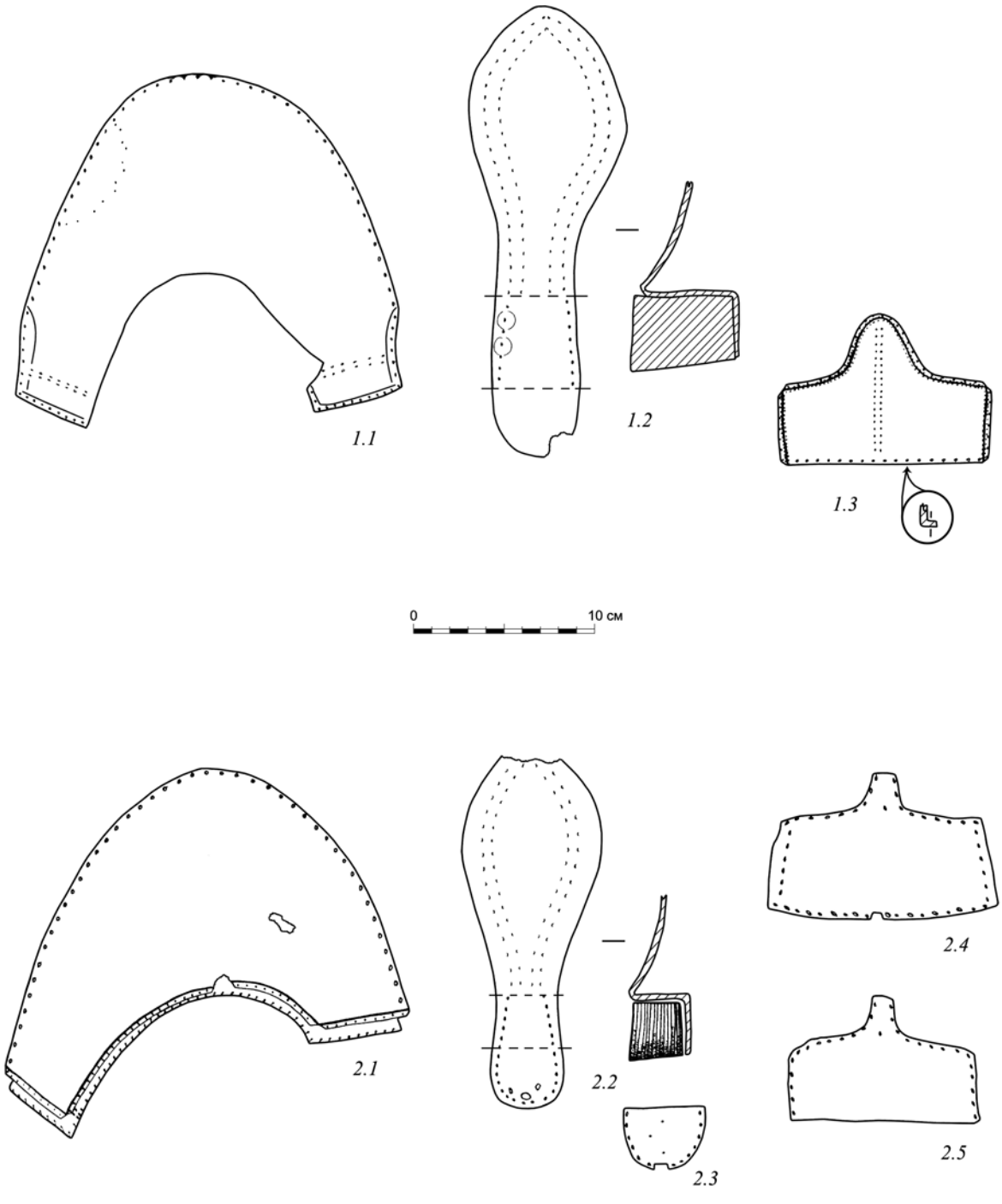


Рис. 55. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры.
1.1 – головка с обрезанным верхом; *1.2* – подошва с каблуком; *1.3* – деталь задника;
2.1 – головка с цельным поднарядом; *2.2* – подошва с каблуком; *2.3* – каблук (вид сверху); *2.4, 2.5* – детали задника

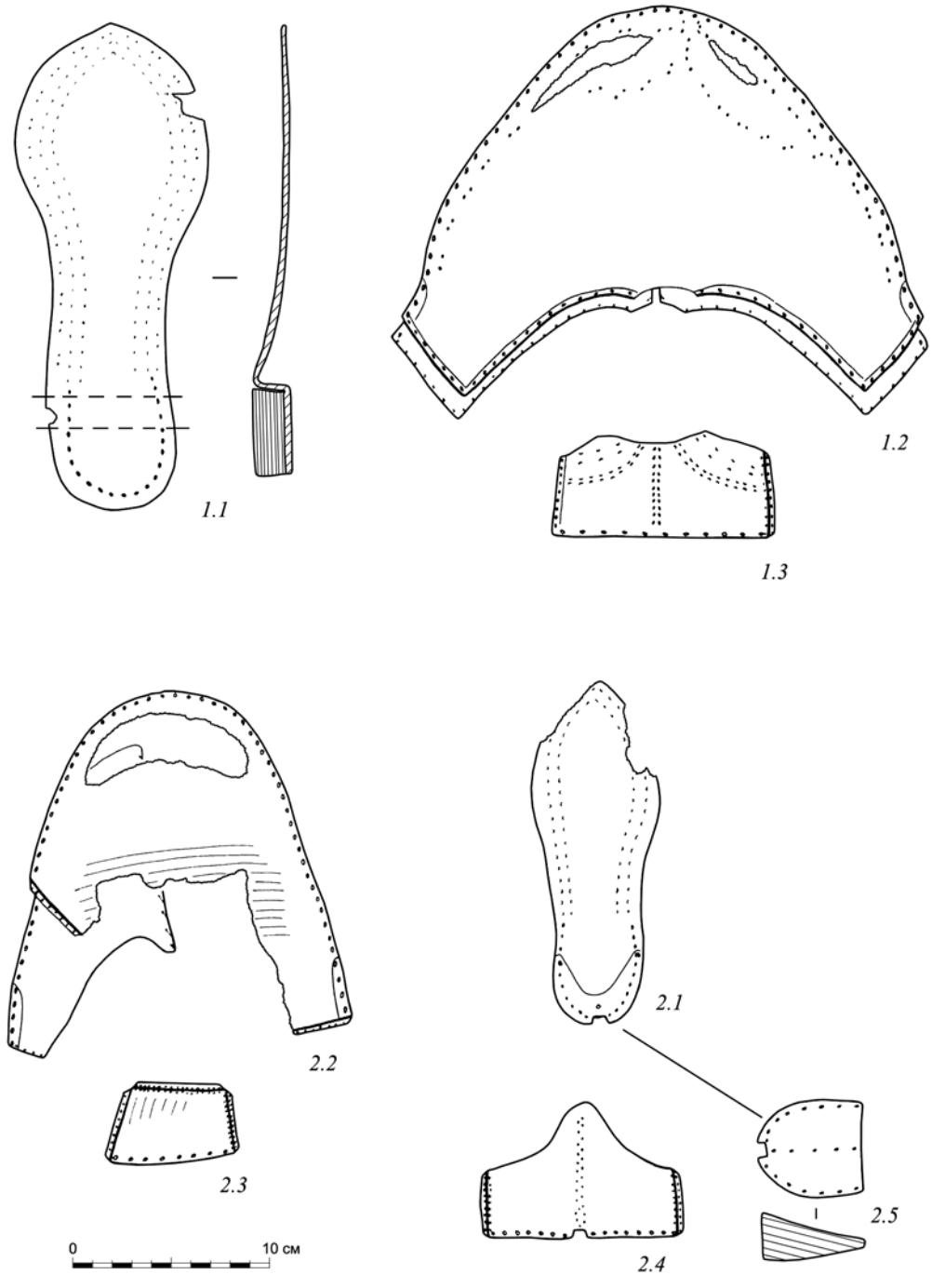


Рис. 56. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры с язычком на головке.
1.1 – подошва с каблуком; *1.2* – головка и двухдетальный поднаряд с обрезанным язычком; *1.3* – деталь задника;
2.1 – подошва; *2.2* – головка и половина двухдетального поднаряда; *2.3* – подкроенное крыло головки;
2.4 – деталь задника; *2.5* – наборный каблук (вид сверху и сбоку)

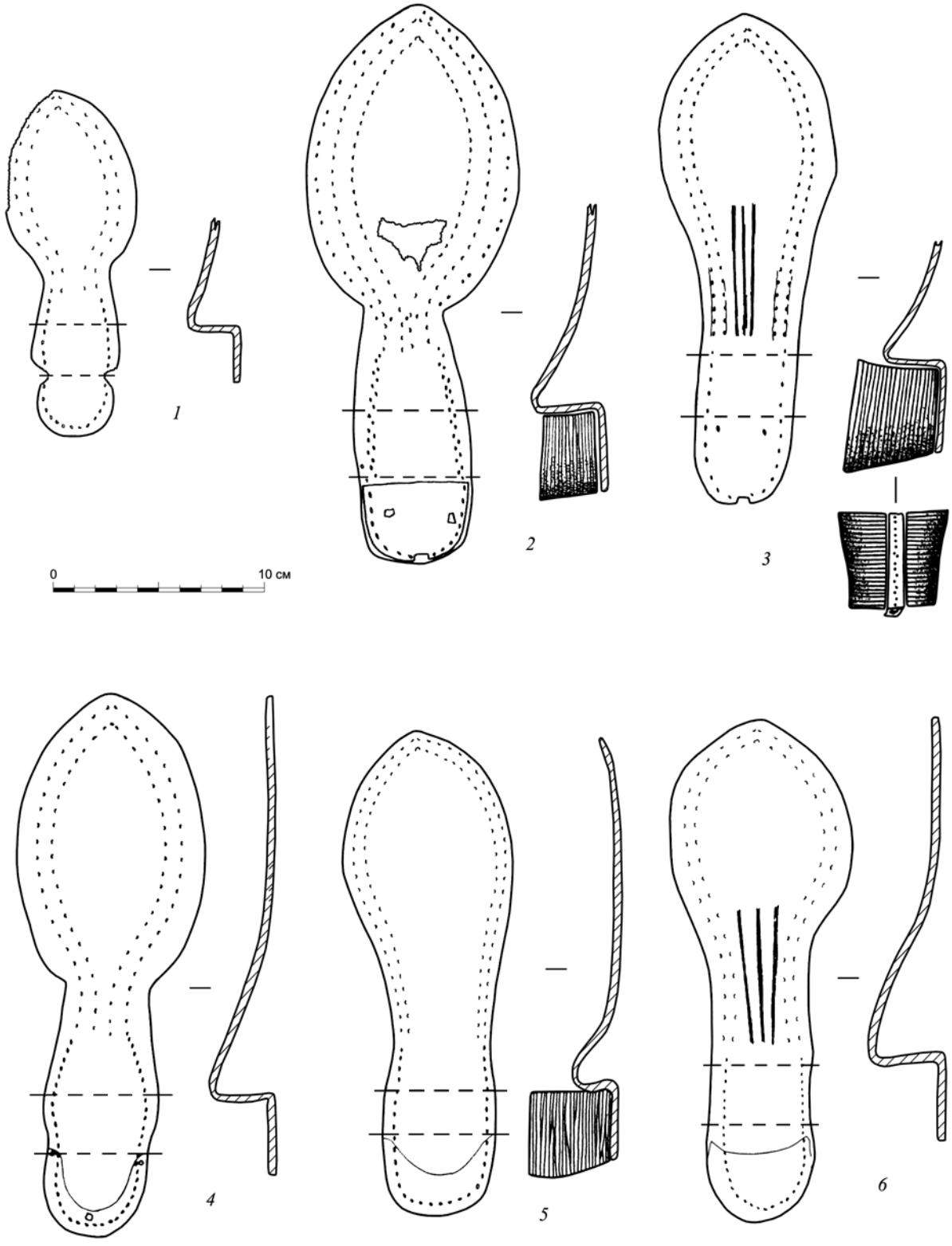


Рис. 57. Обувь с высоким каблуком. Подошвы и наборные каблуки

Рис. 58. Обувь с высоким каблуком. Подошвы с крокулем

Рис. 59. Обувь с высоким каблуком.
1, 2, 4, 8 – подошвы с клеймом; *3, 5–7* – наборные каблуки

Рис. 60. Обувь с высоким каблуком. «Целые» экземпляры

Рис. 61. Обувь с высоким каблуком. Деревянные каблуки
(*1*, *4* – с кожаной обтяжкой)

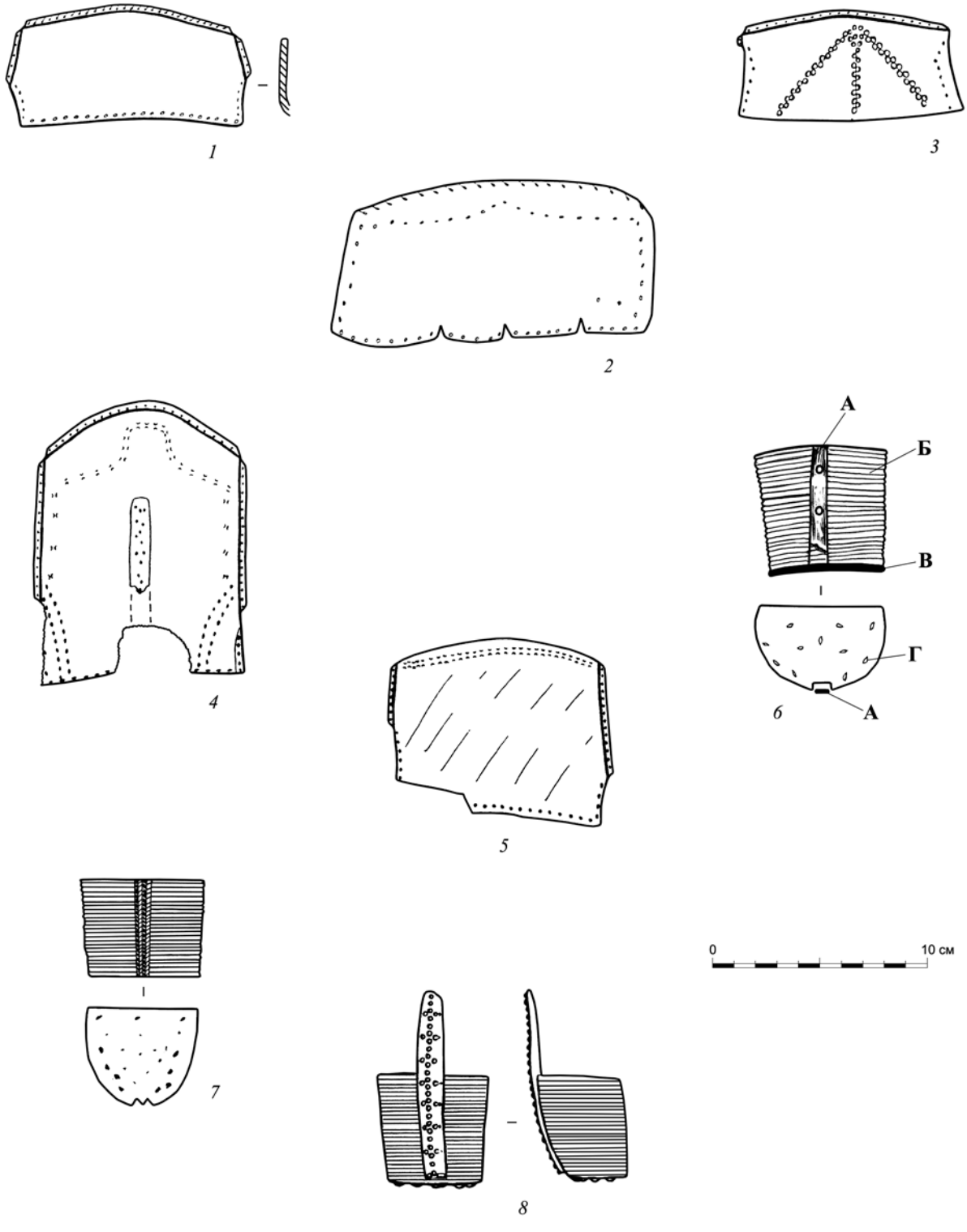


Рис. 62. Обувь с высоким каблуком.
1–5 – задники; *6* – наборный каблук (А – скрепляющая пластинка; Б – флики каблука; В – подковка; Г – деревянные шпильки); *7* – наборный каблук с фигурным пазом сзади; *8* – наборный каблук со скрепляющей пластинкой, прибитой декоративными гвоздиками

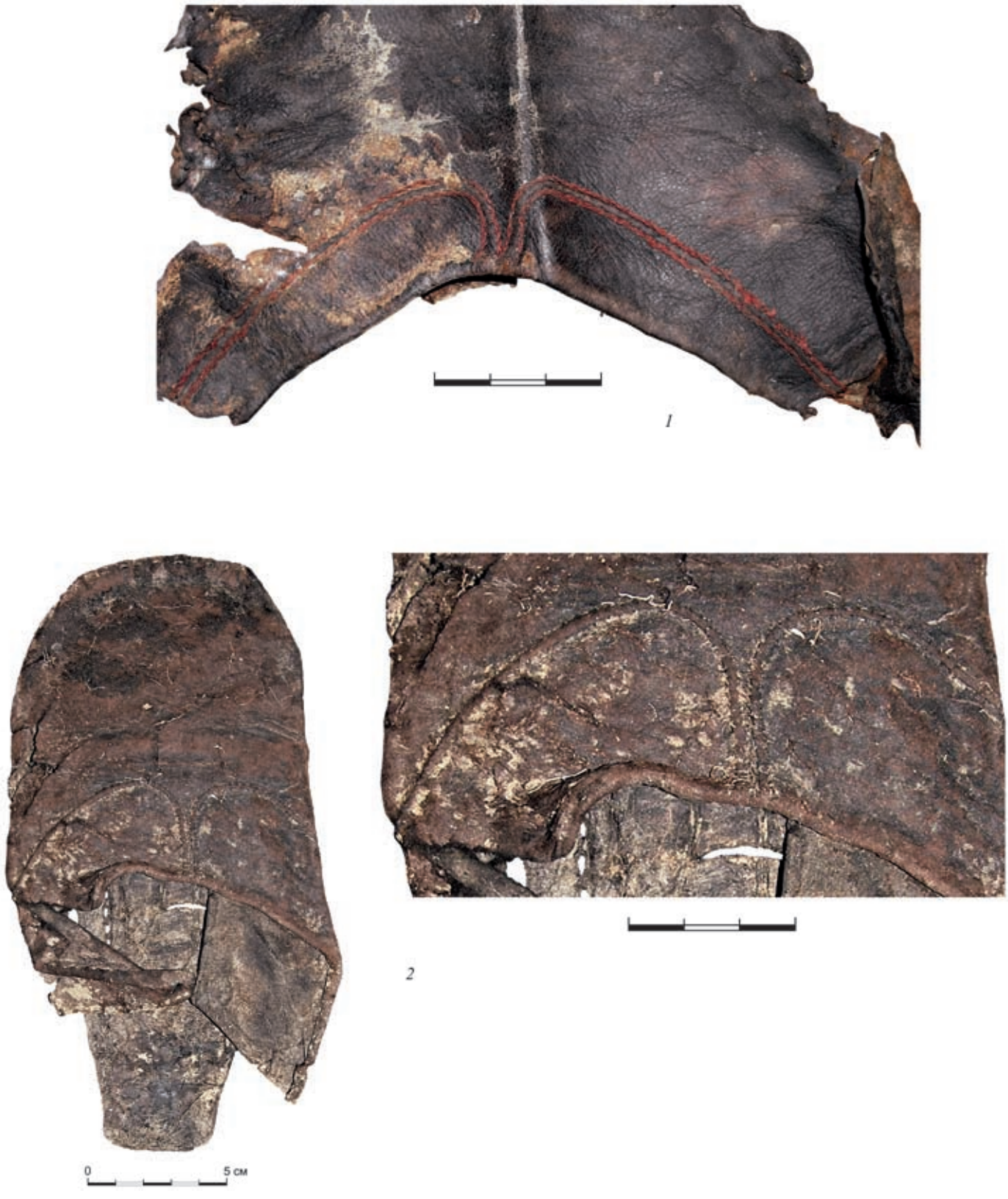


Рис. 63. Обувь с высоким каблуком. Головки с декоративной прошивкой

Рис. 64. Железные обувные подковки, гвозди.
1–23 – подковки: *1–4* – тип I, подтип 2; *5–8* – тип I, подтип 4; *9, 10* – тип II, подтип 1; *11, 12* – тип II, подтип 2; *13, 14* – тип III, подтип 1; *15, 16* – тип III, подтип 2; *17, 18* – тип III, подтип 3; *19, 20* – тип III, подтип 5; *21, 22* – тип IV, подтип 1; *23* – тип IV, подтип 2;
24–31 – гвозди

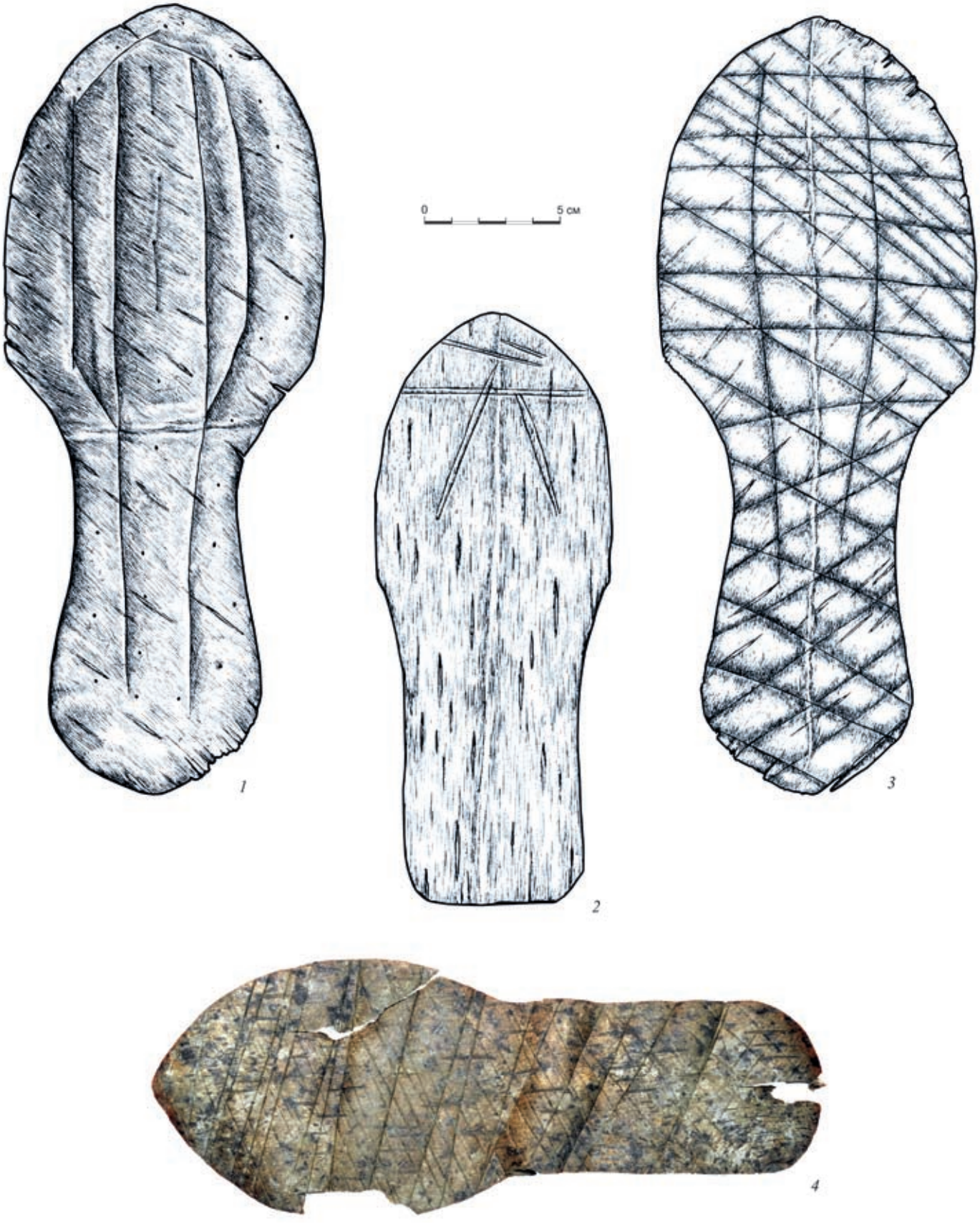


Рис. 65. Стельки берестяные

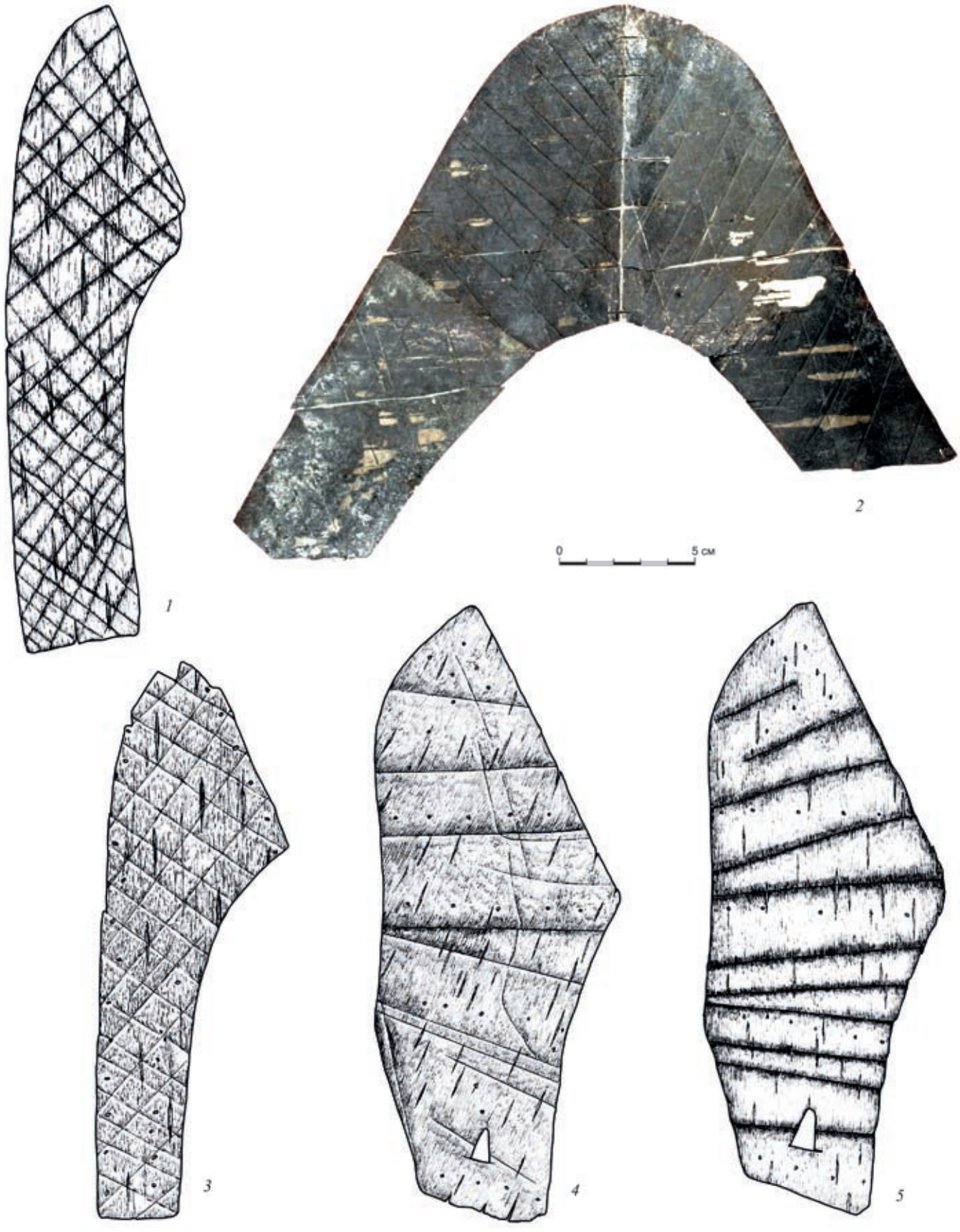


Рис. 66. Берестяные вставки в головку обуви: *1, 3–5* – двухчастные; *2* – цельная

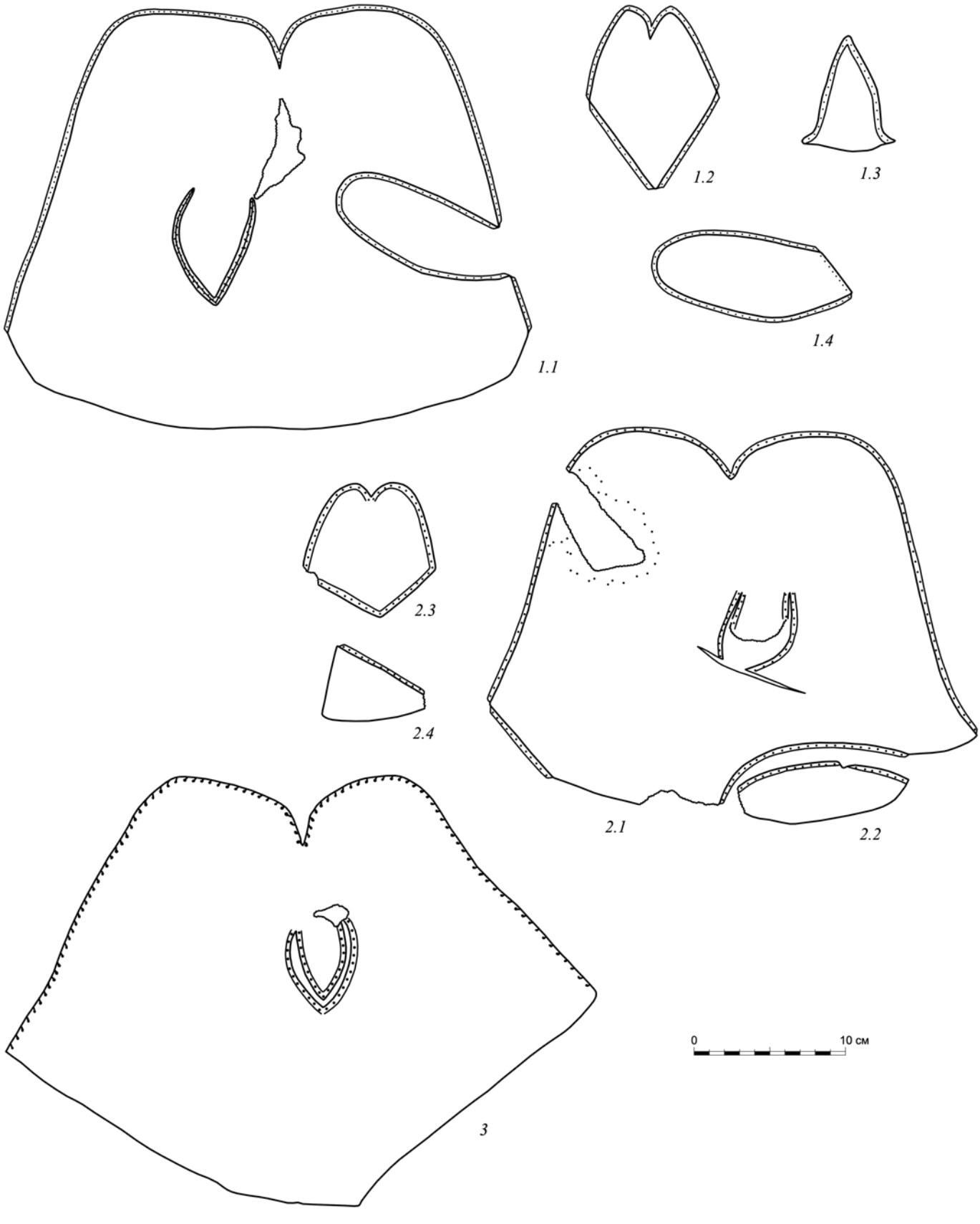


Рис. 67. Цельнокроеные рукавицы. Раскройки.
1.1 – основа; *1.2, 1.3* – пришивные детали пальца; *1.4* – заплатка вставная; *2.1* – основа; *2.2, 2.4* – подкроенные края основы; *2.3* – пришивная деталь пальца; *3* – основа

Рис. 68. Цельнокроеные рукавицы

Рис. 69. Цельнокроеная рукавица с заплатой

Рис. 70. Детальнокроеные рукавицы. Раскройки.
1.1 – половина основы; *1.2* – деталь пришивного пальца; *2, 3* – половины основ;
4.1, 4.2 – половины основ; *4.3, 4.4* – подкроенные детали основ; *4.5, 4.6* – пришивные детали пальца

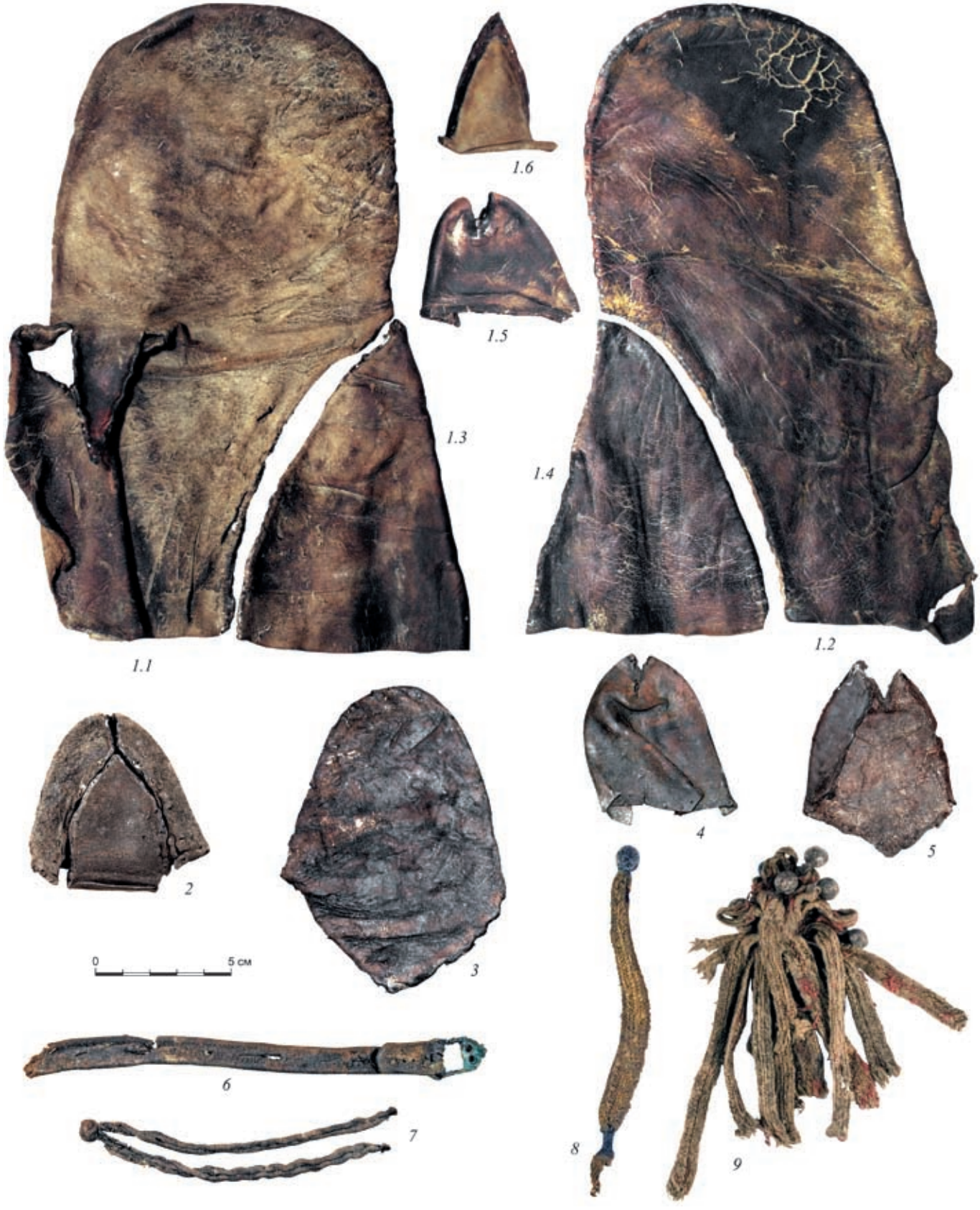


Рис. 71. Элементы костюма:
1.1–1.6 – детальнокроеная рукавица; *2–5* – пришивные детали пальцев; *6* – фрагмент ремешка с медной пряжкой; *7* – кожаные ремешки с плетеной пуговицей; *8, 9* – плетеные шерстяные тесемки со свинцово-оловянными и стеклянными пуговицами

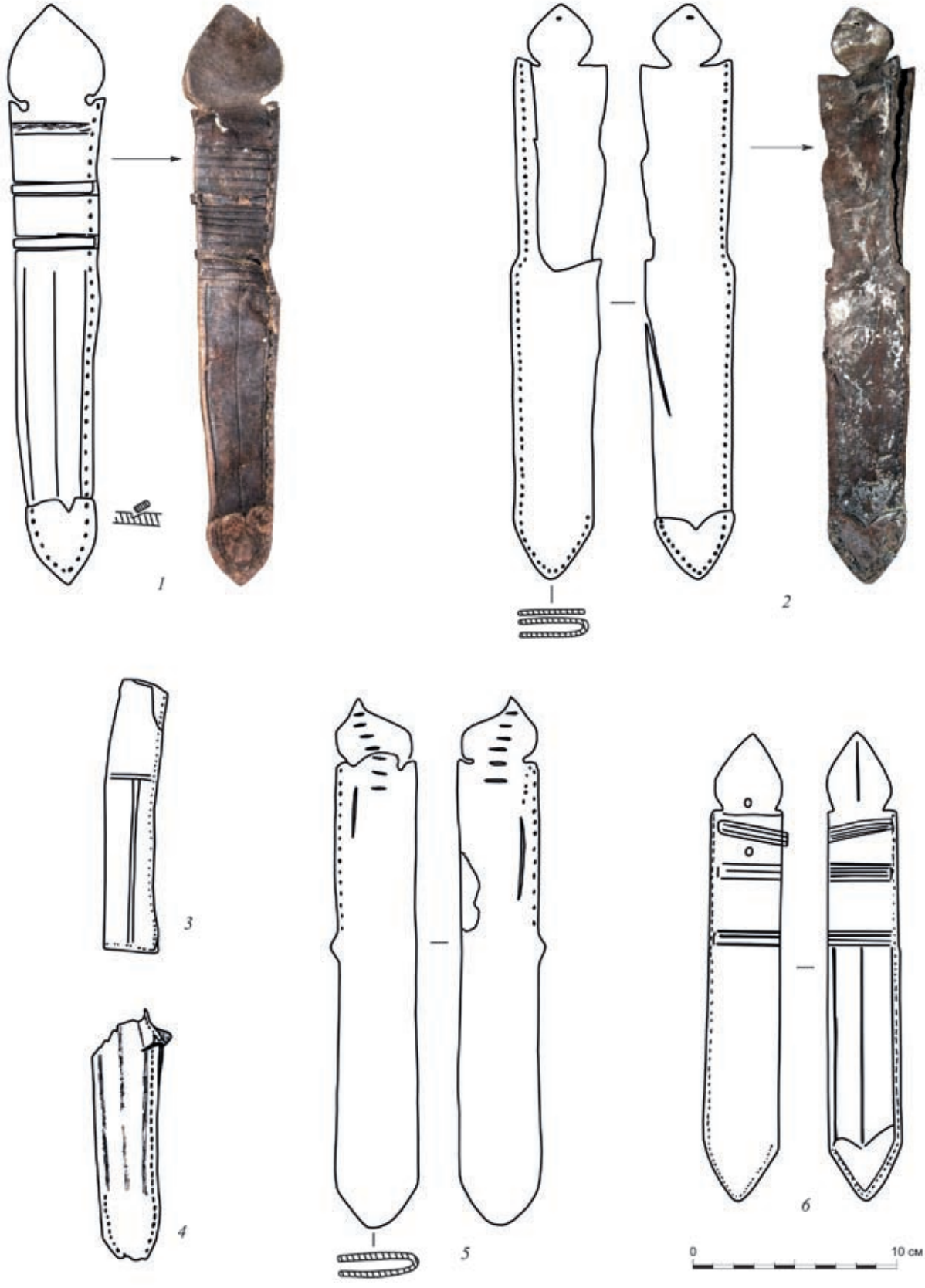


Рис. 72. Кожаные ножны первого типа

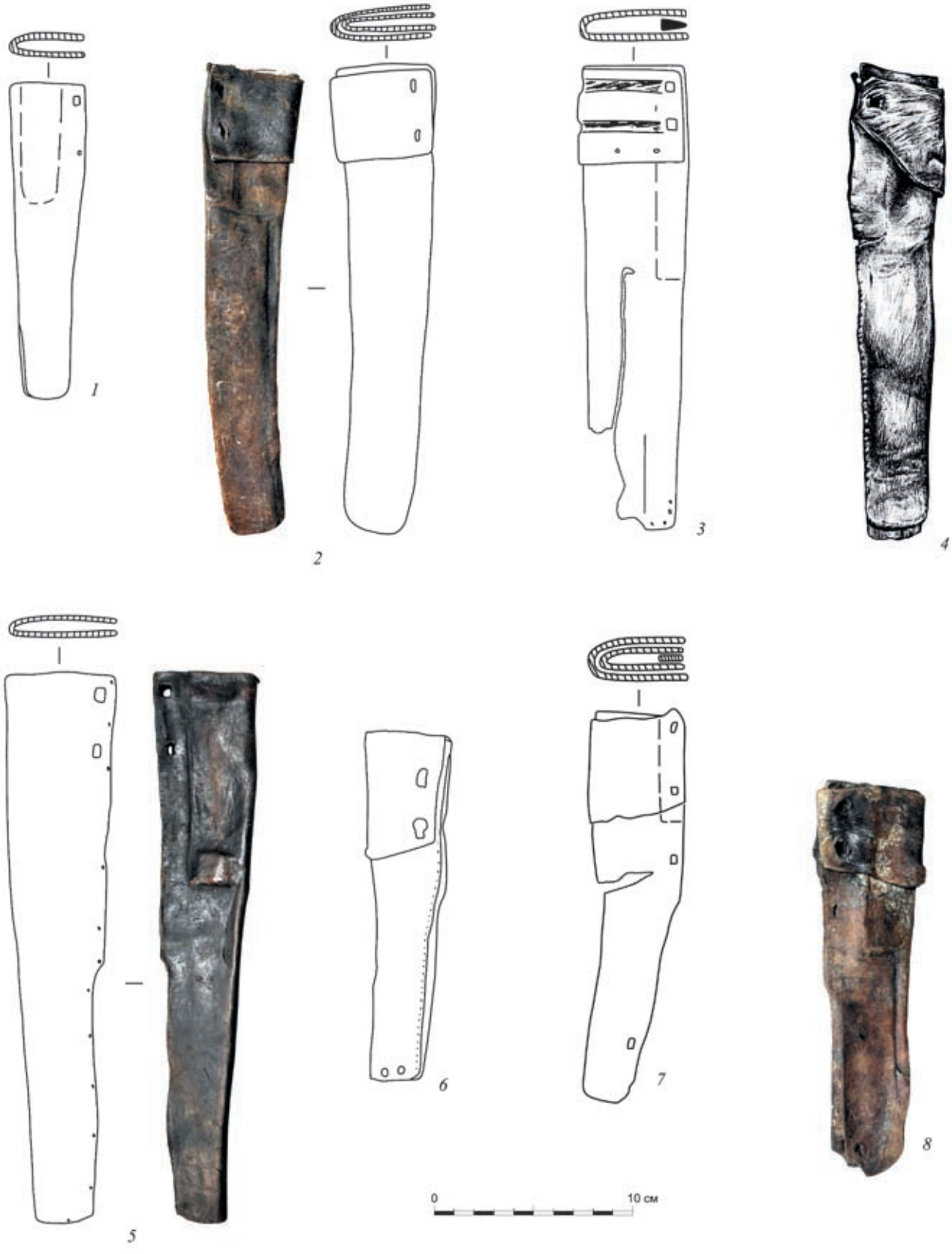


Рис. 73. Кожаные ножны второго типа:
1–4 – подтип 1; *5–8* – подтип 2

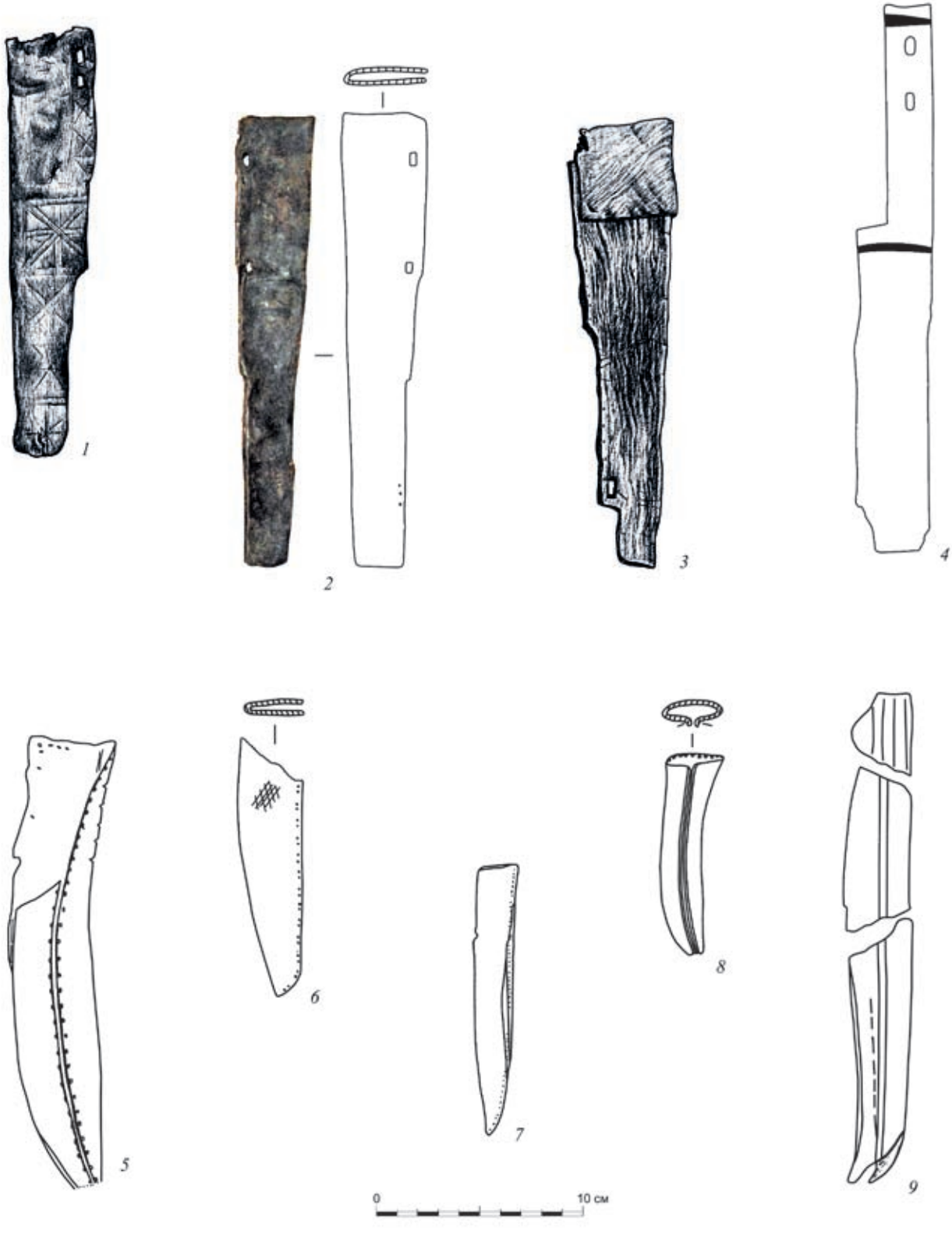


Рис. 74. Кожаные ножны второго и третьего типов. Деревянный вкладыш.
1–3 – тип II, подтип 3; *4* – деревянный вкладыш; *5–9* – тип III

Рис. 75. Тканевые опушни (*4* – туфля на низком каблуке с опушнем)

Рис. 76. Тканевые поднаряды и стельки: *1, 4* – поднаряды; *2, 3* – стельки

Рис. 77. Стельки: *1, 2* – вязаные; *3, 4* – войлочные

Рис. 78. Голенище тканевое с остатками меха (в развернутом виде)

Рис. 79. Передняя половина тканевого голенища с цельнокроеным поднарядом головки

Рис. 80. Тканевые аксессуары кожаной обуви:
1 – вкладыш в поршне второго подтипа; *2* – нижняя часть чулка

Рис. 81. Фрагменты вязаных чулок

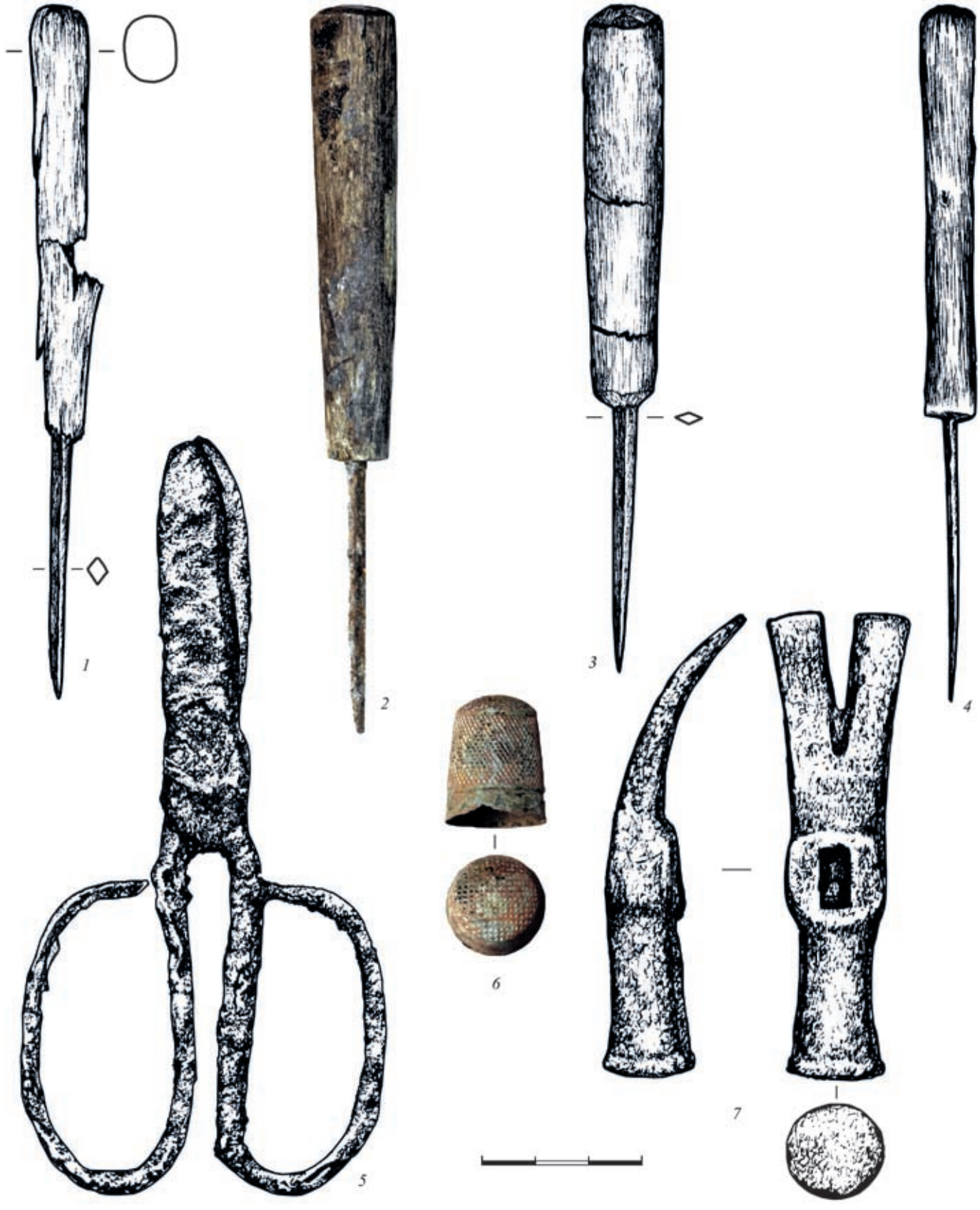


Рис. 82. Инструменты и принадлежности кожевенно-обувного производства:
1–4 – шилья; *5* – ножницы; *6* – наперсток; *7* – молоток-гвоздодер
(*1–4 – дерево, железо; 5, 7 – железо; 6 – медь*)

Рис. 83. Колодки сапожные. *Дерево*

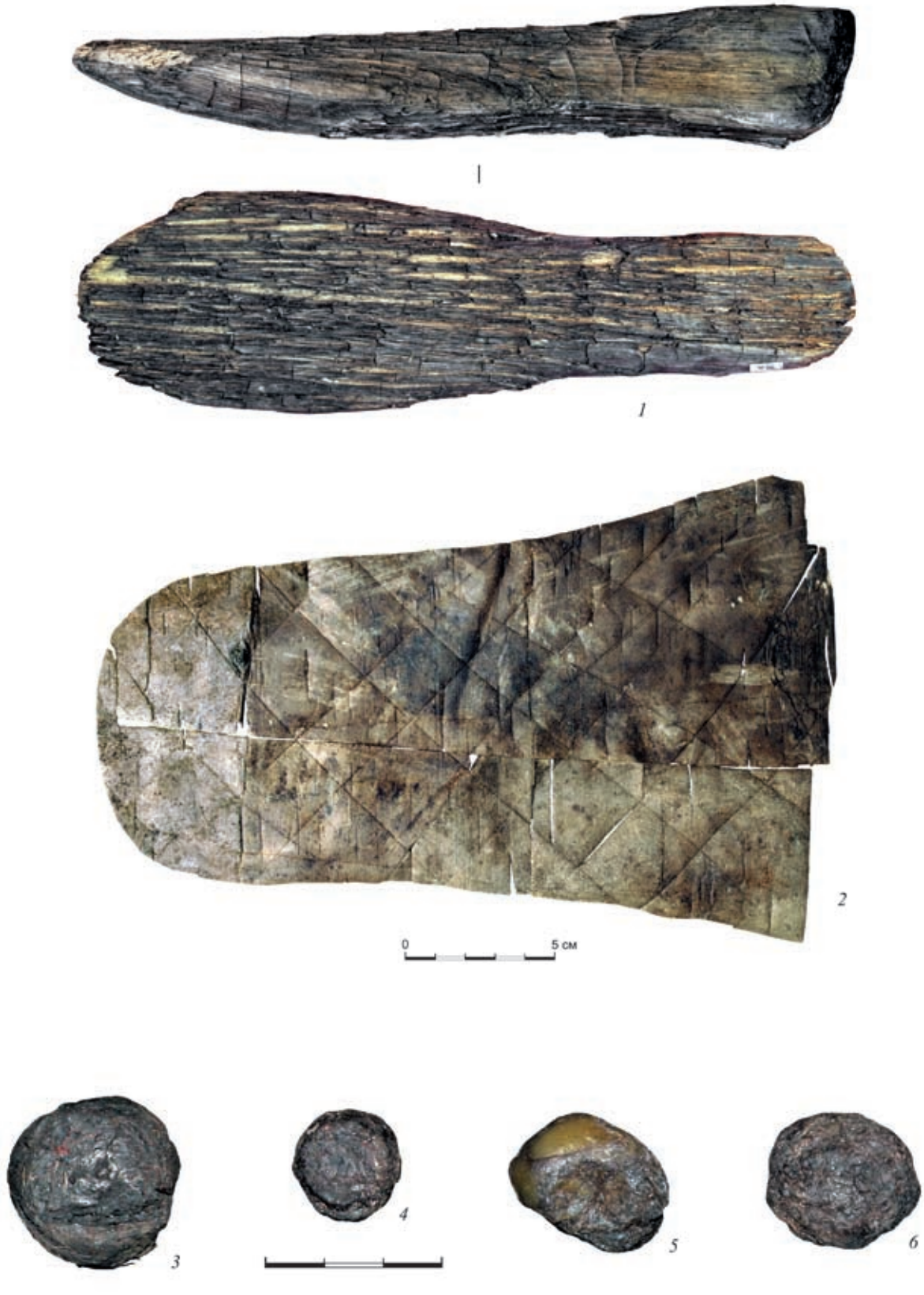


Рис. 84. Принадлежности кожевенно-обувного производства:
1 – деревянная сапожная колодка; *2* – берестяное лекало для раскройки двухчастных основ кожаных рукавиц; *3–6* – восковые шарики

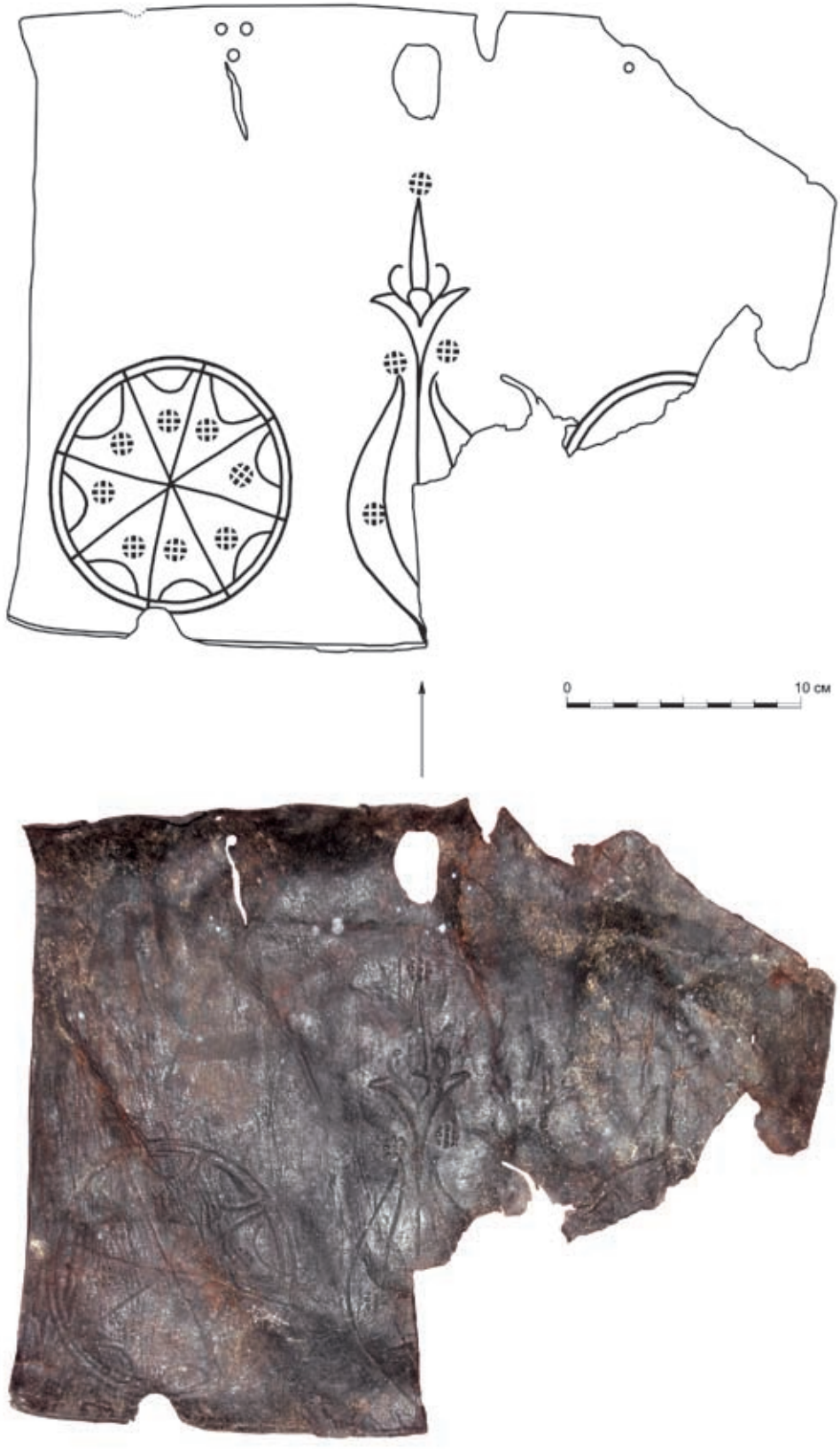


Рис. 85. Деталь кожаной сумки с тисненым орнаментом

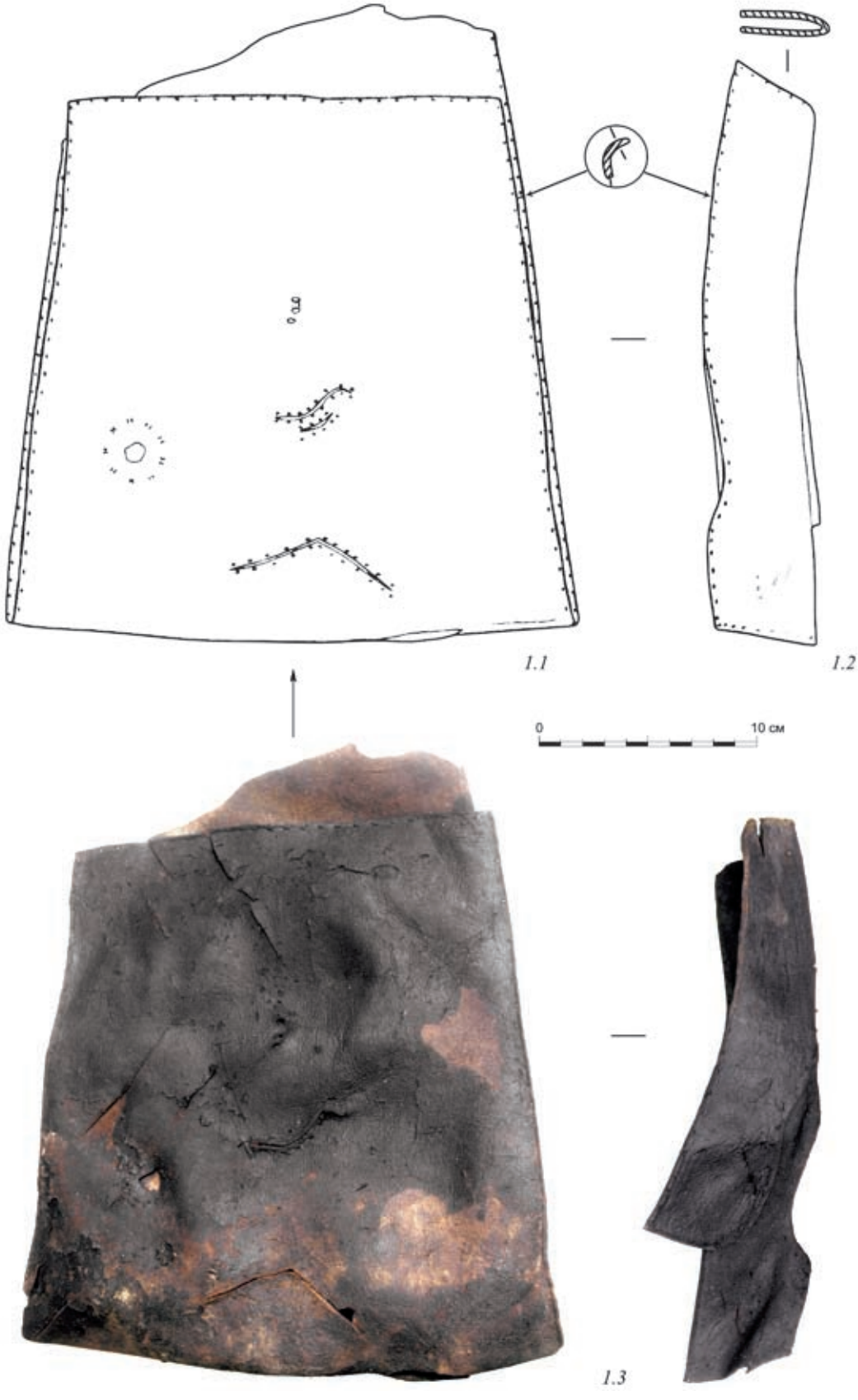


Рис. 86. Детали кожаной сумки

Рис. 87. Двухдетальный клапан сумки с тисненым орнаментом:
1.1 – наружная деталь; *1.2* – внутренняя деталь

Рис. 88. Кожаное покрытие футляра для компаса с тисненым орнаментом

Рис. 89. Кожаные покрытия футляров для компаса с тиснено-крашеным орнаментом

Рис. 90. Фигурные кожаные нашивки

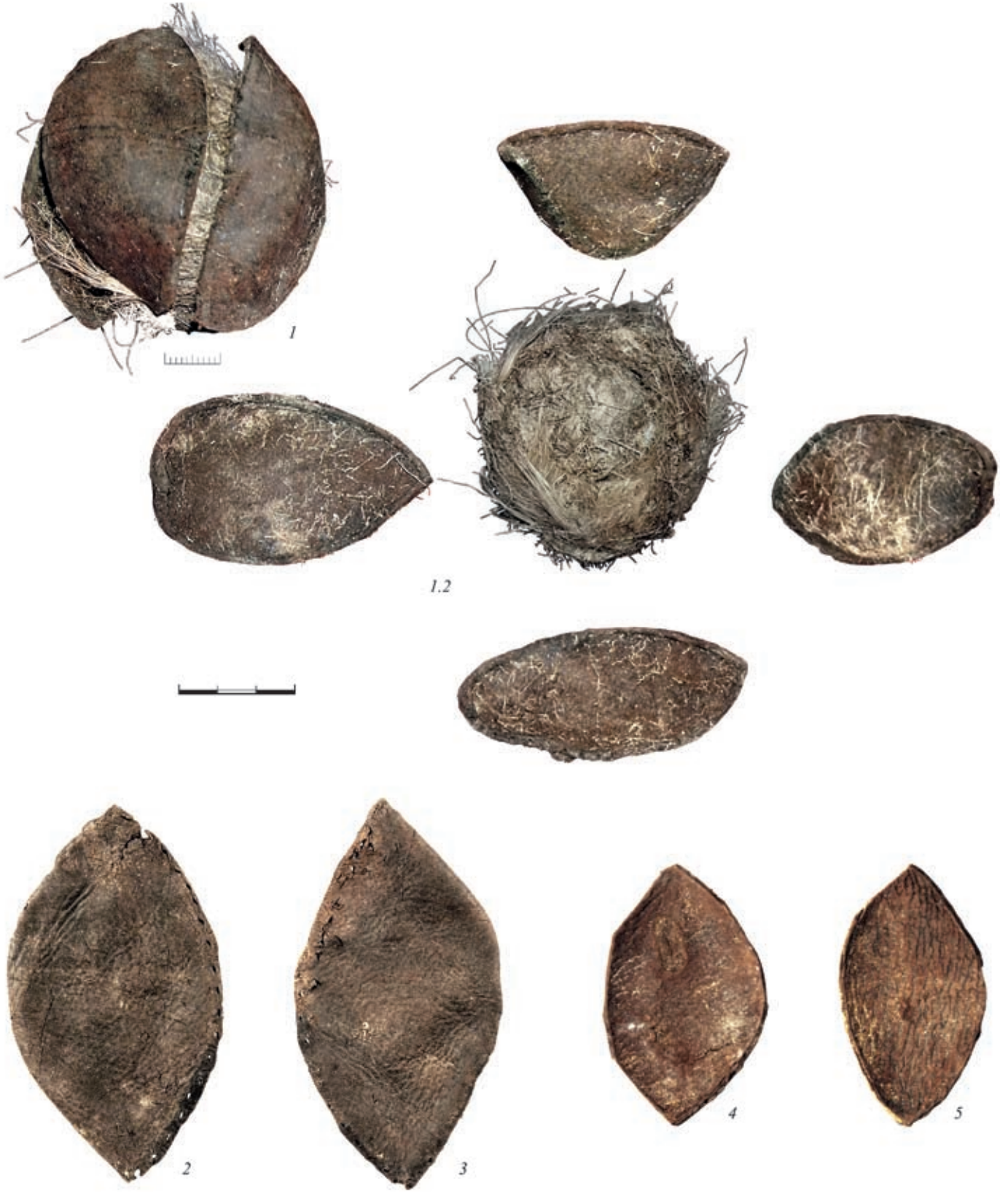


Рис. 91. Кожаные мячи:
1.1 – мячик в сборе; *1.2* – мячик в разобранном виде (в центре – шарик из кусочков шерстяной ткани и перьев);
2, 3 – детали кожаного мячика; *4, 5* – заготовки деталей кожаного мячика

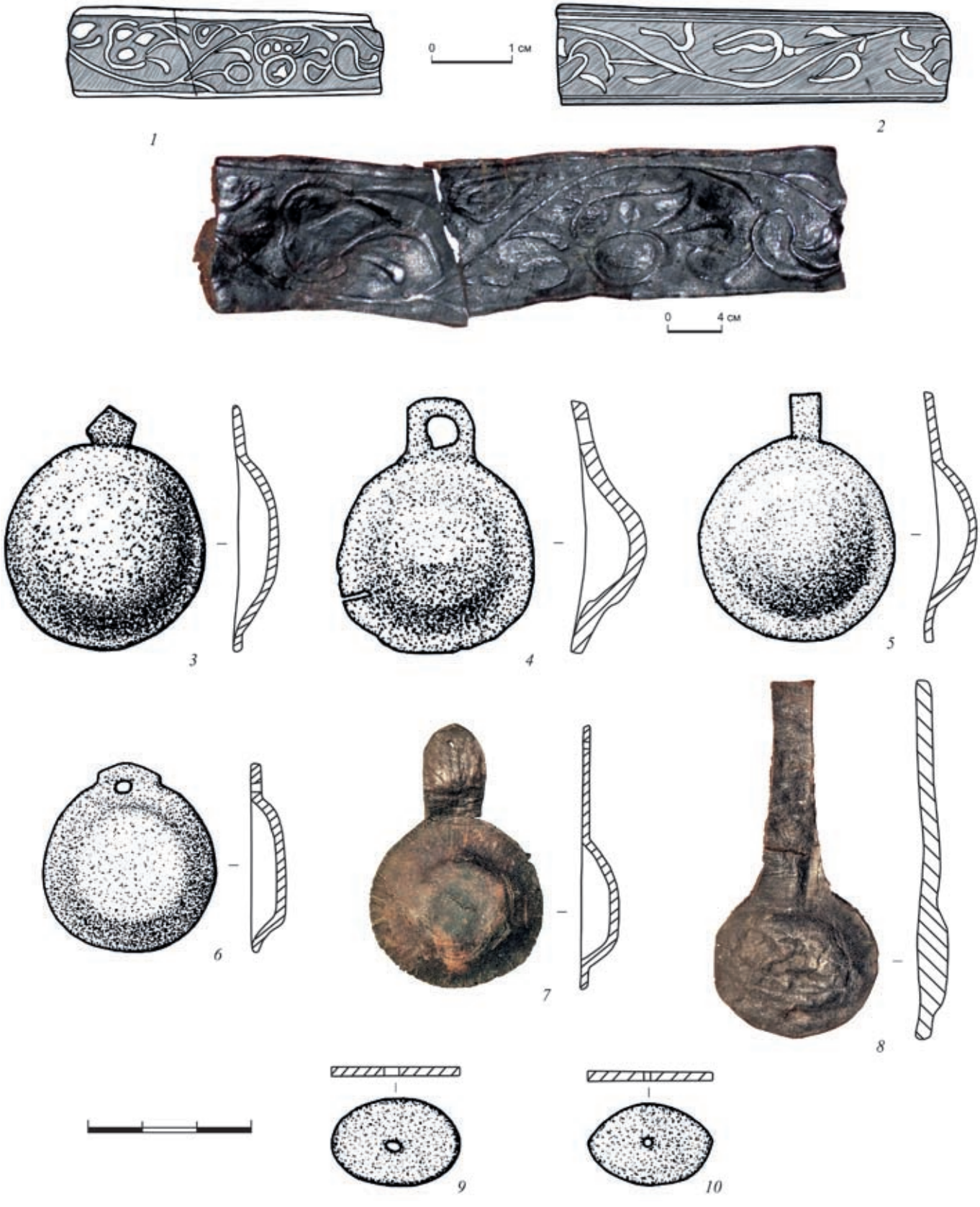


Рис. 92. Изделия из кожи:
1, 2 – фрагменты декоративной ленты с тисненым орнаментом;
3–8 – подкладки под крышечки; *9, 10* – флики наборных рукояток ножей

Рис. 93. Изделия из кожи:
1 – заколка для волос (*дерево*) с плетеным кожаным навершием;
2 – товарная бирка с резной надписью; *3* – обрезок кожи с клеймом

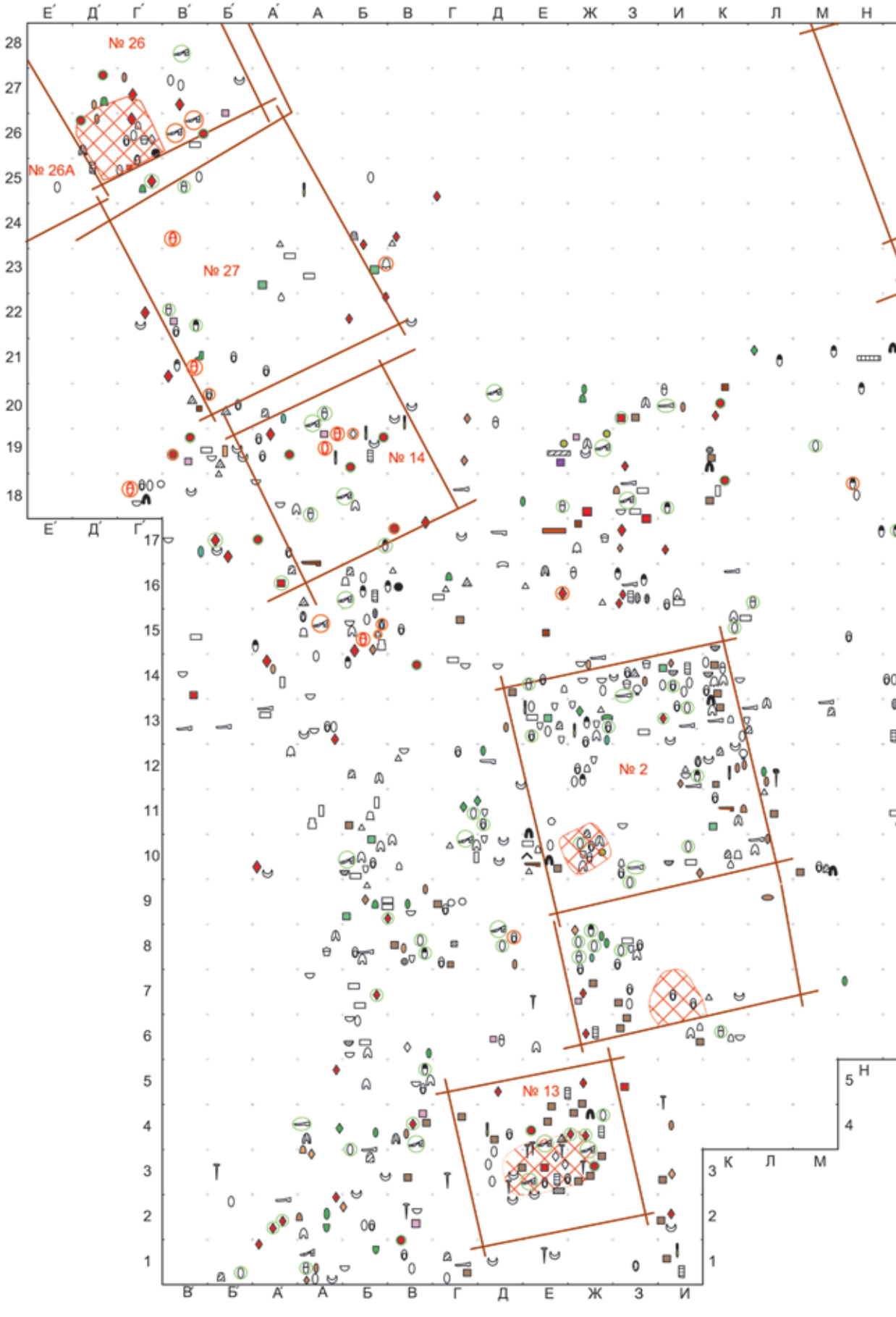
Рис. 94. Основание печи в постройке № 16А. Вид с востока

Рис. 95. Кожаная обувь, положенная как строительные приклады под основание печи в постройке № 16А. Вид с востока

Рис. 96. Кожаная туфля под восточным бревном окладного венца постройки № 1А

Рис. 97. Условные обозначения к рис. 98–102 (окончание см. на с. 203)

Рис. 97. Условные обозначения к рис. 98–102
(окончание, начало см. на с. 202)


№ 26
№ 26А
№ 27
№ 14
№ 2
№ 13

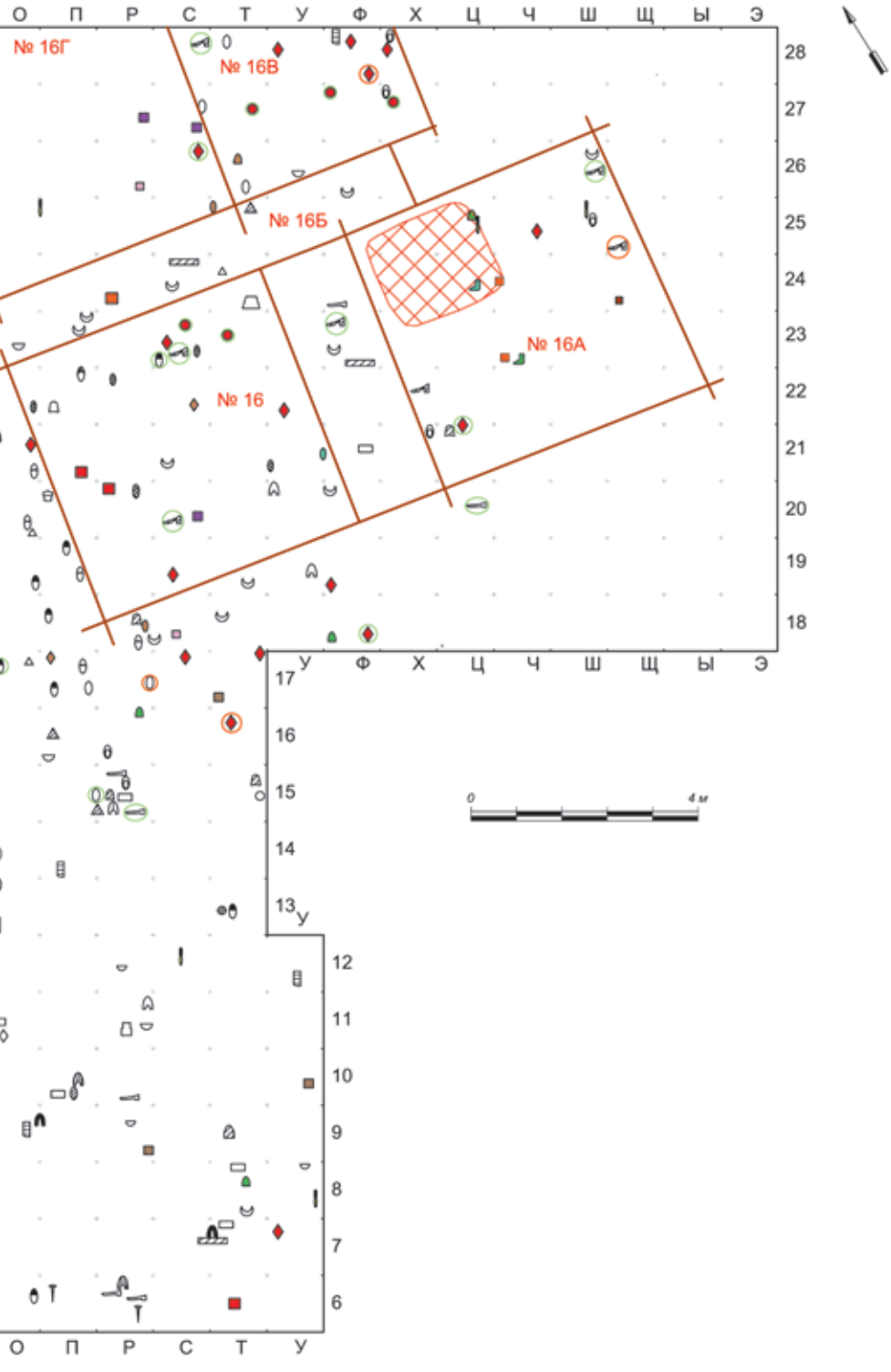
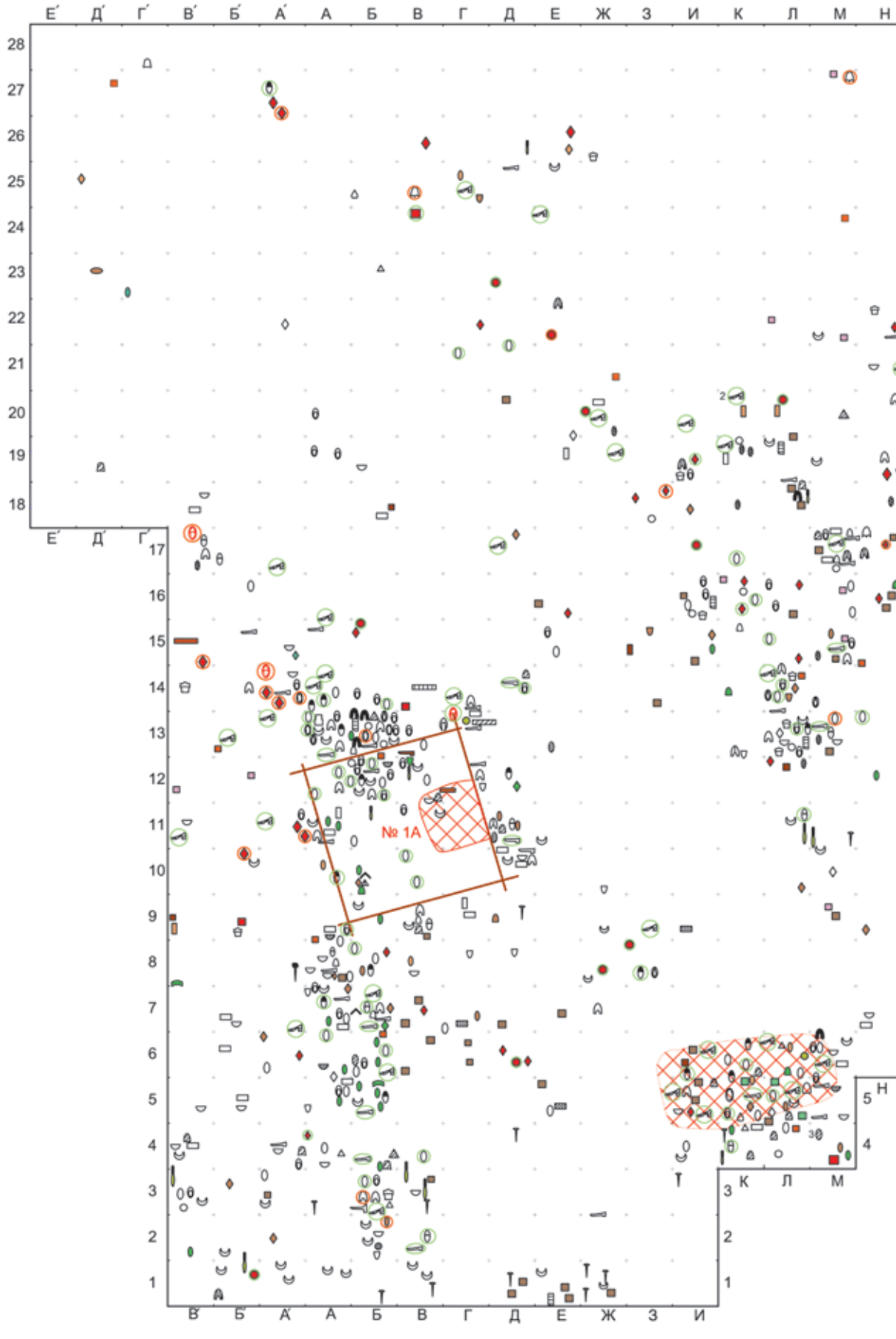


Рис. 98. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на первом строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.


№ 1А

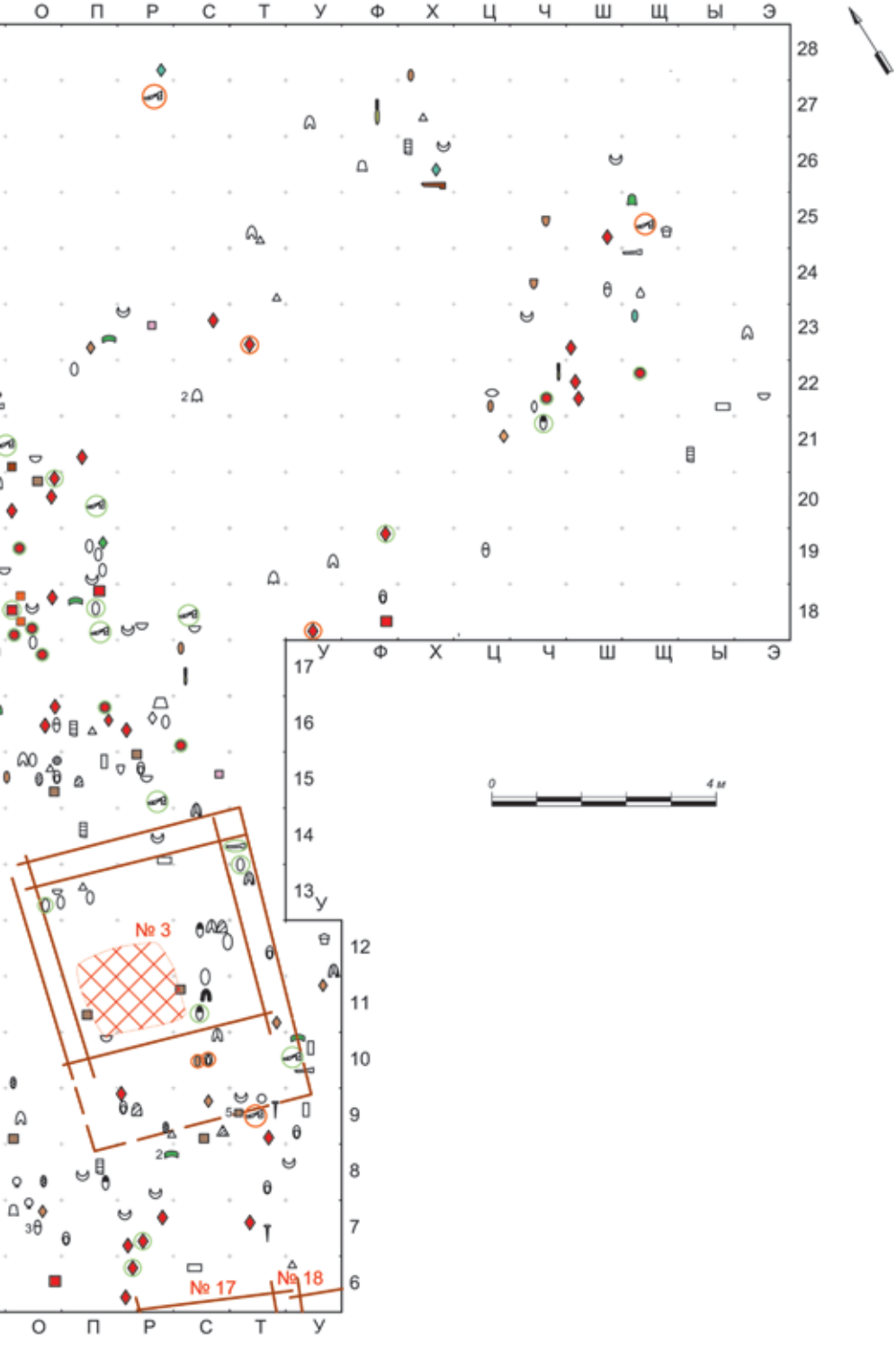
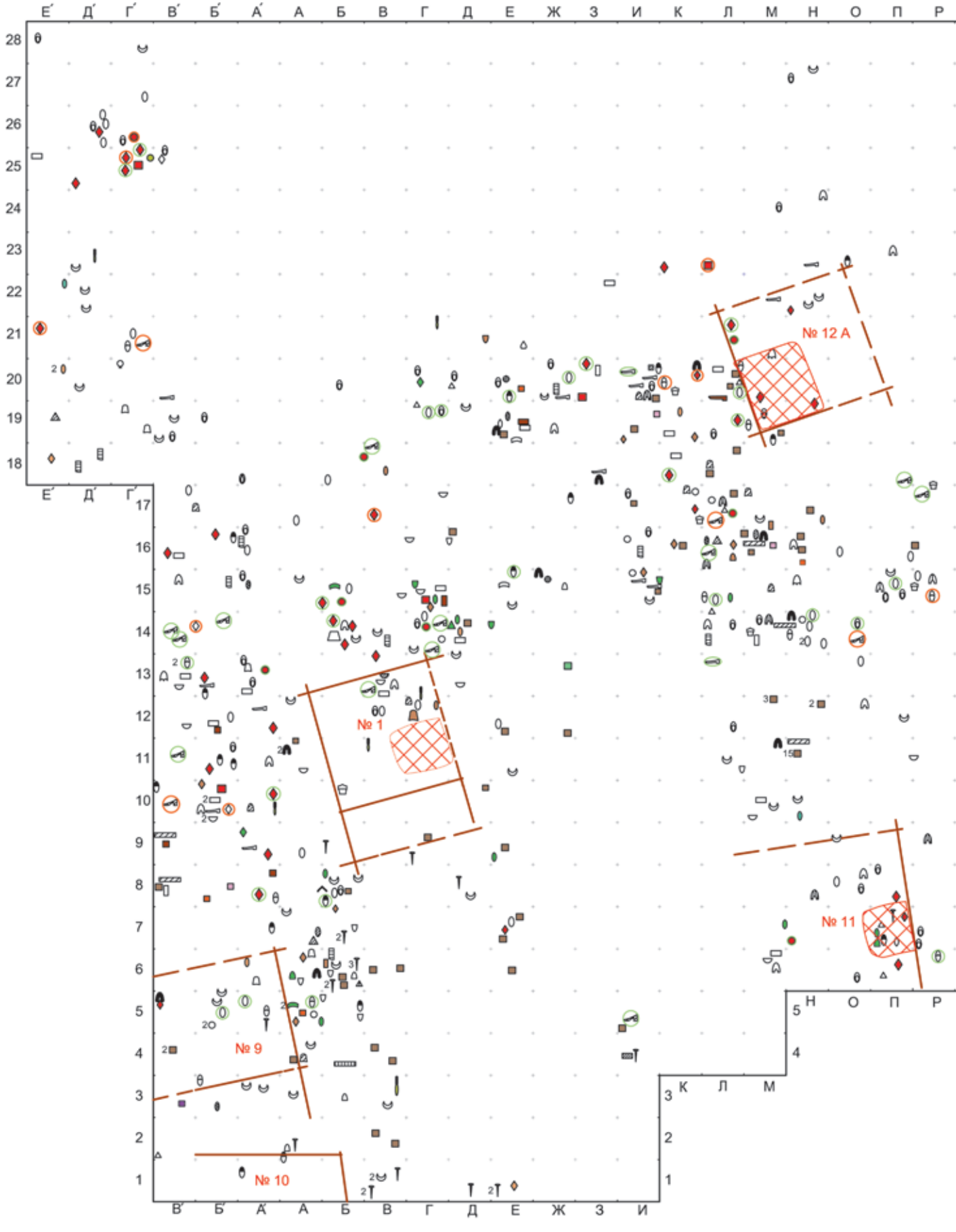


Рис. 99. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на втором строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.


№ 12 А
№ 1
№ 11
№ 9
№ 10

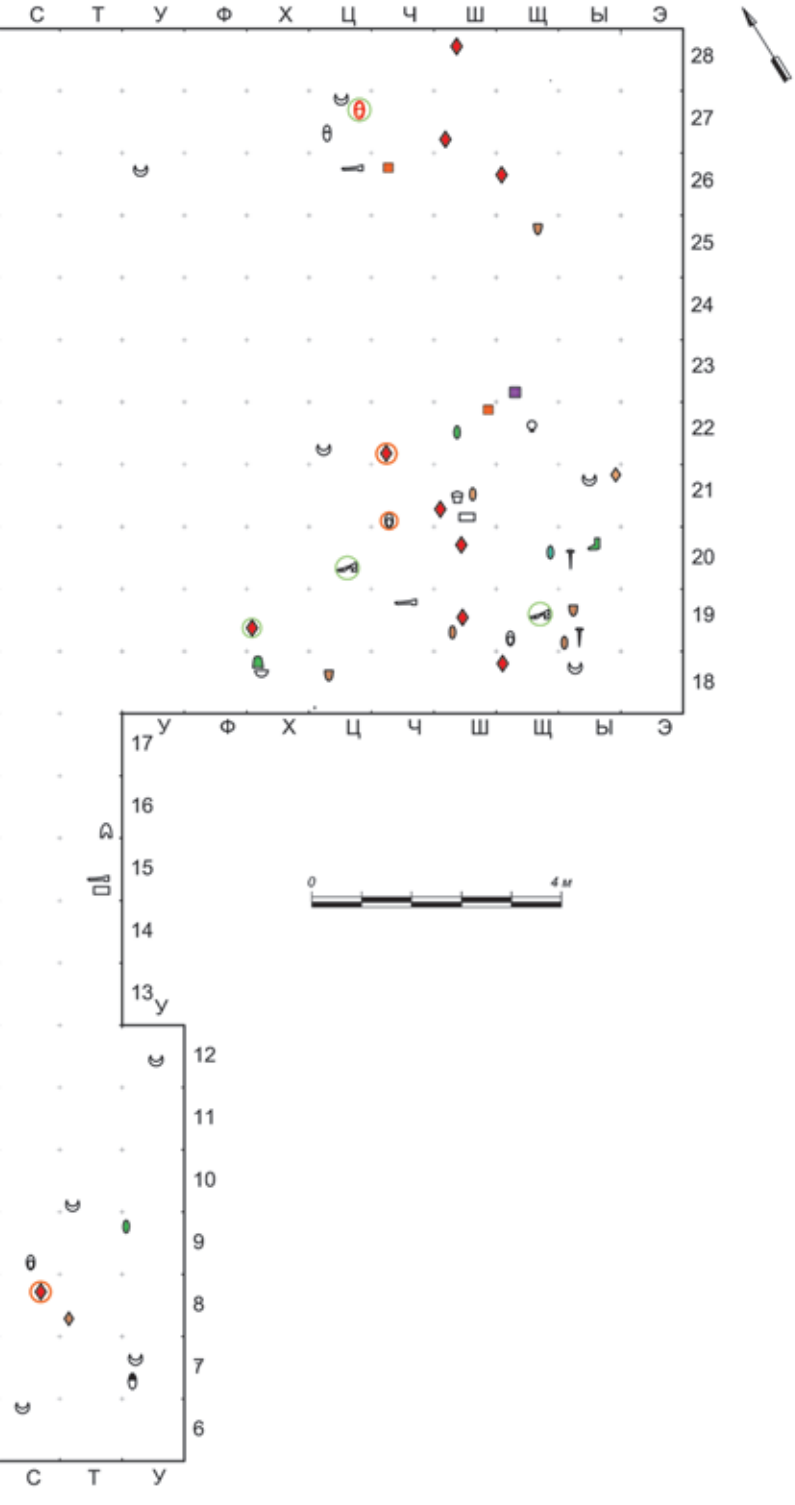
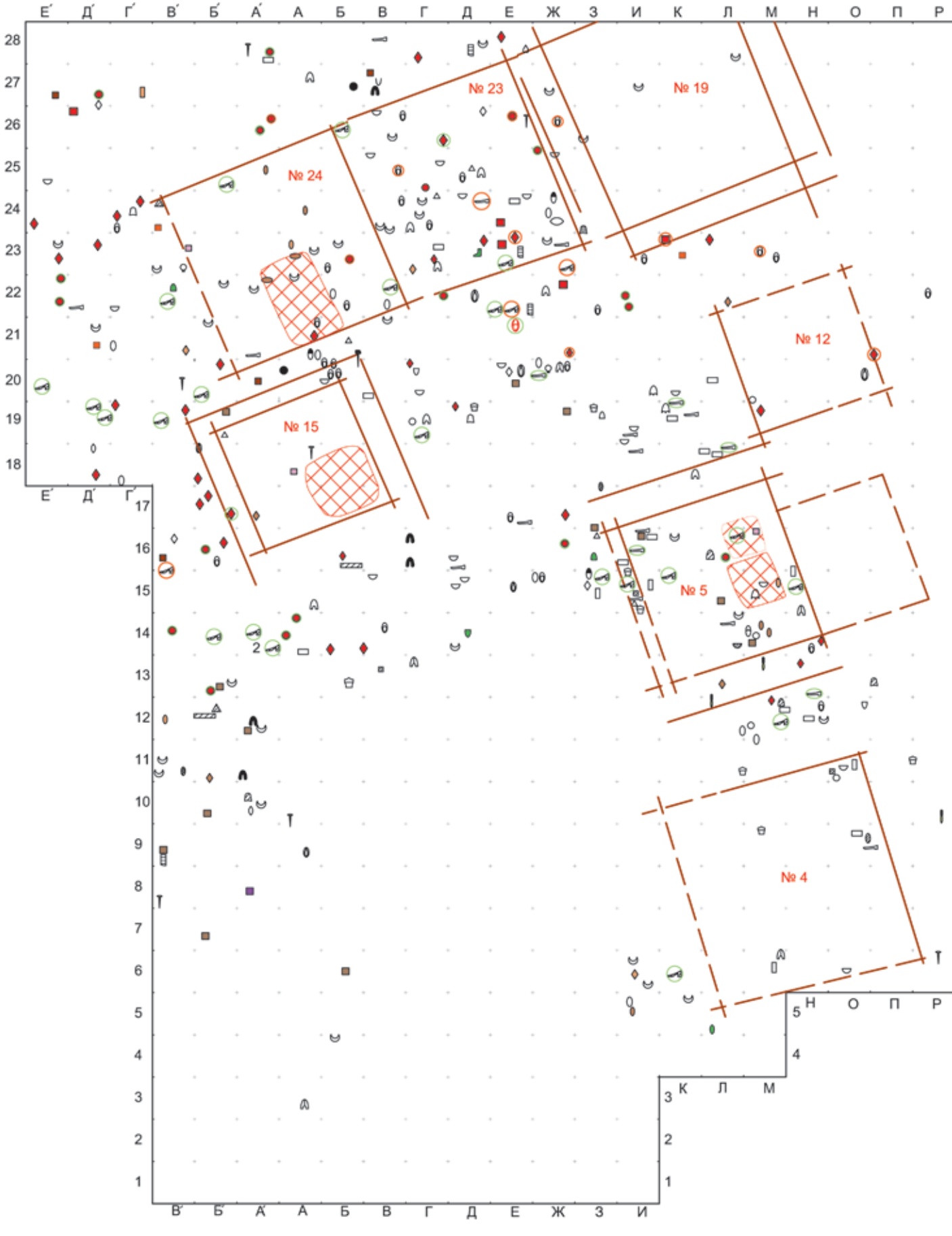


Рис. 100. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на третьем строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.


№ 23
№ 19
№ 24
№ 12
№ 15
№ 5
№ 4

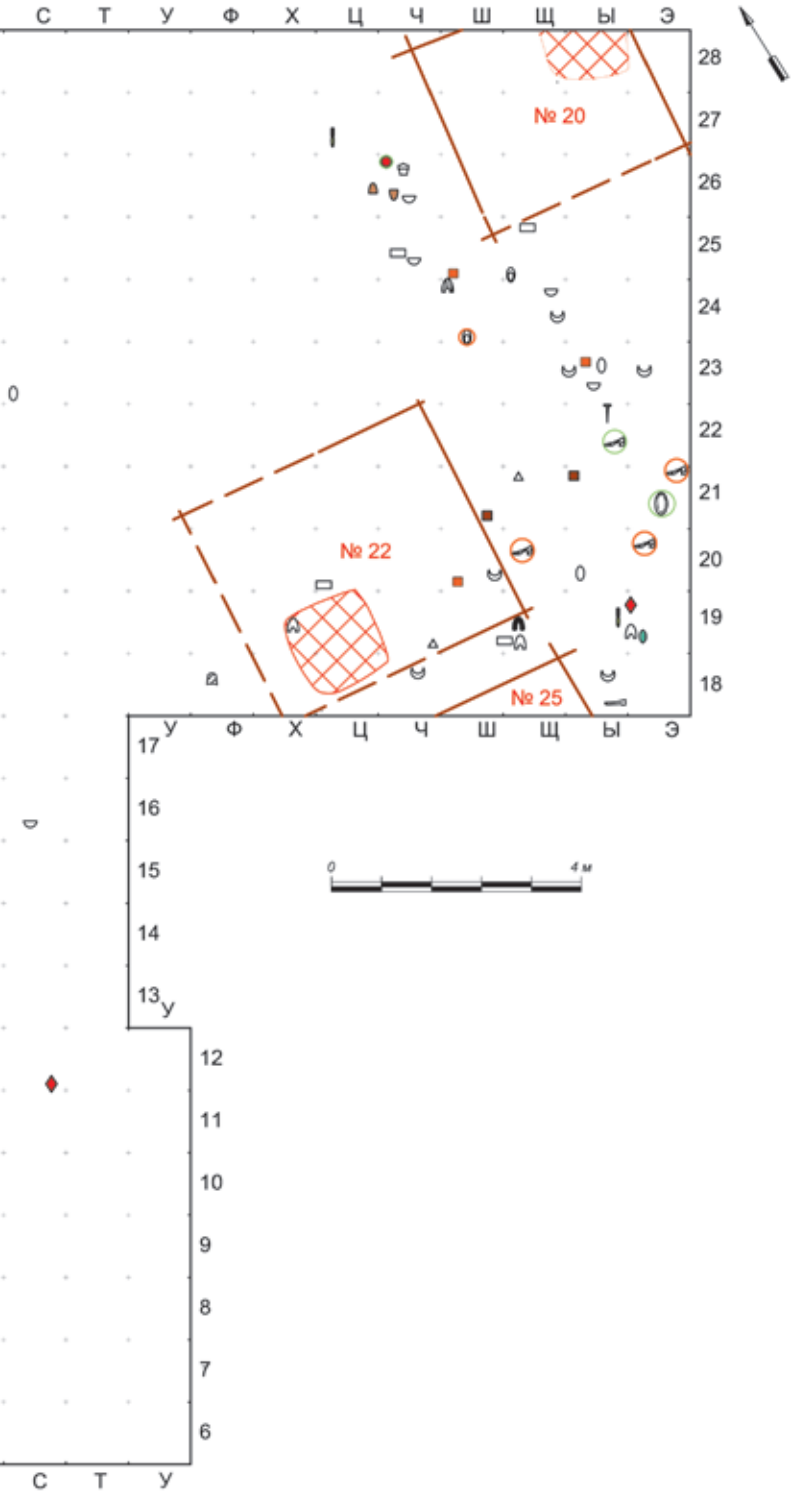
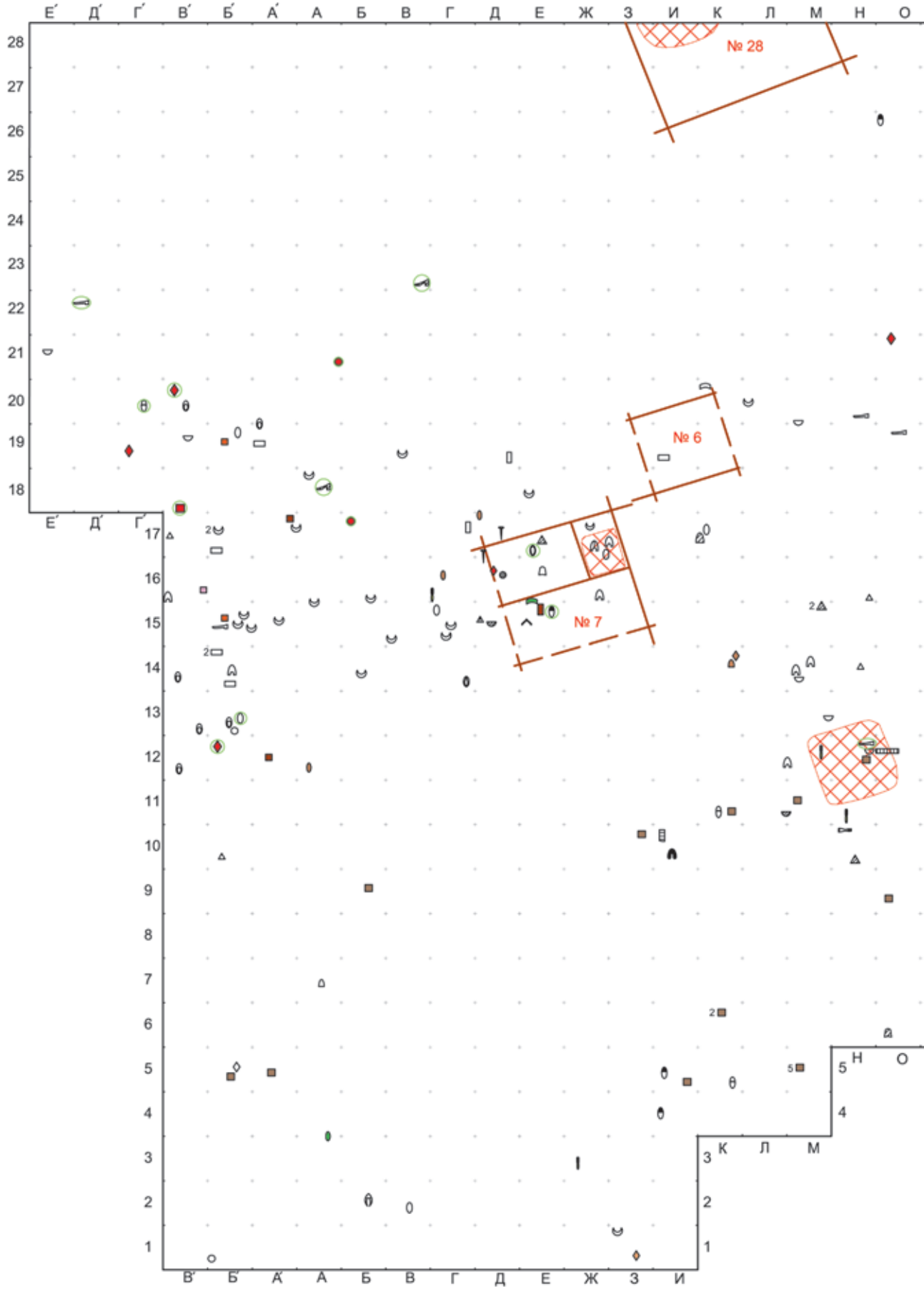


Рис. 101. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на четвертом строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.


№ 28
№ 6
№ 7

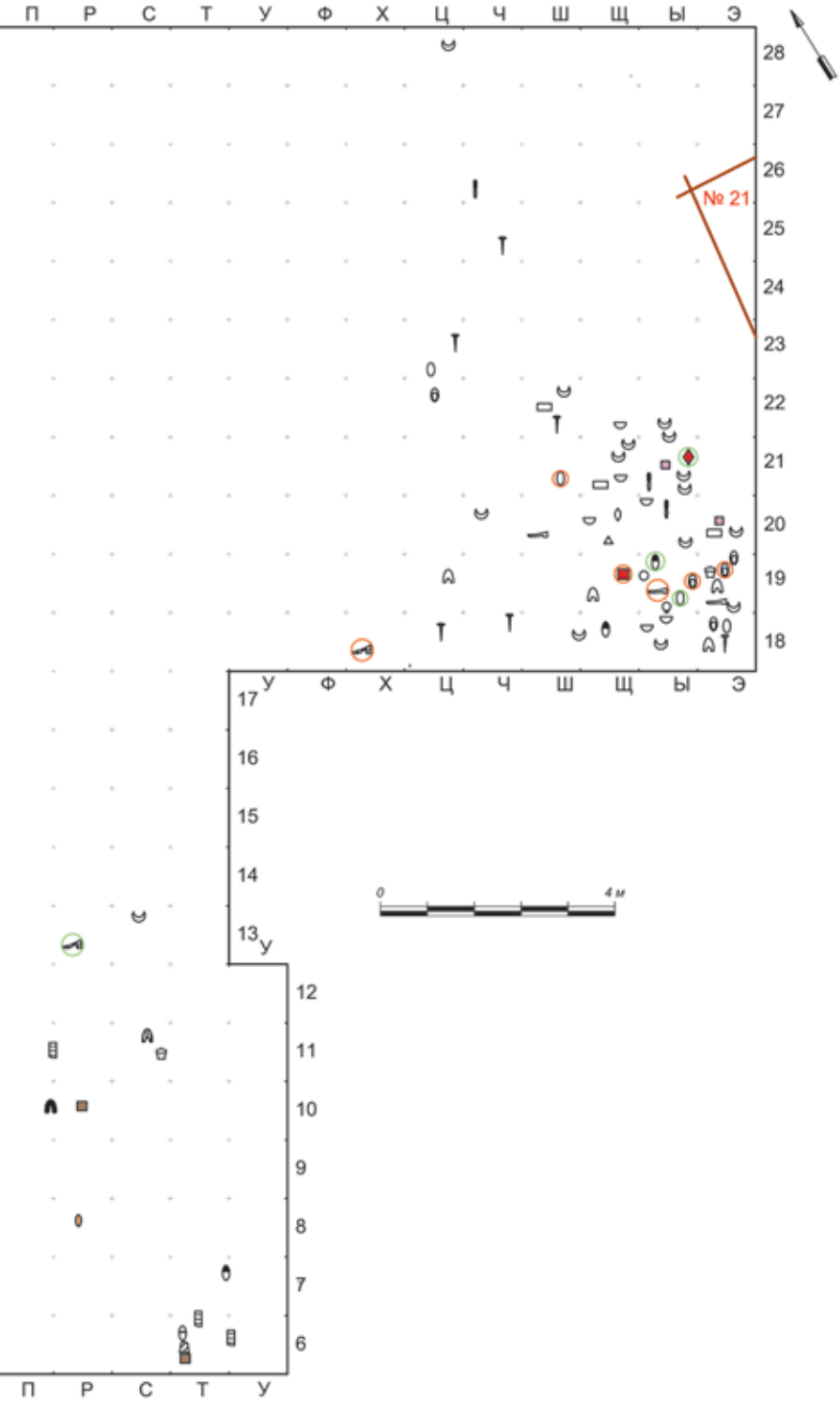


Рис. 102. Городище Мангазея. План распределения предметов, связанных с кожевенно-обувным производством, на пятом (верхнем) строительном ярусе. Раскоп 2001–2007 гг.

ВИЗГАЛОВ
Георгий Петрович

VIZGALOV
Georgy Petrovich

В 1983 г. окончил исторический факультет УрГУ им. А. М. Горького. Директор ООО «НПО «Северная археология – 1». В сфере научных интересов — история освоения Сибири Московским государством и Российской империей. В 2007 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье». Автор около 40 научных статей и соавтор 5 монографий. Наиболее значительные исследования — раскопки русских городов и острогов XVI–XVIII вв. на Крайнем Севере и изучение памятников арктического мореплавания.

In 1983 he graduated the A. M. Gorky Ural State University in history. He is currently a director "RPA "Northern Archaeology", Ltd. The area of expertise is history of land development of Siberia by Muscovy and the Russian Empire. In 2007 he defended a doctoral theses "Mangazeya: the first Russian town in the Siberian Arctic". His previous publications number about 40 scientific articles and 5 coauthored monographies. Among his researches the most significant are archaeological excavations of Russian towns and ostrogs (fortresses) of 16–18th cent. in the Extreme North and investigation of Arcric navigation sites.

ПАРХИМОВИЧ
Сергей Григорьевич

PARKHIMOVICH
Sergey Grigorievich

В 1978 г. окончил исторический факультет УрГУ им. А. М. Горького. Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология – 1». В сфере научных интересов — культура русского населения Западной Сибири конца XVI – XVII в., проблема освоения Северо-Западной Сибири народом коми в XII–XVII вв., индоиранский и иранский компоненты в культурах обских угров (II–I тыс. до н. э.). Автор около 80 научных статей и соавтор 4 монографий, посвященных археологии и истории западносибирского края.

In 1978 he graduated the A. M. Gorky Ural State University in history. He is currently a staff scientist of "RPA "Northern Archaeology", Ltd. The area of expertise includes culture of the Russian population in West Siberia of the late XVI – XVII cent., the matter of moving of the Komi people into North-West Siberia in XII–XVII cent. and Indo-Iranian and Iranian components of Ob-Ugrian culture (II–I millennium BC). He is an author of about 80 scientific articles and a coauthor of 4 monographic works, devoted to archaeology and history of the West-Siberian region.

КУРБАТОВ
Александр Валентинович

KURBATOV
Alexander Valentinovich

В 1986 г. окончил исторический факультет ЛГУ, специализируясь на кафедре археологии. С 1991 г. работает в ИИМК РАН, в секторе славяно-финской археологии. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию «Кожевенное ремесло в городах северо-запада России в XV–XVII вв.». Сфера интересов — русский средневековый город, ремесло, кожевенное производство. Проводил раскопки в городах: Ивангородская крепость и посад (1986–1993), Тверь (1992–2000), Владимир (2003–2006). Кроме того, вел самостоятельные работы и участвовал в раскопках Выборга, Кингиссепа, Торжка, Осташкова, Старой Ладоги. На сегодня вышло из печати 135 работ. Одна из наиболее значимых — монография «Кожевенное ремесло Твери в XIII – первой половине XV в.» (2004).

In 1986 he graduated the Saint-Petersburg State University in archaeology. Since 1991 he has been working in the Institute for the History of Material culture (RAS), in the department of Slavic and Finnish archaeology. In 1997 he defended a doctoral theses “Leatherworking in the towns of North-West Russia in XV–XVII cent”. The area of expertise includes matters of Russian medieval urban sites, crafts, leatherworking. He carried on excavations in following cities: Ivangorod fortress and Posad (1986–1993), Tver (1992–2000), Vladimir (2003–2006). Besides, he performed autonomous works and participated in diggings of Vyborg, Kingisepp, Torzhok, Ostashkov, Staraya Ladoga. His previous publications work out 135 numbers. One of the most sufficient is the monography “Leatherworking of Tver in the XIII – 1st half of the XV cent” (2004).

Научное издание

Георгий Петрович Визгалов
Сергей Георгиевич Пархимович
Александр Валентинович Курбатов

Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.)

Редактор-корректор *М. Л. Шарлай*
Верстка *С. Н. Наймушиной*
Дизайнер *М. Б. Горбунова*

Подписано в печать 06.09.2011. Формат 60×90⅛
Усл. печ. л. 25,11. Тираж 500 экз. Заказ № 2444

Издательство АМБ
620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59.
Тел.: (343) 251-65-91, 251-66-05.

Отпечатано в Типографии АМБ
620144, г. Екатеринбург, ул. Щорса, 7.